

84(2Рос=Рис)

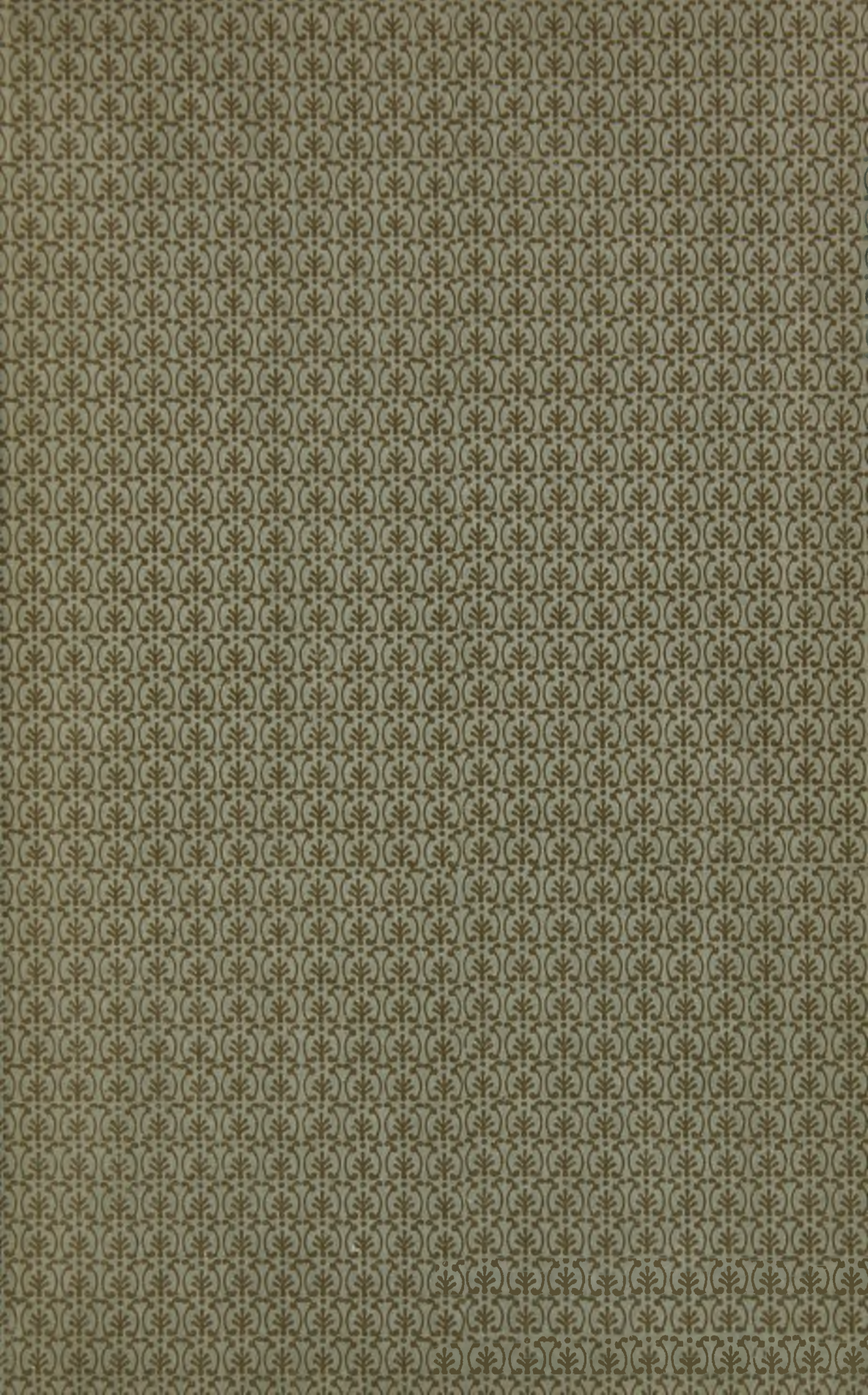
K D 24

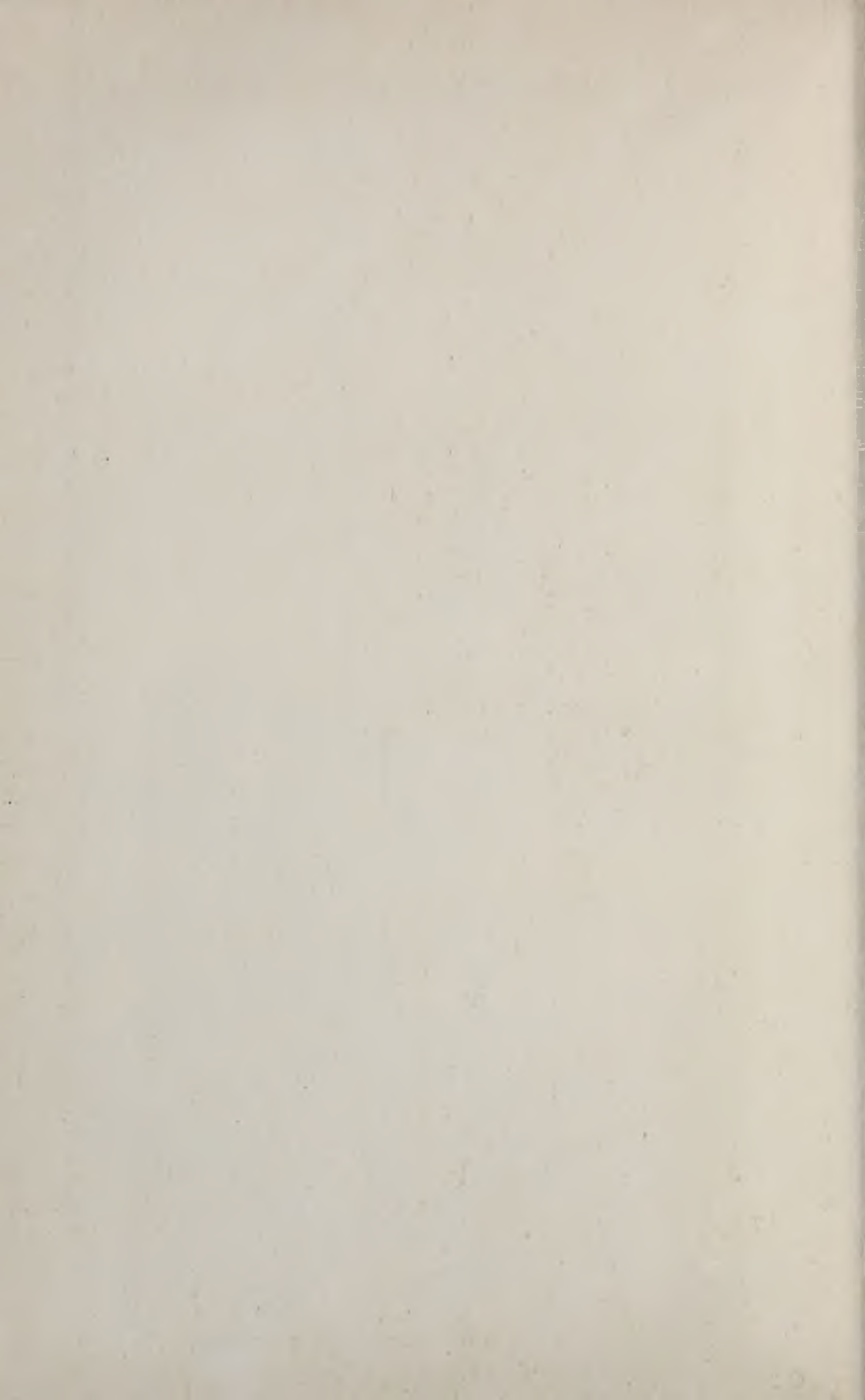
РЕПУБЛИКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКА

ВЕРИНИК
ДВОСТРАНО

~~МАШИНА~~
КОМИССАРА

НОВИНКИ • СОВРЕМЕННОСТИ

Владимир
Двоеглазов

КОМИССАРА

РОМАН

-21828-

МОСКВА
«СОВРЕМЕНИК»
1987

Ханты-Мансийская
окружная библиотека

84(2Рос=Рус)6-4

К ~~Р2~~
Д24

~~МД~~

Рецензент
А. ШАГАЛОВ

Д $\frac{4702010200-049}{M106(03)-87}$ 42-87

© Издательство «Современник», 1987.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Микрорайон, днем ревущий и грохочущий, в этот полночный час был глух и пустынен. И если высвечивались кое-где в заселенных домах одинокие окна, то они не только не меняли общей картины, но, напротив, как бы подчеркивали неуместность появления здесь полуночного прохожего.

«Прохожий!..» Нет, так он не мог теперь себя называть... Что-то случайное, необязательное слышалось в подобном обозначении идущего куда-то человека, а Редозубов был уверен, что всякое его присутствие где бы то ни было и когда бы то ни было — не случайно и обязательно. Это странное новое качество, которое он вдруг обнаружил в себе, явилось само, без какого-либо усилия с его стороны, и уж во всяком случае не было следствием самомнения или хотя бы самоуверенности. По ночной улице он старался передвигаться по возможности без шума, как бы боясь разбудить уставших за трудовой день людей.

Мертвую громаду роторного экскаватора он вначале не увидел, а как бы почувствовал. Железный холод, сковывавший плотную тьму вокруг безмолвной машины, достиг Редозубова, и в тот момент, когда он понял, что перед ним экскаватор, раздался отвратительный и особенно громкий в ночной тишине скрежет, гулкий удар захлопнувшейся металлической дверцы и вслед за тем — тяжелые, чавкающие по грязи и сразу же начавшие удаляться шаги. Недолго думая, Редозубов вскочил на гусеницу, рывком, с тем же ржавым скрежетом, распахнул дверцу (человек, покинувший кабину, выскочил, по-видимому, с другой стороны) и вздрогнул.

Из угла кабины, забившись с ногами на сиденье, в упор на Редозубова смотрела девушка. Луч фонаря слепил ее, но она не отворачивалась и не делала попытки закрыться рукой. Растерявшись, Редозубов сумел все же отметить, что девушка успела захлопнуть дверцу за тем, кто ушел в темноту, и теперь сидела, прикрывая спиной дверную ручку.

Редозубов скользнул лучом вниз, и девушка, торопливо зашуршав болоньевой тканью, попыталась натянуть полу

плаща на блестящие в капроне колени; затем вдруг произнесла спокойно и устало, лишь слегка дрогнувшим голосом:

— Господи. Даже здесь от вас покою нет.

— Что?.. — сказал Редозубов. Кого она подразумевала под словом в а с, он не понял, но голос девушки показался ему знакомым. — Что вы здесь делаете... в экскаваторе?..

Рассчитывая застать мальчишек, снимающих приборную доску или отвинчивающих пусковой движок, или — что еще хуже, так как могло привести к пожару, — балующихся с аккумуляторной батареей, Редозубов ощутил неловкость от своего вторжения. Чтобы собраться с мыслями и как-нибудь покончить с этой историей, Редозубов обвел лучом кабину и, найдя все, как и следовало ожидать, в удовлетворительном состоянии, если не считать крайней запущенности, грязи, мусора и даже консервных банок и захватанных мазутными пальцами стаканов на полке, выключил фонарик и в темноте повернулся к девушке. Было совершенно ясно, что и стаканы, и пустая бутылка из-под какого-то дешевого вина к девушке и к тому, кто только что ушел, никакого отношения не имели. Поскольку девушка молчала и, как видно, не собиралась отвечать на вопрос о том, что она делает в кабине экскаватора, он решил как можно вежливее откланяться, и если понадобится, то и проводить по ночному поселку, но она вновь сказала спокойно и устало, с тою же легкой дрожью в голосе:

— Господи. Ну что вам от меня нужно?..

— Мне... от вас?.. Ничего, — ответил Редозубов. — Но... вы плачете?

— Вот еще! Я уж давно забыла, как плачут!

И опять Редозубову показалось, что где-то он уже слышал этот голос.

— Закурить... есть? — отрывисто спросила девушка.

— Да, есть... — ответил Редозубов, торопливо извлекая пачку. — Только у меня «Беломор».

Она нащупала в темноте протянутую пачку, взяла папиросу; он чиркнул спичкой. Девушка глубоко, несколько раз подряд затянулась, стараясь как можно дольше задержать в легких дым. «Где же я ее видел?..»

— А-а... кто тут еще был? — осторожно спросил он.

— Не ваше дело! Не ваше дело, понятно?! — Она почти задыхалась — от табачного дыма, от ярости, и Редозубов понял, что не кричит она только потому, что боится, как бы

не услышал и не вернулся тот, кто был здесь с ней. — Что вам от меня нужно?!

— Вы где живете-то? — спросил Редозубов.

Девушка нервно рассмеялась, смяла и швырнула окурок в угол кабины, потом спросила:

— Ну что, все?

— Что... все?

— Я могу идти?

— Да, конечно... Вам в какую сторону?

— Вы что, издеваетесь? — сказала девушка. — Сами не знаете, да?

— Я? — удивился Редозубов.

— Ну, я пошла, — сказала девушка. — Или нельзя? — Редозубов окончательно растерялся, не зная — как отвечать. — Пошла, — повторила она, не предпринимая, однако, и малейшей попытки двинуться с места. — До свидания! — добавила она с вызовом.

— Всего хорошего, — пробормотал Редозубов.

Девушка вновь нервно рассмеялась, затем энергично налегла на дверцу, которая отошла с тем же гулким скрежетом, и, сбросив ноги с сиденья, выскользнула из кабины.

Редозубов достал папиросу, закурил, прислушался к удалявшимся, чавкающим шагам и, взглянув на светящиеся стрелки, обнаружил, что уже половина второго. Он выбрался на гусеницу с той стороны, где вышла девушка, и, включив фонарик, спрыгнул в грязь.

Думая об этой девушке, он поднялся по склону лога до автобусной остановки Просека, перешел улицу и, держась бетонки, миновал еще три квартала выстроенных ровными рядами двухэтажных домов. Через несколько минут он был уже перед длинным, обшитым серым шифером двенадцатиквартирным зданием; стараясь не скрипнуть дверью, вошел в подъезд, едва освещенный маломощной лампочкой. На верхней площадке света вообще не было. Осторожно переставляя ноги в тяжелых броднях, поднялся на второй этаж и, шагнув к двери, заглянул в замочную скважину. В прихожей горел свет. Редозубов выпрямился и трижды коротко стукнул в филенку. Сразу послышались легкие шаги. «Кто?» — подумал он. Между дверью и Редозубовым было не более десяти сантиметров, слышен был каждый шорох, и он понял, что в прихожей тоже остановились и прислушались. Он поднял руку и стукнул еще раз.

— Кто там?

— Открывайте, — негромко произнес Редозубов. — Уголовный розыск.

— Ну слава богу, — сказала мама, щелкая замком. — Наконец-то явился!

И тут он вспомнил, где видел эту девушку.

2

— Здравствуйте, товарищи, — раздался густой, сотрясающий мембрану селекторной установки так, что она жалобно верещала в конце каждого слова, голос начальника райотдела капитана Волохина. — Начинаем оперативное совещание. Начальники служб, доложите о наличии личного состава.

Шабалин высоко вскинул руку, высвобождая ее из рукава плотно сидящего в плечах мундира, прижал указательным пальцем кнопку и, неторопливо обводя взглядом пустые стулья, доложил:

— Лейтенант Шабалин. В уголовном розыске: Комаров, Пицуха — на сессии, Алибаев, Лыткин — в отпуске, Мирюгин, Федорец, Омельченко — в командировке, Косинцев в конвое, Седых дежурит, Костик на происшествии, Савина болеет, остальные на месте.

Он отпустил кнопку селектора, откинулся на спинку стула, сжал пальцы в кулак и, слегка постукивая им на вытянутой руке по столу (этот жест он перенял от бывшего начальника ОУР¹ Собко, ушедшего полгода назад на пенсию), посмотрел на одиноко сидящего в углу у окна стажера уголовного розыска Редозубова, который и представлял собой «остальных».

С тех пор, как участковых перевели в уголовный розыск, в отделении (вместе с инспектором детской комнаты² Савиной) числилось двенадцать человек, вернее, теперь уже, считая Редозубова, тринадцать — чертова дюжина, однако одновременно прибавилось столько дел и требований (в основном по линии профилактики), что увеличения штата как бы не ощущалось. К тому же сотрудников постоянно дергали для исполнения не прямых обязанностей.

«Дожились! — подумал Шабалин. — Участковых стали в конвой отправлять!»

¹ ОУР — отделение (отдел) уголовного розыска. Здесь: отделение.

² В феврале 1978 года детские комнаты милиции преобразованы в инспекции по делам несовершеннолетних с более широкими полномочиями. Действие первой части романа происходит двумя годами раньше.

Он неприязненно взглянул на угол стола, где лежал ворох неисполненных заявлений, запросов, требований, розыскных заданий и отдельных поручений, затем придвинул к себе высокую стопу прекращенных дел административного надзора и стал не спеша перебирать бумажные папки.

Доклад начальников служб между тем закончился, и из динамика шел монотонный голос дежурного:

— За истекшие сутки... по району зарегистрировано... происшествий... Помещалось в медицинский вытрезвитель... В КПЗ¹ содержится... из них осужденных... следственных... задержанных в порядке статьи сто двадцать второй...

Шабалин извлек из стопы одно дело, повернулся к селектору, убавил регулятором громкость и, жестом подозвав Редозубова, спросил, указывая на фотографию, наклеенную на обложке:

— Эта?

— Да, — сразу ответил Редозубов.

— Уверен?

— Да.

— На, глянь, — сказал Шабалин, отдавая папку и отодвигая на край стола всю стопу.

Дежурный тем временем продолжал докладывать:

— На лесовозной дороге... 38-й километр... опрокинулся автомобиль КраЗ-255Л с роспуском ТМЗ-803... груженный хлыстами... Водитель... 1950 года рождения... доставлен в хирургическое отделение... Обстоятельства... выясняются...

Редозубов вскинул голову.

— Знакомый? — спросил Шабалин. Стажер кивнул и вздохнул. — Ну смотри, смотри... Можешь не слушать, — махнул на селектор. — Сегодня с БХСС будут стружку снимать... Нас не касается. Нам в среду докладывать. — И в подтверждение своих слов убавил еще громкость. — Нам в сре-е-ду... — пропел он, зевая.

Редозубов вернулся на свое место у окна и раскрыл бумажную папку. К первому же листу — постановлению «об установлении административного надзора» — была прикреплена скрепкой еще одна фотография, побольше (шесть на девять), и Редозубов внимательно рассмотрел ее. Это была фотография девушки лет двадцати — двадцати двух (впрочем, на следующем листе дела, в «Сведениях о поднадзорном», точно указывался год рождения), в строгом темном платье с узким кружевным воротничком, плотно охваты-

¹ В 1977 году КПЗ (камера предварительного заключения) преобразованы в ИВС (изоляторы временного содержания).

вающим шею. Этот скромный наряд делал ее похожей на школьницу старших классов. Во всяком случае, ни ее платье, ни короткая элегантная прическа, ни весь ее привлекательный и немного даже таинственный облик никак не вязались с теми сведениями о ней (две судимости за кражи и третья — за недонесение), которые имелись в деле и которые с безразличной безжалостностью объясняли даже ее пристрастие к глухой одежде. Еще более поразила Редозубова кличка, вписанная аккуратным почерком инспектора профилактики между заранее проставленными типографским способом кавычками: «Лепесток». Эта кличка, в общем-то безыскусная, образованная просто от фамилии, но удивительно подходившая ей, была выколота, как указывалось в графе «Особые приметы», «...на боковой поверхности четвертого пальца левой руки со стороны третьего межпальцевого промежутка», далее делалась оговорка, что «при сжатых пальцах татуировка не видна».

Следующим подшитым в дело листом было годичной давности письмо начальника ИТУ¹ председателю райисполкома (вернее, в деле была копия начальнику РОВД)². Редозубов бегло просмотрел его: «...по отбытии срока наказания... подлежит освобождению... Лепесткова Лидия Степановна... осужденная по ст. 190 УК...³ До ареста проживала в вашем поселке по улице Безноскова, 49... В период отбывания... работала швейей-мотористкой, контролером ОТК... имеет квалификацию мастера по пошиву дамского платья... Мероприятия политико-воспитательного характера посещает и правильно на них реагирует... После освобождения... изъявляет желание выехать на прежнее место жительства... Прошу решить вопрос о трудовом и бытовом устройстве... и о принятом решении уведомить... Начальник учреждения... майор Андросенко».

Далее была подшита копия ответа, который чрезвычайно удивил Редозубова:

«На Ваш запрос... сообщаю... небольшая швейная мастерская... мест трудоустройства нет и не предвидится... исключительные сложности с жильем... Решить вопрос о трудовом и бытовом устройстве Лепестковой Л. С. не можем... Начальник РОВД Ахматшин, исп. Шабалин».

¹ ИТУ — исправительно-трудовое учреждение (колония).

² РОВД — районный отдел внутренних дел.

³ Статья 190 Уголовного кодекса РСФСР предусматривает уголовную ответственность за недонесение об известных готовящихся или совершенных преступлениях.

Редозубов еще раз взглянул на дату ответа. Да, именно в то время в поселке открылась новая, значительно расширенная пошивочная мастерская КБО, занявшая здание, в котором раньше помещался весь комбинат, и в местной газете изо дня в день в течение полутора месяцев публиковалось объявление: требуются мастера, закройщики, ученики... одиноким предоставляется общежитие...

Бывшего начальника РОВД Ахматшина Редозубов не знал, но исполнивший в свое время запрос Шабалин сидел в трех шагах, и у него можно было узнать причину столь странного ответа, однако тому было сейчас не до разъяснений. Прибавив опять громкости и склонившись к селектору, Шабалин с любопытством прислушивался к сбивчивым оправданиям старшего инспектора ОБХСС¹ Титова.

— Что? — спросил Шабалин, заметив устремленный на него взгляд стажера. — За следствие зацепились, — объяснил он свой интерес к селектору. — Сейчас им тоже дадут копоты... Что ты хотел?

— Да нет, потом... Я тут смотрю...

— Ну-ну, смотри, — одобрил Шабалин. — Позже потолкуем на данную тему.

Редозубов кивнул и вновь углубился в папку. Перелистав с десятков стандартных рапортов участкового, в которых однообразно сообщалось, что «поднадзорная нарушений установленных ограничений не допускает... в быту ведет себя правильно... квартирной хозяйкой и соседями характеризуется положительно...», он остановился на характеристике с места работы: «план по пошиву платья по индивидуальным заказам постоянно перевыполняет... за истекший месяц выполнение составило 102,5%... Жалоб и рекламаций от клиентов не поступало... Воспитательную работу со стороны закрепленного за ней шефа Маркеловой А. Н. воспринимает и делает правильные выводы... с товарищами по работе взаимоотношения нормальные... политинформации посещает...»

И — последний лист — постановление о прекращении дела административного надзора: «Ввиду того, что поднадзорная Лепесткова Л. С. нарушений не допускала... на производстве и в быту характеризуется положительно... и в связи с истечением срока адмнадзора... дело... прекратить и сдать в архив...»

Редозубов захлопнул папку и, положив ее рядом с со-

¹ ОБХСС — отделение борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией.

бой на пустой стул, посмотрел на Шабалина. Может быть, все эти рапорты, сообщения, характеристики и писались формально, одними и теми же словами, из них все же можно было понять, что особых хлопот поднадзорная не доставляла. Почему же Шабалин не хотел, чтобы она приехала сюда после освобождения? И можно ли вообще посылать ответы, не соответствующие действительности? Если даже и были какие-то неведомые Редозубову оперативные сообщения, то все равно: можно ли?..

— Что? — вновь спросил Шабалин, заметив взгляд Редозубова.

— Мне кажется, она... — нерешительно начал стажер. — Ну, как бы это сказать... Она...

— Ангел! — с сарказмом подсказал Шабалин. — Да она и не таких, как мы, вокруг пальца обводила.

— Нет, не ангел, конечно, но...

— Стоп, — быстро проговорил Шабалин, склоняясь к лектору и прибавляя еще громкости. — Кажется, за нас зацепились...

Он не ошибся.

— Александр Николаевич! — тут же загрохотал, заполняя небольшой кабинет, голос начальника райотдела. — Как получилось, что квартирную кражу по улице Карла Маркса отдали целиком на откуп товарищу Редозубову? Редозубов составляет протокол осмотра, не зная еще, как это делается, Редозубов допрашивает свидетелей и потерпевших, Редозубов выносит постановление о производстве дактилоскопической экспертизы — все Редозубов! Я ничего не имею против товарища Редозубова, но разве можно неопытного, даже еще не аттестованного сотрудника, не прошедшего первоначальной подготовки, оставлять один на один с таким делом? И вообще, почему уголовный розыск выполняет работу следователей?¹ Слушаю вас, товарищ Шабалин.

Шабалин прижал кнопку селектора и твердо, без малейшей запинки ответил:

— Товарищ капитан, почему мы выполняем работу следователей, об этом лучше спросить у них. Редозубов ездил на кражу один. Дежурного следователя не оказалось. Почему — не знаю. — Он помолчал. — Что касается самой этой кражи, то она раскрыта.

¹ С сентября 1978 года следователям органов внутренних дел предоставлено право производства предварительного следствия по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Ранее подобные дела разрешалось вести исключительно следователям прокуратуры.

— Когда?

— Вчера вечером. «Телефункен» у меня в кабинете.

— Преступники задержаны?

— Нет... Несовершеннолетние. Передадим дело в прокуратуру, пусть они решают. Мы вчера взяли с них объяснения и отпустили.

Волохин помолчал, затем спросил:

— Кто раскрыл?

Шабалин ждал этого вопроса. С силой прижав кнопку, он с явным удовольствием, но в то же время как бы небрежно ответил:

— Редозубов.

Установилось молчание. Редозубов подался вперед со стула, но Шабалин резко выбросил руку: «Сиди!», — затем с вызовом уставился на слегка потрескивающую коробку селекторной установки. Начальник отдела молчал.

— Вот так! — удовлетворенно сказал Шабалин и откинулся на спинку стула. — А ты, — взглянул на Редозубова, — не имей моды вступать, когда старшие разговаривают!

Из динамика вдруг раздался спокойный голос замполита:

— Капитан Проводников. Разрешите, Владимир Афанасьевич?

Шабалин насторожился.

— Да, пожалуйста, Валерий Романович, — прогрохотал голос начальника.

— Товарищ Шабалин, — сказал замполит. — Вы, конечно, эффектно сейчас выступили, но ушли от вопроса, который был вам задан. Вас спросили: почему молодой сотрудник предоставлен самому себе. Почему с ним не занимается его наставник — товарищ Костик? Впрочем, это в порядке замечания. Я прошу вас, Александр Николаевич, зайти ко мне после оперативного совещания. У меня все, товарищ капитан.

— Товарищ Редозубов, — прогрохотал начальник райотдела. — Рад поздравить вас с первым успехом. Благодарю за службу. На этом оперативное совещание заканчиваю. Всем желаю хорошего трудового дня.

3

Уклониться от разговора с замполитом — по крайней мере, сегодня, сейчас — Шабалин вполне мог. Однако он и сам не хотел откладывать, понимал, что рано или поздно

разговор все равно состоится, и, более того, чувствовал, что именно сегодня, сейчас, как никогда, готов к нему. Шабалин ощущал свою правоту даже в том, что теперь, когда необходимо заняться очень важным, не терпящим отлагательства делом, он вынужден идти объясняться по поводу неизвестно чего, и это как бы заранее, с самого начала, ставило его в выгодную позицию по отношению к замполиту.

Но прежде чем идти, Шабалин снял трубку и набрал номер.

— Сейчас поедешь, — бросил он Редозубову, прислушиваясь к длинным гудкам. — Липатий Львович, ты?.. Приветствую. Шабалин. Как здоровьишко?.. Да так оно, так, — решительно перебил собеседника на полуслове. — Как говорится, старость не радость, молодость не жизнь. Слушай, Лепесткова сейчас на работе?.. Да нет, пока ничего... Что?.. — Он нетерпеливо, постукивая кулаком по столу, слушал некоторое время. — Ну, и ты ее подозреваешь, что ли?.. Ладно, мы тут разберемся. Мой инспектор за ней заскочит. Ей пока ни слова, понял?.. Ну все, бывай здоров.

Шабалин обладал поразительной способностью быть на «ты» почти со всеми, кто проживал в девяти леспромхозовских поселках, обслуживаемых райотделом. Во всяком случае, за те полтора месяца, что Редозубов прослужил в милиции, он твердо уяснил, что при нем Шабалин обращался на «вы» только к прокурору, к начальнику райотдела и к замполиту. Была, правда, еще переходная прослойка людей, с которыми Шабалин, в зависимости от обстоятельств, разговаривал то на «вы», то на «ты», более склоняясь, однако, к последнему варианту.

Липатия Львовича Ветцеля, заведующего пошивочной мастерской КБО, с которым Шабалин только что разговаривал по телефону, знал весь район, и не столько за его золотые руки, ибо он давно уже, за редкими исключениями, никому не шил, сколько за его ставшую притчей во языцех, доходящую, по мнению многих, до абсурда вежливость. Ветцель (и Редозубов был тому свидетелем) говорил «вы» не только юным ученицам своей мастерской, но и пяти-семилетним мальчикам и девочкам, которых приводили заказчики-родители. Кажется, в лексиконе этого человека вообще не было слова «ты». Соответственно, трудно было предположить, чтобы нашелся в районе человек, который решился бы сказать «ты» этому благообразному, всегда аккуратно одетому седому старику, которого раз

пять уже провожали на пенсию и столько же раз просили вернуться обратно... Положив трубку, Шабалин с минуту, как бы впервые, разглядывал висевшую на стене напротив его стола контрольную карту, пестрящую множеством разноцветных пластиковых прямоугольничков на магнитных присосках, затем, коротко вздохнув, посмотрел на стажера. Тот встал, ожидая указаний. Но в это время открылась дверь, и в кабинет вошли двое.

— Ага! — сказал Шабалин. — Как раз кстати! Сядь пока, — предложил Редозубову. — А то бьемся тут вдвоем, как рыба об лед!

Один из вошедших, невысокий, крепко сбитый молодой человек, с пышущими румянцем щеками, в новенькой, отглаженной, топорщившейся еще на нем форме, грохнув сапогами, шагнул к столу и, вскинув руку к козырьку и четко приставив ногу, доложил:

— Товарищ лейтенант! Участковый инспектор младший лейтенант Федорец прибыл из командировки! Задание...

— Здорово! — перебил Шабалин, вставая из-за стола и протягивая участковому руку. — Все нормально?

— Так точно! Разрешите доложить...

— Потом, потом доложишь, — сказал Шабалин. — Ну, что там? — тут же обратился к другому вошедшему, тоже невысокому, но, в отличие от первого, худощавому, даже щуплому старшему лейтенанту по фамилии Костик. — Кража?

— Да нет, — ответил тот. — Ничего там и не было, на том складе... ящики пустые... Мальчишки, видать, доску выломали.

— Чей склад?

— Да не склад, сарай просто... ремстройуправления. Огурков гора внутри. Ясно, что пацаны. Надо пожарной охране сказать, пусть уберут, что ли, этот сарай, раз им никто не пользуется. Загорится еще.

— Можно и пожарной охране, — согласился Шабалин. — Но надо и самим там поработать. Неблагополучно в том кутке. Там, по-видимому, группа создалась. Пока шалят, а дождемся краж! Это Косинцева зона?

— Его. Надо детской комнате заняться.

— На детскую комнату надейся, — сказал Шабалин, — а сам не плошай! Косинцев из конвоя вернется, пусть работает... Так. — Шабалин помолчал, обвел взглядом присутствующих и, обращаясь к участковому, приказал:

— Ты вот что, поднимись к Але, там у тебя заявлений

скопилось, разберись. По командировке после обеда отчитаешься, мне сейчас некогда. Ясно?

— Так точно. Разрешите идти?

— Давай.

Младший лейтенант вышел.

— Хороший парень, — сказал Костик.

— Да, неплохой, — безразлично подтвердил Шабалин. — Ну, а ты, Николай Михайлович, сходи-ка сейчас к бабке, потолкуй.

Костик вздохнул, взял со стула дело, которое положил туда Редозубов, раскрыл, внимательно всмотрелся в фотографию и, как бы рассуждая сам с собою, ни к кому не адресуясь, произнес:

— А стоит ли?

— Стоит, — убежденно сказал Шабалин. — Я бы сам к ней ходил, — подчеркнул он важность мероприятия, — но мне сейчас к замполиту. Вызывал. — Он помолчал, ожидая, что Костик поинтересуется причиной вызова. Но Костик ничего не спросил. — А с бабкой потолковать надо.

Никого другого из подчиненных Шабалин не стал бы просить, чтобы тот куда-то ходил и что-то сделал, и уж тем более никому другому не стал бы объяснять, почему он сам не может туда ходить. Но со старшим инспектором уголовного розыска Костиком у Шабалина были свои, особые отношения. Даже и не потому, что Костик старше по возрасту, по стажу службы, по званию (ему вот-вот должны были присвоить капитана). С этим Шабалин не особенно считался. Все было гораздо сложнее.

Когда полгода назад начальник ОУР майор Собко уходил на пенсию, никто в отделе не сомневался, что на его место назначат Костика. В крайнем случае, полагали некоторые, пришлют начальника со стороны. Шабалина же, бывшего в то время даже и не старшим, а просто инспектором, никто в расчет не брал. Однако произошло следующее. В то время, когда Собко сдавал дела, Костик сдавал государственные экзамены в Омской школе милиции. Дела временно принял Шабалин. В отсутствие Костика, исполняя обязанности начальника отделения, Шабалин раскрыл как-то сразу ряд серьезных преступлений, причем три из них «висели» с прошлого года, а одно — убийство — вообще было пятилетней давности. Что еще более важно — все это отнюдь не выглядело случайностью: и до этого Шабалин два последних года выдавал стопроцентную раскрываемость на обслуживаемой территории.

Но было другое немаловажное обстоятельство: по убийству, раскрытому Шабалиным, ранее работал Костик. И уже мало кого интересовал тот факт, что раскрытие, в сущности, подготовил именно он, что лишь задержка с исполнением одного поручения помешала Костику довести дело. Да если б кто-то и обратил внимание на этот факт, он все равно потонул бы в массе других, не вызывавших сомнения, примеров бурной и, главное, результативной деятельности Шабалина.

Таким образом, по приезде Костика с дипломом об окончании высшей школы перед руководством отдела встала альтернатива: либо оставить начальником ОУР уже показавшего себя (за короткий срок!) в новой должности Шабалина, либо назначить предположительно намечавшегося на эту должность Костика. Выбор осложнялся тем, что голоса двух заместителей резко разделились: зам. по оперативной работе капитан Чиладзе со всей кавказской горячностью ратовал за Шабалина; замполит столь же решительно был настроен в пользу Костика.

Что же касается начальника райотдела капитана Волохина, то он, будучи новым человеком в РОВД, решил не торопить события. Распорядившись пока оставить все как было, он в то же время не спешил с представлением в УВД об утверждении Шабалина в новой должности. Шабалин оставался исполняющим обязанности начальника ОУР, а Костик — по-прежнему старшим инспектором. Принять такое решение Волохину было тем легче, что не был еще окончательно согласован вопрос о том, не пригласить ли вообще на эту должность «человека со стороны». По опыту Волохин знал, что порой именно такой вариант является наилучшим разрешением проблемы.

Волохин не ошибся. Ожидаемого некоторыми (в частности, Чиладзе) межвластия в отделении уголовного розыска не произошло. Шабалин твердой рукой держал бразды правления. Воли и самообладания ему было не занимать. Костик же продолжал проявлять себя в должности старшего инспектора с лучшей стороны. Однако, несмотря на то, что Волохин не торопил события, бесконечно такое продолжаться не могло. Все понимали, что рано или поздно утверждение начальника ОУР состоится. В силу этих обстоятельств и сложились особые отношения между исполняющим обязанности начальника ОУР Шабалиным и старшим инспектором уголовного розыска Костиком.

— Ну что же, — после некоторого раздумья сказал Ко-

стик и положил обратно на стул дело адмнадзора, — надо так надо... Только... может, начальству вначале доложим?

— О чем доложим? — спросил Шабалин. — Надо проверить, а потом докладывать. Докладывать никогда не поздно.

Костик пожал плечами и молча вышел.

4

С той минуты, когда Шабалин заявил во всеуслышание, на весь отдел, что квартирную кражу по улице Карла Маркса раскрыл стажер уголовного розыска, Редозубов не покидало чувство неловкости. И сейчас, сидя рядом с шофером в желтом милицейском «газике», Редозубов невольно возвращался мыслями к этой краже, стараясь понять и объективно оценить свой вклад в раскрытие этого преступления.

В тот день Редозубов (опять же впервые) был назначен дежурным инспектором ОУР в составе оперативной группы, однако, как это случается в сравнительно небольших отделах, «группы» как таковой не существовало: вписанный в Книгу нарядов следователь Андреев находился в соседнем, леспромхозовском поселке, работая по одному из своих дел, по которому, как выражаются следователи, «горели сроки»; единственный эксперт-криминалист Шлыков лежал дома после операции; обслуживавший эту улицу младший лейтенант Мирюгин изучал современные проблемы профилактики на окружном совещании участковых инспекторов; Люшков со своим Джульбарсом выступал в области на каких-то собачьих соревнованиях.

Таким образом, когда около семи вечера поступило сообщение о краже, на происшествие смогли выехать лишь Редозубов и задержавшийся в отделе заместитель начальника по оперативной работе капитан Чиладзе.

Восьмиквартирный деревянный двухэтажный дом, к которому они подъехали на дежурной машине, стоял за железнодорожным переездом, последним в ряду таких же домов, почти вплотную примыкая к лесу. Именно со стороны леса, очевидно, еще днем, когда все жильцы (в большинстве своем летчики и работники наземных служб аэропорта) были на службе, преступник (или преступники) выставил стекло и проник в двухкомнатную квартиру на первом этаже.

Потерпевшие — далеко не старый, но начинающий уже

полнеть и лысеть вертолетчик, сдержанно и толково отвечавший на вопросы, и его жена, выглядевшая значительно старше своих тридцати пяти из-за чрезмерной косметики, видимо, искренне желали помочь милиции, но сказать самого главного: что же пропало, кроме немецкого магнитофона фирмы «Телефункен», не могли.

Понять их было нетрудно: в квартире царил такой разгром, что нечего было и пытаться немедленно перечислить все, что исчезло. Впрочем, как вскоре выяснилось, преступники к погрому никакого отношения не имели. Сдержанный вертолетчик вскользь заметил, что подобное состояние жилья для него не является чем-то необычным, так что, если бы не выставленное стекло и не пропажа стоявшего на видном месте «Телефункена», он бы вообще не догадался, что в квартире кто-то побывал.

Его жена, категорически возражавшая против такой оценки ее хозяйских способностей, в спешке заявила, что пропали ее водительские права и ключи от «Волги».

Однако то и другое вскоре нашлось на одном из вращающихся кресел под грудой смятого белья.

— Может, у Игоря что-нибудь?.. — нерешительно произнес сдержанный вертолетчик, кивнув на дверь в комнату сына, который, как не без гордости пояснила жена, отдыхал в Артеке.

Редозубов шагнул в дверь и, пораженный, остановился. Вся комната была завалена книгами, моделями самолетов и вертолетов всех систем, частью еще недостроенных, различными режущими, сверлящими, паяющими инструментами, радиодеталями, трансформаторами, лампами, катушками, — и огромным количеством разбросанных поверх всего этого долгоиграющих дисков.

— У Игоря всегда так! — безнадежно сказала жена вертолетчика, окончательно отчаявшись найти хотя бы еще одну вещь, ставшую добычей воров.

— А-а... где проигрыватель? — спросил Редозубов и оглянулся на Чиладзе. Тот одобритительно кивнул: вопрос правильный.

Вертолетчик, деловито насупившись, прошел в комнату сына, окинул ее взглядом, приподнял край ковра в дальнем углу, под которым что-то лежало (там оказался ящик со слесарными инструментами), заглянул под стол, за шкаф и, наконец, сообщил:

— Проигрывателя нет.

Но Редозубов его сообщением не удовлетворился. Встав

на колени, он заглянул под кровать и, протянув руку, извлек покрытый пылью и паутиной стереофонический проигрыватель. Там же оказались колонка, усилитель, футбольный мяч, хоккейная перчатка и пылесос «Буран».

— Ах! — воскликнула жена вертолетчика. — Да я его неделю уже ищу!

— Послушайте, дорогие! — сказал Чиладзе. — Может, у вас и «Телефункен» где-нибудь тут... затолкан?..

— Вообще-то магнитофоном пользуется наш сын, — сказала жена вертолетчика, — но позавчера мы его случайно нашли на кухне... и перенесли в комнату. Я хотела с воспитательной целью послушать записи сына.

— Послушали? — любопытно спросил Чиладзе.

— Видите ли...

— Нет... — отвел глаза вертолетчик. — Шнур не могли найти.

— А от батарей он работает? — спросил Редозубов.

— Да, работает и от батарей, но они давно сели.

Тщательные поиски, в которых приняли участие все четверо, положительного результата не дали. Магнитофона действительно не было. Не было и шнура, который Чиладзе предложил найти во что бы то ни стало. Район наиболее вероятного нахождения шнура — комнату сына — он взял на себя. Когда же окончательно выяснилось, что шнура нет, Чиладзе, не скрывая иронии, произнес:

— Интересно получается! Вы искали — не могли найти, а воров нашли?

Вертолетчик промолчал, тяжело отдуваясь.

— Значит, ничего больше не пропало? — спросил Редозубов.

— Н-нет... кажется, нет... — неуверенно ответила жена вертолетчика.

Создавалось впечатление, что в квартиру проникли исключительно ради магнитофона.

Чиладзе спросил:

— Кто знал о том, что у вас есть «Телефункен»?

— Ну... многие знали, — ответил вертолетчик. — У меня на работе почти все...

— Никто не просил его у вас? Продать или обменять?

— Просили... командир отряда просил! — вспомнил вертолетчик, но тут же, поняв мысль капитана, добавил: — Но он, конечно, вряд ли...

— А у сына... были друзья, которые... которым, скажем так, нравился этот...

— Игорь дружит только с Сережей Соколовым и Олегом Агаповым! — перебила жена вертолетчика. — Это, как вы сами понимаете, очень приличные ребята, тоже отличники, и...

Чиладзе кивнул. Сережа Соколов — сын главного врача железнодорожной больницы, а Олега Агапова — сына второго секретаря райкома партии, действительно, очень хорошего мальчика, Чиладзе знал лично, поскольку его собственный сын Вахтанг учился с ним в одном классе.

— Погодите-ка, — сказал Чиладзе. — Ваш сын учится во второй школе?

— Ах! — воскликнула жена вертолетчика. — Так ведь это же вы! Как же я раньше не догадалась! Этот очаровательный Вахтанг!.. Он два или три раза заходил к нам! И вы знаете, я так жалею, что он почти перестал бывать у нас! Он очень положительно влиял на Игоря! Его несколько шокировал беспорядок в комнате Игоря! Игорь умный мальчик, но очень неорганизованный! Он, вероятно, будет ученым, они ведь всегда такие рассеянные!.. А ваша жена! Мы постоянно встречаемся с ней на родительских собраниях! Это такая очаровательная женщина!..

— Черт побери! — неожиданно взревел вертолетчик. — Да по такому случаю!..

Вот уж чего ему не пришлось долго искать, так это бутылки коньяка; вертолетчик уверенным движением открыл створку серванта, не глядя, сунул внутрь руку и мгновенно выхватил бутылку «Шота Руставели». Чиладзе взял ее, взвесил в ладони, взглянул на этикетку, посмотрел на свет.

— Коньяк замечательный. Говорю как знаток. Но — в другой раз...

* * *

...«Газик» свернул с бетонки на широкую грязную улицу, с трудом выкарабкиваясь из глубоких рытвин, оставшихся после буксовавших тяжелых машин. По обеим сторонам стояли потемневшие одноэтажные бараки — вчерашний день поселка, некоторые уже полуразрушенные, покинутые жильцами, переехавшими в новые дома.

— Хорошо, — сказал Редозубов водителю. — Дальше не надо. Развернитесь и ждите меня здесь.

Заместитель начальника РОВД по политико-воспитательной работе капитан Проводников, вызвав к себе Шабалина, понял, что поторопился. Он был не готов к этому разговору. Будучи в течение шести лет хорошим следователем, он сознавал значение подготовки к допросу, но, вступив два года назад в должность замполита, далеко не сразу понял, что если подготовка к допросу являлась частью его прямой работы как следователя, то теперь подготовка к беседе с подчиненным является частью его прямой работы как замполита. Кажущееся неправомерным, на первый взгляд, сравнение как раз и мешало на первых порах правильно понять и оценить то действительно общее, что заключалось в этих разных занятиях. Общим этим было: работа.

Что касается Шабалина, то для него этот разговор работой не являлся. Стало быть, Шабалин, как бы ни повел себя, ошибки совершить не мог. Ошибиться мог только замполит.

Зазвонил внутренний телефон.

Проводников снял трубку и услышал голос помощника дежурного сержанта Дашина:

— Товарищ капитан, тут к вам посетитель...

— Я занят, — сказал Проводников.

— Товарищ капитан, говорит, что буквально на одну минуту. Плачет.

— Плачет?

— Так точно.

— Кто?

— Корепанова. Из ОРСа¹ леспромхоза.

Проводников помолчал.

— Хорошо. Пусть войдет.

Он положил трубку и вздохнул. Конечно, он не обязан был принимать сейчас эту женщину, продавщицу леспромхозовского магазина, но, зная, что она не уйдет, будет ждать хоть до вечера, на что-то надеясь, — считал себя не вправе держать ее в коридоре, чтобы сообщить в конце концов, что помочь не в состоянии.

В дверь робко постучали.

— Войдите.

Женщине, несмело вошедшей в кабинет и остановив-

¹ ОРС — отдел рабочего снабжения.

шейся у порога, было лет двадцать пять, но выглядела она значительно старше. Все ее нехитрые попытки прихорашиться: яркая помада, свалывшийся шиньон, резко отличающийся по цвету от собственных волос, — старили ее и придавали жалкий вид. Грязно-бордовое, плохо сшитое пальто с воротником из облезлой ондатры, застиранная паутинка, с трудом держащаяся на шиньоне, белые, заляпанные грязью и явно не из этого ансамбля, сапоги-чулки свидетельствовали не о хорошей жизни, гораздо хуже той, которую могла бы себе позволить продавщица крупнейшей в районе торговой организации.

— Здравствуйте, — захлебываясь слезами, произнесла женщина.

— Здравствуйте, — ответил Проводников. — Садитесь, пожалуйста.

Продавщица с трудом добрела до стула и неуверенно опустилась на краешек.

— Слушаю вас, — сказал Проводников.

— Простите меня, товарищ начальник! — выкрикнула женщина. — Ради бога, простите!

— При чем же здесь прощение? — возразил Проводников. — Если бы дело касалось только меня и вас, вам не о чем было бы беспокоиться.

— Товарищ начальник!..

— Но речь идет о том, что вы нарушили закон. Понимаете? Так что ничем помочь не могу. Может быть, штраф научит вас...

— Я бы согласна, согласна на штраф! — перебила женщина. — Но я... меня... меня уже штрафовали! Меня теперь права в торговле работать лишат!..

— Ах вот оно что! Это у вас не первый случай. Да. Вот видите, что получается? Вас уже наказали однажды, но выводов вы для себя не сделали. Ну, так тем более, что же я могу для вас сделать?

— Товарищ начальник, но как же я теперь? У меня ребенок! Я бабке плачу, чтобы она с ним сидела... от себя отрываю... Видите, как я одета? А ведь я... я еще молодая... Мне место в садике пообещали, новый леспромхозовский к Новому году сдается... А теперь... теперь как?.. Мужа нет...

— А был муж? — спросил Проводников.

— Был, — всхлипнула женщина.

— И где же он?

— Ушла я. Пил сильно... издевался... — снова всхлип-

нула женщина. — Мать-одиночка я... Пожалейте, товарищ начальник!..

— Пожалеть? — жестко переспросил Проводников. — А почему же вы тех женщин не пожалели, чьим мужьям водку отпускали в семь утра? Решили и их матерями-одиночками сделать?

Женщина плакала теперь уже навзрыд, не заботясь о подведенных глазах, размазывая комочком носового платка краску на щеках. В это время дверь приоткрылась.

— Разрешите?

— Да-да, пожалуйста, Александр Николаевич. Мы закончили.

Шабалин широким шагом вошел в кабинет, с любопытством всмотрелся в плачущую женщину и, узнав ее, произнес:

— А! Это ты!

Женщина мельком взглянула на Шабалина, с трудом поднялась со стула и, не переставая плакать, пошла к двери. У порога она обернулась и умоляюще посмотрела на замполита.

— Что, дело возбудили? — поинтересовался Шабалин.

— Да нет, пока не возбудили, — ответил Проводников, — но, видимо, придется. Второй раз, оказывается...

— Второй? — хмыкнул Шабалин. — Сто второй, Валерий Романович. Не ловили просто! Устроили там кабак, в этой «Ярославне», с утра со всего поселка алкаши собираются. Так что не реви! — повернулся он к женщине. — Давно пора вас пошерстить!

Женщина вышла.

Шабалин, проводив ее взглядом, достал папиросы, спички, но вдруг спохватился:

— Извините, Валерий Романович. Совсем забыл.

— Ничего, курите, — сказал Проводников, доставая из ящика стола пепельницу. — Разговор у нас будет... серьезный.

— Что ж, — согласился Шабалин, не торопясь закуривая.

Редозубов свернул в узкий, грязный переулок.

Переулок был тупиковый, длиной метров в двести; в конце его стоял, когда-то, очевидно, казавшийся дворцом, а ныне очень старый, обшитый голубыми плашками в виде

«елочки», покосившийся двухэтажный дом с заколоченными горбылем лоджиями.

Еще два года назад здесь помещался весь комбинат бытового обслуживания, и дом, как бы понимая важность своего существования, крепился из последних сил, напрягая свои балки и стропила, цепко, по-стариковски, удерживая срубленные в лапу с зубом венцы. Но с тех пор, как комбинат перебрался в новое кирпичное здание в центре поселка, дом сразу обмяк, расслабился, коробясь и осыпаясь изнутри штукатуркой, сильнее покосился на одну сторону и, казалось, устав от бесчисленной вереницы контор и учреждений, в разное время занимавших его, ждал только одного: когда же уволят от этой последней, выпавшей на его долю службы — представлять пошивочную мастерскую КБО, — и дадут спокойно рассыпаться в прах.

Редозубов взбежал на крыльцо и потянул дверь. Длинный коридор, в который он вступил, после улицы показался особенно темным. Отворилась одна из дверей в глубине коридора, и раздался пронзительный женский голос:

— Закрыто! Прием заказов с одиннадцати часов!

Женщина повернулась к проему двери, из которой вышла, и закричала кому-то: — Людмила, ну сколько можно говорить, чтоб дверь закрывала!

— Извините, — сказал, подходя, Редозубов, — мне нужно видеть Липатия Львовича.

— Его нету!

— А где он?

— Ушел!

— Куда?

— Он нам не докладывает!

Женщина отвечала с каким-то непонятным Редозубову злорадством, довольная почему-то тем, что не может дать ответа, который устроил бы посетителя.

Редозубов прислушался к стрекоту машинок, стуку мелков и ножниц и отрывочным женским голосам. Затем, желая заглянуть внутрь, сделал шаг в сторону, чтобы обойти стоявшую на пути женщину, но та, разгадав его маневр, моментально захлопнула дверь и с вызовом уставилась на Редозубова.

— Ладно, — сказал он, — тогда позовите мне, пожалуйста, Лепесткову Лидию.

— А вы кто ей будете? — с язвительной улыбкой осведомилась женщина.

— Я из милиции, — начал терять терпение Редозубов.

Он ожидал любой обычной в таких случаях реакции: удивления, вопросов, требования предъявить документ (у Редозубова было временное, отпечатанное на машинке удостоверение с фотографией, печатью и подписью начальника РОВД), но то, что произошло, предусмотреть было нельзя. Женщина, нимало не смутившись, не выразив удивления, без всякого перехода мгновенно повернулась к двери и, распахнув ее, закричала:

— Лепесткова! На выход!! Тут за тобой милиция!!!

— Тише вы... — Редозубов схватил женщину за локоть, но было поздно.

— Милиция! Лепесткова!! За тобой!!! — вырывая локоть, истерично кричала женщина.

— Да замолчите вы! — вконец оглушенный этим криком, гаркнул Редозубов.

В наступившей тишине испуганно стукнул в последний раз мелок, затем послышался шелест болоньи, и на пороге возникла девушка, которую он видел ночью в кабине роторного экскаватора, а до этого встречал в одном из кабинетов уголовного розыска, когда она приходила на отметку по делу административного надзора. На ходу повязывая белый в крапинку платочек, она, не взглянув на Редозубова, молча прошла мимо него к выходу.

Редозубов, круто развернувшись и уже не видя высунувшихся из рабочего помещения еще трех любопытных женских лиц, последовал за девушкой, крайне досадуя на себя — за то, что не смог предотвратить шума, на Ветцеля, не оказавшегося на месте, хотя и предупрежденного о том, что приедут из милиции, и более всего — на женщину, устроившую этот шум. «Чтоб ты провалилась, старая карга!» — в сердцах подумал он.

...К машине она подошла первой, дрожащей рукой открыла заднюю дверцу и, высоко подняв юбку, влезла внутрь. Редозубов хотел влезть следом, но увидав, с какой нескрываемой ненавистью смотрит на него девушка, вцепившись одной рукой в решетку, отделяющую кузов от кабины водителя, а другой пытаясь прикрыть голые колени, молча захлопнул дверцу и сел рядом с шофером.

7

Волохин не зря возмущался на оперативном совещании: с протоколом осмотра в той краже действительно вышла неувязка...

Чиладзе, сдвинув к стене кубло из пледа, простыней и подушек, присел на тахту и, пристроив на коленях телефон, отыскавшийся на полу под грудой одежды, позвонил в отдел. Дежурный следователь из Таежного еще не вернулся. Двое других были в командировках. Еще один — в отпуске. Безуспешным оказался и розыск начальника следственного отделения майора Балашова: того не было ни на работе, ни дома, и никто не мог сказать, где он находится. Чиладзе положил трубку на рычаг. По лицу его было видно, что, не будь тут потерпевших, он нашел бы нужные слова, чтобы охарактеризовать следователей и их начальника. «Где уж нам преступников искать, — казалось, говорил его взгляд, — своих сотрудников найти не можем!»

— Позовите понятых, — сказал Чиладзе, обращаясь к вертолетчику. — Ну, соседей, что ли... Двух человек. А ты, — протянул Редозубову чистый бланк, — составляй протокол осмотра. Потом разберемся... — добавил капитан вполголоса. Разбираться он, видимо, предполагал с дежурным следователем и начальником следственного отделения. Подумав, Чиладзе отдал Редозубову и всю папку с бланками и чистой бумагой, захваченную им на всякий случай из дежурной машины. Редозубов кивнул, не считая удобным спрашивать при жене вертолетчика, как составляется протокол осмотра. — А я пока обойду тут вокруг, — сказал Чиладзе. — Приступай. — Он стремительно поднялся с тахты и вышел, столкнувшись в дверях с входившими уже понятными.

Лишь теперь, когда ушел Чиладзе, Редозубов понял, какой тяжкий груз на него свалился. Нельзя сказать, чтобы он совершенно не имел представления об осмотре места происшествия — на одних он присутствовал, протоколы других читал, — но одно дело слышать и видеть и даже участвовать под чьим-то руководством, — и совсем другое — впервые, не имея подготовки, самостоятельно произвести осмотр и составить об этом грамотный протокол.

Он прекрасно сознавал, что тут мало чем мог пригодиться его опыт по составлению актов и заключений, с которыми он имел дело, когда работал контрольным механиком в гараже леспромхоза и участвовал в разного рода комиссиях и группах народного контроля. Уже одно то, что те акты и заключения начинались словами: «Мы, нижеподписавшиеся...», а здесь следовало начинать: «Я, инспектор ОУР Редозубов...», говорило о многом, и, прежде всего, о той огромной ответственности, которую он раньше делил с

другими, а ныне целиком и полностью брал на себя.

Однако приказ капитана Чиладзе надо было выполнять. Он вписал в протокол понятых: молоденького пилота из квартиры на втором этаже и его жену, вовсе девчонку в линялых польских джинсах и в такой короткой рубашке, что, когда она поднимала руки, чтобы поправить волосы, обнажалась полоска загорелой кожи на талии. Девчонка с интересом смотрела на Редозубова, что, кажется, не совсем нравилось ее мужу, хотя он всячески старался этого не показывать.

Стажер даже посочувствовал ему, хотя если кто и нуждался здесь в истинном сочувствии, так это сам Редозубов, который очень скоро перестал интересоваться и понятыми, и потерпевшими, и уж тем более их взаимными отношениями, окончательно углубившись в дебри первоначального и неотложного следственного действия, которое зовется осмотром места происшествия.

Уже одна из первых вводных, отпечатанная типографским способом на бланке протокола: «...руководствуясь ст. 178 УПК РСФСР...» — привела его в тупик. Редозубов не мог руководствоваться этой статьей уголовно-процессуального кодекса республики хотя бы потому, что не имел о ней ни малейшего представления. Он догадывался, конечно, что статья, скорее всего, либо определяет основания для производства осмотра, либо, что еще важнее, строго регламентирует порядок его проведения; во всяком случае содержит какие-то требования, которых он не знает. Между тем особенность процессуальных документов заключается именно в том, что любая несоблюденная формальность при их составлении чревата серьезными последствиями: утерей доказательственного значения даже установленных фактов, неполнотой расследования, а отсюда — порой и нераскрытием преступления или и прямым нарушением законности. Редозубов мучительно старался припомнить хотя бы начальные фразы прочитанных или слышанных им ранее протоколов, но в голове вертелась лишь та, которой следовало кончать: «От понятых замечаний не поступило».

Понятые и потерпевшие, пристроясь кто где сумел, рассматривая с прежним интересом Редозубова, ждали от него каких-то специальных милицейских действий, результатом которых явилось бы раскрытие кражи магнитофона западногерманской фирмы «Телефункен».

— Что ж, приступим, — тяжело вздохнув, произнес

Редозубов и еще раз с глубокой тоской оглядел погром.

— Может быть, я вначале приберу немного? — робко предложила жена вертолетчика.

«Раньше надо было прибрать!» — раздраженно подумал Редозубов, но вслух лишь сухо сказал:

— Нет, прибрать ничего не нужно.

Затем взял ручку и, притулившись на углу полированного стола, принялся быстро писать. «Дом № 43 по ул. Карла Маркса расположен метрах в 50—55 от дороги, ведущей в аэропорт, но с дороги не просматривается, так как скрыт от нее подлеском. С северо-востока к дому прилегает сосновый бор; расстояние от стены до ближайшего ствола дерева составляет»... Понятые и потерпевшие, оживленно обсуждавшие до этого обстоятельства кражи, почтительно примолкли, прислушиваясь к скрипу автоматической ручки. Подробно описав расположение дома, квартиры, устройство оконного переплета, расположение осколков стекла на полу (на двух из них были отпечатки пальцев, и Чиладзе распорядился их изъять), указав, что на подоконнике рассыпано несколько хвойных иголок, «видимо, занесенных ногами преступников» (подобные предположения, как позже выяснилось, в протоколе осмотра фиксироваться не должны), — Редозубов приступил к ближайшему от окна углу, заваленному одеждой, керамическими изделиями и другими предметами, непонятно почему оставленными преступниками без внимания. Так, под грудой одежды оказались: кинокамера «Кварц», транзисторный приемник «Ленинград-002», два кримпленовых отреза и многое другое, да и сама одежда представляла немалую ценность.

Когда Редозубов покончил, наконец, с углом и взглянул на часы, выяснилось, что с момента прихода понятых прошло два часа. Графа «Результаты осмотра» разрослась до шести страниц, а ведь это было лишь начало! Двигаясь такими темпами, нечего было и надеяться закончить осмотр хотя бы к утру. «А нужно ли все это?» — подумал вдруг Редозубов. Конечно, погром в квартире представляет собой обстановку места происшествия и, возможно, имеет значение для дела. Он вспомнил, с каким тщанием описывал следователь Андреев беспорядок в орсовском киоске, но ведь там беспорядок был делом рук преступников, а здесь?.. «Разгильдяйка!» — подумал он, невольно взглянув на жену вертолетчика. Та кротко улыбнулась.

— Устали? — сочувственно спросила она. — Может быть, чашечку кофе?

— Тамара Михайловна, можно — я сварю? — спросила жена молоденького пилота.

— Сделайте одолжение, милочка, я знаю, вы мастерица.

Жена молоденького пилота вскочила с ковра и, вскинув руки, отчего рубашка ее задралась чуть ли не до подмышек, выбежала из комнаты. Молоденький пилот, слегка побледнев, направился следом.

— Молодежь, — понимающе произнесла жена вертолетчика. — Друг от дружки ни на шаг...

Но тут на кухне раздался какой-то грохот, звон посуды, а затем последовал возглас сдержанного вертолетчика:

— Да где же эта мельница, черт бы ее побрал?!

— Извините, — сказала жена вертолетчика. — Везде приходится самой. Мужчины так беспомощны, когда дело касается домашнего хозяйства!

Оставшись один, Редозубов устало опустился на колени возле непечатого еще угла и задумался. Было совершенно ясно, что если описывать все остальное так же подробно, то к полуночи он не выберется даже из этого угла. О комнате Игоря он старался вообще не вспоминать. Что же делать? Перенести осмотр на завтра? Но положено ли это? Может, ст. 178 УПК РСФСР и запрещает как раз строго-настрого прерывать осмотр, не доведя его до конца? Ограничиться общей характеристикой? «Все остальное находится в таком же беспорядке...» Но это, помимо того, что отдавало явной профанацией, насмешкой над серьезным процессуальным документом, ставило его, Редозубова, в неловкое положение перед понятыми и потерпевшими: те ведь прекрасно видели, как тщательно он описывал один угол, и пренебрежение к другому могут истолковать как недобросовестное отношение сотрудника милиции к своим обязанностям. Он вдруг вспомнил, что необходимо еще, кажется, составить схемы расположения дома, квартиры, комнат, мебели, окон... упаковать и опечатать вещественные доказательства (какие? как? чем?)... Весь этот объем не совсем к тому же ясной для него работы ставил в безвыходное положение. А Чиладзе канул как в воду.

Редозубов сел на ковер, привалившись спиной к обоям, и полез в карман за папиросами, одновременно разыскивая глазами блюдце, которое предложила вместо пепельницы хозяйка дома. Блюдце с окурками стояло возле тахты на полу, рядом с телефоном; и тут Редозубова осенило. Не тратя времени даже на то, чтобы встать, он на четвереньках добрался до тахты и, схватив трубку, как

свое последнее спасение, радуясь, что в комнате, кроме него, никого нет, лихорадочно набрал номер домашнего телефона Шабалина.

— Александр Николаевич! — быстро заговорил он, едва Шабалин снял трубку. — Я хочу спросить насчет протокола происшествия места кражи!.. То есть происшествия места протокола!.. То есть происшествия про... вернее, кра...

— Редозубов, ты? — строго перебил Шабалин. — Ты что, машину по лотерее выиграл?

— Я? Нет! — возразил Редозубов. — Я просто хотел...

— Ты откуда звонишь? — снова перебил Шабалин.

— Я? С места происшествия... с кражи по улице Карла Маркса!

— Что ты там делаешь?

— Я? Тут магнитофон «Телефункен» заявляют...

— Это я знаю, мне дежурный сообщил. Я спрашиваю: что ты там делаешь?

— Пишу протокол осмотра.

— Протокол осмотра? — удивился Шабалин. — А с какой стати ты его пишешь? Где следователь?

— Следователя нет. Он в Таежном.

— Так, — подумав, сказал Шабалин. — Немедленно прекращай писать и ищи магнитофон! Протокол осмотра писать не наше дело! Мы — уголовный розыск. Еще не хватало, чтобы при наличии следственного отделения мы писали протоколы, а следователи лежали бы на печке и плевали в потолок! Не многого ли хотят!..

— Мне Чиладзе велел.

— Чиладзе? — Шабалин помолчал, видимо, размышляя. — Ладно. Чиладзе я сам потом объясню. А ты в любом случае закругляйся и занимайся делом! Ищи магнитофон! Организуй розыск по горячим следам! Вот наша работа! Я сейчас еду в Юринь, завтра к обеду постараюсь вернуться, и будем разбираться со следователями. Пора, наконец, прекратить это безобразие! А ты пока ищи! Ищи активно!

«Значит, закругляться... Ну что ж...» Редозубов взял ручку, но тут опять нахлынули сомнения. Шабалину хорошо говорить: закругляйся!.. А как? Просто сунуть исписанные листы в папку и сказать «до свиданья»? Но для чего тогда приглашали понятых? Дать им протокол на подпись? Но ведь он не закончен!.. Что же делать?..

С кухни донесся громкий голос жены молоденького пилота:

— Нет-нет, вы сидите, Тамара Михайловна! Я сама варила, сама и отнесу! Что вы будете за меня краснеть: вдруг не получилось? А милиция в кофе разбирается! В кино видели? Когда преступников ловят, литрами кофе пьют!..

Вслед за тем дверь отворилась, и в комнату быстрым шагом вошла она сама, держа перед собой чашку с дымящимся кофе; ничуть не удивившись тому, что Редозубов сидит на полу возле телефона, держа на коленях листы протокола, она поставила чашку рядом с ним на ковер, затем, подогнув колени, присела слева от Редозубова и, привалившись к нему плечом, спросила:

— Можно взглянуть, о чем вы тут пишете, товарищ следователь?

— Я не следователь, — угрюмо ответил Редозубов.

— А кто же вы? — удивилась она.

— Инспектор.

— О! — воскликнула она. — Это еще интереснее! Вы знаете, в этом есть нечто... французское!.. Вот, например, Симеон. Или, вернее, Мегрэ!..

— Да, — пробормотал Редозубов. — И обстановка тут, — он устало обвел взглядом комнату, — как в лучших домах Парижа...

Девчонка засмеялась.

— Да вы не обращайте внимания, — сказала она, — у них всегда такой ералаш! Что же вы кофе не пьете? Выпейте чашечку, инспектор! — Должно быть, само это последнее слово, вернее, то, что она может его так запросто употребить — и не в игре, не в воображаемой ситуации, а в реальной жизни, — доставляло ей огромное удовольствие. — Пожалуйста, инспектор! — Почувствовав что-то неладное, она отодвинулась от Редозубова и оглянулась.

На пороге, скрестив на груди руки, с хмуро-ироническим выражением на лице, стоял молоденький пилот. Девчонка тоже нахмурилась.

— Прошу прощения, — обращаясь к Редозубову, высокопарно произнес молоденький пилот. — Нэлл! — с легким упреком заметил он жене (ее звали Нелли). — Как-то неудобно получается: ты вдруг оставляешь хозяев...

— Ты совершенно забываешь, дорогой, — невозмутимо и чуть даже надменно возразила девчонка, — что мы здесь не в гостях, а присутствуем... на месте преступления в качестве понятых!.. И наш гражданский долг состоит не в том, чтобы развлекать хозяев, а в том, чтобы помочь инспектору!

Молоденький пилот вытаращил глаза, видимо, и не подозревая в своей супруге-девчонке столь сильно развитого чувства гражданского долга. Неизвестно, сколько еще времени продолжался бы этот изысканный диалог молодоженов, но в прихожей раздался звон колокольчиков, и через несколько секунд в комнату в сопровождении хозяев стремительно вошел капитан Чиладзе.

— Готово? — спросил он у Редозубова и, не дожидаясь ответа, поднял с пола телефон, поставил на тахту и, склонившись, набрал номер. — Кто?.. Пришли за нами машину на Карла Маркса, мы закончили... Подписали? — спросил он, кладя трубку и кивая на протокол. — Стекла где?

Редозубов, покраснев, не спеша разложил листы и сказал, запинаясь от волнения:

— Я сейчас зачитаю... может быть... будут замечания...

— Можете быть уверены, — тотчас заверил молоденький пилот, — что с моей стороны никаких замечаний не последует!

— Да, что тут зачитывать? — поддержал вертолетчик.

— Что мы в этом понимаем? — пожала плечами его жена.

Понятые подписали протокол. Таким он и ушел в дело и, естественно, вызвал затем нарекания прокурора и начальника отдела. Однако тогда, сидя в машине, присланной дежурным, и осторожно держа за края осколки стекол, Редозубов откровенно радовался, что отделался так легко.

* * *

...— Въезжайте во двор, — сказал Редозубов пожилому сержанту-водителю, когда за углом выросло двухэтажное здание райотдела с выделявшимися свежим брусом стенами пристроя, где теперь размещались паспортный стол, учебный класс и заново отделанная ленинская комната.

Шофер кивнул. Машина подкатила к черному ходу и, пискнув тормозными колодками, остановилась.

Редозубов выбрался из кабины и, обойдя автомобиль, открыл заднюю дверцу — изнутри она не открывалась. Девушка, не замечая предложенной руки, прыгнула на землю и быстро поднялась на крыльцо, первой скользнула в сумрак коридора, каблучки ее уверенно и четко процокали до кабинета начальника уголовного розыска; здесь она остановилась, ожидая, когда стажер откроет дверь.

— Проходите, присаживайтесь, — сказал Редозубов, пропуская ее вперед.

Девушка опустила на стул, окинула взглядом кабинет и, очевидно, не найдя в нем ничего нового, уставилась в окно. Судя по ее поведению, она не собиралась спрашивать, кому и зачем так спешно понадобилась.

— Хотите закурить?

Она с нескрываемой ненавистью взглянула на стажера и отвернулась.

— Он сейчас придет, — сказал Редозубов. И то, что она не спросила, кто придет и зачем и чего им вообще от нее нужно, убедило стажера в том, что Шабалин прав: девушка все знает, но говорить не собирается.

...Шабалин с любопытством, словно бы впервые, разглядывал небольшой, но светлый, с продуманным расположением мебели, кабинет Проводникова. Даже теперь, в преддверии праздников, когда помещение замполита неизбежно загромождалось агитационными материалами: шелковыми флагами союзных республик, чеканными гербами, рулонами ватмана, штуками кумача, белилами и кистями, плакатами, транспарантами, — даже теперь кабинет воплощал в себе продуманность и порядок. В одном из углов были аккуратно сложены ширококозурные духовые инструменты: альты, тенора, баритоны, бас-геликон; стоял турецкий барабан с колотушкой. Медный духовой оркестр — гордость замполита — привлек особое внимание Шабалина. Взгляд его как бы говорил: «Валерий Романович! Ну есть же у вас работа: оркестр, женсовет, политзанятия, плакаты, милицейский хор... праздник ведь на носу!.. Что же мы тут сидим и переливаем из пустого в порожнее?» И в это время в кабинет с криком «Разрешите, товарищ капитан!» ворвался доморощенный художник — начальник вытрезвителя лейтенант Петрикеев и, размахивая кистью, стал требовать недостающей ему жженой охры.

Проводников едва успел выпроводить лейтенанта, как явились с молотками в руках два сержанта и невозмутимо доложили, что потерялась лестница.

— Найдите где хотите! — поморщившись, приказал Проводников. — Чтобы плакаты до обеда были приколочены!

Шабалин сочувственно посмотрел на замполита. «Мне бы ваши заботы, Валерий Романович!» — говорил его взгляд.

— Что у вас произошло с Савиной? — спросил Проводников.

— С Савиной? — Шабалин пожал плечами. — Мое отношение к Савиной вам известно, Валерий Романович. Я ни от кого его не скрываю. Считаю, что Савина не способна работать с подростками. Я имею в виду — с нашими подростками. В школе она, возможно, и справлялась, а здесь...

— Но пять лет она успешно работала и с нашими!

— Совершенно верно, — согласился Шабалин. — Работала. Но... Я уже не в первый раз сталкиваюсь с подобными историями. Есть такой сорт людей... да вы не хуже меня знаете, Валерий Романович... Вначале они берутся — с желанием, с огоньком, с азартом, день и ночь на службе, хватаются за все... даже за что их не просят... И вроде бы и получается у них, и результаты, кажется, неплохие, а потом... наступает какой-то спад. То ли интерес у них пропадает, то ли черная работа не нравится, то ли выдыхаются просто... не знаю. Но это уже необратимый процесс, Валерий Романович! Мне кажется, единственный разумный выход для них в этой ситуации — уйти. Честно сказать себе: не могу! И уйти. И никто не осудит.

— Вот тут я с вами совершенно не согласен, Александр Николаевич! — Проводников помолчал. — Мы исходим из того, что становление преступной личности — процесс обратимый. Исходим из того, что деградация личности алкоголика — процесс обратимый. Если бы мы не исходили из этого, наша работа потеряла бы всякий смысл. Так о каком же необратимом процессе может идти речь по отношению к нашему сотруднику! Вы правы, люди, о которых вы говорили, действительно, встречаются в органах. И легче всего указать им на дверь. Гораздо труднее, но и важнее помочь им выработать иммунитет к профессиональной деформации, вернуть их службе. И вы, Александр Николаевич, как начальник отделения, как воспитатель своих подчиненных, должны быть заинтересованы в этом не меньше меня. Вы согласны со мной?

Проводников с досадой сознавал, что убедить Шабалина ему не удалось. Все, что он говорил, было важно и правильно, но, пожалуй, слишком общо и, пожалуй, даже слишком правильно, как бы в расчете на идеал. Он поставил Шабалина в безвыходное положение: не согласиться с тем, что говорил замполит, было равносильно тому, как не согласиться с тем, что Земля круглая. И Шабалин ответил:

— В общем, да. Согласен, Валерий Романович.

Проводников встал из-за стола и, чрезвычайно недовольный собой, подошел к окну. Со стороны военкомата, зажав под мышками лестницу, шли, как римские легионеры на штурм, два сержанта. Проводников невольно усмехнулся.

— Ну, а коли согласен, — сказал Проводников, оборачиваясь от окна, — то давайте с этой позиции и подойдем к Савиной.

— Да с Савиной, Валерий Романович, мне кажется, дело обстоит еще проще...

— То есть?

— Работала, пока была незамужняя. А потом — дом, семья, ребенок... Вот в этом году давайте посчитаем: была в декрете, затем месяц брала без содержания, потом то ребенок заболел, то сама... Объяснить, конечно, можно: мать, забота государства и так далее... Но кто же будет работать, Валерий Романович? Ведь у нас всего один инспектор детской комнаты по штату! Пусть она переходит на другую работу, где ее отсутствие не так будет ощутимо. А то что же получается: у меня Алибаев числится инспектором уголовного розыска, а фактически тянет и за всю детскую комнату! А что я могу с него спросить, если парень и так на износ работает, ночует, можно сказать, в отделе!

— Александр Николаевич, — Проводников секунду помедлил, — то, о чем вы говорите, руководству отдела известно. Хотя вы несколько сгущаете краски, но меры мы, конечно, соответствующие примем. Однако мы несколько отвлеклись. — Он вновь помолчал. Шабалин упорно уводил разговор в сторону, причем делал это таким образом, что казалось, то, о чем он говорит, представляется гораздо более важным, чем то, о чем хотел побеседовать с ним замполит. — Мы отвлеклись, — повторил Проводников. — Речь у нас шла не о Савиной, а прежде всего о вас.

— Обо мне? — искренне удивился Шабалин.

— Да. Именно о вас. О Савиной я упомянул лишь в связи с тем инцидентом, который у вас с ней произошел.

Шабалин поджал губы.

— Что ж, — сказал он, подумав. — Я готов исчерпать и этот инцидент, Валерий Романович!

Наутро после памятного осмотра в квартире вертолетчика Редозубов заполнил постановление о возбуждении уголовного дела, подколол к нему заявление потерпевших,

свой злосчастный протокол и с этими бумагами явился к Чиладзе.

— А! — сказал тот. — Начало есть? Давай сюда! — Он утвердил постановление, размахисто расписавшись в верхнем левом углу листа, просмотрел еще раз заявление, перелистал, не читая, протокол осмотра и, возвращая бумаги, спросил: — Вопросы есть?

Редозубов пожал плечами.

— Тогда слушай сюда, — сказал Чиладзе. — Я там вчера кое-что поразведал... С другой стороны от портовской дороги дом строится, видал? Строит его бригада ПМК-17... Ну так вот, у них вчера сразу после обеденного перерыва исчез плотник. Они говорят, что, видно, где-то запил. Меня это объяснение не удовлетворяет. Нужно его найти! Дома он ни вечером, ни ночью не появлялся: дежурная часть ездила проверяла. Поезжай на стройку, опроси бригаду, может, кто подскажет, где его искать. А найдешь — нужно будет по минутам проверить, где он был и что делал после того, как исчез со стройки. Короче, установить алиби.

...Алиби!.. Откройте любой толковый словарь и найдите это слово. В латинском языке слово алиби имеет несколько значений, но в нашем существует лишь как специально-юридический термин, имеющий одно-единственное значение: отсутствие подозреваемого на месте преступления в момент его совершения как доказательство его невиновности. Несмотря на узость применения, слово это достаточно известно. Однако человек, не имеющий отношения к юриспруденции, никогда не произнесет его вскользь, без какой-либо внутренней подготовки, хотя бы и не заметной на первый взгляд ни окружающим, ни ему самому. Объясняется это тем, что в значении слова алиби всегда присутствует другое слово: преступление. И то, что Чиладзе именно вскользь, без всякой подготовки, совершенно буднично приказал: «Установить алиби!» — заставило Редозубова задуматься о многом. Оказывается, он, Редозубов, уже не принадлежит к тем людям, для которых употребление слова алиби является отвлеченным понятием и ни к чему не обязывает; для него это — рабочее понятие, точно так же, как горькие и — для большинства людей — далекие, связанные с великими бедствиями слова пропал без вести являются рабочим понятием для инспектора Комарова, специализирующегося на розыске преступников и пропавших без вести.

Добираясь с попутным самосвалом до строящегося дома, Редозубов прикидывал, с чего начать разговор с бригадой. Однако никаких ухищрений не понадобилось. Не успел он выпрыгнуть из кабины, как один из рабочих, оказавшийся бригадиром, вытер ладони о брезентовые штаны и подошел к Редозубову:

— Вы из милиции?.. Нашелся наш гусь. Сипягин! — крикнул он, оборотясь к рабочим, готовившим раствор. — Иди-ка сюда!

Один из них оставил лопату и неохотно подошел к бригадиру.

— Здравствуйте, — пробормотал он, коротко взглянув на незнакомого человека.

— Вот, рекомендую! — продолжал бригадир, веселый дюжий парень лет двадцати пяти. — Плотник-бетонщик Михаил Иванович Сипягин. Имсет строительное образование — техникум. Был на должности инженера. Ныне — бич. В нашей бригаде на перевоспитании. Но — скажу прямо — с задачей пока не справляемся! Видно, злодейка с наклейкой ему милее, чем наш коллектив. Вчера вот ушел на обед — и с концами. Ждать-пождать — нету. Сегодня является — глядеть на него муторно. Посмотрите, что он за работник: лопата из рук валится! Да главное не пойму: на что пьет? Зарплату уж третий месяц жена за него получает — по решению административной комиссии. В долг давно никто не дает. Воруешь, что ли, Михаил Иваныч?.. — Бригадир замолчал, вынул из нагрудного кармана брезентухи пачку «Беломора», предложил Редозубову, бичу, едва ухватившему папиросу дрожащими пальцами, и закурил сам, презрительно сплюнув в сторону.

На подошедшего действительно было жалко смотреть. Заляпанный раствором светло-полосатый пиджак под брезентовой робой, рваные, заправленные в окаменевшие кирзовые сапоги кримпленовые брюки, давно потерявшая свой первоначальный цвет рубашка с лавсаном, — весь наряд выдавал в нем именно кого-то бывшего, оторванного от прежней жизни и не пытающегося в нее вернуться. Он не испытывал ни стыда, ни угрызений совести, не возражал и не оправдывался, равнодушно отнесся даже к предположению бригадира о том, что пьет на ворованное, — лютая похмельная тоска глушила в нем все нормальные человеческие чувства.

Бригадир меж тем докурил, швырнул в ближайшую лужу окурки и, строго поглядев на бича, сказал:

— Ну я пойду, пожалуй, если больше не нужен...

— Да, пожалуйста, — ответил Редозубов. — Спасибо.

Оставшись один на один, стажер-сыщик и бич с неустановленным алиби помолчали.

— Ну, что будем делать, Сипягин? — неожиданно вырвались у Редозубова слова, явно отдающие интонацией и тоном Шабалина. — Где вы были вчера вечером?

— Дома, — не моргнув глазом, отвечивал бич.

Редозубов обмер. Эта ничем не прикрытая ложь убеждала его в правильности выдвинутой версии. Было совершенно ясно, что если этот человек причастен к краже «Телефункена», то вор он не только неопытный, но и просто случайный, совершивший преступление под влиянием момента, при стечении благоприятных обстоятельств, да и вряд ли, действительно, человек, столь опустившийся, имеющий в жизни одно-единственное желание — выпить, — пройдет мимо стоящего на подоконнике и хорошо заметного с улицы магнитофона.

«Что же теперь делать? — лихорадочно соображал Редозубов. — Сразу его разоблачить? Сказать, что дома его не было? Или немедленно отвести в отдел, снять отпечатки пальцев, сверить с теми, что остались на стеклах... и тогда уж...»

— Вообще-то, — прервал его размышления бич, — вы уж наверно проверили, что дома меня не было...

— Да... — осторожно подтвердил Редозубов.

— Да чего уж, — перебил Сипягин. — Лучше уж сразу во всем сознаться...

— Конечно! Ведь это для вашей же пользы!..

— Так и так вы дознаетесь, — неторопливо продолжал Сипягин.

— Вот именно! — горячо поддержал Редозубов, волнуясь и глядя на алкоголика с возрастающей симпатией. — Вам же самому будет легче!..

— Ладно! — решительно произнес Сипягин. — Я взял эти мешки!

— Какие мешки? — опешил Редозубов, ничего еще не понимая, но чувствуя, что алкоголик на сей раз говорит правду, одну только правду, и ничего, кроме правды, и версия рассыпается, словно карточный домик. — Какие мешки?!

Сипягин удивленно взглянул на него и ответил:

— С цементом.

— С каким цементом?!

Спившийся инженер пожал плечами и пояснил:

— С портландским-пятьсот.

* * *

...Украденные им со стройки мешки с цементом при дальнейшей проверке благополучно нашлись в рубленом сарае пенсионера-домовладельца, хитрого и прижимистого старика в помятом, с заплатами, костюме; он долго разглядывал через щель временное удостоверение Редозубова, прежде чем согласился, наконец, унять пса и отворить тяжелые ворота. Там же, в сарае, лежали две пустые бутылки из-под дешевого вина, пошедшего в уплату за цемент. Взрослые дети старика были на работе.

— Как же вам не стыдно на старости лет такими делами заниматься? — сказал Редозубов, разглядывая крепкий пятистенок под шифером, стайку, из которой доносилось сытое похрюкивание двух, а то и трех боровков, обитый листовым железом гараж с видневшимся сквозь приоткрытую дверь «Запорожцем», крашеную собачью будку. — Взяли государственное имущество. Споели человека... С ним бьются — отучить не могут, а вы спаиваете. Как же так?

— Уж войдите в положение, товарищ начальник! — скулил старик, с сожалением помогая хрипевшему с похмелья Сипягину грузить в ручную тележку мешки с цементом. — Ребятишки одолели, язвы их!..

— Какие еще ребятишки? — спросил Редозубов, взглянув на широкое крыльцо, по которому ползал в меховом комбинезоне коротыш лет трех.

— Да хулиганье! Второй раз в погреб залазиют! В первый раз две банки моченой брусники унесли, а в этот — опенков две банки и варенье, старуха внучкам варила... Я и хотел окошко-то помене сделать, цементом подзалить... Их тут вся улица знает!.. Энтот — Хайма ли, как ли его кличут? И с им канпания, ворюги несчастные! Родителява пьют, а имям че!..

9

В то время, когда Шабалин находился у замполита, а Редозубов с Лепестковой в кабинете начальника ОУР, старший инспектор уголовного розыска старший лейтенант Костик подходил к дому 49 по улице Безноскова.

Глядя на живо вышагивавшего по ветхому тротуару Костика, незнакомому человеку трудно было бы предположить, что перед ним — один из лучших оперативников области, занесенный на доску Почета УВД¹, инспектор, раскрывший за десять лет работы в милиции десятки преступлений и еще больше предотвративший, кадровый офицер органов внутренних дел, не раз и не два бросавшийся на встречу хулиганскому топору и браконьерскому выстрелу, без пяти минут капитан, кандидат на должность начальника уголовного розыска, депутат районного Совета.

Всем своим видом Костик напоминал сейчас беспечного обывателя, не знающего, куда убить время, и вырядившегося, на всякий случай, во все лучшее, что у него есть. Краснo-желтые туфли на платформе, сработанные вятскими обувщиками «под импорт», синий кримпленовый костюм с блестками, кремовая рубашка с наимоднейшим воротником «заячьи уши», широкий парчовый галстук, кофейного цвета плащ с деревянными пуговицами — в таком наряде шествовал низкорослый, щуплый Костик по грязной улице Безноскова. И наряд этот отнюдь не был каким-то оперативным прикрытием или бутафорией: Костик одевался так всегда. Большой любитель модно одеться, он совершенно не обладал вкусом.

Шедшая ему навстречу молодая женщина с ребенком, который упирался всеми своими слабыми силами, то ли желая, чтобы его взяли на руки, то ли не желая следовать за матерью вообще, потеряв терпение, закричала:

— Вот сейчас дяденьке скажу, он тебя в милицию заберет!

— Маму! — сказал Костик, доставая из кармана плаща конфету «Гулливвер», сразу приковавшую взгляд малыша. — Ну-ка, держи!

— Что? — растерялась женщина.

— Маму заберет, — строго повторил Костик, — если будет еще пугать милицией!

Малыш, не ожидавший, по-видимому, такого поворота событий, широко открытыми глазами смотрел на Костика. Костик подмигнул ему и, пройдя еще немного, обернулся. Малыш, размахивая большой конфетой и часто оглядываясь, безропотно следовал за матерью.

Костик перешел липкую от грязи улицу и остановился перед вросшей почти до наличников в землю избой. Пото-

¹ УВД — управление внутренних дел. Здесь речь идет об УВД исполнительного комитета Совета народных депутатов.

пав о тротуар, чтобы стряхнуть налипшую грязь, осторожно открыл державшуюся на одной петле калитку, вошел во двор, обогнул аккуратную поленницу золотистых сосновых дров и, встав перед крыльцом, крикнул:

— Хозяйка! Отзовись!

Входить в грязной обуви на выскобленные дожелта доски крыльца он не решился. Вообще-то дом этот по Безноскова, 49, был запущен: не заменены снизу два-три подгнивших венца, не заделана прореха в крыше, не поправлен покосившийся палисад. Мужчин в этом доме не было. Что же касается работы, которую могли осилить женские руки, то она была сделана: все в маленьком дворе было прибрано, подметено и подчищено; выскоблены не только крыльцо и пол в сенках, но и две досточки, проложенные от калитки к крыльцу.

— Здорово, бабуся! — закричал Костик, едва в дверях показалась сгорбленная фигурка в поношенном шерстяном, явно с чужого плеча, платье, с заштопанной во многих местах пуховой шалью на усохших плечах. «Сильно сдала старуха, — подумал Костик, — а еще два-три года назад какая была боевая...» — Ну, как жизнь молодая? — громко продолжал он. — Давненько мы с тобой в шашки не играли!..

Три года назад в этой избе брали особо опасного рецидивиста. Костик был здесь в засаде и, чтоб скоротать время и не заснуть (сидели около трех суток), а более всего — из некоторых оперативных соображений, играл со старухой в шашки. Тогда она еще неплохо видела.

— Чего орешь-то? — недовольно сказала старуха. — Не глухая. — Она смотрела на Костика серыми, словно выцветшими зрачками пораженных старческой катарактой глаз, и если и видела сейчас что-либо, то лишь расплывчатые, смутные контуры, позволяющие предположить, что перед ней человек, а не корова. — Чтой-то я тебя не признаю... Ты чей хоть будешь-то?

— Как не признаешь? — удивился Костик. — Костик я, Костик Николай! Из милиции!

— Ишь чё, — пробормотала старуха. — Вовсе уж слепая стала. Я уж, грешным делом, погрезила: не Васька ли? Дак рановато бы...

— Ваське да, рановато, — согласился Костик. — Ваське бы еще сидеть да сидеть.

Старуха неуверенными, замедленными движениями поправила на плечах шаль и, обдумывая сказанное Костиком,

продолжая глядеть на него невидящими серыми зрачками, спросила:

— Уж не убег ли?

Костик вздохнул.

— Убег, — просто ответил он. — Убег, бабуся, и собаки не гавкнули.

— Ишь чё, — сказала старуха и надолго задумалась, будто заснула стоя. Костик не мешал ей. Старуха сообщала трудно, но, должно быть, теперь уже окончательно поняла, зачем пришел Костик Николай из милиции. — Ишь чё, — повторила она. — Дак чё бы ему прямо-то не скажаться...

— Кому — ему?!

Ответить старуха не успела: сверху послышался какой-то шум. Костик поднял голову и растерянно заморгал короткими ресницами: в проеме чердачной двери, ярко освещенный желтым осенним солнцем, весь усыпанный пылью и опутанный вековой паутиной, стоял заведующий пошивочной мастерской КБО Липатий Львович Ветцель.

— В-вы?! — изумился Костик.

— Он, — бесстрастно подтвердила старуха. — С обыском пришел.

— С каким обыском?! — вскричал Костик. — Кто с обыском?!

— Я, — дребезжащим голосом сознался Ветцель и покачал белой, в свалывшейся паутине, головой. Затем медленно стал спускаться по лестнице. — Что же... старый я дурак. Последняя сволочь. Проклятый гад... — Костику казалось, что эти слова произносит кто-то третий: Ветцель так ругаться не мог. — Подлец высшей марки. Чтоб меня на том свете черти в гробу крючьями так ворочали, как я тут...

— Ишь чё, — удивилась старуха.

Ветцель сказал:

— Добрая вы женщина. — И разрыдался окончательно.

Костик сел на выскобленную дожелта ступеньку крыльца.

Магнитофон фирмы «Телефункен» канул как в воду. Алиби спившегося инженера Сипягина было установлено: осуществить почти одновременно кражу нескольких меш-

ков цемента и магнитофона он вряд ли сумел бы и, главное, вряд ли пошел бы на это. Дактилоскопическая экспертиза, как и следовало ожидать, ничего не дала.

Повторные допросы потерпевших — вертолетчика и его жены — с настоятельными и многократными предложениями вспомнить, что еще похищено из квартиры, также не принесли положительного результата. Жена вертолетчика выразила даже удивление по поводу «мелочности» Редозубова, решительно заявив, что если даже что-то еще и похищено, то ей ничего не нужно, кроме магнитофона, так как исчезновение именно этого последнего чрезвычайно огорчило их мальчика, недавно вернувшегося из Артека.

Между тем знай Редозубов с самого начала, что кроме магнитофона похищены две многоцветные шариковые ручки, сломанная зажигалка в виде пистолета, коробка изпод монпансье с рыболовными крючками и несколько оловянных солдатиков, — знай он это с самого начала, розыск вряд ли затянулся бы на полторы недели. Все эти мелкие, не имеющие практически ценности предметы (по сравнению с нетронутыми вещами в квартире вертолетчика) неопровержимо указали бы на то, что кражу совершили малолетние. Но, к сожалению, выяснилось это лишь после того, как их обнаружили.

Чиладзе на третий день после кражи вылетел в область на совещание в УУР, Костик ездил по району; Шабалин же, замученный отчетами по итогам девяти месяцев, обратил внимание на кражу лишь тогда, когда, подбивая процент раскрываемости, просматривал нераскрытые дела и прикидывал, что еще можно раскрыть в ближайшие два-три дня, с тем, чтобы проделанная работа вошла в отчет. Выслушав соображения Редозубова по поводу спившегося инженера, просмотрев короткие справки о беседах с жителями близлежащих домов, Шабалин, перелистывая тоненькое дело по «Телефункену», спросил:

— Всё? А это что тут у тебя в плане еще записано... проверить подростков... Хайма?..

Редозубов смешался. Совсем недавно он был свидетелем того, как Шабалин отчитывал лейтенанта Комарова, просмагривая составленный им план оперативно-розыскных мероприятий: «Версии должны быть дельные, достоверные, реальные! А у тебя что? Дым! Дунул — и нету! Для счета! Для создания видимости, что ты чем-то занимаешься!» Редозубов не без основания полагал, что версия с мальчишками, записанная им на всякий случай, вызовет

подобную же реакцию начальника ОУР. Однако случилось обратное. Едва уяснив, в чем дело, Шабалин заявил:

— Хайма? Это интересно! Его старик называл? Этим деятелем надо заняться немедленно!

Еще более неожиданными для стажера были дальнейшие действия Шабалина. Сняв трубку и набрав номер, начальник розыска вступил в странные переговоры с инспектором детской комнаты Савиной:

— Валентина Александровна? Я вас приветствую. Шабалин. Вы не могли бы сейчас подойти на минутку?

Уже одно то, что он назвал инспектора ДКМ на «вы», говорило о многом. Редозубов понял, что невольно оказался вовлеченным в какие-то особые, возникшие не вчера и не позавчера отношения начальника ОУР и инспектора детской комнаты. Выслушав пространные объяснения Савиной, доказывавшей, по-видимому, почему она не сможет явиться в отдел даже на минутку, Шабалин с глубоким вздохом продолжал:

— Болеете? Ах, какая жалость... Да нет, ничего особенного, Валентина Александровна. Так, пустяковая кражонка... Да, кажется, ваших деток работа... Да нет, мелочь... — Он прикрыл ладонью микрофон и быстро спросил: — Сколько маг стоит?

— Пятьсот пятьдесят, — ответил Редозубов.

— Мелочь, — повторил в трубку Шабалин. — Пятьсот пятьдесят... Да, конечно, рублей — не тысяч... Для детской комнаты это не кража, я понимаю. Не стоит внимания, Валентина Александровна. Ну, извините, что побеспокоил! — Он положил трубку и, довольный произведенным эффектом (после сообщения о размере кражи на той стороне связи воцарилось подавленное молчание), сказал: — Вот так всегда! Детки квартиры чистят, а детская комната — болеет!

Быстро уложив в сейф дела, прошнурованную черновую тетрадь и тоненькую папку по «Телефункену», он встал из-за стола, взглянул на часы — время шло к обеду — и, махнув рукой, словно говоря этим, что ничего не поделаешь, придется и сегодня без обеда, произнес:

— Посхали!

Они направились в дежурную часть. Желтого «газика» на месте не оказалось: его забрал уехавший по вызову на семейный скандал оперативный дежурный. Помощник дежурного предложил Шабалину обшарпанный, с помятым кузовом, грязно-голубой автозак. Редозубов открыл боко-

вую дверцу кузова, забрался в темное прокуренное нутро и, подстелив купленный утром и не разрезанный еще «Футбол-хоккей», устроился на лавке для конвоя. Шабалин захлопнул за ним дверцу и сел в кабину.

Сидя в гулко гремящем железными решетками закрытом кузове, Редозубов пытался взять себя в руки и ни о чем не думать, но вместо этого чувствовал, что глубокие сомнения и горькая тоска захватывают его все сильнее.

Он спрашивал себя и не находил ответа, не мог понять: как оказался он в этом пыльном грохочущем нутре добитого автозака, мчащегося по ухабам неизвестно куда, а главное — непонятно зачем? Неужели в том и состояло его, Редозубова, жизненное предназначение, чтобы вот так, сорвавшись с места, даже не пообедав, ехать за каким-то «Телефункеном», чтобы успокоить какого-то Игоря, вернувшегося из Артека и не нашедшего одной из своих игрушек? Для чего же он закончил автомобильный техникум, потратил столько бессонных ночей, изучая уравнения критической устойчивости, вычерчивая графики динамических систем и нагрузочных режимов, вникая в структурные формулы крекинг-бензинов и дистиллятных масел? Для чего провел столько напряженных часов и дней у стендов технической диагностики и в смотровых канавах? Неужели все это нужно было только для того, чтобы теперь, забыв про все, мчаться сломя голову за каким-то Хаймой?

Редозубов вдруг понял, что всегда, во все важные, переломные моменты своей жизни он, оказывается, шел на поводу у каких-то посторонних людей, руководствовавшихся исключительно личными или, вернее, ведомственными соображениями, нимало не интересовавшихся мнением самого Редозубова и, уж конечно, менее всего заботившихся о его судьбе.

За примерами далеко ходить не приходилось. Так, мечтая попасть в автомобильные войска и имея, казалось бы, для осуществления своей мечты все основания, он без возражений принял предложение капитана-пограничника только потому, что тот заявил, будто такие парни, как Редозубов, позарез нужны на границе. И когда на другой день у Редозубова спросили, где он хотел бы служить, капитан-пограничник, не дав сказать и слова, заявил, что вопрос, по его мнению, следует считать решенным: парень желает служить на границе, и он, капитан, может это только приветствовать. Самое же обидное заключалось в

том, что, встретив Редозубова незадолго перед демобилизацией, капитан-пограничник (вернее, он стал к тому времени уже майором), кивая на знаки воинской доблести и на две медали, украшавшие грудь Редозубова, воскликнул:

— Богатырь! И служил на заставе богатырской! Вот видишь!.. А помнишь, ты хотел в какие-то там автомобильные войска? — Он хлопнул Редозубова по сержантскому погону и, довольный собой, захохотал, давая понять, насколько несерьезным было желание Редозубова. — Скажи спасибо, что я тебя сразу разглядел!..

Да, так было всегда: добросовестность, с которой он приступал к любой порученной работе, всюду понимали так, будто это конкретное дело и есть его истинное призвание. Но то была армия. Каждый мужчина в нашей стране — солдат, и на каком бы посту ни застала его армейская служба, всюду он обязан приложить максимум стараний и способностей и выполнить свой долг. Так рассуждал Редозубов-старший, закончивший войну в звании капитана и в должности командира автобата. И Редозубов-младший, ушедший в армию через два года после смерти отца, свой долг выполнил.

Но милиция!.. Почему милиция?.. Почему он здесь не нашел в себе силы отказаться? К милицейской службе он не чувствовал ни тяги, ни призвания. И добро бы еще в ГАИ, куда первоначально направил его райком комсомола: как автомобилист, в ГАИ он чувствовал бы себя более или менее уверенно... Но уголовный розыск?!

Он мысленно окинул взглядом свои полтора месяца службы в милиции и пришел в отчаяние. Что же он сделал за этот немалый срок? Раскрыл кражу пятирублевого поролонового коврика и электрической бритвы, за которыми бегал три дня по всему поселку? Еще два-три таких же «дела»? И это за полтора месяца! Водитель лесовозного автомобиля вывозит за этот срок пять тысяч кубометров леса!.. «Да, я безвольный человек, — с горечью думал Редозубов, подпрыгивая на жесткой лавке для конвоя. — Разве нельзя было отказаться? Ведь каждый понял бы, что в гараже от меня куда больше толку...»

Автозак затормозил между тем у старого, с оборванными наличниками, восьмиквартирного дома по Краснопартизанскому переулку. Это был один из первых домов-ветеранов, выстроенных в поселке, когда еще только образовывался леспромхоз. Редозубов дождался, пока Шабалин вылез из кабины и выпустил его на свободу. Яркое

солнце ослепило после пребывания в полутьме. Двор являл собой крайнюю степень бесхозяйственности и беспорядка и, что самое огорчительное, равнодушия населявших его обитателей, с которыми не могли пока сладить ни участковый, ни санэпидстанция, ни даже поселковый Совет.

Обойдя полуразрушенную поленницу почерневших осиновых дров и кучу мусора напротив крыльца, Шабалин и Редозубов вошли в темный коридор и постучались в одну из квартир. Ответа не последовало. Шабалин постучался еще раз, открыл дверь.

На стоявшей у противоположной от входа стены двухспальной кровати, застланной грязным матрацем и свалывшимися, еще более грязными простынями, спала, раскинув полные руки, женщина в засаленной, залитой красным вином шелковой комбинации. Рядом с ней храпел небритый парень лет двадцати пяти, с опухшей от пьянки физиономией, едва прикрытый до пояса ватным одеялом. Еще один, такого же, приблизительно, возраста, спал на полу, в полуметре от кровати, подстелив полушубок.

А в углу, за столом, заставленным множеством бутылок из-под водки и крепленого вина, заваленным объедками, сидел худой тщедушный парнишка лет двенадцати, зажав в кулачках кусок хлеба и хвост сушеной рыбы. Он без удивления смотрел на вошедших — подобные визиты ему были, видно, не в диковинку.

Это и был известный в поселке вор по кличке Хайма.

11

Во всяком ремесле, понимаемом широко, есть мастера, работы которых несравнимы с работами других представителей той же профессии. И когда заходит речь о тайнах ремесла, следует со всей определенностью признать, что лишь они, эти мастера, действительно владеют тайнами; все остальные овладевают лишь навыками. Конечно, подобных мастеров не может быть сотни, сколь бы массовой ни была профессия; вряд ли могут исчисляться они также и десятками; их всегда единицы, и явление таких мастеров не обуславливается порой ни временем, ни местом, ни даже потребностью в них общества.

Вряд ли таежному северному району, славящемуся своими мастерами по заготовке и разделке древесины, транспортировке газа и леса, мастерами погрузки и разгрузки,

вождения различных летательных аппаратов и тяжелых плетевозов, — вряд ли такому району был катастрофически необходим также и выдающийся мастер дамского платья. И, однако, такой мастер — в лице Липатия Львовича Ветцеля — здесь существовал. Как ни странно, об этом мало кто знал. Все считали его просто хорошим портным, что, конечно, и так было немало. Гораздо большей известностью пользовались, как уже говорилось, исключительные, переходящие, по мнению многих, всякие границы вежливость и предупредительность Липатия Львовича, без малейшей, однако, тени подобострастия или угодливости перед кем бы то ни было.

Еще большее удивление вызвало однажды появление Ветцеля в леспромхозовском клубе на вечере, посвященном 30-летию Победы, с четырьмя наградами на груди, среди которых была редкая в этих местах, никогда не бывших под оккупацией, потемневшая латунная медаль «Партизану Отечественной войны» 2-й степени.

Ветцель был старожилом района: он приехал сюда после войны и с тех пор его не покидал. Поразительная расположенность Липатия Львовича ко всем людям без исключения и без какого-либо деления на плохих и хороших, невзирая ни на какие их слабости и недостатки, воспринималась некоторыми как естественное следствие тихой и размеренной, не отягощаемой даже семейными заботами одинокой жизни; иным же казалось, что этот аккуратный благообразный старичок, с белой как лунь головой, себе на уме и не желает, в ущерб собственному здоровью и спокойствию, не только раздражаться, но и просто расстраиваться или волноваться из-за каких-то неурядиц. Кто бы мог подумать, что такой человек награжден партизанской медалью!

И уж тем более никто бы никогда не подумал, что в душе этого скромного человека с вечной доброжелательной улыбкой заложен заряд такой смертельной ненависти, какой хватило бы и более темпераментному человеку на три жизни.

Ветцель был одинок не по своей воле. Его престарелую бабушку, мать, отца и младшего брата-подростка расстреляли бандиты из эйнзатцкоманды «4а», проходившей маршем через Чернигов. Беременную жену Липатия затоптал коваными сапогами унтер-штурмфюрер СС Вальтер Штеймле. Двух старших сестер замучили пьяные полицаи 399-й черниговской обер-фельдкомендатуры.

Поседевшего в двадцать восемь лет Липатия Ветцеля, бывшего уже в те годы известным портным, спрятала у себя дома семья русского сапожника; в ту же ночь Ветцель ушел из города и сумел прибиться к партизанам.

В отряде, где комиссаром оказался ответственный партийный работник, жене которого Ветцель сшил до войны коверкотовый, английского покроя костюм, Липатия, по его настоятельной просьбе, зачислили в группу подрывников, и он усердно изучал принцип действия колесных замыкателей и способы изготовления кумулятивных зарядов, а в остальное время латал партизанам старую одежду или перешивал из трофейного тряпья новую. Здесь, в отряде, он почувствовал себя рожденным заново.

Незадолго перед выходом на первое самостоятельное задание на базу привели для допроса эсэсовского офицера. Едва увидав перед собой фашиста, Ветцель вскочил с пня и, размахивая большими портновскими ножницами, с диким нечеловеческим воплем бросился на врага. Командир отряда, возблагодарив судьбу за то, что под рукой у Ветцеля не оказалось другого оружия, кроме ножниц, иначе не видать бы в живых добытого с таким трудом эсэсовца, немедленно приказал отчислить «храброго портняжку» (как прозвали Ветцеля в отряде) из подрывников и окончательно определить в хозвзвод. Комиссар к тому времени погиб, и вступить за Липатия было некому.

Впрочем, и находясь в хозвзводе, Ветцель вполне заслужил свою партизанскую медаль. Освоив дополнительно шорное и сапожное ремесло, он ни минуты не сидел без дела; портняжничал, начиная от телогреек и маскхалатов и кончая подгонкой для разведчиков немецкого обмундирования; в то время и в тех условиях он делал то, что в полной мере могут оценить лишь партизаны.

В конце сентября 1943 года, войдя вместе со своей частью в освобожденный Чернигов, Ветцель бросился искать семью сапожника, которая спасла его от фашистов.

И тут он узнал такое, от чего впору было выть волком. Оказалось, что семью сапожника выдал провокатор. Сапожник и его жена скончались в страшных муках на допросах в комендатуре, а их четверых малолетних детей живьем сбросили в колодец. Имя провокатора осталось неизвестным. Во вновь организованном Черниговском управлении КГБ, куда обратился Ветцель, ничем помочь не могли, но заверили, что ни один изменник от возмездия не уйдет.

Однако имени провокатора не удалось установить и при последующих расследованиях дел гитлеровских пособников. Возможно, предатель успел бежать с немцами, вполне также возможно, был разоблачен и расстрелян за другие преступления, но не исключалась также и возможность, что он сумел замести следы, жив и ходит где-то рядом. Сознание того, что предатель не установлен и, быть может, злорадствует над его, Липатия, горем и горем других людей, было невыносимо для Ветцеля. Он должен был найти провокатора во что бы то ни стало.

Заподозрив как-то одного из переживших оккупацию черниговцев, Липатий прибежал в управление госбезопасности с требованием немедленно арестовать фашистского прихвостня. Выяснилось, однако, что человек, которого заподозрил Ветцель, был подпольщиком и за свою работу в тылу врага награжден орденом Ленина. Этот случай совершенно убил Ветцеля, теперь уже не потому, что не удалось найти предателя, а потому, что он заподозрил героя. Ветцель с ужасом вдруг обнаружил, что, бродя по разрушенным кварталам города, он всматривается с подозрением в каждого, кто встречается ему на пути. И тогда он понял, что, оставаясь в Чернигове, непременно сойдет с ума, подозревая всех и каждого и бросая тень на невинных людей.

Оказавшись в Западной Сибири, Ветцель почувствовал себя рожденным в третий раз. В этом лесном заболоченном районе, живо напоминавшем ему партизанский край, жили отважные работающие люди, удалью похожие на партизан. Так же, как партизаны, они длительное время проводили в лесу, выполняя тяжелую и ответственную работу; так же, как партизаны, они возвращались из лесу усталые и заросшие, но с чувством гордости за порученное им важное для народа дело; так же, как партизаны, они умели широко, бесшабашно отметить трудовую победу.

Ветцель, живя в молодежном общежитии, никогда не отказывался ни от одной компании, если его приглашали. Приглашали же его часто. И не только потому, что большинству этих парней в разное время требовалось, согласно моде, то ушить, сузить брюки, то, напротив, расклешить до невозможных размеров; невестам этих ребят нужны были свадебные платья, а женам — красивые наряды, — было и это, но потом его стали приглашать просто так, просто потому, что привыкли к этому доброму старику (Ветцель в тридцать лет выглядел уже стариком). Сам никогда

в жизни не выпивший ни одной рюмки водки и не выкуривший ни одной папиросы, Ветцель часами высиживал в дымном чаду, радостно улыбаясь и веселясь вместе со всеми.

Но если, находясь на работе или в компании шумных лесорубов, он испытывал чувство радости и даже умиления от общения с людьми, то, возвращаясь в свое жилище, Липатий Львович попадал совсем в другой мир.

Стены двух его комнат были заняты высокими — до потолка — стеллажами, на которых стояли книги, альбомы, папки с вырезками из газет и журналов, общие тетради с выписками... Здесь были мемуары Гудериана и дневники Гальдера, воспоминания узников Равенсбрюка и Хорольской ямы, издания документов Нюрнбергского процесса и Международной конференции по вопросам преследования нацистских преступников, «Дневник Анны Франк» и «Путеводитель по Освенциму», фотографии мемориала Хатыни и репродукции «Молодогвардейцев на допросе» и «Герники», «Песня фашистских бомбардировщиков» Эйса Криге и «Репортаж с петлей на шее» Юлиуса Фучика, «Дневные звезды» Ольги Берггольц и портрет депутата Верховного Совета СССР, дважды Героя Социалистического Труда, украинской колхозницы Степаниды Демидовны Виштак, угнанной фашистами в 1942 году в Германию, где она работала на кирпичном заводе в Лейпциге...

Вновь и вновь перебирая эти человеческие документы, Липатий Львович поражался чудовищному равнодушию мира к фашистским проявлениям.

...Как-то раз Липатия Львовича поразила совершенно неожиданно пришедшая в голову мысль: если человека, укравшего кошелек с деньгами, называют преступником, то как в таком случае назвать палача, руки которого обгарены кровью тысяч невинных жертв?..

Поскольку, пользуясь такой постановкой вопроса, Ветцель ответа не находил, ибо именно так — преступниками — назвал главарей третьего рейха Международный Военный Трибунал, — мысль трансформировалась в следующую формулу: если палача, на совести которого тысячи, а то и миллионы загубленных душ, можно назвать преступником, то можно ли точно так же — преступником — назвать и вора, укравшего кошелек?

Ветцель не задумывался над тем, что вор, укравший кошелек, мог украсть и продовольственную карточку в блокадном Ленинграде и тем самым обречь кого-то на голод-

ную смерть; не выводил отсюда никакой теории всепрощения и даже в душе не пытался осудить суровость уголовного кодекса, — все это просто не приходило ему в голову. Но его личное отношение к тем, кого закон безоговорочно (и, конечно, не без оснований) называл преступниками, коренным образом изменилось, — он не мог называть этих людей преступниками уже только за то, что они не фашисты.

Именно в это время, то есть приблизительно за год до описываемых в этой книге событий, когда Костик был старшим инспектором ОУР, а Шабалин просто инспектором, когда работал еще майор Собко, а Редозубов и не помышлял о милицейской службе, — Ветцеля пригласили к телефону. Звонил Костик. Ветцель поначалу не мог понять, о чем речь. Наконец, уяснил, что Костик просит его принять на работу девушку, которую он, Костик, рекомендует.

— Да в чем же дело? — сказал Липатий Львович, недоумевая, почему такую простую просьбу старший лейтенант излагает столь туманно и длинно. — Конечно, присылайте! Она уже работала в нашей области? Впрочем, неважно! Если даже ничего не умеет, я возьму ее ученицей.

— Да нет, работать-то работала, — ответил Костик и снова змялся. — Но... как бы это вам объяснить... в довольно специфических условиях... Она недавно возвратилась из мест лишения.

— Лишения? Какого лишения?

— Лишения свободы.

— Господи! — сказал Ветцель.

— Ну вот видите, — вздохнул Костик. — Кому ни позвоню — люди нужны всем, а как скажу — откуда...

— Да вы что! — закричал Ветцель. — Немедленно присылайте ее ко мне!..

— Видите ли, — осторожно перебил задыхавшегося Ветцеля Костик. — Дело в том, что она сидела за кражу. Два года.

— Господи! — разволновался еще более Липатий Львович. — Что же она такого могла украсть, что ее на целых два года? .

— Да так, кое-что по мелочи, — ответил Костик. — Ну, в общем, квартирная кража. Но она была не главная. Просто пособница... Так что я думаю...

— Да о чем вы думаете! — вновь закричал Ветцель. — Присылайте ее ко мне! И притом немедленно!..

— Ну, вроде вся гвардия в сборе! — сказал Шабалин и повернулся к Редозубову, сидевшему рядом с ним сбоку от стола. — Гляди и запоминай! Витя Рябкин по кличке Хайма. Ворует, сколько себя помнит. Во всяком случае, как ползать научился, так сразу пришлось и на учет брать. Далее. Серега Загваздин. Совершенно исключительная личность: ни дня без кражи. Следующий. Женя Данилов. Тоже, думаю, далеко пойдет. Если тюрьма не остановит. Так, Женька? Ну, тут особый случай. Потом поговорим. Ну, и наконец — Мишка Азаренок. Кликуха — Боцман. Вон у него на руке — видишь? — якорек выколот. Да ты не прячь, покажи! Этот уже сидел в колонии. В личном зачете — штук пятнадцать лодочных моторов. Последний подвиг — угон портовского полуглиссера из-под носа у военизированной охраны. Представь: утром пилоты приходят, а самолет отбуксировать нечем. Во ситуация, а?

Шабалин помолчал, еще раз медленно оглядел всех четверых и, постукивая тяжелым кулаком по столу, закончил:

— Вот, так сказать, будущая надежда нашего районного уголовного мира.

Четверо, сидевшие на расставленных вдоль стены стульях, на речь начальника ОУР реагировали по-разному. Маленький, щуплый Хайма тер грязными кулачками заплаканные глаза. Нескладный, худой, в огромном, явно с чужого плеча, твидовом пиджаке, «исключительная личность» Загваздин безразлично смотрел в окно на стоявший во дворе автозак. Женя Данилов, аккуратно причесанный, хорошо одетый, резко выделяющийся из этой компании мальчик, сжавшись от страха, с тревогой, с мольбой смотрел на Шабалина. Последний — Мишка Азаренок — рослый, крепкого сложения и на вид добродушный парень, в тельняшке, в потертой речной тужурке, в резиновых броднях, — слушал Шабалина с ухмылкой.

Шабалин перевел взгляд на стоявший на углу стола магнитофон «Телефункен», повертел в пальцах изящную, чуть толще карандаша, серебряную трубочку — микрофон и, обращаясь ко всем, сказал:

— Ну что скажете, герои?

— Да что тут скажешь, — степенно, баском, отозвался Азаренок. — Ясное дело: Хайма раскололся. Или Жека. Так я и думал.

— Что — так ты и думал? — рассеянно переспросил Шабалин, просматривая какие-то бумаги.

— Ну что они сразу расколются. Это уж как водится...

— Зачем же ты их брал... на такое дело? — не выдержав, вмешался Редозубов. — Коли уж наперед все знал.

Азаренок вздохнул:

— А куда от них денешься? Лезут, черти... Да вы сами посудите, — обратился он к Редозубову, видя, что Шабалин мало интересуется его объяснениями. — Вот у этого, у Хаймы, матуха пьет, гуляет, как мужиков приведет — из дому гонит. Куда ему податься? А Жеку взять, у того — наоборот, шагу ступить не дадут... А чё там! Ну-ка, встань! — приказал он дрожавшему от страха Данилову. Тот вскочил со стула. — Повернись задницей к столу. — Мальчик послушно повернулся. — Спусти штаны. — Мальчик заколебался. — Ну! — прикрикнул Боцман. Данилов, смущаясь, спустил штанишки, и Редозубов отчетливо увидел недавно зарубцевавшиеся на ягодицах следы побоев. — Вот видите, — сказал Азаренок. — А все за то, что какую-то стекляшку кокнул.

— И не стекляшку вовсе, а хрустальный фужер! — горячо поправил, натягивая штанишки, Женя Данилов. — За стекляшку бы так не стали.

— Вот и приходится, — сказал Азаренок. — Возьмешь на свою голову... Да им-то что, ничего не будет, по четырнадцать еще нету, а мне-то опять сидеть за этот магнитофон. Дядя Саня! — неожиданно обратился он к Шабалину. — Дай-ка закурить, с утра бычка во рту не держал.

Шабалин нахмурился, секунду помедлил, затем молча выдвинул ящик стола, достал пачку «Беломора».

— Спички есть, — сказал Азаренок. — Вот спасибо, а то матуха ни копыя на курево не кидает. Правда, у ней и у самой не густо, как братана посадили... Ты меня прямо шас в КПЗ заткнешь, дядя Саня?

— Да нет, — ответил Шабалин. — Передам, — кивнул на «Телефункен», — в прокуратуру, пусть они решают.

— Тогда ладно, — сказал Боцман, — я за эти дни, может, матухе дров успею напилить.

В это время дверь распахнулась, и в кабинет вбежала инспектор детской комнаты лейтенант Савина. Ее короткие белые кудряшки растрепались, брючный костюм был не совсем хорошо отглажен — собиралась она, видно, наспех. Запыхавшись, Валентина Александровна остановилась у стола, стараясь перевести дух.

Азаренок выхватил изо рта папиросу и спрятал за спину. Но было поздно.

— Куришь?! — вскричала Валентина Александровна, потряхнув кудряшками. Боцман отрицательно мотнул головой. — Как нет?! А это что?! Дай сюда! — бросилась она к Азаренку. — Кому говорю, дай сюда руку! А ты знаешь, как губительно действует никотин на молодой организм?! Я тебе разве не говорила?! Дай, говорю, папиросу!..

— Да нету ее у меня, — басил Боцман, вставая со стула, в то время как Валентина Александровна проводила тщательный розыск: заглянула под стул, заставила Азаренка вывернуть карманы — все было напрасно. Папиросы нигде не было. Боцман же недоуменно пожимал плечами. — Говорю же вам, нету...

— А-а! — еще более поразились Валентина Александровна, взглянув на Хайму. — Ты в помещении в шапке сидишь?! — вскричала она в сильнейшем волнении. Рябкин торопливо сдернул кепчонку. — Сколько раз тебя учить, что в помещении головной убор необходимо снимать?! Ты же этим себя не уважаешь! Тем, что сидишь в головном уборе!! Этим ты не уважаешь прежде всего себя!!!

— Я больше не бу-у-уду... — жалобно тянул Хайма. — Я в последний ра-а-аз...

Валентина Александровна захлебывалась от возмущения, и тут вдруг, сообразив все до конца, округлив глаза, повернулась к Шабалину:

— И это все при вас?! В вашем присутствии?!!

Она в изнеможении опустила на стул, хватая ртом воздух. Редозубов торопливо налил из графина воды и подал ей. Она отпила глоток, стуча зубами о край стакана.

Шабалин поморщился.

— Валентина Александровна, — сказал он. — Вы же сказали, что болеете. Зачем же так себя волновать? Зачем вы вообще пришли?

— Да, я болею, — гордо ответила та. — Но я не могу смотреть равнодушно, как... как... Я должна была прийти сюда и поговорить с ними! А вот вы...

— А вот мы, — Шабалин встал и взглянул на Редозубова, как бы делая заявление и от его имени, — считаем, что вам нужно было разговаривать с ними раньше. А теперь с ними будем говорить мы! Вот так, Валентина Александровна!

— Вот так, Валерий Романович, было дело, — сказал Шабалин и придавил в пепельнице окурочок. — Никто не собирался и не собирается ее дискредитировать, — продолжал Шабалин. — Она сама себя дискредитирует перед подростками. Так работать нельзя! — произнес он знаменитую фразу бывшего начальника ОУР Собко. — Надо Рябкину родительских прав лишить, — материал не собран!.. А Савина учит шапку снимать в помещении! Или взять того же Азаренка: отец сидит, брат сидит, сам полтора года провел в ВТК¹, мать уборщицей еле тянет, а Савина трагедию видит в том, что он закурил! Да я сам, Валерий Романович, если хотите знать, с тринадцати лет курю! Хвалиться, конечно, печем, но уж так получилось. А в пятнадцать уже на заводе вкалывал, слесарил. И, как видите, не стал ни вором, ни хулиганом, даже, кажется, наоборот.

— Да и я в школе потягивал, — неожиданно вспомнил Проводников, и тут же крайняя досада на себя охватила его. Ему никак не удавалось повернуть разговор в нужное русло. Вновь и вновь выходило, что то, о чем говорил Шабалин, является гораздо более важным, чем то, о чем собирался побеседовать замполит. — Александр Николаевич, — решительно произнес Проводников. — Вот мы с вами люди одного поколения, даже одногодки. Даже социальное происхождение, если уж на то пошло, как будто одинаковое. Служим одному делу. И тем не менее никак не можем понять друг друга. Скажу больше...

В дверь коротко, но громко постучали, вслед за тем она отворилась, и на пороге возникла стройная, хорошо одетая женщина лет тридцати пяти или чуть постарше.

— Я занят! — строго сказал Проводников, ожидая, что дверь закроется, но этого не произошло. — Я занят! — повторил Проводников. — Зайдите, пожалуйста, попозже...

— Я — Данилова! — коротко бросила женщина, проходя, как хозяйка, в кабинет. — К сожалению, вашего начальника я не застала, он где-то в райисполкоме, Чиладзе тоже, приходится обращаться к вам. — Она обошла стоящую у нее на пути раструбом вниз трубу, села в кресло напротив Шабалина, поставила черную кожаную сумочку на стол, предварительно сдвинув передвижной календарь, и, поправляя юбку, сказала: — Надолго вас не задержу.

¹ ВТК — воспитательно-трудовая колония.

— Вы... мать Жени Данилова? — осведомился Шабалин.

— Я — невестка Георгия Михеевича Данилова, — не удостоив Шабалина взглядом, ответила женщина. — Вы, надеюсь, в курсе? — обратилась она к замполиту.

— В курсе, — сухо сказал Проводников. — Что ж, слушаю вас.

— А-а... лейтенант?.. — женщина небрежно кивнула в сторону Шабалина.

— Лейтенант тоже в курсе, — ответил Проводников, хотя прекрасно понял, что женщина спрашивала, не будет ли Шабалин лишним. — Слушаю вас.

Женщина еще раз поправила юбку и сказала:

— Я слышала, что для трудных детей существуют какие-то спецшколы, где их...

— Ах вот вы о чем! — вмешался Шабалин. — Да, такие школы есть. Но вы можете быть спокойны: вашему сыну она пока не грозит. Он, в общем-то, в этой краже участия не принимал... да хотя бы и принимал: для спецшколы этого мало.

Женщина, взглянув на Шабалина как на посторонний предмет, прикоснулась пальцами к сложной прическе и продолжала:

— Вы не можете вообразить, капитан, что это за ребенок! Постоянно что-то ломает, крушит! Во что ни одень, все превратит в лохмотья! Вчера залил гуашью индийский ковер! Это какой-то тяжелый кошмар! — В глазах у нее появились слезы. — Уже просто не знаю, что мне с ним делать!..

Шабалин потянулся было за папиросой, но, взглянув на женщину, передумал и откинулся опять на спинку кресла.

— У вас один ребенок? — спросил он. Женщина не удостоила его ответом. — Конечно, приятного в этом мало, — тем не менее продолжал Шабалин, — но... не принимайте так близко к сердцу. Смотрите на эти вещи проще. Кто из нас в детстве не драл штанов и чего-нибудь не ломал!..

Едва Шабалин произнес слово вещи, женщина больше не слушала его. Выпрямившись в кресле и осторожно сжав кулачки так, чтобы не поломать длинные ногти, она гневно закричала:

— Вам, может быть, ваши вещи достались задаром, легко, а я своим цену знаю! Я этот ковер, который он варварски угробил, вот этими ногами выбегала! Вы, может, свои ковры получили в наследство, а я...

— Погодите, — сказал Шабалин, никогда в своей жизни не имевший никакого ковра, — я что-то не совсем вас понимаю...

— А вам незачем и понимать! Кто вы вообще такой?!

— То есть... как? — растерялся Шабалин.

— Это начальник уголовного розыска, — мрачней, сказал Проводников. — Но... я тоже не совсем понимаю...

— Ах, вот оно что! Значит, начальник уголовного розыска считает, что если этот бандит разбил хрустальный фужер, поцарапал финскую стенку, залил гуашью ковер, — всего этого мало?! Для того, чтобы отправить ребенка в спецшколу, нужно, чтобы он зарезал собственную мать?! Да еще он, оказывается, и вор! И всего этого мало?!

— Извините, — сказал Проводников. — Я... мы... — взглянул на Шабалина, — не совсем понимаем... Вы что же... так сказать... просите отправить вашего сына в спецшколу?..

— Не прошу, а требую! И притом немедленно! Пока он окончательно дом не своротил!

Наступило тягостное молчание. Ни Шабалин, ни Проводников, немало повидавшие за годы службы, все еще не могли свыкнуться с тем, о чем говорила эта стройная, разнаряженная женщина с правильными, даже миловидными чертами лица.

Наконец, Шабалин, допуская, что они с замполитом не так ее поняли или она не так их поняла, осторожно произнес:

— Вы, может быть, не совсем представляете себе, что такое специальная школа? Это ведь... не суворовское училище... и не... пионерский лагерь. Это... как бы вам лучше объяснить... это тюрьма! — внезапно раздражаясь, поскольку женщина сидела с каменным лицом, воскликнул Шабалин. — Тюрьма для малолетних преступников, понимаете?!

Женщина, плотно сжав губы, молчала.

— Нет, не тюрьма, конечно, — поспешно сказал Проводников, — но, действительно, своего рода воспитательное учреждение. И-и... довольно-таки строгое... Туда уж берут... действительно, как говорится, отпетых... Притом... если нет родителей или если они не заслуживают этого звания... лишены родительских прав... А у вас, насколько я знаю, приличная семья, муж порядочный человек, не пьяница и не дебошир. Александр Иванович, конечно, погорячился... так сказать, для доступности... тюрьма не тюрьма, но...

— Если тюрьма, то туда ему и дорога!

— Не вам судить! — рявкнул вдруг Шабалин, окончательно выходя из себя. — Эти вопросы решает комиссия по делам несовершеннолетних! И если вы...

Проводников жестом остановил его.

— Кроме того, — продолжал он, волнуясь не меньше Шабалина, — кроме того... отец вашего мужа... дед вашего мальчика... старый большевик, заслуженный человек... Скажу больше: у меня сейчас ни секунды свободного времени... и я... принял вас исключительно потому, что ваш свекор... из уважения к его заслугам...

— Ах, не говорите вы мне про свекра! — взорвалась женщина. — Это какое-то сплошное недоразумение! У него совершенно нет интереса к жизни! Выспится, поест и хватается за книжку! Да хоть бы художественное что-нибудь доставал, а то так, ерунду всякую!.. Что он может дать мальчику? Если он родному сыну несчастного ковра достать не может! На машину третий год в очереди стоим! Старый большевик, называется! Ну, ладно, пусть его паралич разбил, я согласна! Но язык-то у него не отсох? Что он, не может позвонить куда следует? Он же здесь Советскую власть устанавливал! Здоровье потерял на этом проклятом Севере! Так нет! Что я выбегаю, то и мое!..

Проводников молча взял лежавшую на столе перед Шабалиным пачку «Беломора», вытряхнул папиросу и рассеянно поискал глазами спички. Достав из кармана коробок, Шабалин зажег спичку и, когда Проводников раскурил папиросу, произнес:

— Да, Валерий Романович. Вот они, проблемы-то.

Замполит с непривычки поперхнулся дымом и закашлялся.

Девушка, которую прислал Костик, сразу пришлась Ветцелю по душе. Миленькая, на вид очень хрупкая, в светло-коричневом платьице с кружевным воротничком, в легких — несмотря на раннюю в тот год осень и грязь — поношенных туфельках, она удивительно походила на школьницу. «И эта бедная девочка — подумать только! — два года провела... в местах лишения свободы!» — с острой, непреходящей жалостью думал Ветцель. Когда она вошла, он даже не сразу сообразил, что это она, решив, что явилась заказчица; когда же девушка объявила, что

ее прислал Костик, Липатий Львович вскочил, засуетился, торопливо кинулся усаживать, смахнув со стула потрепанную стопку журналов мод, и, страшно взволнованный, не сразу нашел что сказать.

— Вас, простите, как величать прикажете? — робко спросил он, наконец. — Я, признаться, позабыл спросить Николая Михайловича...

— Лида.

— Да-да, Лидия!.. А по батюшке?..

Девушка недоуменно взглянула на него и ответила:

— Степановна.

— Лидия Степановна? Прекрасно! — умиленно подхватил Ветцель. — Превосходное имя! Просто чудесное! Очень приятно! Ну, а меня Липатий Львович Вет... впрочем, это неважно!.. Как я понял из беседы с Николаем Михайловичем, вы в нашем деле далеко не новичок, не так ли?..

Девушка равнодушно пожала плечами.

— Да-да! — едва не захлебываясь, торопливо продолжал Липатий Львович. — Мне об этом определенно сказал Николай Михайлович!..

— Костик, что ли?

— Да-да, именно Николай Михайлович Костик! — восторженно подтвердил Липатий Львович. — Вы уже работали швеей, не так ли?

— Работала, — просто сказала девушка. — В зоне.

— Да-да!.. Где, простите?.. — встрепнулся Ветцель.

— В зоне, — четко повторила она. — Ну, в колонии.

— Ах, да! Это прекрасно! То есть я хочу сказать, что это очень плохо, что вы... то есть что вам пришлось... Вернее, я совсем не в том смысле!.. — Ветцель окончательно смешался, сбился и покраснел. — Лидия Степановна, поймите меня правильно!..

Она вздохнула, встала со стула и одернула платице.

— Не берете, что ли? Так так бы прямо и сказали.

— Да помилуйте! — вскричал Ветцель. — Сядьте! Сядьте, ради бога, я вас очень прошу!..

Липатий Львович был совершенно обескуражен. Он никак не мог взять в толк, почему его приветливость была истолкована столь чудовищным образом. «Да-да, это понятно, — решил он, наконец. — Девочка столько перенесла... Это вполне объяснимо!» Подтвердилась его догадка и на следующий день, когда он лично принес ей крой и, раскладывая детали платья, принялся объяснять:

— Вот, извольте видеть, Лидия Степановна, наряд-за-

каз. Материал заказчика, подклад и фурнитура наша... Вот, пожалуйста, спинка, воротничок, полочка... вот юбка... здесь даем широкую строчку... Ну, а это подрез... подрез возвращаем заказчику... — Липатий Львович развернул лоскутки и принялся переключивать их с места на место, лишь бы не молчать и не бездействовать. — Видите, тут еще приличные лоскутки из подреза... Вот этот вполне годится на отделку. Вот этот по косой тоже...

— Вы что, считаете их, что ли? — неожиданно спросила девушка. — Не бойтесь, не украду.

Липатий Львович ужасно смутился и поспешил уйти. Именно такой была ее реакция на все проявления доброжелательства. Девушка, очевидно, не могла свыкнуться с мыслью, что с ней могут быть приветливы без камня за пазухой или без иного злого умысла.

Со всеми остальными окружавшими ее людьми она держалась достаточно независимо и свободно, но с появлением Ветцеля сжималась и уходила в себя. Все остальные и не пытались расположить ее к себе, а порой даже и намекали на ее прошлое, во всяком случае, относились к ней настороженно, не выказывая особого доверия, и это было ей, видимо, понятно и не вызывало удивления. Ветцеля же она понять не могла.

Липатий Львович испытывал тяжкие душевные муки. Как-то раз, месяца через два, он подошел к ней и, запинаясь и краснея, робко предложил:

— Лидия Степановна, я хочу вот... тут кое-что... вот, видите ли... я купил билет... сегодня в семь тридцать... как раз успеете после работы... в Доме культуры... артисты из Москвы... лауреат международного конкурса... говорят, поет замечательно... сам, к сожалению... меня приглашали на... в... Словом, не угодно ли?.. — Он осторожно положил на столик машинки билет.

Девушка взглянула на него и сказала:

— Вы что, издеваетесь, да? Я под надзором. Мне в восемь нужно быть дома.

Липатий Львович похолодел и тут только вспомнил о бумаге, присланной из милиции и лежавшей у него в столе: «Сообщаем... на Вашем предприятии трудится... ранее неоднократно судимая за различные преступления... Лепесткова Лидия Степановна, которая в настоящее время... находится... под административным надзором милиции... запрещен выезд за пределы поселка... в том числе в командировки без предварительного разрешения... ограничен вы-

ход из дома с 20 до 6 часов... запрещено посещение ресторанов, вокзалов, танцевальных площадок... Просим Вас как руководителя предприятия... создать условия... оказывать положительное влияние... привлечь к общественной работе коллектива...»

— И-и... что же вам будет... если вы не явитесь в восемь часов?.. Если хоть на десять минут опоздаете?.. Или вот... танцы?

Она усмехнулась:

— В первый раз оштрафуют, а потом... посадят на два года...

— Ку... куда?..

— В колонию. Вам этого хочется, да?

— Как?! — вне себя вскричал Ветцель. — За то, что вы пойдете на танцы, вас... на два года... в колонию?!

...Прошел почти год. Все усилия Ветцеля хоть как-то приблизить девушку были напрасны. В его присутствии девушка замыкалась; угрюмо, а то и раздраженно отвечала на вопросы. Липатий Львович затосковал.

В довершение ко всему в мастерской стали происходить странные события. Однажды утром к Ветцелю вошла пожилая закройщица и конфиденциально сообщила, что стали пропадать куски материи. Липатий Львович предложил поискать, может, куда завалились, но закройщица объявила, что перерыли все, нигде нет. Немного позже явился инспектор ОБХСС, обслуживавший КБО, и потребовал копии наряд-заказов, регистрационные книги, накладные и другие документы. На следующий день Ветцеля пригласил к себе начальник отделения БХСС капитан Ряжских и, поговорив на довольно-таки отвлеченные темы, отпустил, как показалось Липатию Львовичу, с самым загадочным видом.

И, наконец, раздался до крайности странный звонок Шабалина:

— Липатий Львович, ты?.. Слушай, Лепесткова сейчас на работе?

— Господи, что случилось? — испугался окончательно Ветцель.

— Да нет, пока ничего...

— Тут какое-то недоразумение! — залепетал Липатий Львович. — Я вам сейчас все объясню! Мне действительно сказали, что стали пропадать куски материи...

— Ну, и ты ее подозреваешь, что ли? — перебил Шабалин.

— Послушайте, — заторопился Ветцель, — я ни минуты

не сомневаюсь, что она... то есть, я хотел сказать, Лидия Степановна...

— Ладно, — решительно перебил и на этот раз Шабалин. — Мы тут разберемся. Мой инспектор за ней заскочит. Ей пока ни слова, понял?

— Погодите! — закричал Ветцель, но Шабалин уже бросил трубку. — Господи, да что же это...

Липатий Львович ничего не понимал. Если мастерской вдруг заинтересовался ОБХСС, то почему звонит начальник уголовного розыска?.. Неужели?.. Ветцель вдруг вспомнил, что не так давно посылал девушку на дом к одной заказчице, жене знаменитого водителя лесовоза; той требовалось срочно подправить платье, и она попросила прислать мастера к ней. В то время почти все мастера были в разъезде, обслуживая расположенные в районе леспрохозы, и Ветцель отправил Лидию Степановну (он называл ее так и мысленно). Неужели девушке понравилась какая-нибудь безделушка и она ее... взяла?.. Ветцель бросился к телефону и торопливо набрал номер. Жена водителя, к счастью, была дома.

— Ах, это вы, Липатий Львович? Представьте, какое чудное совпадение! Я только что собиралась звонить к вам! Представьте, мне только что привезли совершенно потрясающий японский шелк! Представьте: пепельное поле...

— Ольга Николаевна! — отважился ввиду чрезвычайных обстоятельств перебить Ветцель. — Японский шелк невозможно описать по телефону, его нужно увидеть. Я непременно... сегодня же!.. нет, простите... завтра же!.. зайду к вам и посмотрю...

— Ах, это было бы чудно! Я пришлю за вами мужа на машине...

— Ольга Николаевна, я хотел спросить у вас... вот та девушка, я к вам присылал... я бы хотел узнать...

— Ах, Липатий Львович, это чудная девушка! У нее золотые руки! Представьте, я до сих пор еще ношу это платье...

Огромный груз свалился с плеч Ветцеля. Однако тут же стали одолевать новые сомнения. А что, если девочка... что, если ей понравился... ну, какой-нибудь лоскуток... на отделку... ну... два... ведь это же так понятно в ее возрасте... И она... она... взяла его... Почему Шабалин предупредил: ей пока ни слова? Это же совершенно ясно: ее хотят захватить врасплох! И если за то, что она пойдет на танцы, ей грозит два года... лишения свободы... то что же

будет, если у нее обнаружат какую-нибудь несчастную тряпку?! Липатий Львович побледнел и попросил девушку зайти к нему.

Она остановилась в дверях, равнодушно ожидая, что он скажет.

— Лидия Степановна! Заклинаю вас господом-богом! Если у вас где-нибудь... завалилась какая-нибудь тряпка... лоскуток... принесите ее... и положите так, чтобы ни я... ни кто другой... не видел... Лидия Степановна!

Она в упор посмотрела на заведующего.

— Змея вы подколодная, — сказала она звенящим голосом. — Перевидала я вас таких на своем веку. Но такую, как вы, сволочь в первый раз вижу. Я ненавижу вас. Я хочу, чтобы ваших детей так же презирали, как вы меня.

* * *

Большого для себя несчастья Липатий Львович не ждал. Примерно такое же чувство горького стыда и отчаяния испытал он тогда, в сорок пятом, когда в Черниговском управлении госбезопасности ему разъяснили, что человек, которого он заподозрил в пособничестве оккупантам, на самом деле — герой подполья.

Однако если тогда можно было ограничиться стыдом и отчаянием, то теперь необходимо было действовать самым решительным образом. Ветцель не мог, не имел права допустить, чтобы девушка, которую доверил ему старший лейтенант Костик, вновь попала туда, откуда лишь недавно вернулась. Поскольку за ней вот-вот должна была приехать милиция и предотвратить ничего было нельзя, Липатий Львович решился на отчаянный шаг. Он бросил все, добрался до дома 49 по улице Безноскова, где жила девушка, и на глазах у бабки, которой это следственное действие было не в диковинку, произвел обыск... Найти! Во что бы то ни стало найти все до единого лоскутка! Успеть до того, как приедет милиция!..

За этим занятнем его и застал Костик.

Шабалин возвращался от замполита в прекрасном расположении духа. Само появление этой вздорной, пекущейся лишь о тряпках женщины, готовой променять на них

родного сына, с беспощадной ясностью, как показалось Шабалину, говорило о том, что существуют куда более реальные и живые проблемы, нежели те, о коих печется замполит. Не все ли ему равно, кто раскрыл кражу: Шабалин или Редозубов? Важнее всего то, что она раскрыта! А стажеру — наука.

— А! Уже здесь! — сказал Шабалин, прикрывая за собой дверь и доставая из кармана пачку «Беломора». — Ну что, Лидочка, красавица моя, догадываешься, зачем мы тебя потревожили? Закуривай! — Он протянул ей «Беломор». Она взяла папиросу, прикурила от зажженной Редозубовым спички и так же, как тогда, в экскаваторе, жадно затянулась несколько раз подряд. — Вот такие пироги, — радушно продолжал Шабалин. — Ну, так догадываешься?

— Да, — ответила она. — Ветцель на меня накапал. Будто я тряпки ворую.

Шабалин усмехнулся, откинулся на спинку стула, слегка постукивая кулаком по столу.

— Да-а, у-умница... — протянул он. — Ничего не скажешь... Но со мной такие номера не проходят. И ты, Лесточек, — повысил он голос, — это отлично знаешь!

Девушка судорожно ткнула окурок в пепельницу и, задохнувшись на середине фразы, спросила:

— Чего вы... от меня хотите?

Шабалин медленно, всей грудью навалился на стол и, продолжая постукивать перед собой кулаком, тихо, но отчетливо спросил:

— Где Лидер?

Она вздрогнула. Точно так же вчера Шабалин, не вдаваясь в околичности, прямо спросил у Хаймы: «Где магнитофон?» Тот сжался, задрожал, как эта девушка, даже заплакал, но через минуту, сквозь слезы, признался: «Где Трезор...» Действительно, магнитофон отыскался в собачьей будке возле дома Азаренка.

Девушка, в отличие от Хаймы, молчала.

Шабалин закурил и обратился к Редозубову:

— Меня сегодня после обеда не будет, — совещание у начальника, а за ним, — указал папиросой на «Телефункен», стоявший сверху на сейфе, — хозяева должны подойти. Отдашь под расписку.

Редозубов кивнул.

— Не знаю я, где Лидер, — сказала девушка. — Не знаю. В последний раз на суде виделись...

— Просто пусть напишут, что мы, такне-то и такне-то,— не обращая на нее внимания, продолжал Шабалин, — получили от инспектора уголовного розыска Редозубова магнитофон марки такой-то, стоимостью столько-то рублей, в исправном состоянии...

— Слышите?! Не знаю!

Шабалин вздохнул и тем же равнодушным тоном, с каким говорил со стажером, поинтересовался:

— А кто же тогда бежал из трактора? Или... как его там... экскаватора?

— Не ваше дело!

Шабалин грохнул по столу кулаком.

— А чье же это дело, когда ты укрываешь особо опасного рецидивиста, объявленного во всесоюзный розыск?

— Он не рецидивист!

— Кто? — удивился Шабалин. — Лидер? Впрочем, можешь считать его хоть ангелом. Нас это не касается. Нас интересует другое: где он сейчас?

— Не знаю.

— Но в тракторе-то был он?

— Нет!

— Лидочка, — мягко сказал Шабалин, — но если это был не Лидер, почему ты не хочешь его назвать?

Она не ответила.

— Ну ладно, — сказал Шабалин. — Уговаривать мы тебя больше не будем. Дело твое. Лидера мы все равно возьмем. Никуда не денется. Но предупреждаю: потом пеняй на себя!..

Положительно — женщины в этот день атаковали замполита со всех сторон.

Сразу после ухода Шабалина вновь позвонил помощник дежурного сержант Дашин и предупредил, что к нему, Проводникову, направляется жена начальника районной инспекции госпожнадзора старшего лейтенанта Казанцева, — именно не спросил замполита, не занят ли он и сможет ли принять, а лишь предупредил, что идет. Остановить эту своенравную блондинку вряд ли было по силам не только помощнику дежурного, но всему дежурному наряду, включая опергруппу.

На сей раз поводом для визита к Проводникову стало

появление в поселке молодой незамужней женщины-архитектора, приехавшей сюда со своим восьмилетним сыном по приглашению райисполкома. Сегодня утром жене начальника пожарной инспекции стало известно, что не далее как вчера ее муж, старший лейтенант внутренней службы Казанцев, подвез на своей машине эту архитекторшу после того, как они вместе, в составе государственной комиссии, приняли жилой дом по улице Мичурина. Сразу по получении этого известия жена начальника инспекции лично навестила принятый дом и, как и предполагала, обнаружила вопиющие факты пожарной безопасности, на которые, под влиянием коварной архитекторши, закрыл глаза сам Казанцев.

Так, в первом подъезде не установлен на вводе рубильник электрозащиты; провода в распределительной коробке соединены холодной скруткой, а не пайкой, не опрессовкой или под винт, как положено; по чердаку, выполненному из сгораемых материалов, проложены провода с алюминиевыми жилами, что категорически запрещено; более того, она, Казанцева, ничуть не удивится, если при проверке (что она настоятельно рекомендовала сделать замполиту) в проектно-сметной документации вообще не окажется акта замера сопротивления изоляции проводов.

Медсестра по профессии, жена начальника пожарной инспекции довольно толково и обстоятельно разъяснила замполиту и иные нарушения, касающиеся противопожарного состояния упомянутого объекта, и сделала отсюда вывод, что, как видно, архитекторше показалось недостаточным лишь соблазнить ее слабовольного и слабохарактерного мужа; заставив его поступиться своими принципами и подписать акт приемочной комиссии, она прямоком ведет его в тюрьму, так как дом, принятый с такими беспрецедентными нарушениями, не сегодня-завтра сгорит синим пламенем.

На основании изложенного посетительница требовала от замполита самых решительных действий — и как минимум:

предать старшего лейтенанта Казанцева, как нарушившего супружескую верность, суду офицерской чести;

поставить перед райисполкомом вопрос о выселении архитекторши, как разрушительницы семейного очага, за пределы района и области.

Сознавая, что разубедить сейчас жену начальника по-

жарной инспекции, пришедшую сюда по горячим следам якобы совершенной измены, вряд ли удастся, Проводников заверил ее, что приложит все силы к установлению истины и, лишь только это будет сделано, немедленно сообщит о принятом решении по телефону.

Едва посетительница, удовлетворившись этим заверением, удалилась, вошла Юлия Георгиевна Филатова, начальник паспортного стола и секретарь партийной организации отдела, мама Юля, как называли ее молодые сослуживцы. Капитану Филатовой в июне исполнилось пятьдесят, тридцать три из них она прослужила в органах.

Бодрая, жизнерадостная, вдова погибшего на посту участкового уполномоченного, мать слушателя высшей школы милиции, Юлия Георгиевна славилась своей справедливостью и большими успехами в розыске беглых алиментщиков.

Сейчас она пришла к замполиту по весьма важному поводу: на пенсию уходил один из ветеранов отдела старшина Воронов, и Юлия Георгиевна пришла посоветоваться, как лучше оформить его проводы. Замполит предложил Филатовой стул и надолго задумался. Уход ветеранов он всегда воспринимал с грустью, старшина же Воронов был одним из лучших... Ветераны милиции! При этом не генералы и не полковники, а такие вот старшины и капитаны, фронтовики или начавшие службу в НКВД рядовыми милиционерами и оперуполномоченными в глубоком тылу, когда каждое преступление — убийство, разбой... да и «просто» кража или растрата — особенно тяжело воспринималось народом, и без того изнуренным войной. Ветераны... Это им, тогда безусым юношам в милицейской форме, приходилось смотреть в глаза обезумевшей от горя женщины, получившей с фронта две похоронки на мужа и сына и стоявшей здесь, в глубоком тылу, над трупом изнасилованной и убитой дочери. Кто может теперь понять застывшую в душе горечь, если такое преступление оставалось нераскрытым?..

Обговорив с Юлией Георгиевной организационные вопросы, Проводников взглянул на часы, нахмурился, с трудом попадая в рукава плаща, торопливо оделся. Затем закрыл на два оборота сейф и, на ходу поправляя фуражку и проверяя на ощупь, все ли пуговицы застегнуты, направился к двери. Она, однако, открылась до того, как он успел прикоснуться к ручке.

— Ах, Валерий Романович, какая удача! — На пороге

стояла чуть, может, излишне полноватая, но обаятельная, элегантная, со сложенным японским зонтиком в руке, в синем плаще, с повязанной на шее яркой косынкой, жгучая брюнетка — Тамара Ивановна Дворяшина, начальник леспромхозовского ОРСа и жена заведующего торговым отделом райисполкома. — Боже мой, какая удача! Вас совершенно нигде не видно! Господи, как вы помолодели в ваших капитанских погонах! В последний раз я видела вас еще старшим лейтенантом! Я абсолютно без ума! Так и передайте вашей жене, пусть вас получше стережет!

— Прошу, — пробормотал Проводников под напором этих излияний.

Она прошла в глубь кабинета и легко, как птичка, присела на краешек кресла:

— Валерий Романович, голубчик, что же вы так обидели сегодня мою продавщицу? Ну войдите, я вас прошу, в положение одинокой женщины с ребенком, простите ее!

— Это невозможно, — глядя в пол, ответил Проводников. — Дело в том, что...

— Валерий Романович, для кого-то другого, может, и невозможно, я готова поверить, но для такого мужчины, как вы, нет и не может быть невозможных вещей! Я в этом совершенно убеждена! — Она одарила мельком глянувшего на нее замполита — вот уж действительно — невозможной улыбкой. — Я не могу поверить, что вы...

— Тамара Ивановна, но...

— Ах, милый, но поймите: у меня абсолютно не осталось продавцов! Тут подряд лихорадили эти недостатки, вы знаете... Наконец, кажется, все утряслось — и вдруг!.. Но главное, почему я вас прошу, эта женщина, что к вам приходила, честнейший человек! Я не могу бросаться такими людьми. Я вынуждена ими дорожить!

Проводников, не в силах вынести улыбки посетительницы, перевел взгляд на окно.

— Тамара Ивановна, вы знаете, как называют вашу столовую?

— Вы имеете в виду «Ярославну»?

— Да, так написано на вывеске. А женщины называют ее «Плач Ярославны». Потому что рядом, буквально за стенкой, магазин со спиртным. И ни один обед не обходится...

— Валерий Романович... — Она сделала паузу и, когда Проводников посмотрел на нее, продолжала: — Ну неужели вы для меня этого не сделаете?..

Он в замешательстве хотел что-то ответить, но поперхнулся. Женщина медленно наклонилась в его сторону и, глубоко дыша, как бы сама волнуясь, предложила:

— Валерий Романович, ну хотите... благородную сделку?.. Как бывает между порядочными людьми?.. Которые очень дорого стоят... Ни с кем другим я бы, конечно... но вы...

— Но я...

— Но с вами, милый, я могу позволить себе все! — Она опустила глаза, но затем вдруг вспорхнула с кресла и, подойдя почти вплотную к замполиту, снизив голос до полусшепота, глядя ему в глаза снизу вверх, произнесла: — Ну, хотите?.. Вы рвете этот ваш протокол, а я... — задержала она дыхание и как бы на мгновение задохнулась: — А я... в течение недели убираю из «Ярославны» этот треклятый магазин!..

...Она ушла, а в кабинете все еще витал запах изумительных французских духов. Однако более изумительным было то, как легко обвели замполита вокруг пальца. Дело в том, что вопрос о выносе магазина со спиртным из «Ярославны» был решен на райисполкоме; начальница же ОРСа со своей чарующей улыбкой представила дело так, будто делает это исключительно в обмен на любезность со стороны замполита...

Он уже выходил из кабинета, когда по селектору раздался густой бас начальника отдела:

— Валерий Романович!

— Слушаю! — рявкнул Проводников.

— Ты уже пришел с обеда? Вот хорошо! Зайди ко мне, потолковать надо.

Во двор вкатила белая ГАЗ-24 «Волга» и, объехав, словно кучу металлолома, старенький «Москвич» ГАИ, затормозила у крыльца, плавно покачнувшись корпусом. Из машины вышли: вертолетчик и его жена в сером осеннем костюме; но еще раньше открылась задняя левая дверца — и на щербатый бетон выпрыгнула, к удивлению Редозубова, жена молоденького пилота в тех же, вероятно, польских джинсах и в грубом свитере; следом с недовольным лицом вылез и сам молоденький пилот. Он и вертолетчик были в форме. Редозубов отошел от окна, сел за

шабалинский стол и, открыв наугад одну из папок адм-надзора, углубился в чтение копии какого-то приговора.

Первой, как и следовало ожидать, влетела жена молоденького пилота. Быстро взглянув на стоявший на белом сейфе «Телефункен», она перевела откровенно восхищенный взгляд на Редозубова. Муж, вряд ли разделявший ее восхищение, тем не менее поздоровался с Редозубовым достаточно уважительно, ибо, как всякий порядочный человек, не мог не ценить специалиста, каким, судя по найденному магнитофону, несомненно представлялся стажер.

Что же касается сдержанного вертолетчика и его жены, то они смотрели на Редозубова с такой благодарностью, что он поверил в эту минуту, будто действительно сам, без чьей-либо помощи нашел «Телефункен».

Есть все-таки в милицейской службе такие вот минуты... Притом, что более всего льстило Редозубову, вертолетчик и его жена были благодарны ему не только и даже не столько за магнитофон (вряд ли «Телефункен» сам по себе представлял для них такую уж большую ценность), сколько за то, что он, Редозубов, лишний раз подтвердил: общество, в котором они живут, добропорядочно и духовно здорово — уж если милиция нашла время для поисков какого-то магнитофона, то тем более сумеет оградить от куда более неприятных ситуаций.

— И-и... кто же это, если не секрет? — осторожно поинтересовался вертолетчик.

— Подростки.

— Господи! — воскликнула жена вертолетчика. — Надеюсь, бедным детям ничего за это не будет?..

— А скажите, инспектор, — продолжая взирать на Редозубова с неподдельным восхищением, спросила жена молоденького пилота, — вам приходилось расследовать убийства?

— Нэлл, ну что ты пристаешь к людям с разной чепухой? — недовольно вмешался муж.

— Давайте посмотрим: работает ли? — предложил Редозубов, не отвечая на вопрос, так что у жены молоденького пилота не осталось никаких сомнений: «Разумеется, расследовал, да, пожалуй, и не одно!»

...Выходя вслед за мужем из кабинета, жена молоденького пилота обернулась и, многозначительно взглянув на стажера, сказала:

— Чао, инспектор!

— ...ни на что не похоже!.. Мы готовим реализацию, не сегодня-завтра возбуждаем дело — и вдруг это вторжение!.. Александр Николаевич, ну надо же было хоть немного подумать! Кроме того, я абсолютно не понимаю!..

Этой фразой — «Я абсолютно не понимаю!» — хотя бы все было совершенно понятно, начальник отделения БХСС капитан Ряжских заканчивал все свои критические выступления, подобно тому, как Катон Старший в конце каждой своей речи произносил: «Кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен», хотя бы говорил до этого о ремонте римского водопровода.

Проводников невольно усмехнулся пришедшему на ум сравнению, тем более, что Ряжских и внешне, если представить его не в милицейском мундире, а в тоге, напоминал какого-то оратора из истории древнего мира: плотный, основательный, с красивой седеющей головой на короткой бычьей шее. Краем глаза уловив усмешку замполита и псняя ее, очевидно, как-то по-своему, Ряжских повернулся к Проводникову, но — как бы демонстрируя свою дисциплинированность — ничем не возразил на усмешку, а лишь повторил:

— Я абсолютно не понимаю!

— Я тоже не понимаю, — отозвался Шабалин, — с какой стати я должен знать про ваши реализации. У меня своих дел по горло...

— погоди, Саша, — вмешался Чиладзе. — Ты, конечно, не обязан знать дела БХСС, но я обязан и знаю. А тебе, прежде чем что-либо предпринимать, нужно было посоветоваться со мной. Вообще ты в данном случае сработал в лоб. Это оперативника не красит.

— Хотел как лучше, — буркнул Шабалин.

— Хотел — может быть, — недовольно заметил Чиладзе. — Но что получилось?..

— Именно! — воскликнул Ряжских, но повернулся не к Чиладзе, а к начальнику райотдела, как бы ища поддержки своим претензиям к уголовному розыску с его стороны. На поддержку со стороны Чиладзе Ряжских особенно не рассчитывал, хотя тот своим замечанием Шабалину вроде бы доказал объективность подхода к оценке действий обеих служб. Чиладзе курировал работу ОУР, и Ряжских интуитивно понимал, что замечание начальнику уголовного розыска есть какая-то сложная форма защиты Шабалина.

Волохин же курировал работу ОБХСС и, на взгляд Ряжских, должен был более заинтересованно отнестись именно к этой службе. Что же касается замполита, то он, по мнению Ряжских, будучи куратором следователей, вряд ли станет сейчас вообще вникать в детали. — Речь идет о конкретном случае! — воскликнул Ряжских, обращаясь к начальнику райотдела. — И я абсолютно не понимаю!..

Начальник отдела и не думал, однако, вмешиваться в разговор, и вообще, казалось, ничто из того, о чем говорили подчиненные, его не интересовало. Подтянутый, молодеватый, с безразличной улыбкой на губах, Волохин производил порой впечатление человека не только глубоко равнодушного, но даже и безвольного. Но сидящие за полированным столом офицеры хорошо знали, сколь обманчиво внешнее спокойствие Волохина; воли же и властности в его характере с лихвой хватило бы не на одного и более ответственного руководителя.

Волохин справедливо полагал, что гораздо лучше, когда подчиненные выясняют отношения здесь, у него в кабинете, а не где-то там, по углам. Во-первых, такие нелегко-приятные разговоры помогают быстро и с достаточной полнотой выявить нерешенные проблемы и недостатки; во-вторых, что еще важнее, такие разговоры в присутствии начальника показывают степень доверия к нему со стороны подчиненных. Но, едва увидев, что разговор исчерпывается по существу и выступающие начинают попросту толочь воду в ступе, Волохин немедленно вмешивался и прерывал буквально на полуслове. Так случилось и на сей раз. Он молчал, пока Ряжских излагал суть дела. Но едва начальник отделения воскликнул: «Вот еще одна иллюстрация того...», — Волохин поднял от стола руку, словно школьник, желающий ответить урок. Этот жест знали все. Воцарилось молчание.

— Товарищ Ряжских, — негромким густым басом, мало шедшим к его моложавому лицу, сказал Волохин. — Я полагаю, что иллюстраций достаточно. Товарищ Шабалин, ответьте на мой вопрос: для чего вы вытащили эту девушку?

Шабалин, шумно отодвинув стул, поднялся и твердо произнес:

— Я подозреваю, что в районе появился Лидер.

Ожидаемого эффекта не последовало. Не только потому, что имя (или кличка) вора-рецидивиста мало что говорило начальнику отдела, новому человеку в районе, но,

главным образом, потому, что Волохин был твердо убежден: вряд ли в нашей стране и в наше время существует преступник, при одном упоминании о котором начальник милиции должен бросать все свои дела и заниматься исключительно им. Быть может, раньше такие деятели уголовного мира и существовали, вроде тех, что описаны у Шейнина (впрочем, в литературе они благополучно здравствуют и по сей день), но сейчас, в конце семидесятых годов — не в Токио и не в Чикаго, а у нас, в Советском Союзе, — их роль, а тем более значение, которое им порой придают, по меньшей мере... сомнительны..

Исходя из этого убеждения, Волохин весьма скептически относился к таким выражениям, применительно к современным блюстителям порядка, как «один на один с бандитом», «поединок с преступником», «в единоборстве с хулиганом» и т. д. Поединок предполагает нечто равное: борющиеся стороны должны находиться в равных условиях — быть действительно один на один. Но неужели современный следователь, инспектор, начальник милиции, на чьей стороне правда, закон, поддержка и одобрение народа, наконец, весь строй нашей жизни, — неужели они находятся в равных условиях с вором, взломавшим продуктовой киоск и не знающим, куда бежать от возмездия?..

Если уж говорить о поединке, то, пожалуй, гораздо более подходит к этому определению недавний разговор замполита с директором Нюриньского леспромхоза, упорно не желавшим выделить помещение для опорного пункта. Вот это было сражение, судя даже по сдержанному докладу Проводникова, да и награда победителю велика: трехкомнатная квартира в новом доме!..

Конечно, бывают исключительные обстоятельства, чрезвычайные происшествия, когда гибнут люди, в том числе и обученные, вооруженные сотрудники милиции, но они, эти обстоятельства и происшествия, в силу своей исключительности и чрезвычайности, лишь подтверждают, как известно, общее правило.

Что же касается упомянутого Шабалиным Лидера, то тут, по мнению начальника райотдела, исключительностью и не пахло.

Весной в район приезжал лейтенант из УИТУ¹ по поводу бежавшего из следственного изолятора (одновременно служившего и этапно-пересыльным пунктом) особо опа-

¹ УИТУ — управление исправительно-трудовых учреждений.

сного рецидивиста, которого, по отбытии срока в тюрьме, переводили в колонию. Бежать из следственного изолятора при отсутствии какого-либо стихийного бедствия (пожара, наводнения, землетрясения) практически невозможно. Разумеется — и при отсутствии халатности со стороны соответствующих служб. Здесь же, даже со слов лейтенанта из УИТУ, невольно старавшегося затушевать ошибки и попустительство коллег, вырисовывалась возмутительная, на взгляд Волохина, картина.

Во-первых, Лидера и десяток других осужденных повели в баню на территории СИЗО, где, в нарушение всех инструкций, дали возможность встретиться с мывшимися в то же время следственными арестованными. Следственные приодели Лидера в приличный костюм, дали новые туфли и хорошее демисезонное пальто. Далее — по знаку того же Лидера — устроили драку в одном из углов, чем привлекли внимание конвоиров; Лидер, воспользовавшись суматохой, выскользнул за дверь и выскочил на дорожку, где примкнул к группе следователей, выходявших из СИЗО.

Дальше — больше. Сержант, обязанный проверять пропуска у покидавших изолятор следователей, выпустил всех на веру, тем более, что двое из них, как он потом пояснил, были в милицейской форме, а что касается Лидера, то сержант добавил, что этого «следователя» он запомнил особенно хорошо по белой кроличьей шапке, когда тот «входил». Кроличью шапку, как выяснилось, Лидер стянул с вешалки возле дежурной части; шапка действительно принадлежала следователю из областной прокуратуры, зашедшему без всякой надобности, как оказалось, к ДПНСИ¹.

Так Лидер оказался за воротами следственного изолятора. Достойным завершением всех этих событий было то, что комплекс оперативно-розыскных мероприятий привели в действие с промедлением: видно, хотели быстро и без шума поймать рецидивиста и тем самым укрыть факт побега.

Результат же разгильдяйства сказаться не замедлил: Лидер ушел и вот уже который месяц числился в бегах.

Волохин был убежден, что любой побег — результат халатности со стороны лиц, обязанных не допустить его; поэтому сообщение Шабалина о том, что в районе объявился Лидер (как бы в расчете на исключительность пре-

¹ ДПНСИ — дежурный помощник начальника следственного изолятора.

ступника), особого впечатления на начальника отдела не произвело.

— А что из себя представляет эта девушка? — спросил он.

— Его поделница, — ответил Шабалин. — Она прошла по делу как укрыватель, но на самом деле участвовала в краже. Доказать не смогли.

— Товарищ Ряжских, она проходит по реализации в КБО?

— Нет, — ответил начальник ОБХСС. — Хищения, по нашим данным, совершают два закройщика и кладовщик.

— А завмастерской?

— Ветцель? Исключено. Правда... есть какая-то странность... Я недавно с ним беседовал. Он ни в коем случае не подозревает, вернее, даже не допускает, что у него в мастерской хищения. Считает недоразумением... «казусом», как он говорит... В самом крайнем случае допускает недостачу. Так сказать, без злого умысла... Как бы там ни было, — вновь не удержался Ряжских, — Шабалин своими действиями создал нам значительные трудности в реализации дела!..

Установилось молчание.

— Разрешите мне, Владимир Афанасьевич? — негромко спросил не подававший до сих пор голоса начальник следственного отделения майор Балашов, невысокий, располневший человек лет пятидесяти, для большинства собравшихся здесь, несомненно, «старик», как его и называли. — С одной стороны, у Александра Николаевича и есть вроде бы основания для подозрений. С другой же, я не думаю, что Лидер пойдет сюда после побега. Он далеко не дурак. Я вел по нему два дела, хорошо помню и последнее... Впрочем, это неважно. Я хотел напомнить, что Лидер за нами не числится, и быть может, напрасно Александр Николаевич в ущерб нашим собственным делам уделяет столько внимания...

— Что-то вы не то говорите, Олег Викторович! — резко прервал Чиладзе. — За нами не числится, так теперь и трава не расти, так, что ли? Не ожидал от вас таких рассуждений!

Балашов смешался и замолчал. Проводникову стало жаль «старика», всегда хотевшего всех примирить и говорившего подчас даже то, что противоречило его убеждениям и принципам; причем для оправдания своих собственных действий он никогда бы не решился на это.

Проводников начинал работать следователем под руководством Балашова, бывшего уже и тогда майором, начальником отделения и «стариком». У Балашова был своеобразный критерий оценки работы следователей. Не по количеству и качеству дел, находящихся в их производстве или вернувшихся на доследование, а по... качеству исполнения отдельных поручений. Он говорил: «Ну, что вы мне про ваши собственные дела! Вы их не можете вести спустя рукава, иначе вас просто снимут с работы! А вот добросовестно исполнить поручение следователя, находящегося от вас за тысячу километров, в другой республике, по делу, которое непосредственно вас не касается и не пойдет вам в зачет, — вот это есть проявление высшей добросовестности, истинный показатель гражданского и служебного долга следователя!» И тот же самый Балашов — из благих, разумеется, побуждений — мог неосторожно сказать такое, что человек, не знающий его длительное время, легко принимал «старика» в лучшем случае за узковедомственного патриота.

Впрочем, Волохин не вмешался и на этот раз. Выслушав Балашова и Чиладзе, он вновь, как школьник, поднял руку и сказал, обращаясь к заместителю по оперативной работе:

— Все-таки надо поинтересоваться, кто сбежал из экскаватора. Поручите это товарищу Костику,

Чиладзе хмуро кивнул.

* * *

Шабалин возвращался к себе мрачнее тучи. Главной неприятностью было не обвинение Ряжских, а равнодушие начальника райотдела и эта реплика: «Поручите товарищу Костику», обращенное к Чиладзе, словно его, Шабалина, и нет на совещании.

Он вошел в полутемный уже кабинет, но света включать не стал. Посидев в раздумье за столом, снял трубку и набрал номер; послышались длинные гудки. Прошла минута, другая; Шабалин терпеливо ждал. Наконец раздался щелчок — трубку на том конце сняли, однако отклика не последовало — Шабалин уловил лишь знакомое сопение.

-- Приветствую, Иван Лаврентьевич, — сказал он. Трубка засопела сильнее. — Слушай, тут такое дело, — нето-

ропливо продолжал Шабалин. — У меня есть подозрение, что объявился Лидер. — Сопение в трубке еще усилилось. — В общем, ты подскочи сейчас, — закончил Шабалин. — Я тебе покажу кое-что, посоветоваться надо.

Не дожидаясь ответа, Шабалин положил трубку и, подперев голову тяжелым кулаком, уставился в окно, за которым сгущались сумерки. В этой позе он просидел до того времени, когда во двор неуклюже въехал старенький «Запорожец» — «портсигар», как называл его сам Собко. Неловко подрулив к «Москвичу» ГАИ, «Запорожец» судорожно затормозил, и из него с большим трудом вылез, казалось, чудом там помещавшийся, непомерно грузный, неловкий, как и его машина, водитель в темном костюме покроя пятидесятых годов и в фетровой шляпе. Несколько раз оглушительно хлопнув дверцей, отчего она, наконец, закрылась (в дежурной части, прислушавшись к этому грохоту, лейтенант Сухов сказал своему помощнику: «Собко прикатил...»), водитель, переваливаясь, как утка, с ноги на ногу, взошел на крыльцо. По коридору протопали неровные слоновьи шаги, дверь отворилась, и Иван Лаврентьевич Собко вошел в кабинет. Шабалин встал из-за стола. Молча сунув для приветствия руку, Собко протиснулся к столу, опустился, кряхтя и сопя, на стул и привычным движением выдвинул правый верхний ящик. Не глядя, сунул туда руку, достал пачку «Беломора», прикурил и, хрипя, затянулся. Затем вопросительно взглянул на нынешнего начальника ОУР. Шабалин включил свет и сел на один из стульев под картой.

Выслушав Шабалина и перелистав несколько дел, осмотрев знакомый до мельчайших деталей кабинет, мрачно-ватый и неудобный, но, очевидно, вызывавший самые светлые воспоминания протекшей жизни, Собко, не произнесший во время рассказа Шабалина ни слова, помолчал еще две-три минуты, что-то ворочая в тяжелом мозгу, и, наконец, опустив на стол огромный пухлый кулак, хрипло сказал:

— Это не Лидер.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

В начале декабря мороз неожиданно спал, и начались метели. Взлетно-посадочную полосу и вертолетную площадку занесло сугробами; от заносов не спасали ни стоявший плотной стеной со всех четырех сторон аэродрома вековой сосновый лес, ни крепкий, дующий вдоль полосы ветер, который, казалось бы, должен был до грунта вымести летное поле. Ветер был такой, что люди передвигались осторожно, держась за строения, заборы, телеграфные столбы, за всякий прочно установленный на земле предмет, держась, как альпинисты, друг за друга; старались не появляться на открытом пространстве и вообще без необходимости не покидать тесноватого, но теплого и уютного зала ожидания.

Заброшенные в этот таежный аэропорт транзитные пассажиры тоскливо наблюдали из окон за работой снегоуборочных машин, вздымавших плотные снежные вихри, тут же вновь прибываемые к земле, отчего вся деятельность по расчистке аэродрома представлялась совершенно нелепой. Всеобщее внимание привлек Ан-2, который сорвало со швартов и протащило метров пятьдесят по полосе задом наперед; к счастью, ничего не повредилось; самолет отбуксировали на прежнее место и закрепили. Оживление, наступившее вследствие этого события, было столь велико, что пассажиры поначалу не заметили, как стих ветер. И лишь когда механики по одному и по двое потянулись к машинам с зачехленными двигателями, а пилоты с одинаковыми черными портфелями засновали по служебному коридору из кабинета в кабинет, — тогда лишь пассажиры осознали, что порт открыт, и бросились к кассам. Но еще неизвестно было, принимают ли северные порты, и кассирши за стеклами неприступно молчали.

Из всей пассажирской массы, хотя и достаточно разношерстной, но в то же время в чем-то внутренне и однородной, одинаково уставшей от трехдневного ожидания погоды и спешащей выбраться поскорее из промежуточного порта, — один, по крайней мере, выглядел и вел себя довольно странно, и если б кто-то присмотрелся к нему, то

мог бы заметить, что и подозрительно. В сущности, трудно было даже и назвать его пассажиром. В окружении людей, одетых в дубленые полушубки и унты, особенно бросались в глаза его легкая, потрескавшаяся на морозе болоньевая курточка; потертая, рыбьего меха, шапчонка и заскорузлые кирзовые сапоги; у него не было даже рукавиц. Большую часть времени он сидел в углу, у горячей голландской печи, ни с кем не заговаривая и ничем, казалось, не интересуясь, кроме разве что узкой дверью в служебном коридоре с табличкой «МИЛИЦИЯ»; но эта дверь все три дня была надежно заперта на большой амбарный замок.

И только когда началась суতোлка у касс, странно выглядевший человек, не выходя из своего угла, поинтересовался у подошедшей подложить дров истопницы:

— Не в курсе дела, мать?.. Вылеты будут?

— Дак тебе куда лететь-то?

— На Имятуй.

— На Имятуй? Ты че же сидишь-то! На Имятуй вон вертолетка идет, «восьмерка»... вон с того краю стоит на площадке... Рыбак ли, че ли?

— Не, — немного замаявшись, ответил странно выглядевший человек. — От бригады отбился...

Он вышел из угла и, втянув голову в плечи, неуверенной походкой направился к двери, ведущей на перрон. Истопница в летной куртке покачала головой: «До чего допился мужик! Стыд и срам!»

Человек меж тем, ежась в своей болоньевой курточке и все так же втянув голову в плечи, шел вдоль кромки летного поля к вертолетной площадке. Он хорошо понимал, что теперь, на открытом месте, хорошо виден и из застекленной рубки руководителя полетов, и из открытых ворот ангаров, и из кабин заправщиков и снегоочистителей, и из окон вокзала, и хотя, судя по всему, никому до него дела не было, невольно сжимался и все глубже втягивал голову в плечи: впрочем, и от холода тоже. Он успокоился лишь тогда, когда зашел за неуклюжую тушу вертолета, укрывшую его от основных портовских сооружений. Тут он поднял голову и вздрогнул от неожиданности: у переднего фонаря Ми-8 стояли трое. Все они были в тяжелых, крытых чертовой кожей собачьих полушубках и в собачьих же унтах. Человек в болоньевой курточке выглядел рядом с ними и вовсе жалко.

— Здравствуйте... граждане, — хрипло поздоровался он,

тронув рукой простуженное горло. Трое кивнули. — Я хотел узнать: на Имятуй, часом, не вы летите?

Вертолетчики помолчали, подозрительно разглядывая незнакомца.

— Мы, — ответил, наконец, один из них, должно быть, командир. — А ты что, тоже летишь, что ли?

— Я-то?.. — растерялся человек, не ожидавший столь благоприятного оборота в разговоре и в волнении захрипевший еще сильнее. — Я-то лечу!.. Я там, видите какое дело, в бригаде! А тут отбилась... Я там у Лебедева рыба-чу! А тут и получилось... У меня и баба там, поварихой..

Трое переглянулись.

— Верно говорю, граждане! — заторопился незнакомец. — Баба у меня там! Лизаветой звать! Поварихой у Лебедева!..

Вертолетчики вновь переглянулись.

— Н-да, — сказал один из них. — А говорил, никто больше не полетит...

— Кто? — испугался незнакомец. — Кто говорил-то?

— Вот так всегда и выходит... — продолжал тот же вертолетчик.

— Да как же это, граждане! Да я же!..

Но вертолетчики уже не слушали его.

— Нет, вы только гляньте, Михаил Павлович! — возмущенно заметил самый молодой из них, обращаясь, должно быть, к командиру.

Все трое уставились куда-то за спину человека в болоньевой курточке. Он тоже туда посмотрел, и то, что он увидел, заставило его побледнеть. К вертолету, развернувшись у кромки летного поля, сдавал задним бортом тяжелый трехосный грузовик, в кузове которого, подавая команды шоферу, стоял бригадир рыбаков гослова, промышлявших на озере Имятуй. Это и был сам Лебедев.

— Да, действительно! — сказал командир. — Это ни на что не похоже, черт возьми!

— Михал Палыч! — закричал с грузовика бригадир. — Ну, тут малость совсем! Ну, запчастей я маленько напихал по карманам!..

Командир покачал головой:

— По карманам напихал, а машину задом сдаешь!

— Ну, войди в положение, Михал Палыч! Гвоздей тут пару ящичков кинул...

— Нет, — сказал командир. — Никаких гвоздей. И так

загрузились под завязку... Да ты еще и человека берешь! А говорил, никто, кроме тебя, не полетит!

— Какого человека? — удивился бригадир. — Что ты? Один я лечу, я же сказал! У меня вся бригада на озере...

— Как? — Командир огляделся. — А где этот?..

— Кто?

— Да вот тут ходил. Говорит, что из твоей бригады... Еще сказал, что жена его поварихой у тебя работает...

— Генка Калабин? — удивился бригадир. — Чушь! — сказал он, подумав. — Сидит он у нее. Весной ему, что ли, выходить... Да где он сам-то?

Командир и два других вертолетчика снова огляделись.

— Да что за черт! — сказал самый молодой из них. — Как сквозь землю провалился!..

2

— Садитесь, — предложил Проводников, кивком указывая на кресло. Редозубов сел и выжидательно посмотрел на замполита. — Что же, очень рад, — продолжал тот, — искренне рад за вас. Когда свадьба?

— Свадьбы не будет, — ответил Редозубов.

Проводников улыбнулся:

— Из принципиальных соображений?

— Никак нет. Просто... есть причины, товарищ капитан.

— Ясно, — сказал Проводников, хотя ничего ясно еще не было. Он встал из-за стола и подошел к окну. На той стороне улицы допризывники расчищали подходы к райвоенкомату. Снегу в этом году было много. Палисадник расположенной слева от военкомата гостиницы «Тайга» был засыпан доверху, вровень с высоким штакетником. Проводников молча тронул ладонью горячую батарею отопления и вернулся к столу. — Кто она по профессии? — спросил он.

— Медсестра. Работает в хирургии железнодорожной больницы.

— Так. А где думаете жить?

— У меня. У нас с мамой, — поправился Редозубов. — Квартира от отца еще...

— Ясно, — кивнул Проводников. — Мать не против?

— Нет. У нас две комнаты.

— Я имею в виду: вообще.

— И вообще не против, — ответил Редозубов. — Мама у меня хорошая, — добавил он, казалось, без всякой логики,

но замполит знал, почему это было сказано. Мать Редозубова была против того, чтобы сын служил в милиции, это было известно замполиту, и его вопрос был, очевидно, истолкован молодым сотрудником как какое-то предубеждение против его матери.

— Я в этом нисколько не сомневаюсь, — сказал Проводников. — И спросил лишь потому, что бывают различные обстоятельства... Впрочем, это хорошо, что мать — за. Хорошо, когда так начинается. А как невеста относится к вашей службе?

Редозубов усмехнулся:

— Считает, что опасная работа.

— Что ж, — сказал Проводников. — В этом она, пожалуй, не так уж далека от истины. Вы-то как думаете?

Редозубов пожал плечами:

— Думаю, не опасней, чем, скажем, работа на лесовозе. И вообще... в лесу...

— Возможно, — сказал замполит. — Впрочем, главная опасность подстерегает не нас, а наших жен... Не всегда мы можем уделить им столько внимания, сколько хотелось бы. Вот здесь нужно хорошо все обдумать... Когда у вас регистрация?

— В пятницу.

— Н-да... А ведь вы после Нового года уезжаете на курсы первоначальной подготовки.

— Я это знаю, товарищ капитан.

— Что же получается? Только поженились — и сразу... Может быть, лучше уж после курсов? Да и подумаете еще эти несколько месяцев...

— Не могу, товарищ капитан.

— Не понял. Что — не можете?

— Не могу откладывать с регистрацией. Именно потому, что уезжаю.

— Что-то все это слишком сложно, — сказал Проводников. — Я бы хотел встретиться с вашей невестой.

Редозубов смутился.

— Сейчас? — спросил он.

— А что, это возможно прямо сейчас? — удивился замполит.

— Так точно... Она... она в коридоре, товарищ капитан...

— Что же вы сразу вместе не вошли! — рассердился Проводников, вставая из-за стола. — Держите девушку в коридоре... Прощу! Входите, — сказал он, распахивая дверь.

Теперь все встало на место. При одном взгляде на невесту сразу прояснилась и причина смущения Редозубова, и его желание поскорее, до отъезда, оформить брак, и даже отказ от свадьбы. Невеста понравилась замполиту: очень миловидная, высокая, под стать стажеру, в свободном темно-синем платье на короткой кокетке (так называемый фасон «маленькая мама»), не скрывавшем, однако, значительно располневшей талии.

— Присаживайтесь, — поздоровавшись, сказал замполит. Разумеется, теперь неуместны были бы советы о необходимости подумать, взвесить и т. д. — Что ж... очень рад за вас... Значит, как я понял, с жильем у вас обстоит благополучно.

— Да, — краснея и не глядя на Редозубова, ответила невеста. — Мы будем жить у него... у его мамы! — быстро поправились она. — Его мама... очень хорошая.

— Да, конечно, — поспешно согласился Проводников. Его непременно хотели убедить сегодня в том, что у стажера очень хорошая мама, хотя замполит не только не давал повода подумать, что он сомневается в этом, но и действительно в этом не сомневался. — Я просто хотел увидаться с вами... несколько пояснить... Жизнь у вас будет, прямо говоря, не совсем обычная... Вечные отлучки мужа, порой надолго... Вот и сейчас... — хотел он сказать, что вскоре Редозубову предстоит отлучка на курсы в Елабугу, но в это время зазвонил внутренний телефон. — Слушаю, — сказал Проводников, сняв трубку.

— Валерий Романович, — услышал он голос Шабалина. — Редозубов у вас?

— Да.

— Прикажете ему, пожалуйста, немедленно спуститься в дежурную часть.

— А что случилось?

— Крупная кража мехов с пушной базы госпромхоза. Я еду на место и беру его с собой.

— Хорошо, — сказал Проводников и положил трубку. — Вот и сейчас, — продолжал он ровным голосом, обращаясь к невесте Редозубова, — вашему... мужу придется оставить нас и отправиться на происшествие...

3

Пушная база государственного промыслового хозяйства располагалась на южной оконечности поселка. Сюда не достигали ни стук тяжелых составов от железной дороги,

ни дизельный рев идущих с востока лесовозов, ни глухой лязг механизмов нижнего склада. Здоровый шум соснового бора надежно поглощал визг пилорам и грохот турбин Як-40 со стороны порта.

Духом туземной кооперации, торгово-заготовительных факторий веяло от этого широкостенного, рубленного из сосны дома, стоявшего в глубине двора за двухэтажным зданием конторы госпромхоза. Худощавый товаровед лет сорока в подшитых кожей пимах и в овчинной безрукавке провел оперативную группу и прокурора в просторное помещение, разделенное дощатой перегородкой на две половины.

В первой из них, справа от входа, стоял большой деревянный барабан для откатки шкурок, слева — длинный, во всю стену, некрашенный стол, на котором была укреплена швейная машинка Подольского завода и лежали две штуки белой упаковочной ткани. За дощатой перегородкой была сортировочная.

Там-то, на некрашеном, хорошо проструганном полу и высилась эта гора мягкого золота — более тысячи серебристо-черных лисиц, значительную часть которых ждали на международном аукционе в Ленинграде: госпромхоз поставлял шкурки экспортных кондиций. Промысловый запах мездры наполнял помещение.

Там же, в сортировочной, в небольших прямоугольных ячейках, расположенных вдоль стен, лежали сотни или даже тысячи шкурок белки, ондатры, нутрии... Такого изобилия пушнины Редозубов никогда прежде не видел.

В полутемном помещении сортировочной лисицы выглядели особенно роскошными. Товаровед включил висевшую над широким столом лампу дневного света и небрежно, почти не глядя, выхватил из кучи на полу четыре шкурки. Ловко встряхнул их, отчего благородный волнистый мех засверкал, как старинное серебро, и разложил на столе. Всем присутствующим при осмотре шкурки показались совершенно одинаковыми. Однако, как пояснил товаровед, все четыре различались по цвету, по сорту, по степени серебристости, по дефектам и, следовательно, по цене.

Из кучи было похищено сорок две шкурки.

— Значит, какие шкурки... вы сказать не можете? — спросил прокурор.

— Нет, молодой человек, — ответил товаровед. Прокурор был моложе его лет на пять, но товаровед выглядел

значительно старше своих сорока, и его обращение к прокурору никого не удивило. — Эти я еще не сортировал... Но в основном, как можно заметить, здесь шкурки первого-второго цвета, то есть самые дорогие... А сортность у нас всегда высокая.

Прокурор еще раз неприязненно взгляделся в коробку окна с проломленной рамой и сорванной решеткой, затем посмотрел на двух симпатичных белых кошек, умывавшихся у печки, где стояло и блюдо с молоком. Кошки перестали умываться и тоже посмотрели на прокурора. Да, они видели преступников, но, к сожалению, ничем помочь не могут, это уж дело людей — стеречь добро от преступников. С кошек достаточно и того, что стерегут шкурки от мышей, с обязанностями справляются.

— Этот замок осмотрели? — спросил прокурор, обращаясь к следователям — своему и милиционерскому — и указывая на обитую железом дверь, ведущую в чуланчик, занимавший один из углов сортировочной. Следователи подтвердили, что замок осмотрен. — А вы что скажете? — повернулся прокурор к эксперту Шлыкову, упаковывавшему уже свой чемодан.

— Здесь ничего не трогали, Борис Васильевич. «Палец», во всяком случае, нет.

— Откройте, — приказал прокурор.

В чуланчике был небольшой склад: малокалиберные винтовки, два карабина, пуледробовые ружья; несколько ящичков с патронами. На гвоздях висели связки капканов.

— Здесь все цело, — подтвердил товаровед.

Прокурор вернулся в упаковочное отделение и подозвал товароведа. Тот прошел в пустой угол за барабаном и еще раз указал, где и как со вчерашнего вечера стояли готовые к отправке мешки со шкурками.

— Сколько всего? — нетерпеливо спросил прокурор.

— В одном двадцать пять, в остальных по тридцать. Да оттуда сорок две...

Прокурор наморщил лоб.

— Сто пятьдесят семь, — подсказал сзади Шабалин.

— Спасибо, — недовольно отозвался прокурор, — я уже вычислил. Ну что там собака? — повернулся он к Чиладзе. — Где проводник?

Чиладзе приоткрыл дверь и крикнул:

— Люшков!

Оставив на крыльце восточноевропейскую овчарку, сержант вошел в помещение и доложил, что собака прорабо-

тала след лишь до зимника; после повторного занюхивания результат оказался тот же. Сержант посторонился, пропуская выходящих на улицу Шабалина и Редозубова.

— Как всегда... — пробормотал прокурор. — До зимника! — продолжал он с заметным раздражением, обращаясь к Чиладзе. — До зимника я сам вам его проработаю: следы видны без всякой собаки! Зачем же вы ее держите?

Чиладзе вздохнул:

— По штату положено.

— Вот разве что... А ведь запах какой, запах! — воскликнул прокурор, шумно втягивая носом воздух. — Хоть на куски режь и в газету заворачивай! И ведь какие-то приборы давно придумали... Да такой запах год будет держаться!..

Остальные вслед за прокурором невольно приняхались. Сержант вздохнул и оглянулся на дверь, за которой сидела его собака — призер областных соревнований.

Прокурор был молод и горяч и не хотел верить, что такое огромное количество пушнины — полторы сотни шкур, целая партия — могло исчезнуть, не оставив даже запаха на дороге. Его, впрочем, можно было понять.

Опергруппа прибыла на происшествие на оказавшейся под рукой машине вневедомственной охраны, за рулем которой был сам начальник отдела вневедомственной охраны лейтенант Албогачиев. Обычно хмурый и неразговорчивый, на сей раз он подал голос:

— А все наше узколюбие. Хотя бы на период забоя можно было взять склад под сигнализацию... А теперь расхлебывай.

— Вот именно! — сказал прокурор.

— Бытует мнение, — продолжал Албогачиев, — что человек якобы надежней электронной защиты. И вот результат: сторож проспал всю ночь в конторе, а тут в это время... Да и в смысле расходов. Вот давайте посмотрим: пятнадцатичасовой объект с двумя выходными днями при электронной защите обходится в 227 рублей 64 копейки в месяц, в год соответственно — в 2 тысячи рублей 86 копеек. А сторожевая охрана при том же пятнадцатичасовом объекте той же категории обходится уже в 692 рубля 92 копейки в месяц, в год соответственно...

— Товарищ Албогачиев, — прервал прокурор, — вам следовало изложить все это директору госпромхоза. Где он, кстати?

— Послали, — ответил Чиладзе. — Должен подъехать.

— Излагал и ему, — сказал Албогачиев. — Отказался. Я же говорю: бытует еще такое мнение. Сторожа даже нашего не взяли. А между тем и свой собственный сторож обходится едва ли дешевле нашего. Вот давайте посмотрим: для охраны пятнадцатичасового объекта с двумя выходными днями требуется три с половиной единицы сторожевой охраны. Оклад сторожа 75 рублей, с северными пятьдесят процентов и коэффициентом один к пяти получаем зарплату 150 рублей без учета спецодежды, в год соответственно...

На сей раз лейтенанта прервал телефонный звонок. Чиладзе снял трубку.

— Вас, — сказал он, протягивая ее прокурору. — Хозяйка.

«Хозяйкой» в поселке называли председателя райисполкома, энергичную и властную женщину, много сделавшую для района; ее уважали и даже любили, но в то же время и побаивались: за нерадивость и бездеятельность она взыскивала весьма строго.

— Слушаю, Антонина Григорьевна, — сказал прокурор. — К сожалению, ничего нового, кроме того, что доложил вам Волохин... Да, теперь, кажется, точно: более ста пятидесяти... Следствие будет вести прокуратура... Да, знаю... Да, понимаю, Антонина Григорьевна... Да, конечно... Ясно... Понятно... Это действительно так, Антонина Григорьевна... Вы совершенно правы... Ясно... Спасибо... Конечно, постараемся... До свидания.

Он положил трубку и сказал:

— Началось...

4

Для правовой, юридической квалификации случившегося отнюдь не безразлично, каким способом совершено то или иное хищение: например, путем кражи, грабежа или разбойного нападения. В зависимости от способа за хищение одного и того же чемодана карательные санкции могут колебаться в больших пределах. Именно способ, наряду с учетом личности преступника, играет ведущую роль при назначении наказания.

Однако существуют преступные деяния, когда даже способ теряет свое определяющее значение при квалификации преступления, и на первое место выходит размер похи-

щенного. Таким признается хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, и именно такое хищение и произошло на пушной базе госпромхоза.

Старшему следователю прокуратуры Ларисе Васильевне Чистой эти прописные истины были хорошо известны; однако из короткого вступительного слова прокурора перед началом расследования, а также из бесед с некоторыми другими должностными лицами выявились обстоятельства, перед которыми даже и размер похищенного выглядел делом второстепенным. Окончательно это выяснилось при допросе директора госпромхоза.

Директор госпромхоза даже и внешне выглядел личностью незаурядной. Очень солидный, хорошо сохранившийся мужчина, в сшитом у отличного мастера костюме, знающий себе цену, но без тени превосходства перед молодым следователем, — он сразу располагал к себе. При расследовании сложных дел такие люди — истинная находка для следователя. Мало сказать, что это был крупный специалист своего дела; очень часто подобные специалисты только и заняты тем, чтобы выявить некомпетентность следователя, его неосведомленность в том или ином вопросе; им почему-то кажется, что если следователь не получил медицинского или технического образования, то и не сможет разобраться, был ли криминал в действиях врача и совершил ли преступление инженер по технике безопасности. Директор госпромхоза и отдаленно не напоминал такого специалиста. Он терпеливо, заинтересованно и, главное, доброжелательно, искренне желая помочь следователю и веря в него, разъяснял Чистой все, что касается его отрасли: при этом он обнаружил замечательный дар излагать специальные предметы ясно, доступным языком, но в то же время без упрощения и исчерпывающе.

Была в нем и еще одна, чрезвычайно привлекавшая следователя, черта. Как законный представитель истцовой организации, он был объективен в своих попытках помочь следователю установить ущерб, понесенный госпромхозом. Юристы, имеющие дело с гражданскими истцами, могут по достоинству оценить эту черту. В данном же случае объективность директора оказалась качеством особенно важным, так как установить ущерб было делом отнюдь не простым.

На отдельные виды продукции, в том числе и на меха, существует, как известно, несколько цен: себестоимость,

закупочная или заготовительная, реализационная, государственная розничная, рыночная и т. д. Разрыв между ними бывает порой столь значителен, что может привести к разной квалификации одного и того же хищения. В связи с этим в постановлении от 11 июня 1972 года¹ Верховный Суд СССР разъяснил, что стоимость похищенного следует определять по наиболее стабильным государственным розничным ценам.

Однако именно директор обратил внимание следователя на то, что меха, украденные с базы, розничной цены, собственно, еще не имели, так как похищены не из магазина и не со склада торговой организации, а лишь пройдя первичную обработку; те же, что были в куче — 42 шкурки, — не успели даже пройти сортировку. Директор предлагал определить ущерб по средней реализационной цене с тридцатипятипроцентной надбавкой, которую выплачивал госпромхозу за каждую шкурку Омский пушно-меховой холодильник.

Чистова удивилась. Обычно истцы изыскивают возможность оценить похищенное как можно дороже, и в данном случае это можно попытаться сделать с помощью государственной розничной цены, тем более, что есть разъяснение Верховного Суда.

Директор же в заключение сказал:

— Да и то, должен вам признаться, Лариса Васильевна, вряд ли это будет достаточно объективной оценкой. Это ведь наша сортировка, а что еще сказал бы приемщик Омского холодильника...

Чистова положила ручку и, раздвинув на две половины низкую челку, спросила:

— А что, бывают существенные разногласия?

— Еще бы! Конечно. Разумеется, и мы, и Омский холодильник руководствуемся ГОСТами, но ведь способ определения достоинства шкурки один — органолептика, то есть на глаз да на ощупь. В этом смысле мы ни на шаг не опередили купцов времен Ермака. Естественно, на этой основе возможны и возникают разногласия, споры...

— А если вы не приходите к соглашению с Омским холодильником?

— В этом случае вызываем государственного арбитра. Его сортировка окончательна и обжалованию не подлежит.

¹ 21 сентября 1977 года это постановление отменено и дано в новой редакции.

Я понимаю, почему вы это спросили. Конечно, если бы меха лежали уже у вас в кабинете, мы пригласили бы специалиста со стороны, и, думаю, он достаточно объективно оценил бы их. К сожалению... Кстати, должен вам заметить, что меха необходимо разыскать в кратчайший... наикратчайший срок...

Чистова вскинула тонкие подкрашенные брови.

— Нет-нет, вы меня, видимо, неправильно поняли, Лариса Васильевна, — предупредил реплику следователя директор. — Я отлично понимаю, что милиция и вы заинтересованы в этом не меньше меня. Я просто хочу разъяснить одну особенность. Если бы это было золото или, предположим, деньги, пусть бы они лежали себе в укромном уголке и месяц, и два, и сколько угодно, пока вы их не найдете. Но меха!.. Достаточно им побыть в сыром подвале, подполе, просто в хорошо отапливаемом помещении — и мы утратим их навсегда, даже если найдем. Вот почему я заостряю на этом ваше внимание.

Чистова кивнула:

— Вы совершенно правы. А-а... как они должны храниться? Ну, у вас как хранятся?

— У нас они хранятся... вы видели. Но дело в том, что у нас они не лежат. Мы их сортируем, пакуем и немедленно отправляем. В период забоя и сортировки у нас нет ни выходных, ни праздников. А там — при длительном хранении — в специальных холодильниках. Само название — Омский пушно-меховой холодильник — достаточно красноречиво...

— А если они сейчас в сарае каком-нибудь, на морозе?

— В принципе, ничего страшного... если нет мышей и прочих грызунов.

Чистова вздохнула:

— Деликатный товар.

Помолчали. Чистова вновь поправила челку и взяла ручку.

— Ну хорошо. Если мы оценим их по средней реализационной цене... сколько это будет?

— Много, — сказал директор. — Очень много, Лариса Васильевна. Для нас, по крайней мере... Мы представим вам все необходимые документы, а пока давайте попробуем прикинуть хотя бы на глазок.

Не заглядывая ни в блокнот, ни в какую-либо бумажку, директор стал приводить цифры. Цифры были с десятичными и сотыми долями процентов, с рублями и копейками,

за несколько истекших лет и отдельно по партиям, отправленным в разное время на Омский холодильник. Но странное дело! Следователи и сотрудники ОБХСС знают, как нелегко бывает за частоколом цифр и шлейфом бесчисленных документов разглядеть суть дела или хотя бы подвести какой-то итог. Здесь же, в изложении директора, вырисовывалась четкая картина.

Закупочная цена нормальной шкурки первого цвета и первой группы серебристости составляет 192 рубля 50 копеек¹. С тридцатипятипроцентной надбавкой, которую выплачивает Омский холодильник, около 260 рублей.

Закупочная цена первой группы второго цвета без надбавки — 154 руб., третьего цвета — 125 руб. С надбавкой соответственно — 208 и около 170 руб.

Шкурок первого цвета в партии, как правило (по данным за несколько истекших лет), 15—17 процентов; второго цвета — 67—70 процентов. При этом первая группа серебристости составляет обычно 93—95 процентов от всех шкурок...

— Скажите, — перебила его Чистова, — а какого цвета и... какой группы серебристости моя лисица?

Директор, мельком взглянув на вешалку, где рядом с его югославской дублинкой висело пальто следователя, ответил:

— Вы меня извините, Лариса Васильевна, но у вас бурая лиса, то есть самая последняя. У нас таких почти не бывает — так, одна-две за весь забой. К тому же она у вас с большим дефектом... Однако, — он улыбнулся, — это дело поправимое. Найдите меха — и я лично преподнесу вам самую что ни на есть наилучшую!.. Нет-нет, не возражайте. Я понимаю — где нахожусь. Оформим вполне законно, через КБО. Мы премируем шкурками наших лучших звероводов, почему же мы не выделим лисицу следователю, который спас нас от разора! Я и товарищу Шабалину пообещал норковую шапку. Да мне сам министр ничего не скажет!

— Ваш министр, может быть, и не скажет, а нам Генеральный прокурор найдет что сказать. Да и милицию их министр по головке не погладит...

— Лариса Васильевна! — развел руками директор. — Впрочем, позвольте — я продолжу...

Далее, со слов директора, картина ущерба вырисовывалась следующим образом.

¹ Здесь и далее даны закупочные цены середины семидесятых годов.

Учитывая сорт, цвет, степень серебристости, а также процентный состав этих показателей за несколько лет по отчетам Омского холодильника, средняя реализационная цена одной шкурки составила около 140 рублей, а с надбавкой — около 190 рублей.

С базы похищено 157 шкурок. Таким образом, считая по средней реализационной цене, сумму ущерба следует определить около 30 тысяч рублей.

Общий ежегодный выход шкурок лисицы составляет, примерно, 270 тысяч рублей. Следовательно, воры похитили более десятой части всей клеточной пушнины. Удельный же вес звероводства составляет треть выхода всей товарной продукции хозяйства.

Вывод напрашивался сам: госпромхозу нанесен значительный ущерб. Но даже и в абсолютном исчислении, как понимала Чистова, кражу следовало квалифицировать как хищение в особо крупных размерах. За совершение этого преступления статья 93-прим УК РСФСР предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до 15 лет, а при стягающих обстоятельствах может быть назначена высшая мера...

— Мы не нефтяники, не газовики и не лесорубы, — сказал директор. — Для нас двадцать восемь тысяч — это деньги. Мы сейчас много строим, два жилых дома заложили. В следующем году собираемся открывать новую ферму. Поверьте, считаем каждую копейку. Это ведь только так кажется: сдали пушнину — получили триста тысяч... А в этом году себестоимость одной шкурки составила 154 рубля 31 копейку... Да, не удивляйтесь, Лариса Васильевна, именно такие деньги нужно затратить, чтобы получить одну шкурку. Заметьте: если бы Омский холодильник не платил надбавку, мы в этом году остались бы в накладе. И это несмотря на очень высокую закупочную цену!

Директор помолчал.

— И все же, — сказал он, — я должен со всей ответственностью заявить, что... отнюдь не материальный ущерб составляет главное зло этой преступной акции.

— Вы имеете в виду моральную сторону преступления?

— О нет! При чем тут мораль? Каждый знает, что воровать нехорошо, а если вы придаете этому еще какую-то сложность, то мне это безразлично. Я имею в виду нечто гораздо более определенное, а именно: национальную политику нашего государства среди малых народов Севера.

Заметьте: подавляющее большинство наших звероводов, охотников, рабочих госпромхоза — люди местных коренных национальностей. Вдумайтесь: ханты и манси занимаются клеточным звероводством! Каждый день с утра уходят на работу! А вы знаете, как звучит по-хантыйски слово «работать»? Ропитты! Вслушайтесь: это же русское слово! «Я пошел на работу» — ранее эта фраза прозвучала бы для ханты чистой бессмыслицей. Он мог рыбачить, добывать белку, выдалбливать лодку, все что угодно... так сказать, вся жизнь в тяжелейшем труде, но без работы. И вот то, что сегодня ханты может сказать: «Я пошел на работу», — является важнейшим, если не самым важным завоеванием Советской власти на Севере. У нас есть и охотники, и рыбаки в госпромхозе. Мы их всячески поддерживаем. Омский холодильник, кстати, за дикую пушнину платит пятидесятипроцентную надбавку, а не тридцатипятипроцентную, как за клеточную. Но вы знаете, Лариса Васильевна, несмотря на современные орудия труда, технику, на все эти «Спидолы» и прочие удобства, охота — тяжкий труд. А главное — целиком зависит от милостей природы. Не было кедрового ореха в прошлом году — неурожай — в этом году нет белки. А вот клеточное звероводство ни от какой природы не зависит. Только от нас! Это единственная перспективная отрасль в нашем промысловом хозяйстве, если заглянуть даже в обозримое будущее. И вот именно эта отрасль, которую мы собираемся всемерно развивать, пострадала от кражи. С этим мириться нельзя.

Закончив монолог, директор неловко извлек из кармана пиджака носовой платок и, перехватив его в правую руку, утер со лба пот. Лишь теперь Чистова заметила, что левая кисть его руки не разгибается, имея, как говорят невропатологи, вид «когтистой лапы».

— Простите... это у вас с войны?..

— Да, с фронта, — ответил директор. — После ранения. Неврит локтевого нерва... Ну, а насчет сигнализации мы, конечно, крепко виноваты и вину признаем. Это уж наша русская беспечность... головотяпство...

Чистова вздохнула.

— Ну, хорошо, — сказала она. — Давайте теперь закончим формальную часть...

Она быстро заполнила лицевую страницу протокола: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, образование и специальность, место работы, должность и т. д., и,

наконец, улыбаясь, словно понимая нелепость своего вопроса, спросила:

— Судимы?

И уже начав писать: «Не су...», вдруг услышала:

— Да. Судим.

Чистова удивленно взглянула на директора. Он назвал статью УК, по которой был осужден, но Чистовой эта статья того — военных лет — уголовного кодекса ни о чем не говорила, хотя она наморщила лоб, стараясь припомнить университетский курс по истории советского уголовного права.

— Видите ли, — с трудом произнес директор, — это было давно, в конце войны... Я тогда вернулся с фронта по ранению и был назначен заведующим детским домом в Малой Кунде...

5

Редозубов не был посвящен во все тайны розыска. Его посылали то в одно, то в другое место, поручали кого-то найти и опросить, причем опросы, как правило, и отдаленно не касались кражи на пушной базе и вообще каких-либо мехов; чаще всего требовалось лишь установить, где был и что делал такой-то и такой-то в такое-то время, при этом не обязательно имелась в виду та ночь, когда похитили шкурки.

Были задания и посложнее, но и они выглядели случайными и эпизодическими и, конечно, не могли дать общего представления о полной картине розыска.

И все остальные — участковые и инспектора ОУР — тоже куда-то уходили и что-то делали; надолго исчез Костик, время от времени давая о себе знать телефонными звонками; и только Шабалин редко отлучался из своего длинного узкого кабинета, часами анализируя бесчисленные справки о проделанной работе и беседуя с различными людьми. Сюда огромным потоком стекалась информация, полного объема которой Редозубов не мог себе и вообразить, но догадывался, что розыск идет интенсивно и широким фронтом.

Так, вернувшись однажды с задания, он застал у Шабалина инспектора ОБХСС Падерина, комментировавшего список скорняков-любителей и иных граждан, так или иначе причастных (хотя бы и в прошлом) к выделке мехов и

изготовлению изделий из них. В другой раз начальник паспортного стола капитан Филатова выкладывала Шабалину свои соображения по поводу жителей поселка, выехавших из района после происшествия на пушной базе госпромхоза.

Сюда же часто наведывалась следователь прокуратуры Чистова, о чем-то подолгу говорила с Шабалиным и, дав какие-то указания, уходила. Именно кабинет Шабалина стал центром и штабом розыска. Порой и Чистова допрашивала свидетелей не у себя в прокуратуре, а здесь, в этом уютном и темноватом даже днем помещении.

...Возвращаясь как-то в отдел, Редозубов остановился возле книжного магазина и взглянул на часы. Шабалин приказал вернуться не позже пяти; сейчас было лишь начало пятого. Короткий зимний день подходил к концу, в окнах зажигался свет. Редозубов потопал о тротуар, стряхивая с унтов снег, и вошел в магазин.

— Здравствуйте! — первой поздоровалась продавщица, высокая худая девушка в очках и в замшевой безрукавке поверх вязаного платья. — Ой, как давно вас не было!..

— Работа... — смущенно пробормотал Редозубов.

— Да вы не волнуйтесь! — радостно продолжала продавщица. — Я вам все оставила! Сейчас принесу!

Она выбежала из-за прилавка, пересекла торговый зал и скользнула куда-то за портьеру. Только теперь, посмотрев в ту сторону, Редозубов увидел, что у витрины с технической литературой стоят два парня и листают какие-то книжки.

Книг в магазине было немного. Стеллажи с табличкой «Художественная литература» вообще были пусты, если не считать невзрачной серо-зеленой книжицы с броским названием «Самотлор» и двух-трех сборников неизвестных Редозубову поэтов.

Парни у полки с технической литературой негромко о чем-то переговаривались. Редозубов хотел подойти к ним поближе, но в это время из-за портьеры выбежала продавщица, таща перед собой стопу книг.

— Вот... посмотрите... я тут все откладывала, а вас нет и нет. Я уж испугалась... может, куда уехали... Вот, пожалуйста...

В магазине было тепло. Редозубов расстегнул полушубок и начал просматривать книги.

Парни разговаривали уже погромче, кажется, о чем-то спорили. Редозубов невольно прислушался, ибо речь шла

о форсировке двигателя М-67. Он машинально отобрал две книги: «Доводка рабочего процесса автомобильных дизелей» и «Справочник технолога авторемонтного производства», а остальные, изданные массовым тиражом и рассчитанные в основном на любителей, сложил в аккуратную стопку.

Редозубов подошел ближе к парням. И тут он узнал одного из них, одетого в болгарскую дубленку, в шапку из выдры и в меховые полусапожки с заправленными в них штанинами.

Это был сын известнейшего в отрасли водителя лесовозного автомобиля, кавалера ордена Ленина (шел разговор, что не сегодня-завтра выйдет Указ о присвоении ему Героя), вообще замечательного человека, которого Редозубов хорошо знал.

Его сын — Игорь, который стоял сейчас у витрины с технической литературой, не раз заходил к отцу в гараж и, естественно, вряд ли запомнил рядового шофера, а затем контрольного механика Редозубова, но Редозубов запомнил его хорошо, да и вряд ли можно было забыть этого красивого высокого парня, всегда одетого по последней моде, ни в чем, видимо, не знавшего отказа у родителей.

Впрочем, сейчас важнее всего было то, что именно этот парень, как установил Костик, и бежал тогда от Редозубова из кабины роторного экскаватора...

...Лишь выйдя на улицу, Редозубов вспомнил, что собирался отказаться от отобранных книг и вообще предупредить продавщицу, что больше не будет покупать книг по автомобилям. В его новой службе эти книжки ни к чему...

Вдоль дороги зажглись фонари. Ярko светились окнами кафе «Сосна», гостиница «Тайга» и детский сад «Медвежонок».

У крыльца райотдела стоял УАЗ железнодорожной милиции и чьи-то желтые «Жигули».

Когда Редозубов вошел в кабинет, у Шабалина сидел участковый инспектор Федорец и, потирая красные от мороза руки, докладывал:

— ...выехал куда-то в Латвийскую ССР... нет, вернее, в Литовскую. Фамилию не знают, знают только, как звать — Григорий...

— Посиди пока, — указал Редозубову на стул Шабалин. — Сейчас поедем с тобой кое-куда... Ну? — повернулся опять к участковому. — Дальше.

— А дальше ничего, Александр Николаевич. Все.

— Так. Значит, у него, говорят, ондатры видали?

— Так точно. Шесть, то ли семь шкурок. Как раз на шапку.

— А лисицы?

— Лисиц не было, Александр Николаевич. За это ручаются... И — никаких точных сведений о личности. Только что звать Григорий, а выехал в Литовскую ССР.

Шабалин откинулся на спинку стула и, постукивая кулаком по столу, громко продекламировал:

— «А по справкам оказалось, отбежал он, окаянный Гришка, к границе литовской...»

Федорец удивленно посмотрел на него.

— Это я когда на Урале еще работал, на заводе, — пояснил Шабалин, — мы в художественной самодеятельности Пушкина ставили — сцену в корчме из «Бориса Годунова». Я там играл, так до сих пор наизусть помню...

— В-вы? — изумился Федорец. — Играли?!

— А кого? — спросил Редозубов.

Шабалин усмехнулся и ответил:

— Второго пристава.

6

Впервые он увидел ее летом, у себя дома, на третий день после возвращения из Ялты, где загорел так, что мать еще на пороге назвала его негритенком. Он и фигурой походил на негра, какими рисует их Бидstrup: высокий, стройный, широкоплечий.

Он лежал у себя наверху, посреди комнаты, на белоголубом ковре, покрывавшем почти весь пол, и читал «Управляемость автомобиля» Д. Р. Эллиса, серьезную книгу, написанную английским ученым, директором высшей школы автомобильных инженеров Кренфилда, когда внизу раздался звонок и вслед за тем отчаянный голос матери:

— Игорь! Игорь! Немедленно открой! Это ко мне! Я не могу оторваться, у меня и так все рушится!..

Он отложил книгу и, снисходительно улыбаясь, — у матери что ни день происходила катастрофа с каким-нибудь платьем, костюмом, юбкой или иным нарядом, — спустился в прихожую и отворил дверь. В первое мгновение, ослепленный ярким солнцем, подумал, что перед ним его одноклассница Геля, настолько это скромное коричневое платьице стоявшей на крыльце девушки напоминало

школьное. Но, конечно, девушка ничего общего с Гелей не имела, была и повыше и постарше, и, наконец, Геля, будучи на каникулах, да еще в жаркий летний день, вряд ли надела бы школьное платье.

Девушка, мельком взглянув на Игоря и тут же опустив глаза, спросила:

— Скажите, здесь живут...

— Ах, милочка, да входите же скорей! — послышался из-за двери гостиной громкий голос матери. — От Липатия Львовича?.. Игорь, проводи, пожалуйста, ко мне!

Он отступил назад и, прислонившись к перилам лестницы, ведущей в верхние комнаты, изрек:

— Прошу.

Девушка нерешительно, по-прежнему не глядя на Игоря, шагнула через порог...

И потом, спустя много времени, он не мог объяснить, как на это решился, да еще у себя дома, в пяти шагах от матери... Едва девушка поравнялась с ним, он неожиданно, не успев и подумать о последствиях, взял ее за плечи, повернул и прижал к себе. Она не ойкнула, не вскрикнула, не попыталась освободиться. Все это продолжалось какую-то секунду, и когда, опомнившись, Игорь отпустил ее, она вскинула дрожащую руку к воротничку, поправила кружево и, так и не взглянув на Игоря, шагнула навстречу распахнувшейся двери гостиной.

Мать в каком-то длинном, вишневого цвета платье, придерживая на груди и у талии непришитые, сложной конструкции детали, вскричала:

— Игорь, ну что ты там?.. Проводи же, наконец... Здравствуйте, милочка! Представьте, я вся измучилась!..

Игорь в три прыжка одолел лестницу и, ворвавшись в свою комнату, бросился ничком на ковер. Ему казалось, что он совершил какую-то подлость. В поведении девушки было столько незащитности, беспомощности, даже обреченности, что его хамство выглядело поистине безграничным.

Так пролежал он довольно долго, бессмысленно вглядываясь в дорожный знак «Скользкая дорога», изображенный на обложке книги Д. Р. Эллиса. Внизу раздался стрекот швейной машинки — судя по скорости, а также по четкости начала и конца строчки, шила не мать, а профессиональная портниха, то есть девушка, которую прислал Ветцель и которую он, Игорь, только что обнимал в прихожей.

Он вскочил и заходил по комнате, неслышно ступая по мягкому ворсистому ковру. Он не любил, когда мать хваталась его «золотыми руками» с последующими телячьими восторгами гостей по поводу какой-либо безделушки вроде электронного замка или сигнализатора закипания молока, но сейчас ему отчаянно хотелось, чтобы мать сообщила этой девушке, что машинка только потому так хорошо шьет, что ее наладил и отрегулировал Игорь.

Это было какое-то наваждение: он ходил по комнате из угла в угол и повторял про себя: «Скажет или не скажет? Скажет или не скажет?», — словно от этого зависела вся его дальнейшая жизнь.

Стрекот машинки, наконец, смолк; наступила напряженная — или так ему показалось — тишина; потом, как разряд, раздались восклицания матери, восхищавшейся (надолго ли?) законченным новым платьем. Отец иногда говорил ей, посмеиваясь: «Олечка, ты сшила себе такое платье, будто тебе семнадцать лет...» — «А я виновата, — неизменно отвечала мать, — что в семнадцать у меня его не было?»

— Игорь! Игорь! — послышалось внизу. — Ну где ты там?..

Он вышел из комнаты и, перегнувшись через перила, спросил:

— Чего?

— Иди выведи мне машину из гаража! Я еду в парикмахерскую!

Он сошел вниз, ощущая, как горят щеки, и радуясь, что из-за загара этого не видно, иначе мать непременно обратила бы внимание. Она стояла уже на крыльце в ярко-зеленом брючном костюме, с нетерпением ожидая Игоря.

По пути он мельком заглянул в гостиную: девушка, оказывается, не ушла, как он предполагал, а раскладывала на гладильной доске вишневое платье; рядом на столе стоял включенный в сеть утюг.

Восьмисекционный (по числу квартир в доме) кирпичный гараж был метрах в пятидесяти. Игорь вывел «Волгу», развернулся у крыльца, чтобы матери не пришлось сдавать задним ходом (чего она смертельно не любила), и, выйдя из машины, сказал:

— Только не газуй, как всегда, на первой передаче. Я вчера только клапана отрегулировал...

Мать расстегнула сумочку и достала десятку:

— Вот. Как закончит гладить, отдашь... И накорми ее чем-нибудь, хоть чаю, что ли, предложи. Девушка с работы и даже на обед не ходила.

7

Он вернулся в дом и, заглянув по пути в гостиную (девушка все еще гладила вишневое платье), прошел на кухню и включил фильтр-«родничок». Из водопровода шла жесткая ископаемая вода, добываемая из разведочной скважины; когда что-либо нарушалось на насосной станции, мать шутила, что, должно быть, в системе застряла кость динозавра. Нацедив воды и поставив чайник на газ, он достал из холодильника масло, сыр, колбасу, какой-то приготовленный сестрой салат, банку с икрой, нарезал хлеб.

В гостиную он вошел как раз вовремя: девушка, выключив утюг и надев платье на плечики, оглядывалась, куда бы повесить, чтоб не помялось. Игорь забрал плечики с платьем, небрежно зацепил крючок за олений рог, затем повернулся к девушке.

— Пойдемте, — произнес он, ощущая сухость во рту. — Мне велено напоить вас чаем...

Она не двинулась с места.

— Да пойдемте же!

Она отшатнулась, едва он сделал шаг в ее сторону.

— Вы... вы меня извините... Я поступил по-хамски, но я...

Она взглянула на него как будто с некоторым удивлением.

— Да! — торопливо продолжал Игорь. — Я сам не знаю... как это получилось...

Он осекся, заметив в ее глазах теперь уже очевидное удивление. Он вновь шагнул к ней. Она опять отшатнулась, но, когда он взял ее за локоть, девушка, как и тогда, в прихожей, лишь беспомощно задрожала. Так, держа за локоть, Игорь привел ее в кухню и усадил за стол. Огромная кухня-столовая произвела, должно быть, на девушку впечатление, какое производит музей: не зависть и не желание иметь такую же, а просто любопытство. Разноцветные, покрытые пластиком шкафы и полки, множество различных приспособлений, о назначении которых можно было только гадать, полуавтоматическая посудомойка, сувенирный тульский самовар... Оглядев все это,

девушка сложила руки на коленях и уставилась в окно.

— Извините, — сказал Игорь, заваривая чай, — сегодня ничего не готовили. Отец в город уехал на партконференцию, так мы тут пока всухомятку... Угощайтесь чем есть...

Он разлил чай в две большие чашки и сел тоже к столу.

— Что же вы?..

Она все так же смотрела в окно.

— Да что же вы! — совсем огорчился Игорь. — Кстати, как вас зовут?

Она не ответила.

— Боже мой, ну простите же меня, наконец!..

Она быстро встала из-за стола и направилась к выходу.

— Стойте! Куда же вы? — встрепенулся Игорь. — А чай?..

Он догнал ее на крыльце:

— Погодите... Тогда... вот... мать велела передать...

Он протянул деньги. Она закрыла глаза, мотнула головой, и он с изумлением вдруг увидел, что она плачет.

«Подонок!» — сказал он себе.

8

Когда Шабалин и Редозубов около шести вечера вышли на улицу, было уже совсем темно. Редкие пушистые снежинки, искрясь в свете фар и фонарей, отвесно опускались на землю. На бетонной площадке перед райотделом стояло десятка полтора разноцветных «Жигулей» с включенными стояночными огнями: явилась на дежурство народная дружина ПММК-5, организации, осуществляющей строительство компрессорных станций на магистральном газопроводе. Шабалин, всмотревшись, жестом подозвал к себе командира дружины, веселого бородатого парня в короткой меховой куртке.

— Нужна машина до Нюриня, — сказал без всяких предисловий, — часа на три-четыре.

— Выбирайте — какая понравится! — засмеялся парень, указывая на беспорядочно столпившиеся «Жигули». — Да хотите, я сам поеду? — предложил он и, не дожидаясь ответа, повернулся к курившим в сторонке дружинникам. — Семин! Останешься за меня! Я еду в...

— Без подробностей! — строго предупредил Шабалин.

Нюринь — типичный леспромхозовский поселок на три тысячи человек — встретил их липким снегопадом, сквозь

который с трудом пробивался даже мощный свет ксеноновых ламп на мачтах нижнего склада.

Недавно заселенный двенадцатиквартирный дом им указали сразу; единственное, что отличало его от других, точно таких же домов, — был еще один, дополнительный вход с торца, да на фасаде висела подсвеченная изнутри табличка:

ОПОРНЫЙ ПУНКТ ПРАВОПОРЯДКА

— Ну-ну, — сказал Шабалин. — Звучит солидно. Что ж, осмотрим детище Валерия Романовича. Комиссар тут старался, — пояснил он Редозубову. — Квартиру выбивал — и чтоб отдельный вход соорудили.

Он взошел на крыльцо и потянул на себя дверь. Редозубов и командир дружины двинули следом. Первое, что бросилось им в глаза, была оригинальная железная конструкция — вешалка, сваренная, очевидно, руками местных умельцев. На ней висели три полушубка — один с милицеейскими погонами младшего лейтенанта — и три шапки — одна с милицеейской кокардой.

— Ну-ну, — сказал Шабалин, с интересом осмотрев поделку леспромхозовских сварщиков. — Опорный пункт начинается с вешалки...

Он толкнул ближайшую дверь с табличкой «Участковый инспектор. Прием граждан с... до...» Дверь лязгнула ригелем, но не поддавалась. Следующая дверь с надписью «Детская комната милиции на общественных началах» также оказалась на замке.

Зато из-за третьей, где было сразу две таблички: «Совет опорного пункта» и «Посторонним вход воспрещен!», лилась тихая, довольно интимная мелодия.

Во всю длину коридора-прихожей висел выполненный художественным шрифтом плакат: «Опорный пункт правопорядка — классическая форма объединения усилий общественности и милиции в профилактике правонарушений».

— Ну-ну, — сказал Шабалин. — Что ж, зайдем потолкуем с этими... классиками профилактики.

Он решительно распахнул дверь и, шагнув в комнату, куда «посторонним вход воспрещался», в изумлении остановился. Последовавшие за ним Редозубов и командир дружины также замерли у порога.

Большая квадратная комната с окрашенными в салатный цвет стенами удивляла роскошью своего убранства.

Одну стену почти полностью закрывали стоящие в ряд четыре полированных книжных шкафа; полки одного из них занимало Полное собрание сочинений В. И. Ленина, в другом были аккуратно разложены бланки различных протоколов. Полки остальных шкафов пока пустовали. У окна стоял массивный двухтумбовый стол, какого не было и у начальника РОВД; ближе к середине — журнальный столик с тремя глубокими креслами вокруг. Пол покрывали два ярких ковра — они-то и придавали комнате роскошный вид.

Два «классика профилактики» — молодые длинноволосые парни — сидели в креслах у журнального столика, прихлебывая черный кофе из маленьких керамических чашек. Еще одна чашка дымилась на столике рядом с элегантным электрическим кофейником. Возле одного из кресел стоял на ковре четырехдорожечный магнитофон «Маяк», негромко выдавая приятную легкую музыку.

Что же до третьего «классика» — участкового инспектора Пицухи, — то он, скинув мундир и закатав рукава форменной рубахи, с отверткой в руке ковырялся в электро-розетке; будучи по гражданской специальности высококвалифицированным электриком, Пицуха спокойно ремонтировал цепи под напряжением.

Увидев Шабалина, Пицуха несколько растерялся, но тут же, отложив отвертку и вытянув руки по швам, доложил:

— Товарищ лейтенант! Участковый инспектор...

— Чем занимаешься? — перебил Шабалин, продолжая оглядывать помещение.

— В данный момент, Александр Николаевич, розетки меняю. Выключатели уже сменил... Да вы гляньте! Поставили какие-то черные, некрасивые... А тут Витек фарфоровые достал, — указал участковый на одного из длинноволосых парней, которые во время доклада встали. — Теперь — пожалуйста, — продолжал Пицуха, — любо-дорого смотреть...

— Да, — подтвердил Шабалин, — действительно. Ну, а вы?.. — повернулся он к парням.

Парни подтянулись. Одного из них Пицуха представил как «члена совета опорного пункта», другой же, Витек, который достал выключатели и розетки, сам скромно представился как «активист». Шабалин взглянул на магнитофон. «Активист» понял, быстро нагнулся и нажал клавишу. Музыка смолкла.

— Ну-ну, — сказал Шабалин, проходя в комнату и усаживаясь в одно из кресел. — Неплохо вы тут устроились.

— Чашечку кофе? — тут же предложил «член совета». — С мороза очень хорошо!

— Да нет, спасибо, — отказался Шабалин. — Кофе нам, к сожалению, распивать некогда. Недосуг!.. Да, неплохо, неплохо... Это вам Валерий Романович все устроил?

— В смысле обстановки? — оживился Пицуха. — Нет, Валерий Романович нам только помещение выбил. А остальное уж мы сами. Мы тут отличную оперативную комбинацию провели! Выбрали председателем совета директора леспромхоза, а одним из заместителей — главного бухгалтера! Им, конечно, заседать-то с нами некогда, и работы они никакой не ведут, зато мы теперь ни в чем отказа не знаем! Они и сами говорят — директор и главбух — вы, мол, берите сколько надо, только нас не трогайте, у нас и так работы завал! Вот только стульев еще нет... в смысле — на базе ОРСа есть, но нам расцветка не нравится. Не гармонирует.

— Не гармонирует? — переспросил Шабалин.

Пицуха развел руками и обернулся за поддержкой к «члену совета» и «активисту». Те подтвердили, что не гармонирует.

— Ясно, — сказал Шабалин. — Значит, работа идет?

— Еще как, Александр Николаевич! Вот Витек парня одного отыскал — замечательный чеканщик! Заказали ему, во-первых, портрет Дзержинского для детской комнаты, ну и там слова чтоб были: «Юноше, обдумывающему житье...» Во-вторых...

— Партком тоже помогает, — подал голос «член совета». — Вот Ленина подарили, полное собрание. Обещали еще Карла Маркса и Фридриха Энгельса... Получается ничего, грех жаловаться...

— Опорный что надо, — вставил «активист». — Цветной телевизор приобретем, договоренность уже есть. Пару ковриков еще подкупим. Тебе в кабинет, хочешь — не хочешь, — повернулся он к участковому, — да в детскую комнату хоть палас...

Шабалин глубоко вздохнул:

— Да, отличный опорный пункт организовал Валерий Романович! Так придется ему и передать...

Участковый и «член совета» насторожились. «Активист» же ничего не понял и с улыбкой заметил:

— Да при чем же здесь Валерий Романович? Он нам

только квартиру. А остальное мы сами, вам же Пицуха говорил... Но вообще он, наверное, удивится, когда придет, Проводников-то...

— Удивится, — подтвердил Шабалин. — Должен удивиться, по крайней мере!.. Ладно, — сказал он Пицухе. — Берн бумагу и карандаш и выпиши мне все неблагополучные семьи в поселке. Фамилии и адреса. Срочно!

— Адреса? — растерянно переспросил участковый.

— Фамилии и адреса. И побыстрее!

— Так видите ли, товарищ лейтенант... Я еще адреса-то фактически...

— Не знаешь?

— Ну, так-то фактически знаю, где кто проживает... но адресов фактически... Я ведь тут только третий месяц...

— Еще и ковров всех не успел скупить! Так, что ли?

— Так ведь не себе ж, товарищ лейтенант! И потом ведь новое веяние... все по эстетике... А адреса я вам покажу!..

— Не надо, — ответил Шабалин. — Пошли, — повернулся он к Редозубову и командиру дружины. «Да, Валерий Романович! — подумал он, садясь в машину. — Мощный оплот правопорядка создали вы в Нюрине!» — Поехали! — приказал он. — Есть тут у меня одна блатхата на примете...

9

— Здесь потише, — приказал Шабалин. — Не разберу ни черта...

Командир дружины кивнул и сбросил скорость. Стеклоочистители работали бесперебойно. Сквозь непрекращающийся липкий снегопад под светом четырех автомобильных фар с трудом угадывались длинные пристанционные здания, похожие на бараки. С самого начала, едва они свернули на эту улицу, навстречу не попало ни одного прохожего.

— Глухо, как в танке! — возбужденно проговорил командир дружины. — Местечко, ничего не скажешь...

— Хоккей сегодня, — заметил Редозубов, — вот и...

— Стоп! — сказал Шабалин. Бородач резко нажал на тормозную педаль и одновременно выключил сцепление. Автомобиль с заблокированными колесами, едва не опрокинувшись, развернулся и встал поперек дороги

— Водило! — сказал Шабалин. — Пошли, — повернулся он к Редозубову.

— Мне... с вами? — с надеждой спросил командир дружины.

— Жди здесь, — бросил Шабалин.

Командир дружины, явно расстроившись, достал сигареты и включил прикуриватель. Он понимал, что у милиции есть, безусловно, какие-то свои тайны, но все равно было как-то обидно. Единственное утешение состояло в том, что завтра на вопрос товарищей: «Куда ездил?», он сможет небрежно ответить: «Да ездили кое-куда с Шабалиным...»

Между тем Шабалин и Редозубов вошли в один из подъездов приземистого здания и остановились в конце коридора перед обшарпанной, утепленной кусками дермати́на дверью.

Шабалин жестом приказал Редозубову выключить фонарик, выключил свой и постучался.

— Кто? — спросил из-за двери слабый дребезжащий гонос, тут же перешедший в глухой кашель.

— Свои, — переждав кашель, ответил Шабалин. — Открывай.

— Свои-то все дома... — Щелкнула задвижка, и дверь приоткрылась. — Да уж заходи, начальник...

Шабалин и Редозубов прошли в маленькую комнату, оклеенную грязными, кое-где рваными обоями; потолок, с которого свешивалась тусклая пыльная лампочка, весь был в темных разводах, местами с обвалившейся, открывавшей трухлявую дрань штукатуркой.

Справа у стены стояла узкая железная кровать с ржавыми спинками, застланная ватным одеялом, слева — грубо сколоченный стол с чайником, половинкой буханки белого хлеба и тремя плитками чая на щербатых досках. По обе стороны стола стояли ящики из-под каких-то запчастей, заменявшие, по-видимому, табуретки. В углу, тоже на ящике, светился яркий экран размером с небольшую книгу телевизора неизвестной Редозубову марки; таких древних телевизоров ему видеть не доводилось. Звуча не было: хоккеисты без шума и без каких-либо комментариев били друг друга клюшками.

Хозяин этого невзрачного жилья, низкорослый, изможденный старик, волоча ногу, с трудом добрался до кровати, осторожно опустился на заскрипевшую сетку и, прокашлявшись, спросил:

— С чем пожаловали? Все из-за того... снегоочиста?..

Шабалин, не отвечая, прошел к окну, занавешенному

выцветшей тряпкой, затем к столу и, смахнув перчаткой рыжего таракана, капитально устроился на ящике.

— Ну как живешь, Якимов? — спросил он негромко.

Старик усмехнулся:

— Да какая жизнь. Сам видишь: существую. Да, видно, уж и в гроб скоро. Одно утешение: хоть погребут на воле...

Шабалин достал папиросы, угостил хозяина, закурил сам, хотел положить пачку на стол, но, увидев пробежавшего по нему таракана, передумал и спрятал пачку в карман. Затем спросил:

— Тебе сколько лет-то, Якимов? Пятидесяти еще нету?

Редозубов удивленно посмотрел на хозяина: тот выглядел на все семьдесят.

— Сорок четыре через месяц стукнет, — сказал хозяин. — Да не в том дело. Чую: не протяну долго. Сломалась жизнь... Вот... телевизор смотрю... да и тот без звука...

Шабалин погасил окурочок, швырнул к печке и с минуту внимательно — в упор — разглядывал старика (иначе того при всем желании назвать было трудно).

— Да, выглядишь ты неважно, — согласился он. — Но, думаю, все же время у тебя есть. Пожить еще можно.

Хозяин хрипло втянул в себя дым.

— Можно, — сказал он. — Да неохота. Сломалась жизнь. «Встает подсудимый, красавец мальчишка, судья задает ему странный вопрос...» — проскрипел Якимов на известный тюремный мотив.

— Ладно, оставим это, — перебил Шабалин. — Это все блатная лирика. Воровская романтика. Этим-то вы молодых и сбиваете с толку. Я вот их, щенков, которые приобщаются, соберу как-нибудь да и приведу к тебе. Пусть полюбуются. Оценят твой образ жизни. Ну, да не об том речь...

Старик спросил:

— Так ты все ж по снегоочисту?

Шабалин переждал кашель и ответил:

— При чем тут снегоочист? Снегоочистом пускай железнодорожная милиция занимается.

Старик усмехнулся:

— А они говорят, что, мол, дело вам передали, в райотдел...

— Кто говорит? Конкретно.

— Желтов.

— Нет, — сказал Шабалин. — Это дело нам ни к чему. У нас и своих хватает.

Старик помолчал, затем сказал:

— Что ж, вам виднее, конечно...

Редозубов, пораженный известием, что хозяину комнаты, выглядевшему дряхлым стариком, всего лишь сорок четыре года, старался вспомнить, не слышал ли он о нем чего-нибудь раньше. Шабалин же, не подавая вида, был сейчас в крайней степени раздражения.

Этот снегоочиститель, с которого мальчишки неделю назад сняли несколько приборов, был уже предметом разговора с заместителем начальника линейного отделения Желтовым. Желтов настаивал на том, что снегоочистителем должен заниматься райотдел, так как машина в момент совершения преступления стояла на леспромхозовских путях. Но, во-первых, снегоочиститель принадлежал железной дороге, во-вторых, ободрали его явно детки железнодорожников, взятые на учет в детской комнате линейного отделения, в-третьих же, была договоренность на уровне начальников, что это дело линейный отдел возьмет на себя. Желтов, однако, продолжал гнуть свою линию. И вот уж во все перипетии был посвящен даже Якимов, бывший поездной вор, разбирающийся в подведомственности, подследственности и территориальной принадлежности уж никак не хуже самого Желтова. Если б речь шла хотя бы о трупе или о другом серьезном происшествии, а то анекдот, пустяковое дело, выеденного яйца не стоит, к тому же почти раскрытое, неделю переталкивают, как волейбольный мяч, из райотдела в линейный отдел и обратно. «Переработался! — зло подумал Шабалин о Желтове. — Девять преступлений в год, причем одна мелочовка — что там крадут в поездах: полушубки да сумочки, да раз в три месяца хулиганство на перроне, — и еще от снегоочиста отталкивается руками и ногами!.. Ну погоди, я на тебя «телегу» напишу в ОТМ¹, там с тебя стружку снимут!..»

— Ладно, — сказал он. — Мы ведь к тебе знаешь зачем приехали?

Старик смял окурок, сунул под отворот валенка и равнодушно спросил:

— Зачем?

— А ты догадайся, — сказал Шабалин. Старик пожал плечами. — Ты подумай, — настаивал Шабалин. — Подумай. Мы не спешим.

¹ ОТМ — отдел транспортной милиции.

Старик прокашлялся, закурил новую папиросу, предложенную Шабалиным, помолчал еще и, наконец, ответил:

— Шкурки ищешь.

— Во! — обрадовался Шабалин. — Я ж тебе говорил: подумай. В самую точку!.. Скажу больше: если ты мне один раз поможешь, я тебе десять раз помогу.

Старик вскинул на Редозубова глаза и спросил:

— Дружинник?

— Ни в коем случае, — ответил Шабалин. — За кого ты меня принимаешь? Новый инспектор.

— А-а, — сказал старик. — Лидера нет.

— Лидера нет, — согласился Шабалин. — Маху я тогда дал...

Старик повторил:

— Лидера нет.

— Да черт с ним, с Лидером! — сказал Шабалин. — Не о нем речь.

— Не об нем? — сказал старик. — А об ком же?

— Ты что? — удивился Шабалин. — Пьяный, что ли?

— Да нет, — ответил старик. — Давно уж живу без подогрева... Но Лидера нет.

10

Во второй раз Игорь встретил ее далеко не случайно. Он свернул в пыльный, застроенный старыми домами тушиковский переулок и, проехав метров пятьдесят, остановился, выбрав зеленый бугорок на обочине рядом с деревянным тротуаром. С этой точки он хорошо видел покосившееся двухэтажное здание, обшитое голубыми плашками в виде «елочки». В здании, стоявшем в самом конце переулочка, раньше помещался весь комбинат бытового обслуживания, теперь же располагалась лишь пошивочная мастерская, возглавляемая бессменным Липатием Львовичем Ветцелем.

Был уже самый конец августа. Игорю до начала занятий в школе оставалось всего два дня; и вот в эти последние дни, чего в прежние годы не случалось, установилась такая духота, что на озере вновь возобновились купания. Правда, теперь семь километров до озера приходилось преодолевать пешком по лесной тропинке: единственную лесовозную дорогу, по которой можно было туда проехать, перекрыли шлагбаумом со сторожем — дорогу готовили к зимней эксплуатации.

Он взглянул на свои электронные часы и понял, что приехал рано: было лишь 17.10, а рабочий день в мастерской заканчивался в шесть. Лучше всего, как подсказывал разум, развернуться и сгонять куда-нибудь на полчаса, вместо того, чтобы торчать здесь на бугре, на виду у всего переулка. Но уехать он не мог, до боли в глазах вглядываясь в покосившееся здание с заколоченными горбылем лоджиями. Из мастерской выходили какие-то люди; все они спустя несколько минут, проходя мимо, пялились на Игоря и на его мотоцикл. Знакомых среди них, правда, пока не попадалось, но стоять здесь, на всеобщем обозрении, все равно было невыносимо. К нему уже приглядывались, подойдя к калиткам, жители близлежащих домов. К тому же нещадно, даже к вечеру, пекло солнце.

Он снял шлем и кожаную тужурку, сунул их под фартук в коляску и, перейдя на противоположную сторону переулка, сел на ветхую скамеечку подле чьего-то палисадника в тени старой рябины. Но отсюда он не видел двери мастерской. И хотя он прекрасно понимал, что приехал рано и что иной дороги из переулка нет, теперь стало невыносимо сидеть в кутке и не видеть, кто выходит из покосившегося двухэтажного здания... Он вновь взглянул на часы. Прошла всего лишь минута.

Слева вновь послышались чьи-то легкие шаги. Хотя не было еще и половины шестого, Игорь вскочил и обмер: именно она, эта девушка, ради которой он сюда приехал, быстро приближалась к нему. На ней было серое платье, очень похожее на то, коричневое, в котором она приходила к матери, только без кружева на глухом воротничке. Тротуар был ветхий, с большими щелями, и девушка увидела Игоря лишь тогда, когда почти столкнулась с ним на углу палисадника. Она вздрогнула и отшатнулась, но затем, обойдя Игоря, пошла дальше...

Мгновение он смотрел ей вслед, затем бросился к мотоциклу.

Девушка шла, не оглядываясь. Игорь, обогнав ее на десяток метров, притормозил, и мотоцикл остановился перед девушкой, перегородив тротуар.

Он откинул фартук коляски и неожиданно для себя грубо сказал:

— Садись!

Она, кажется, не удивилась, да и Игорь был сейчас не в том состоянии, чтобы удивляться даже собственной грубости. Он открыл багажник и, достав еще один шлем, про-

тянул девушке. Она безропотно, поправив прическу, надела шлем и села в коляску. Игорь тронул мотоцикл...

11

Автомобильная инспекция в тот предпоследний августовский день вполне показала свою неукомплектованность и неосведомленность: ни капитан Нуждин, ни лейтенант Румянцев, ни инспектор дорнадзора сержант Лыцов, ни спецдružина ГАИ не только не задержали в тот день опасного нарушителя Правил дорожного движения, но даже и не получили о нем никакой информации.

Впрочем, водитель трансгазовского «Икаруса» Александр Иванов, будучи нештатным автоинспектором, хотел позвонить в дежурную часть РОВД, но, замотавшись, вскоре забыл об этом, а когда к вечеру вспомнил, то уже постыл и решил не подводить мотоциклиста: своеобразно понимаемая водительская взаимовыручка взяла верх. К тому же ничего страшного не произошло: мотоцикл бесшумно вынырнул слева из переулка, проскочил в метре от радиатора «Икаруса» и на высокой скорости прошел поворот; управлял им мастер своего дела, в коляске сидела девушка в белом шлеме, и мало ли почему они спешили. Лицо у мотоциклиста было отчаянное.

Дежурная по переезду, толстая, но довольно расторопная женщина, пропустив портовский автобус, стала закрывать шлагбаум, когда сзади послышалось слабое пофыркивание двигателя. Она оглянулась: к переезду приближался мотоцикл, он был уже метрах в двадцати, но ходу отнюдь не сбавлял, и было ясно, что и не собирается, а со стороны Ангириша шел тяжелый состав с лесом. Теперь, даже начав тормозить, мотоциклист вряд ли сумел бы остановиться до шлагбаума. И дежурная сделала все, что могла: придержала полузакрытый шлагбаум, и ярко-зеленый «Урал», лязгнув амортизаторами, перемахнул полотно.

— Ну, погоди, заяц, — сказала она вслед. — Я-ть ты на обратном пути прихвачу!..

Вернуться в поселок иной дорогой мотоциклист не мог. Дежурная не учла одного: через час она сменялась, а звонить в милицию не пришло ей в голову, да и номерного знака она впопыхах не разглядела. Зато успела рассмотреть миловидное личико сидевшей в коляске девушки в белом шлеме.

«Урал», между тем все набирая скорость, мчался по бетонке, ведущей в аэропорт. Служебный автобус-вездеход он обошел в конце сложного подъема с двумя поворотами и с ограниченной видимостью; обошел впритирку к левому борту, не выезжая на полосу встречного движения, словно бы предчувствовал, что со стороны порта натужно выбирается на взгорок МАЗ-бензовоз.

Заметив неожиданно выскочивший из-за автобуса мотоцикл, водитель бензовоза резко переключился на низшую передачу и поднес огромный кулак к ветровому стеклу.

— Жить надоело! — расценил действия мотоциклиста и водитель автобуса. — Да еще и девчонку посадил... Придется в порту с ним потолковать, — обратился он к сидевшему на переднем сиденье пожилому авиатехнику. — А ты, Николай Егорыч, как законный представитель старшего поколения, уши ему нарви.

Техник кивнул. Он, как и шофер, полагал, что «Урал» идет в порт: за портом лесовозная дорога была перекрыта. Мотоцикл, однако, дойдя до развилки у склада ГСМ, в порт не свернул, а прошел прямо, по направлению к Кунде.

— Ну и дурак! — в сердцах сказал водитель автобуса. — Там же все равно остановят!..

...Игорь и сам понимал, что через Кунду так просто ему не проскочить. И объехать никак нельзя. Оставалось рассчитывать на везение и на то, что сторож окажется знакомым.

У склада авиаГСМ бетонка сворачивала вправо, к порту; прямо же, куда направил машину Игорь, вела хорошо укатанная, расчищенная грейдером грунтовая дорога. С обеих сторон к обочинам подступал неподсоченный лесхозовский сосняк.

Через несколько минут «Урал» вынесся к пологому берегу неширокой таежной речки с нависшими над водой стволами подмытых деревьев. Это и была Кунда.

Речку пересекал добротный мост с лиственничными прогонами и прочным настилом, но ходу туда не было: перед мостом стоял сваренный из бурильных труб шлагбаум. Его и танком было не своротить. Шлагбаум перекрывал въезд на лесовозную магистраль, ради которой существовал поселок.

Из сторожки вышел кражистый мужчина лет сорока пяти и, отмахиваясь кулечей от комаров (кисть оторвало когда-то на шпалозаводе), подошел ближе, узнав Игоря, сказал:

— Ну уж об тебе-то никогда бы такого не подумал!

— Дядя Вася! — умоляюще произнес Игорь. — В последний раз!

— Да твоему же отцу потом по этой дороге ездить! А ты ее разобьешь ни за что, ни про что!

— Дядя Вася, да ведь сухо! Как же я ее разобью?

— Сейчас сухо, а через час дождь пойдет. И не думай и не мысли. Поворачивай оглобли.

— Дядя Вася!..

Сторож перевел взгляд на девушку в белом шлеме. Должно быть, чем-то поразило сторожа ее лицо. Какое-то время он еще колебался, но недолго.

— Ладно... — Сторож достал из кармана ржавый ключ от замка, запиравшего шлагбаум. — Но в последний...

Пять километров до озера пролетели незаметно: и горельник по обе стороны магистрали, зараставший уже осинником, и тягун на шестом километре, и далее строгий сосняк.

Девушка, прижавшись к спинке сиденья, широко открытыми глазами смотрела на Игоря. Он наклонился к ней, легко вынул из коляски, поставил ее на песок и вдруг стал быстро целовать ее лицо, шею...

— Что ты? — отпуская ее, сказал Игорь. — Почему ты дрожишь?

Она молчала.

— Давай искупаемся? Вода знаешь какая теплая!

Подавая пример, он стянул через голову рубашку, сбросил джинсы и, оставшись в полосатых японских плавках, вошел по колено в воду. Оглянулся. Девушка, не отрываясь, смотрела на него. Игорь знал, что на него засматриваются, но во взгляде этой девушки было нечто большее, чем то, к чему он давно привык. Ему показалось вдруг, что она смотрит на него как... на какую-то недоступную для нее роскошь. Это открытие ошеломило Игоря.

Он зашел подальше в воду, красивым мощным брасом поплыл от берега. Метрах в сорока лег на спину и закрыл глаза. Сколько он так пролежал на воде — минуту, а может, все десять, он не знал, но показалось, что очень долго. Между тем со стороны берега послышался какой-то плеск. Игорь вскинул голову: девушка все так же неподвижно стояла на песке рядом с мотоциклом. А неподалеку от Игоря плавал сосновый обрубок — об него и плескалась вода.

Игорь возвратился к берегу.

— Ну что же ты?

Она молчала. Он подошел к ней почти вплотную, но не обнял, потому что был мокрый, а наклонился и поцеловал в дрожащие губы. Потом коснулся замка на платье...

И тут раздался крик. Крик этот, похожий на стон, был столь неожиданен, что он не понял вначале, что кричала она.

Он оставил девушку, натянул на мокрое тело джинсы и рубашку, сунул в карман часы.

— Простите, — тихо сказал он.

Затем нахлобучил шлем и коротким толчком ноги завел двигатель. Коляска покачнулась — девушка села; когда он обернулся, она уже надевала шлем. Игорь вскочил в седло и тронул машину.

Обратный путь Игорь проделал как образцовый водитель. Дежурная по переезду, к счастью, успела смениться; впрочем, Игорь и не помнил об этом инциденте.

Он задержался у перекрестка на второстепенной дороге, пропуская автобус с пионерами, и вдруг почувствовал легкое прикосновение к локтю. Взглянул на девушку. Она показала глазами на тротуар.

Этот жест — молчаливая просьба — был, в сущности, ее первым обращением к Игорю. Проехав перекресток и затормозив на обочине, он лихорадочно огляделся и пришел в отчаяние. Место, в котором девушка попросила посадить ее, представляло собой квартал из четырех находящихся в стадии строительства пятиэтажных домов. Рабочий день был окончен, стройка опустела; лишь на той стороне улицы бригада рабочих заканчивала демонтаж башенного крана.

Квартал из недостроенных домов стоял как бы на отшибе от остальной части поселка; следовательно, Игорь не мог даже приблизительно определить, где живет девушка.

Она вышла из коляски, сняла шлем, аккуратно положила его на сиденье и, на ходу поправляя волосы, отошла на бетонную плиту тротуара. И уже оттуда, с тротуара, она сказала ему то, во что невозможно было поверить. Это были ее первые, обращенные к нему слова.

Девушка сказала:

— Я люблю вас.

С того времени, когда с пушной базы госпромхоза похитили лисьи шкурки, утренние доклады об оперативной обстановке первому секретарю райкома партии и председателю райисполкома сделались сущим наказанием для Волохина. Бывают ситуации, когда достаточно доказать или хотя бы показать, что сделано все возможное, — и отрицательный результат в вину не вменяют; в данном же случае, как понимал Волохин, примут во внимание лишь результат, — если он будет отрицательным, то любая кипучая деятельность будет расценена не выше, чем мышьяк.

Если прежний начальник райотдела мог рассчитывать на признание былых заслуг перед районом и на этом основании представить происшествие на пушной базе и последующие события как досадную случайность, то Волохин, проработавший здесь менее года, такой возможности был лишен. Если бы, далее, Волохин приехал в район, уже имея опыт руководства отделом, он мог хотя бы сделать вид, что ему доводилось разбираться и в более сложной обстановке, и пусть ему дадут только срок, — но и первый секретарь райкома партии, и председатель райисполкома вряд ли забыли о том, что на эту должность Волохин назначен впервые. Следовательно, к Волохину приглядывались и с этой стороны, а председатель райисполкома, энергичная и властная женщина, депутат Верховного Совета республики, очень представительная на вид хантыйка, которую здесь звали «хозяйкой» и которая, как говорили, слов на ветер не бросает, сказала ему прямо:

— Найди шкурки, Волохин. А нет — пеняй на себя...

Что касается первого секретаря райкома партии, то он упрекнул Волохина уже в том, что такая кража вообще произошла. Волохин принял и этот упрек, притом из принципиальных, а не из каких-либо иных соображений. Существует очень удобное для органов внутренних дел мнение, будто милиция не может отвечать за приrost регистрируемых преступлений, что, напротив, это лишь свидетельство активизации ее работы, а с другой стороны — нежелание повышать в отчетах процент преступности якобы создает предпосылки для укрывательства преступлений. Характерно, что это мнение отстаивают не практические работники, которые понимают, что сама постановка такого вопроса бессмысленна, — а ученые-юристы, непосредст-

венно за уровень преступности не отвечающие. Дискуссия по этому вопросу зашла столь далеко, что один из участников, заведующий сектором НИИ, доктор юридических наук, выступая в специальном журнале, сказал буквально следующее: «Нельзя на уголовный розыск возлагать ответственность за все, что происходит в сфере преступности». В каком бы контексте ни прозвучала данная фраза, невольно возникает вопрос: а на кого же ее возлагать, эту ответственность? На самих преступников? Они, конечно, с радостью восприняли бы подобное предложение, но для чего тогда и существует уголовный розыск? И как в таком случае расценивать результаты профилактической службы? Неужели лишь по количеству прочитанных лекций и бесед с населением?

Нет, рассматривать свою работу с этой удобной позиции начальнику райотдела никто не позволит. В свете изложенных соображений Волохин и принял как должное упрек секретаря райкома.

Конечно, кража на пушной базе и сама по себе, вне всяких других обстоятельств, выглядела в масштабе района серьезным происшествием. Но поскольку местные совпарторганы придали ей значение, далеко превосходящее, по мнению Волохина, само происшествие, кражей особо заинтересовалось окружное управление внутренних дел, а затем и УВД области.

Уже на третий день из окружного центра приехали два юных лейтенанта с ромбами высшей школы МВД и представились как старший следователь и старший инспектор ОУР УВД. Ни больше ни меньше. Целью их прибытия, как снисходительно пояснил Волохину следователь, является контроль за действиями райотдела по раскрытию кражи мехов и практическая помощь в этом направлении. Инспектор же добавил, что имеет задание повлиять и на оперативную обстановку района в целом. Каким образом он собирается это осуществить, инспектор уголовного розыска, как истинный представитель своей службы, умолчал.

Оба лейтенанта, хоть и не имели, по-видимому, большого опыта, были отнюдь не глупы. Ироническое же отношение к ним Волохина, обуславливалось рядом обстоятельств.

Во-первых, окружное управление, созданное всего лишь несколько месяцев назад даже и не на базе окружного отдела (последний был переименован в ГРОВД), а в виде некоей надстройки, само еще организационно не утверди-

лось, имея крайне ограниченные штаты, укомплектованные к тому же малоопытными кадрами, вроде приехавших лейтенантов.

Во-вторых, управление только еще, кажется, нащупывало точки, к которым нужно было, не разбрасываясь, приложить силы, с тем, чтобы действительно иметь возможность влиять на оперативную обстановку огромной территории автономного округа. Те пять или шесть комплексных проверок, которые новое управление, едва появившись на свет, провело в городах и районах округа, обошли Волохина стороной; его отношения с окружным центром до сих пор состояли лишь в отправке различного рода сведений и отчетов да в разговорах по телефону с начальником управления майором Картаевым. Если учесть к тому же, что наиболее важные отчеты, а также дела, подлежащие регистрации в информационном центре, по-прежнему направлялись из райотдела непосредственно в область, то легко можно понять отношение Волохина к приехавшим лейтенантам. Их приезд являлся, по-видимому, одним из таких прощупываний, и, быть может, несколько вызывающее поведение лейтенантов при первом знакомстве как раз и объяснялось их неуверенностью, примут ли их здесь, в РОВД, за полномочных представителей вышестоящего органа.

В-третьих, что самое главное, Волохин, как всякий молодой начальник, хотел сам, без постороннего вмешательства, справиться с делом, которое ему поручили, тем более, что ничего чрезвычайного, как он полагал, в сущности, не произошло. Если бы он допустил в своей деятельности какой-либо стратегический просчет, если бы в чем-то прямо как начальник был виноват, — можно было бы понять беспокойство сверху; но в данном случае вмешательство расценивалось Волохиным как мелочная опека.

Впрочем, лейтенанты, представившись, тут же ушли: один к следователям, другой в ОУР, и больше в этот день Волохину на глаза не попадались.

Но зато к вечеру позвонил сам начальник управления майор Картаев и, выслушав доклад о проделанной работе по розыску мехов, сообщил, что только что разговаривал с областью, и там весьма встревожены созданным положением (именно так он и сказал: «созданным положением», а не тем, что меха до сих пор не найдены, то есть возводя конкретное происшествие в ранг довольно широкого обобщения), и что поэтому утром в район выле-

тают подполковник Супонин и начальник отдела милицеских служб майор Довлетшин.

Картаев говорил громко, в голосе отчетливо слышалось недовольство, появившееся, несомненно (да он и не скрывал этого), вследствие разговора с областным управлением, и Волохин окончательно убедился в том, что отношения, возникшие в результате кражи мехов, далеко превзошли значение самого происшествия.

Как бы для того, чтобы не оставить и тени сомнения на сей счет, буквально через несколько минут после разговора с Картаевым позвонили из области. Звонил полковник, начальник УУР областного УВД, и, не прибегая ни к разгосу, ни к какому-либо иному способу воздействия, прямо и довольно доброжелательно поинтересовался, не нужна ли помощь. Волохин ответил, что не нужна. Полковник пояснил, что под предлагаемой помощью подразумевает не присылку гениального сыщика из управления уголовного розыска, а несколько рядовых инспекторов из соседних райотделов для отработки леспромхозовских поселков, то есть для самой что ни на есть черной работы. Такая помощь Волохину не помешала бы, но, отказавшись сразу, он отказался и во второй раз, добавив при этом, что в пределах тех версий, которые он изложил утром заместителю начальника УУР, он справится сам.

— Что ж, — сказал полковник. — Версии дельные. Работайте. Особо обратите внимание на ГАЗ-66 и тех двух шабашников из гаража. Но имейте в виду: раскачиваться долго не дадим. Завтра, в крайнем случае послезавтра утром, вопрос о помощи будет решаться без вашего участия. Вам ясно?

— Да, товарищ полковник.

— Кроме того, тогда уже обязательно встанет вопрос о причинах и, главное, последствиях вашего отказа сегодня. Это тоже ясно?

— Так точно.

— Не хотите ли в связи с этим что-либо добавить?

— Никак нет.

— Тогда все. Желаю удачи.

Волохин положил трубку и сказал: «К черту!».

Именно во время разговора с полковником и вошел замполит. Волохин, не зная еще о цели его прихода, поначалу обрадовался и, отвечая начальнику УУР, даже приободрился, как бы чувствуя, что Проводников поддержит его во всем.

— Попали мы с тобой, Валерий Романович, как кур в ощиц...

— Да, — несколько рассеянно ответил Проводников. — Я к тебе вот по какому вопросу, Владимир Афанасьевич...

Зная замполита, Волохин вдруг интуитивно понял, что то, с чем явился Проводников, не только не поможет разрядить обстановку, но, напротив, лишь обострит ее, и, как бы не слыша, продолжал:

— Попали крепко. Вот уж не думал, что такая история развернется...

— Владимир Афанасьевич, — твердо сказал Проводников, не желая, очевидно, вдаваться в общее обсуждение создавшейся ситуации, — я полагаю, назрела необходимость решить вопрос о назначении Костика начальником уголовного розыска.

Даже и догадываясь по первым словам замполита и, главное, по тону, каким они были сказаны, что Проводников явился к нему отнюдь не за тем, чтобы подтвердить свою готовность сообща вынести с начальником ту ношу, которая на них свалилась, Волохин тем не менее никак не предполагал, что услышит подобное предложение, да еще в столь категорической форме. Создавалось впечатление, что замполит свалился с Луны. Мало было Волохину утренних докладов секретарю райкома и председателю райисполкома, приезда высокомерных лейтенантов из управления, ожидаемого завтра объяснения с Супониным и Довлетшиным, нелицеприятного разговора с Картаевым, наконец, сурового, хотя и высказанного спокойно предупреждения начальника управления уголовного розыска, — мало было всех этих идущих сверху, мягко говоря, пожеланий и предложений; недоставало только, чтобы еще и снизу в то же самое время начались различные коловращения и перестановки.

— Валерий Романович, — сказал своим ровным басом Волохин, — ты, очевидно, еще не в курсе, что завтра к нам приезжают Супонин и этот... Довлетшин?

— В курсе, — последовал ответ. — Я только что разговаривал с начальником отделения по ПВР округа, он мне сказал.

— Ну и...

— Ну я и пришел к тебе потому, что завтра мы сможем доложить им наше мнение непосредственно.

— Да ведь они приезжают сюда совсем не затем, чтобы выслушивать наше мнение, вернее, не наше, а твое!

— Знаю. Но тем не менее собираюсь его доложить.

— Да ведь они все равно этого решать не будут!

— Знаю. Но я разговаривал с начальником ОПВР области. Он сказал, что если мы согласуем вопрос с окружным управлением, область возражать не будет.

— Когда ты с ним разговаривал?

— В начале месяца. Ты же знаешь.

Волохин, всем своим видом выражая возмущение, что с ним бывало чрезвычайно редко, достал из коробки папиросу и закурил.

Замполит будто не понимал, для чего Волохин спросил его, когда он разговаривал с начальником отдела политико-воспитательной работы. И ответил «в начале месяца» столь спокойно, будто с тех пор ничего не произошло.

— Да ты пойми, — сказал Волохин, — я не против самой постановки вопроса, я против того, чтобы ставить его сейчас, когда мы в таком положении!

— В каком же мы положении?

Волохин понял, что переубедить замполита ему не удастся. Разъяснить ему обстановку нужды не было: Проводников знал ее не хуже. Знал, что помимо нераскрытой кражи мехов, из-за которой разгорелся такой сыр-бор, предстоят изнурительные годовые отчеты, что именно сейчас, а не после Нового года, необходимо раскрыть еще ряд других, более мелких преступлений, что в такой обстановке менять начальника уголовного розыска, к тому же ничем себя, в общем, не скомпрометировавшего, основываясь лишь на каких-то субъективных ощущениях, попросту безрассудно. Впрочем, теперь, обжившись в отделе, Волохин допускал, что Костик более подходящая кандидатура на должность начальника отделения, однако был убежден: для ликвидации сложившейся на сегодняшний день напряженной обстановки смена начальника ОУР не только не принесет пользы, но, напротив, явится помехой. Люди настроились на определенный режим работы, впряглись, что называется, в общее ярмо, не расслабляясь ни днем, ни ночью, — и вдруг, как гром среди ясного неба, смена начальства! Неужели замполит этого не понимает?

— Ладно, — сказал Волохин. — Повторяю: в перспективе с тобой согласен, но в данный момент — категорически против. Поэтому требую объяснить: почему ты пришел ко мне с этим именно сейчас?

— Раньше сомневался, Владимир Афанасьевич. А те-

перь твердо уверен, что Шабалину на этой должности не место. Если хочешь подробнее...

— Подробнее не надо, — жестко прервал Волохин. — Сейчас не пойму. Другим голова забита. Думаю, что райком и райисполком тоже нас не поймут.

— Райком и райисполком я возьму на себя, — сказал замполит. — Они меня утверждали на этой должности, пусть теперь выслушают.

Волохин встал, вышел из-за стола и, повысив голос, что для Проводникова вообще было внове, прогрохотал густым басом:

— Так! Райком и райисполком ты возьмешь на себя! Начальника ОПВР ты на себя уже взял! Завтра собираешься взять Супонина и Довлетшина! — Он повернулся к своему креслу и, тыкая в него пальцем, продолжал: — Может, ты еще и отдел полностью возьмешь на себя? Чего уж там мелочиться!..

Он прочно сел опять в кресло, как бы говоря этим, что пока все же он тут начальник, и неожиданно совсем с другой интонацией сказал:

— Слушай, Валерий Романович, ты меня знаешь, я не самодур. Зла на тебя держать не буду. Но прошу: подумай еще раз. Очень прошу: подумай. И не лезь ты завтра с этим вопросом к начальству.

— Я все продумал, Владимир Афанасьевич.

— Тогда все. Иди. Пока мы окончательно не поругались.

Замполит ухмыльнулся:

— Ничего. Как поругаемся, так и помиримся...

— Иди! — гаркнул Волохин.

Игорь терялся в догадках, и, поскольку не только не знал, но и в дурном сне не мог бы вообразить того, что выпало на долю этой девушке, ее таинственность и загадочность лишь привлекали его. Он не мог понять, почему она не хотела, чтобы он провожал ее домой; она оставляла его неожиданно, причем всегда в разных местах, так что он даже приблизительно не сумел бы ответить, в какой части поселка она живет, не говоря уже об улице и доме.

Вскоре после того, как они стали встречаться, Игорь

сделал и еще одно поразившее его открытие. Он заметил, что девушка покидает его всегда в одно и то же время: между семью и половиной восьмого вечера, и ни минутой позже. Он строил различные предположения, но ни одно из них не выдерживало даже умозрительной проверки. Так, если бы у нее был муж или кто-то еще в этом роде, то она вообще вряд ли рискнула бы ходить с Игорем по улицам поселка. Если бы у нее были чересчур строгие родители, то неужели они не отпустили бы ее на семичасовой сеанс? Может быть, у нее есть ребенок, которого нужно в определенное время забирать из садика? Однажды, набравшись смелости, он прямо спросил ее об этом. Она удивилась и отрицательно покачала головой.

Они бродили по окраинам пятнадцатитысячного поселка, по безлюдной дороге на 305-й кран, целовались, прячась за полуторакилометровым штабелем хлыстов у нижнего склада; время от времени она брала его за руку, заворачивала манжет рубашки и смотрела на часы.

— Да в чем дело? — спрашивал Игорь. — Куда ты спешишь?

Она молчала. Она вообще постоянно молчала или мотала головой в ответ на его вопросы.

Однажды, темным и мокрым осенним вечером, девушка не оставила Игоря после половины восьмого. Произошла перемена и во всем ее поведении. Она по-прежнему молчала, но, едва они прошли диспетчерскую леспромхоза, укрывшую их от посторонних глаз, девушка сама бросилась ему на шею. Здесь, обнявшись, они простояли около часа, пока их не спугнула бригада пилорамщиков, шедших со смены. Именно тогда, зная, что рамщики меняются в восемь, Игорь и взглянул на часы и удивился, что девушка еще с ним. Она же схватила его под руку и повела вниз, в овраг, который они, хоть и были в сапогах, до этого обошли стороной. На середине спуска остановились и вновь долго целовались. Моросил мелкий дождь. Крепко обнявшись, прижимаясь мокрыми горячими щеками, они стояли по щиколотку в грязи, пока окончательно не застыли ноги. Тогда-то Игорь и предложил забраться в кабину роторного экскаватора, смутно темневшего на дне оврага.

Кромешная тьма и ночной туман затопили пространство. Погребенные на самом дне оврага в холодной железной коробке, они думали, что хоть на короткий миг надежно отгородились от всего мира. Но это было не так.

Игорь, как и большинство людей, и понятия не имел, что существует гласный административный надзор — горькая, жесткая, но совершенно необходимая мера, которую органы милиции вынуждены применять к людям, вернувшимся из мест лишения свободы. Не зная, в сущности, ничего о девушке, Игорь, разумеется, не знал и того, что всего лишь три дня назад к ней мог в любое время дня и ночи явиться участковый инспектор с целью проверки «образа жизни» и дома ли она вообще.

Таким образом, Игорь и отдаленно не мог предположить, что их свидание в экскаваторе — первое после окончания над ней административного надзора и что именно в этом следует искать причину всех странностей ее поведения.

Но если Игорь, обнимая девушку, полагал, что все эти странности, вероятно, явление временное и когда-нибудь обязательно прояснятся, то она прекрасно знала, что главное еще впереди. Она знала, что рано или поздно он вновь попытается расстегнуть на ней платье, и одна мысль об этом приводила ее в ужас. Она знала, что если это случится, для нее все будет кончено.

...Так они сидели в кабине экскаватора, тесно прижавшись друг к другу. Вдруг Игорь сказал:

— Смотри, кто-то идет! — Он произнес это без всякой тревоги, просто с оттенком удивления, что нашелся, кроме них, человек, рискнувший в такую погоду сунуться в овраг. Но девушка как-то странно застыла в его объятиях.

Неизвестный, блуждая в тумане фонариком, приближался. Видимо, поскользнувшись на склоне, он вскинул руку и на мгновение осветил себя, — в ту же секунду девушка, кажется, лишь с трудом удержалась, чтобы не вскрикнуть. Игорь был не робкого десятка, не испугался он и на этот раз, но ее волнение невольно передалось и ему. Он смутно сознавал, что вряд ли это происшествие может быть разрешено рядовой дракой, но иного выхода не видел и, проникшись молчаливым убеждением девушки, что незнакомец непременно заглянет в кабину экскаватора (возможно, он и шел сюда специально для этого), рванулся к дверце, чтобы выйти навстречу. Однако девушка вцепилась в его плечо, молча умоляя не поднимать шума. Игорь замер, но было поздно. Незнакомец выключил фонарик.

Они, оцепенев, вслушивались в темноту. Незнакомец не выдавал себя ни единым движением. Вдруг фонарик вспых-

нул и двинулся к экскаватору. Игорь вновь рванулся к дверце, но девушка сильней вцепилась в него и быстро зашептала:

— Уходи! Уходи! Слышишь, быстрее уходи! Если ты сейчас не уйдешь, мы больше не увидимся! Уходи!.. — Она подталкивала его к противоположной дверце, чтобы он ушел по той стороне оврага.

И он ушел. Почему он послушался ее? Здесь было много причин, из которых с уверенностью можно исключить только одну — трусость. У Игоря в прошлом бывали жестокие стычки, бывал он даже один против четверых, но не отступал. Нет, обвинять Игоря в трусости никто бы не посмел.

Может быть, сказались таинственность и загадочность девушки, о которой он ничего не знал. Может быть, то, что он впервые слышал от нее столько слов подряд. Может быть, потому, что она первая призналась ему в любви, когда он совсем не ждал этого, и если просила его уйти, — значит, так действительно было нужно. Но, думается, главная причина того, что он подчинился девушке, заключалась в том, что Игорь был еще человеком несамостоятельным, зависимым — от отца, матери, школьных правил, — и в такой же зависимости подозревал и других. И теперь первое, что пришло ему в голову, было то, что девушка опасается родителей, брата, мужа, и он, Игорь, не смеет перечить ей. Он поступил так, как она хотела.

14

С заместителем начальника окружного управления подполковником Супониным Волохин встречался дважды в областном центре: в первый раз на коллегии УВД, а во второй — на совещании начальников горрайорганов. Там, в области, этот невысокий, начинающий полнеть подполковник произвел хорошее впечатление на Волохина. В первый раз им не удалось толком поговорить, зато во второй раз номер Волохина оказался по соседству с полулюксом подполковника, и они, решая кое-какие гостинично-бытовые вопросы, естественно, сблизились.

Супонин держался с молодыми офицерами без панибратства, но с той располагающей демократичностью, которую могут позволить себе лишь те, кто рассчитывает на свой собственный авторитет, а не на тот, который доста-

ется вместе с новой должностью, как новое удостоверение. Супонину было под пятьдесят — возраст достаточный для того, чтобы, как нередко случается, несколько устать и даже отстать от жизни, особенно в глазах тридцатилетних начальников райотделов; однако подполковник, как вскоре выяснилось, ввязывался в те же споры, читал, как оказалось, те же книги и интересовался теми же проблемами, что и они. Эта черта не могла не импонировать Волохину, знавшему очень хорошо, что и среди них, молодых, причем занимающих порой довольно высокие должности, попадаются, к сожалению, мастодонты.

Однако Волохин отнюдь не тешил себя надеждой, что их отношения сложатся столь же легко и непринужденно. Все-таки теперь Супонин приезжал в РОВД как полномочный представитель вышестоящего органа со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Кроме того, как подсказывал Волохину опыт, убедить в правильности своих действий шумного и грозного начальника несравненно легче, нежели такого вот вежливого и корректного, но непременно вникающего во все детали.

И последнее: как Волохину хотелось раскрыть хищение без помощи окружного управления, так, наверное, еще в большей степени окружному управлению хотелось сделать это без вмешательства УВД области, и Супонин, несомненно, получил на этот счет строгие указания Картаева. Не допустить же вмешательства УВД области и тем самым доказать, что окружное управление действительно в состоянии влиять на оперативную обстановку, можно лишь одним способом: в кратчайший срок раскрыть кражу.

«И не хватало еще, — по неизбежно возникшей ассоциации подумал Волохин, — чтобы замполит завел разговор о смене начальника ОУР!..»

Что касается второго офицера из управления, который должен был прилететь вместе с Супониным, майора Довлетшина, то Волохин не только никогда не встречался с ним лично, но и имел весьма смутное понятие о предназначении его должности.

Когда в отдел впервые пришла бумага за подписью «начальник ОМС УВД майор Довлетшин», они втроем — Волохин, Чиладзе и Проводников, — долго гадали, что бы это значило. Не придя к общему мнению, вызвали секретаршу, и та разъяснила, что «ОМС» расшифровывается как «отдел милицейских служб». Бедное провинциальное

управление... Не имея возможности создать специализированные отделы, объединили в один и уголовный розыск, и БХСС, и инспекцию исправительных работ, и даже ГАИ... Повсюду, где возможно, органы внутренних дел стараются провести специализацию не только между службами, но и внутри самих служб; здесь же, на уровне управления, пришлось заняться таким странным объединением.

Дверь без стука отворилась, и вошел Шабалин.

— Владимир Афанасьевич, шабашники ушли.

Волохин нахмурился.

— То есть как ушли?

— Обыкновенно, — пожал плечами Шабалин. — Ушли из-под оперативного наблюдения. Только что Костик сообщил.

— Немедленно найдите! — грубо прервал Волохин. — Сегодня же! Этого еще не доставало!

— Я предлагал их тогда еще задержать, но Костик...

— Это было мое распоряжение, а не Костика, и вы это прекрасно знаете! Поднимите весь инспекторский состав и сегодня же разыщите!

— А потом, Владимир Афанасьевич? — осторожно спросил Шабалин. — Будем задерживать?

— Сначала найдите. — Волохин помолчал. — Да, придется, видимо, задерживать. Раз вы не смогли на свободе с ними работать.

15

Из поселка он выбрался около шести вечера, когда уже окончательно стемнело, и к рассвету, одолев двадцать семь километров, подошел к стану лесорубов на Новой Технике.

Стан располагался на открытом месте; в нескольких десятках метров от него торчал лишь островок чахлах, не тронутых заготовителями сосенок, укрыться в которых было невозможно, и он не стал подходить ближе, прячась за кронами поваленных, очевидно, нынешней ночью вековых сосен.

Пять или шесть беспорядочно столпившихся вагончиков с оранжевыми крышами, похожих отсюда на кучку подосиновиков, не подавали признаков жизни. На площадке стыли без работы четыре бесчокерных трелевщика и ярко-желтая валочно-пакетирующая машина с бессиль-

но уткнувшись в сугроб хоботом. Но самое главное — подле одного из вагончиков стояла та самая «пэрээмка» (передвижная ремонтная мастерская на базе ГАЗ-66), которая обогнала его ночью на двенадцатом километре; она, оказывается, шла сюда же и, без сомнения, подобрала бы его, попытайся он ее остановить. Хотя ремонтники, скорее всего, приняли бы его за химаря и не стали бы задавать много вопросов, он все же похвалил себя за осторожность.

В поселке он сумел разжиться телогрейкой и старыми, но теплыми, хорошо подшитыми валенками; после того, как не удалось улететь на Имятуй, он счел необходимым избавиться от приметных зимой заскорузлых кирзовых сапог и болоньевой курточки. Теперь он оценил и другое преимущество добытой одежды: вот уж полчаса, если не больше, сидел он, не двигаясь, меж заиндевелых ветвей и почти не мерз.

Внезапно хлопнула дверь одного из вагончиков; затем он увидел, что к тракторам на площадке направляются трое, о чем-то громко переговариваясь и смеясь. Он понял, что оставаться далее в кроне поваленных деревьев опасно: не исключено, что именно к этой пачке, где он стоял, и пойдет в первую очередь трелевочный трактор.

Он выбрался на дорогу и зашагал по следу кразовского колеса.

Дорога была узкая, не то что на магистрали: два лесовоза на ней уже не разъехались бы. Сосны по обочинам и дальше, куда хватал глаз, все, как одна, были в каррах с глубокими подновками, похожими на дикарские знаки первобытного человека, — здесь велась интенсивная подсочка, и, следовательно, этот массив подлежал вырубке. Но покамест он еще укрывал от посторонних глаз.

Оставшиеся три километра до деревни он прошагал споро, как уставший конь вблизи родной конюшни. Кажется, и сердце билось уже без той тревоги, которая в последние дни не отпускала его. Когда впереди послышался шум автомобильного дизеля, он не бросился в лес, как делал это ночью на магистрали при виде лесовозов, а просто сошел на обочину и переждал. Водитель КраЗа даже не обратил на него внимания: мало ли кто может встретиться в квартале лесозаготовок.

Но когда впереди, в речине, мелькнули заснеженные крыши Малой Кунды, он невольно остановился и почувствовал, как прежняя тревога закрадывается в душу. Он уже ругал себя за то, что так поздно вышел из поселка,

где его никто не знал, и потом шарахался, как лось, от встречных машин, которым до него не было никакого дела, — а вот сюда-то и следовало прийти ночью, потому что здесь его знала каждая собака.

Он убеждал себя в том, что во всей деревне осталось не более пяти-шести семей — прочие, с приближением лесоразработок, перебрались в поселок, и вряд ли кто из оставшихся старух и стариков, увидав его, догадается сообщить в милицию, да и до милиции далеко!.. Немаловажно также, что изба — вторая с краю... Крайняя же, касьяновская, брошена, как писала жена, еще в прошлом году; следовательно, он вообще сможет пройти незамеченным.

Он прикидывал так и сяк, и выходило, что ночи можно не дожидаться. Он устал и хотел спать, и было невыносимо видеть крышу избы, хотя бы и холодной, нетопленной, где можно завалиться в настоящую постель и дрыхнуть хоть двое суток кряду, не боясь, что помешают. Засады он не опасался. Наружная дверь на замке; о том, что в избу можно пробраться, минуя дверь, милиция не знает, а если кто из деревенских и подсказал, то прошло уже две недели, с тех пор как он бежал с «химии», и какой идиот пойдет туда, где его легче взять! Так что если и была засада, то ее давно сняли.

Он пробрался к заброшенной стайке соседнего двора и, прильнув к щели в трухлявой стене, присмотрелся к избе. В щель ему видны были калитка и три окна, выходящие на улицу. Следов до калитки не было. Он просидел довольно долго — может быть, с час, пока увидел на улице единственного человека — дедку Типсина, тащившего с омута на санках флягу с водой. Больше никто не показывался. Надо было решаться. Он взглянул еще на окна, и вдруг ему показалось, что шевельнулась ситцевая занавеска. Безотчетный страх заполз в душу, и он едва удержался, чтобы не броситься к лесу. Победил здравый смысл. Во-первых, если его заметили, то бежать уже бесполезно. Во-вторых, если не заметили, то теперь, когда он побежит, заметят непременно. В-третьих, убеждал он себя, ему просто показалось. Однако никакая сила не могла уже заставить его покинуть стайку до ночи.

Короток зимний день выше шестидесятой параллели, но он показался вечностью. К счастью, было не очень холодно, градусов около двадцати, иначе он окончательно задул бы в своей телогрейке. До рези в глазах всматривался он в знакомую до мельчайших щербатин избу с сит-

цевыми занавесками на окнах. Он слышал от одного художника в колонии, что есть на свете картина, на которую нужно очень долго смотреть, и тогда у женщины, нарисованной на картине, обязательно дрогнет на шее жилка. Сам художник этой картины не видел, только слышал о ней, но ему почему-то все поверили... Впрочем, ситцевая занавеска больше ни разу не шевельнулась.

Так просидел он до темноты. В избах на той стороне улицы зажглись керосиновые лампы. Он осторожно вылез из стайки и, перескочив забор, подкрался к избе. Миновав калитку, чтобы не наследить, еще раз перемахнул через забор — теперь уже свой собственный, в том месте, где колья почти вплотную подходили к дороге. Если бы он рискнул сунуться сюда днем, он увидел бы следы, ведущие к лазу, и, пожалуй, не пошел бы дальше. Но теперь он этих следов не увидел. В крошечной тьме на ощупь отодвинул доску в глухой стенке и, ощущая, как колотится сердце, шагнул в черноту пристроя. Незавидна участь человека, вынужденного тайно пробираться в собственный дом.

Слева вдруг что-то шурхнуло. Раньше, чем он смог что-либо осознать, его охватил дикий ужас, парализовавший все силы. Вряд ли он сумел бы даже закричать. Да ему и не дали этого сделать.

Слева, невидимый в темноте, не далее чем на расстоянии вытянутой руки, кто-то стоял.

Как только он понял это, тупой короткий удар обрушился на его голову, и, падая вперед на что-то мягкое и упругое, он был еще в сознании.

16

Супонин спросил:

— А это что за шкипер?

— Летом, в навигацию, — пояснил Волохин, — обменял полторы тонны дизельного топлива на шкурку лисицы. Создал излишки горючего, потом договорился с управляющим отделением коопзверопромхоза. Дело по линии БХСС. Я думаю, к нашему случаю мало подходит. Даже если иметь в виду только сбыт. Да и хозяйство другое.

— И тем не менее, — сказал Супонин, — его уже дважды допрашивали в прокуратуре. Что же получается? Прокуратура работает вслепую?

— К сожалению, да.

И Чиладзе, и Проводников, сидевшие за столом локоть к локтю, прекрасно понимали, чего стоил Волохину последний ответ, без всяких оправданий, без какой-либо попытки сгладить собственную вину и тем более перенести ее на кого-то другого. Раз прокуратура работает вслепую, значит, милиция ей ничего не дает. Таковы факты.

— Прокуратура работает над тем, что имеет, — негромко произнес молчавший до сих пор майор Довлетшин, как будто только и дожидавшийся длинной паузы, чтобы сказать свое слово. — Но ни нас, ни прокуратуру такое положение вещей не устраивает. — Он встал из-за стола и принялся вышагивать по кабинету, время от времени бросая взгляд на висевшую на стене схематическую карту района. Теперь, когда он ходил, его почти двухметровый рост особенно бросался в глаза. — Работая по всем этим версиям, — продолжал он, возвращаясь к столу и указывая на лежащее перед Супониным дело, — мы можем впасть, говоря языком логики, в дурную бесконечность. Поэтому я предлагаю критически пересмотреть весь план и освободиться от всего неконкретного. Видимо, придется выдвинуть несколько новых версий.

— Да, — сказал подполковник. — Чисто практически я пока не вижу ни одной достоверной следственной версии.

— Следственной да, ни одной, — подтвердил Довлетшин. — Но оперативно-розыскные версии есть, и особенно вот с этим автомобилем ГАЗ-66. Все остальное пока шатко и ненадежно. Поэтому я хочу еще до встречи с прокурором провести всю эту работу. Иначе мы будем толочь воду в ступе.

— Согласен, — кивнул Супонин. — Этот вопрос обсуждать не будем. Чисто практически сделаем так. Вы, Равиль Хакимович, займитесь этим сразу после совещания, а я съезжу в райком и райисполком, представлюсь, а потом займусь непосредственно машиной.

Довлетшин кивнул.

— Да, — сказал Супонин. — Вы, Леонид Петрович, подключитесь к Довлетшину.

Тот, к кому он обращался, хоть и сидел за общим столом, был совершенно неприметен среди собравшихся офицеров, вернее, если чем и выделялся, то именно своей неприметностью. Это был невысокий, чтобы не сказать маленький, очень щуплый на вид младший лейтенант в очках с золотой оправой, лет 22—23, судя по его курносому,

в веснушках мальчишескому лицу. Лет ему добавляла форма, без нее он походил бы на десятиклассника-отличника или на старательного студента-первокурсника.

Этот младший лейтенант, прибыв вместе с майором и подполковником, никуда от последних не отлучался, а когда Супонин объявил, что приглашает лишь самого Волохина и его заместителей, даже и не подумал спросить, можно ли ему присутствовать. Он просто сел на приглянувшееся ему место слева от подполковника, придвинул к себе пепельницу и в продолжение всего совещания нещадно дымил, прикуривая одну сигарету от другой, — создавалось впечатление, что едва ли не для солидности. Майор, у которого младший лейтенант утянул пепельницу из-под носа, вынужден был тянуться к ней через весь стол, пока замполит не догадался сходить и принести из кабинета свою.

Не в пример двум ранее приехавшим лейтенантам из УВД, о которых ни майор, ни подполковник пока не вспоминали, этот младший лейтенант, по-видимому, знал себе цену. Здороваясь, он назвал себя коротко: «Якименко», полагая, что фамилии вполне достаточно. Собственно, должность у него, несмотря на длинное название, была невысокая, прав же, по сравнению с собравшимися, — вообще почти никаких, однако Волохин сразу понял, в чем дело.

Младший лейтенант был штабист — старший инспектор информационно-аналитической группы штаба окружного УВД. Притом, судя по отношению к нему Супонина и Довлетшина, штабист по призванию, божьей милостью. Такие люди, как этот младший лейтенант, не раскрывают преступлений, не задерживают особо опасных рецидивистов и не бывают героями остросюжетных книг и кинофильмов. Бумажные души, штабные крысы, зарывшиеся в вороха таблиц и сообщений, видящие не жизнь, а лишь ее отражение в справках и отчетах, готовые поверить скорее в проект на ватмане, нежели в стоящее перед глазами здание, и любующиеся колонками цифр, как ценитель поэзии строчками стихотворений. Таких штабистов побаиваются люди, занимающие куда более высокие должности, но не потому, что те «ближе к начальству», а потому, что такая вот бумажная душа не пропустит ни одной ошибки, не упустит ни одной мелочи, расковыряет и доложит вышестоящему начальнику то, о чем сам начальник, будь он и семи пядей во лбу, никогда бы не подумал даже спросить.

Однако можно недолюбливать штабистов, можно посмеиваться над их фанатической приверженностью к документам, но никто, если вдуматься, не может не уважать их ежедневного, кропотливого, чуждого эффектных концовок, а потому, в сущности, бескорыстного и неблагодарного труда.

Выслушав предложение подполковника подключиться к работе Довлетшина, младший лейтенант небрежно кивнул и раскурил новую сигарету.

— Ну что ж, — заключил Супонин, — если ничего больше нет, то на этом и закончим.

Волохин, облегченно вздохнув, встал из-за стола, но в это время раздался спокойный голос замполита:

— Разрешите, товарищ подполковник?

Волохин, не сдержав раздражения, с досадой заметил:

— Может быть, позднее, Валерий Романович? У нас на счету каждая минута.

Супонин внимательно посмотрел на начальника райотдела, затем на замполита и, обращаясь к последнему, произнес:

— Слушаю вас, капитан.

17

Он очнулся задолго до рассвета, все в той же кромешной тьме, чувствуя неодолимую ломоту в плечах и ключицах. Приходя в себя, не сразу сообразил, где находится и что с ним произошло, а когда вспомнил, новый приступ ужаса сжал сердце. По мере того, как восстанавливалось сознание, усиливалась и боль в ключицах; он попытался осторожно пошевелить плечом, и тут только понял, что связан. Руки, стянутые за спиной остро пахнущей смоленной веревкой — наверняка той самой, что хранилась в пристрое, онемели и затекли; ноги застыли от холода; он лежал на правом боку, упираясь во что-то твердое и боясь шелохнуться, выдать, что очнулся, и тем самым навлечь на себя худшую беду, хотя что может быть хуже: лежать связанным, как баран, в родной избе, срубленной по бревнышку собственными руками!

Глаза мало-помалу осваивались в темноте: он различал уже кресты оконных переплетов за выцветшими занавесками и постепенно сориентировался: он лежал в горнице, в углу, касаясь щекой половика, вытканного покой-

ной матерью, и упираясь головой в край комода, купленного лет пять назад, задешево, у покидавшего деревню соседа.

Положение, в котором он оказался, приводило его в ужас тем сильнее, что и приблизительно нельзя было угадать, кто же таким способом — через потайной лаз — проник в избу.

Сомнения не вызывало лишь одно: ему, когда он наблюдал за избой из стайки, отнюдь не показалось, будто шевельнулась занавеска. Она действительно шевельнулась. За ним следили. Его увидели еще на подходе. Еще вчера. Подумать только: еще вчера он был настолько глуп, что боялся милиции. Да с чего он взял, что милиция будет устраивать засаду? Кто он такой, чтоб на него засаду устраивать? Ну, подумаешь, бежал с «химии». Ну, поймают, вернут в колонию на неотбытый срок — год какой-то осталось досидеть... Что он за преступник особенный, чтоб его вся милиция ловила?.. Он вспомнил вдруг черную доску, которая висела у них в колонии, в жилой зоне, рядом с волейбольной площадкой. На доске было написано: «Позор возвращенцам!», а ниже стояли фамилии тех, кого условно освободили и направили на стройки народного хозяйства, а затем вернули в колонию за различные нарушения или за побег со стройки. Как он теперь хотел бы попасть на эту доску, вместо того, чтобы лежать здесь связанным по рукам и ногам и ждать, когда добьют. «Проклятая милиция! — думал он. — Не могли поймать до сих пор! Охламон несчастный! — мысленно крестил он Шабалина. — Нет чтобы приехать сюда! Что он, ориентировку, что ли, не получал? Я же побег совершил! Меня же ловить надо!» Он вдруг почувствовал, что плачет. Слезы катились по небритым щекам, в горле першило. Он всхлипнул, и тут же в спальне скрипнула кровать. Он сжался от ужаса и перестал дышать, но было поздно.

— Эй, рыжий, слышь? — раздался в спальне негромкий простуженный голос. — Этот гад вроде как оклемался, что ли?

Он вздрогнул. Конечно, «рыжий» — не особая примета; только в колонии, в одном отряде, их было человек семь, а на стройке, среди условников, и того больше; и всех, не мудрствуя лукаво, звали «рыжими». Однако в соединении со многими другими обстоятельствами он понял все.

— Шчас поглядим, — прозвучал ответ, не оставлявший никаких сомнений: голос принадлежал тому самому «ры-

жему», ради которого он бежал со стройки. Бежал, чтобы убить. Теперь впору самому заказывать гроб. «Рыжий» не пощадит.— Шас мы с ним, падлой, потолкуем. Дай-ка фонарь...

Кровать заскрипела сильнее, затем послышались короткие шаги, и беспощадный луч ударил в лицо. Связанный сжался, но животного страха в нем больше не было. Были боль, гнев, злоба и отчаяние. Он понял окончательно: «рыжий» действительно гулял с Лизаветой, иначе откуда бы он знал про тайный ход в избу...

— Эй, ты, — окликнул простуженный голос. — Слышь? Связанный отвечать не стал.

— Ты что, сука, — сказал «рыжий», подошел ближе и неожиданным резким ударом в пах заставил застонать. Хорошо еще, что «рыжий» был в валенках, не в сапогах.— Отвечай, падла, когда спрашивают!

— Чего вам? — выдавил связанный, корчась от боли.

— Ты как тут оказался? — спросил простуженный.

— Как! Домой шел, как! Это ж дом мой!..

— А чего ж ты в дверь не пошел, коли так? Кто тебя подослал? Собко? Шабалин? Костик? Говори, сука!..

— Да вы что?! — дрожа от бессильной ярости, проговорил связанный. — Беглый я! В бегах! Из колонии ушел!..

Он умышленно сказал «из колонии», а не с «химии», полагая, что в таком качестве вызовет больше доверия у этих негодяев. В сущности, они просто изгалялись над ним. Если бы они хоть на миг действительно заподозрили, что его подослали Костик или Шабалин, их бы давно и след простыл. Ах, как бы он хотел, чтобы Шабалин и впрямь сюда заявился, — и не только для того, чтобы спасти его, связанного, но и потому, что эти двое так опасаются. «Но чего? — подумал он вдруг. — Чего они боятся?»

— Беглый, говоришь? — недоверчиво переспросил «рыжий», гася фонарик. — А чего ж эта потаскуха сказки рассказывала, будто тебя расконвоировали? Врешь ты все, сволочь!

— Кто рассказывал-то?.. Почему?.. — закричал связанный.

— Тихо! — приказал простуженный. — Пришибу на месте, если еще заорешь... Кто рассказывал... Лизка твоя, проститутка, кто ж еще... Ехать к тебе собиралась. Я так и подумал, что врет, лярва, какой идиот тебя расконвоирует...

— Да слушай ты его! — перебил «рыжий». — А куда ж

она тогда уехала? Кому она нужна? Ее тут ленивый только не...

Связанный рванулся, но тут же новый удар в пах откинул его к стене.

— Видал? — сказал «рыжий». — Бесится. Знает, что свои придут на подмогу. А чего с ним. Пришить — и все дела...

— Нет! — извиваясь от боли, прохрипел связанный. — Нет! Не убивайте! Правду я говорю! Лизавета у рыбаков! У Лебедева в бригаде! Не убивайте...

— Все равно, — сказал простуженный. — Это верно, кончать надо... Так и так нам вышка за...

— Заткнись! — взвизгнул «рыжий».

— А чего там... Все равно ж кончать.

«Рыжий» промолчал. И в этой леденящей тишине связанный понял, что ему не спастись. Сбросить бы веревки — он бы их тут обоих убил на месте голыми руками. А теперь не спастись. Кто-то, кажется, простуженный, шагнул к нему. Связанный вжался в стену. Ему показалось, что ползет из-за голенища нож, но закричать сил не было... И вдруг он ощутил короткие сильные толчки сердца — они как бы возвращали его к жизни, и лишь спустя несколько секунд он понял, что что-то изменилось... стукнула доска в пристрое!.. слышался еще какой-то слабый шум... Кто-то пробирался в избу!..

Собрав все силы, связанный оттолкнулся плечом от стены и головой ударил «рыжего» в колено. Тот повалился. В следующее мгновение на голову связанного обрушился страшный удар, но теперь, теряя сознание, он был почти спокоен...

Ничто не предвещало в то утро каких-либо особых перемен, все шло обычным порядком. Так же, как всегда, сгорбившись над лежащей на коленях тетрадью, торопливо составлял план работы на текущий день младший лейтенант Мирюгин. Так же, как всегда, в последнюю минуту влетел лейтенант Омельченко, и Шабалин, неодобрительно покачав головой, перевел взгляд на контрольную карту, испещренную множеством разноцветных прямоугольничков на магнитных присосках. Жест этот, несомненно, означал: «Мало того, что у тебя больше всех неисполненных заяв-

лений, так ты еще и опаздываешь!» Как всегда, не было Савиной.

— Здравствуйте, товарищи, — как всегда, ровно в девять раздался густой, сотрясающий мембрану селекторной установки так, что она принималась жалобно верещать в конце каждого слова, голос начальника райотдела капитана Волохина. — Начинаем оперативное совещание. Начальников служб прошу доложить о наличии личного состава.

Шабалин, прижав пальцем кнопку, доложил:

— Лейтенант Шабалин. В уголовном розыске: Комаров в командировке, Седых на происшествии, у Савиной болен ребенок, остальные на месте. Присутствует старший инспектор ОУР УВД лейтенант Кобрусев.

Он отпустил кнопку селектора, откинулся на спинку стула и, постукивая кулаком по столу, обвел взглядом сотрудников... Вот они сидят перед ним — лейтенанты и младшие лейтенанты, а один — стажер Редозубов — и вообще пока без специального звания; сидят уставшие, с осунувшимися лицами, многие не выспались, некоторые, уйдя домой под утро, не успели даже позавтракать, выкраивая для сна лишние десять минут. Федорец принес с собой пачку печенья, рассчитывая закусить здесь, — ее расхватили в мгновение ока, так что самому Федорцу и не досталось. Видя такое дело, щеголеватый лейтенант из УВД, слегка побледневший после бессонной ночи, подошел к вешалке и вынул из кармана своего полушубка две полные горсти аэрофлотских леденцов; их также съели без церемоний, запив ископаемой водой из графина. Лейтенанту, видно, приходилось много летать, и он умел находить общий язык со стюардессами.

Чуть поодаль, у окна, сидит Костик — ему в этом розыске досталось больше всех: лишь вчера, глубокой ночью, с порожняком, шедшим за лесом, вернулся он из Тагила.

Между тем закончились и доклады начальников служб, и рапорт дежурного об истекших сутках, и, как всегда, Волохин спросил:

— Вопросы, замечания дежурному?

Ни вопросов, ни замечаний не последовало. Все знали, что в кабинете Волохина сидят офицеры из окружного управления, и никто не хотел обращать на себя внимания.

Волохин, выждав несколько секунд, продолжал:

— Только что по телетайпу получен приказ начальника УВД облисполкома... — Он сделал паузу, хотя и без того все, кто находился у селектора, обратились в слух. —

Приказом начальника УВД старший инспектор ОУР старший лейтенант Костик назначается начальником отделения уголовного розыска. Исполняющий обязанности начальника отделения лейтенант Шабалин назначается старшим инспектором ОУР... — Волохин вновь сделал паузу, достаточную для того, чтобы осознать, что Костик назначается не «исполняющим обязанности», а сразу начальником, и, следовательно, вопрос о приглашении «человека со стороны» снимается. — Товарищ Шабалин, ввиду сложившейся оперативной обстановки, немедленно, в кратчайший срок, сдайте дела товарищу Костику. Товарищ Костик, к четырнадцати ноль-ноль соберите инспекторский состав уголовного розыска в моем кабинете. Явиться аттестованным сотрудникам ОУР. — Последнее означало, что Редозубову, как и участковым, являться к начальнику не надо. — На этом оперативное совещание заканчиваю. Всем желаю успешного трудового дня.

Оба они — «Иванов» и «Петров» (создавалось впечатление, что будь с ними третий, он непременно назвался бы «Сидоровым») — устроились на временную работу в гараж в начале месяца. Оба сообщили о себе, что приехали из Тагила на сбор живицы, но по дороге пропились и хотят подзаработать, пока их оформят в цех химподсочки. Все это выглядело вполне правдоподобно — до того времени, когда стало известно, что в бухгалтерию за деньгами — честными, заработанными — они не пришли.

Им предложили очистку смотровых канав — от спекшихся, спрессовавшихся, окаменевших отходов технического обслуживания, и выдали для этой цели ломы, лопаты, метлы и носилки. Впоследствии один лом исчез. Позже какой-то лом обнаружили при осмотре передвижной ремонтной мастерской на базе ГАЗ-66, но сказать, тот ли это самый лом, кладовщик с уверенностью не мог.

Автомобиль-мастерская ГАЗ-66 был резервным. Закрепленный за ним водитель третий месяц лежал в хирургическом отделении с тяжелой травмой (разбился на собственных «Жигулях», будучи в нетрезвом состоянии), и машину брали все кому не лень, порою даже не спрашивая разрешения начальника гаража; завести ее, благодаря разболтанному замку зажигания, можно было с помощью от-

вертки. Все случаи, когда автомобиль брали без разрешения, установлены: кто-то отвозил в ремонт холодильник, кто-то привозил из магазина сервант; установлены и лица, самовольно бравшие машину. У всех у них на ночь кражи было твердое алиби.

Не было алиби у самого автомобиля: в ночь, когда произошла кража, он куда-то исчезал из гаража. Обнаружили его лишь под утро, в пятидесяти метрах от въезда на нижний склад. Двигатель был еще теплый и завелся с пол-оборота. Судя по температуре охлаждающей жидкости и температуре наружного воздуха, машину бросили минут за 15—20 до ее обнаружения. Нашел ее сам начальник гаража — заслуженный работник, коммунист, на которого не только не было, но и не могло быть компрометирующих материалов.

Однако было установлено точно, что как раз в эти 15—20 минут и затем до обеда «Иванов» и «Петров» (после того, как оба не явились в бухгалтерию, где им пришлось бы предъявить паспорта, стало ясно, что фамилию для наряда каждый взял с потолка и долго не задумывался) уже скреблись в смотровых ямах, а один из них — «рыжий» — даже занял рубль у работавшего в ночную смену слесаря, пообещав, что отдаст на другой день, когда получит деньги. Можно предположить, что рубль они заняли для того, чтобы слесарь получше их запомнил, что он и сделал.

Таким образом, выходило, что ни тот, ни другой не могли подогнать ГАЗ-66 к въезду на нижний склад. Следовательно, либо они вообще не причастны к угону автомобиля, либо автомобиль «не причастен» к краже, либо с «Ивановым» и «Петровым» действительно был «Сидоров» — третий.

«Кто же он? — подумал Костик. — Кто третий?» Костик понимал, что розыск тех двоих все же вспомогательная операция: задержание их без мехов вряд ли что даст; но если удастся, хотя бы заочно, установить третьего, версия подтвердится.

«Кто же он?» Костик встал из-за стола и включил свет. Яркая лампочка осветила длинный, узкий, неуютный кабинет... Два стальных сейфа, где лежали дела, за которые он, Костик, отвечает теперь целиком и полностью; контрольная карта на стене, где он, Костик, значится еще ст. инспектором ОУР; серый ящик селектора, по которому он, Костик, будет теперь докладывать о наличии личного состава... «Кто третий?»

Он подошел к окну задернуть шторы, и в это время во двор, бросая свет фар во все стороны — только не на дорогу, въехал старенький «Запорожец» — «портсигар», как называл его сам владелец. Затем раздалось трехкратное хлопанье автомобильной дверцей, после чего она, наконец, защелкнулась, затем, спустя полминуты, послышались тяжелые шаги по коридору, потом распахнулась дверь, и вошел бывший начальник уголовного розыска Иван Лаврентьевич Собко. Он молча протиснулся к столу, опустил ся, сопя и кряхтя, на стул, привычным движением выдвинул правый верхний ящик стола, пошарил в нем и, ничего не найдя, поднял глаза на нынешнего начальника розыска.

— Не курю, — сказал Костик. — Пойти взять в дежурной части?

Собко отрицательно покачал головой. Врачи давно запретили ему курить, он позволял себе это лишь в тех случаях, когда заходил сюда, в свой бывший кабинет, и выдвигал знакомый ящик. Тут он держал когда-то папиросы, тут держал их и Шабалин, но если новый начальник не курит и не держит, то и не надо. Так, видимо, следовало понимать его жест.

— Ну и правильно, — сказал Костик. — Здоровье надо беречь, Иван Лаврентьевич... — «Кто третий?» — подумал он и вновь посмотрел на Собко, словно тот мог ответить на этот вопрос.

Собко с треском задвинул ящик, откинулся на спинку стула и, опустив на стол огромный пухлый кулак, хрипло произнес:

— Это Лидер.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

С Васькой Лидером — не с нынешним воров-рецидивистом, объявленным во всесоюзный розыск, а с худым, большеголовым, едва оправившимся от голодных отеков ленинградским мальчишкой, Собко впервые встретился в декабре сорок четвертого, в детдоме, организованном в придавленной войной деревушке на Малой Кунде. Собко, тогда начинающий оперуполномоченный, месяц назад демобилизованный из армии по ранению, приехал туда на сле переставлявшей ноги милицейской лошади по сигналу поварихи детского дома. Обвинения, предъявлявшиеся поварихой заведующему детдомом, были столь серьезны, что, несмотря на массу нераскрытых преступлений (в районе бродили воровские шайки и прочего сброда), несмотря на катастрофическую нехватку сотрудников, начальник милиции приказал проверить сигнал в первую очередь.

Повариха писала, что заведующий ворует продукты, пьет, развратничает и — что самое мерзкое — бьет детей. В письме приводились конкретные факты хищения рыбы и муки, а также назывались по фамилиям дети, пострадавшие от рукоприкладства заведующего: Александрова Кира и Лидер Вася.

Собко начинал войну на Карельском перешейке, затем, когда часть сил 23-й армии перебросили под Урицк, был ранен, а по излечении направлен командиром отделения пехотного взвода, охранявшего знаменитую Дорогу жизни в районе деревни Коккорево, где и воевал до второго ранения. И здесь он навсегда запомнил ленинградских детей, вывозившихся из осажденного города на Большую землю. Маленькие угрюмые человечки, жавшиеся под брезентом в открытых кузовах полуторок и трехтонок, они не плакали, не кричали, равнодушно взирая на взметавшие снег и землю разрывы артиллерийских снарядов и авиационных бомб; не просили даже и есть. В то время, когда взрослые люди при так называемой «кахектической» форме дистрофии усыхали до 30—35 килограммов (вес 8—9-летнего ребенка), на маленьких ленинградцев невозможно было смотреть без содрогания. Не было, наверное, на Ле-

нинградском фронте бойца или командира, не пережившего тягостного чувства солдатской вины за страдания изможденных детей; многих из них не удалось спасти и в глубоком тылу — последствия голода оказались необратимыми. А сколько их застыло на ледяном ветру, сколько усохших трупиков вмерзло в торосы на тридцати ладожских километрах! Потухшие, старческие лица детей стояли у Собко перед глазами, когда он, полный гнева, подхлестывал голодную милицейскую клячу на подходе к Малой Кунде.

Собко был убежден, что бить этих детей мог лишь последний подонок, под каким-либо предлогом уклонившийся от фронта; оперуполномоченный представлял его себе не иначе, как разъевшимся на сиротских харчах боровом с опухшей от пьянки мордой. Он пожалел, что в спешке не поинтересовался в роно личным делом заведующего, более того — не посмотрел в милицейских учетах, где, возможно, нашлись бы компрометирующие материалы. Впрочем, Собко не сомневался, что сумеет вывести подлеца на чистую воду. Бить детей! Маленьких ленинградцев, перенесших такое, чего невозможно пожелать и врагу! При одной лишь мысли о письме поварихи перехватывало горло, и рука невольно тянулась к пистолету. «Будет запирается, юлить, — все более возбуждаясь, решил Собко, — пристрелю, как собаку! Отвечу перед трибуналом¹, но пристрелю!..»

Детдом размещался в старом прочном здании о двух этажах, бывшем, по-видимому, когда-то во владении сибирских купцов; в памяти остались кованые дымники на трубах, богатые резные наличники и причудливые вензеля на внутренних поверхностях ставен. Привязав к отполированной коновязи лошадь и сбросив в розвальни тяжелый, побитый молью, но единственный в районной милиции тулуп, Собко взошел на крыльцо, миновал холодные темные сени и очутился в длинном коридоре с видневшейся в дальнем конце лестницей, ведущей на второй этаж. Ни ребятишек, ни кого-либо из взрослых видно не было. По опыту зная, что канцелярия обычно располагается на втором этаже, Собко направился к лестнице и неожиданно наткнулся на выскочившего неизвестно откуда (должно быть, все-таки из-за печки, углом выступавшей в коридор) мальчугана. По тому, как тот испуганно отпрянул,

¹ Согласно УК того времени, дела, возбужденные против сотрудников милиции, были подсудны военным трибуналам.

Собко немедленно заключил, что сигнал поварихи подтверждается: дети напуганы и забиты.

— Тебя как звать-то? — с жалостью разглядывая ребенка, участливо спросил Собко.

Мальчуган не ответил. Худой, большеголовый, с хлипкими, обтянутыми серой казенной материей плечиками, он настороженно смотрел на оперуполномоченного белесыми, будто выгоревшими на холодном северном солнце глазами. Левая бровь мальчугана была разорвана красным, грубо зарубцевавшимся шрамом.

— Вот беда-то, — огорченно заметил Собко. — Видно, не знаешь, как тебя и звать-то...

— Васька, — пробормотал мальчуган.

— Васька? То есть Василий? — оживился Собко. — Молоток! Вот не ожидал! А по батьке, случайно, не Иваныч?

— Петрович...

— Жаль, — вновь огорчился оперуполномоченный. — А то был бы как Чапай, Василий Иваныч. Ты кино-то про Чапая видал?..

Однако такого, в сущности, пустопорожнего разговора мальчуган не принял. Собко понял это слишком поздно, много лет спустя; тогда же он рассеянно пошарил по карманам в поисках гостинца и, ничего не найдя, потрепал мальчугана по голове:

— Ладно, считай, что за мной...

(Через три года, выведя Лидера на допрос, Собко достал из ящика стола два куска сахара и, протягивая арестованному, сказал: «На вот... погрызешь в камере...»)

Выведав у собеседника, где находится кабинет заведующего, Собко поднялся на второй этаж и, не стучась, решительно распахнул дверь в небольшую комнату, в которой, как явствовало из письма поварихи, заведующий предавался разврату с обеими воспитательницами. Впрочем, как ни предубежденно был настроен оперуполномоченный, он не мог не отметить, что комнатка, в которую он вошел, походила на притон столь же мало, сколь и на кабинет. У неоштукатуренной бревенчатой стены стояла солдатская железная койка, покрытая жиденьким казенным одеяльцем. На обшарпанной тумбочке — кружка, но не с водкой или самогом, а, как убедился Собко, с обыкновенной водой из омута. Голое, ничем не занавешенное окно подернуто морозной пленкой. Из мебели стояли еще стол и табурет.

Из-за стола навстречу Собко поднялся стройный моло-

дой человек, пожалуй, ровесник оперуполномоченному, в поношенной, но чистой, хорошо отглаженной гимнастерке, туго перехваченной в талии командирским ремнем; над правым карманом тускло поблескивал эмалью орден Красной Звезды и — чуть выше — светлела нашивка за ранение, а над левым звякали при малейшем движении пять или шесть медалей, среди которых сразу бросилась в глаза такая знакомая Собко «За оборону Ленинграда»: на фоне здания Адмиралтейства группа бойцов и рабочих с винтовками наперевес... Решив, что перед ним либо неизвестный ему комсомольский деятель из обкома (районных оперуполномоченный знал хорошо), либо представитель другой заинтересованной организации, приехавший по такому же сигналу, Собко пожал ему руку и с ходу начал:

— Да как же это допустили? Куда смотрели? Где он, этот негодяй?!

— Вы, собственно, кого имеете в виду? — поинтересовался молодой человек, звякнув от рукопожатия Собко медалями.

— Как кого? Заведующего! Где он?!

— Я заведующий.

— Что?.. — сказал Собко и сел (больше сесть было негде) на железную койку, которая закрипела на все лады, накренилась и вдруг рухнула на пол: вылетел чурбак, заменивший одну из ножек. Заниматься на такой койке разворотом мог разве что сумасшедший.

— Я заведующий, — повторил молодой человек. Собко растерянно смотрел на поверженную койку. — Ничего, я потом поправлю... Садитесь вот сюда. Вы из облоно?.. — Он вышел из-за стола, придвинул к Собко единственный в комнатухе табурет, затем достал из кармана кисет, оторвал от лежавшей на столе газеты прямоугольничек и, неловко орудуя согнутой в кисти рукой, принялся сворачивать сигарку.

— Где? — отрывисто спросил Собко, указывая на изуродованную руку.

— На фронте, — неохотно ответил заведующий. — Под Шлиссельбургом...

— В январе? При прорыве?!

Заведующий кивнул.

— Да вы по какому вопросу? — осведомился он, затаиваясь самосадам. Рука его, когда он подносил сигарку ко рту, заметно дрожала. — Несчастье у нас, — пояснил заведующий, — до сих пор успокоиться не могу... Повари-

ха уехала в поселок, никого не предупредила. Оставила за себя какую-то девчонку, племянницу, что ли... Зашел на кухню — там еще и воду не ставили. Ребятишки вот-вот из школы вернутся, а обеда нет. Что делать — ума не приложу... — Заведующего будто знобило. — А вы, собственно, из какой организации?

Собко молча вытащил письмо и подал заведующему. «Тут какое-то недоразумение, — подумал оперуполномоченный, — если не хуже того: клевета!»

Невозможно было представить, чтобы фронтовик, участник прорыва ленинградского кольца, мог воровать сиротские пайки и бить блокадных детей.

Заведующий меж тем внимательно, но, казалось, без особого интереса прочел письмо и, возвращая, сказал:

— Что ж, это не в первый раз... Все время думаю: брошу все к чертовой матери! Уйду, куда глаза глядят! Надоело! Хватит!.. — Он помолчал, справляясь с дыханием. — Да как бросишь-то... Дети... Вроде дезертирства получается... Впрочем, пожалуйста... — Он распахнул здоровой рукой дверцу тумбочки и, неловко помогая другой, звеня медалями, принялся выкладывать на стол потрепанные бухгалтерские книги, наряды, квитанции. — Пожалуйста, — повторил он. — Разбирайтесь...

И теперь, спустя много времени, Собко был не уверен, сумел бы он тогда, со своими семью классами и восьмым коридором, разобраться во всей этой отчетности. Он машинально раскрыл первый попавшийся гроссбух, и в это время гулко захлопали наружные двери, длинным валом прокатился приглушенный топот обутых в валенки детских ног, слышались ребячьи, похожие на цыплячий писк голоса.

— Из школы возвращаются, — вздохнул заведующий и выглянул в коридор. — Коля, — сказал кому-то за дверью, — позови ко мне Киру Александрову... Что я теперь скажу им насчет обеда?.. — озабоченно добавил он, возвращаясь.

Собко сидел, уткнувшись в гроссбух, но мысли его были далеки от столбиков цифр, обозначавших то ли пуды, то ли килограммы.

В дверь постучались.

— Входи-входи, Кира! — радушно пригласил заведующий, и голос его дрогнул.

Собко вскинул голову и обомлел: в дверях стояла полненькая, с румянцем во всю щеку, одним словом, цвету-

шая девочка лет тринадцати; трудно было предположить, что она пережила страшную ленинградскую блокаду. Еще труднее по ее цветущему виду было представить, что ее здесь бьют и воруют у нее продукты. Более же всего удивило Собко то, что девочка тащила за собой того самого мальчугана Ваську, с которым он познакомился в коридоре. Мальчуган исподлобья взглянул на Собко, должно быть, глупо улыбавшегося в тот миг, шмыгнул носом и уставился в окно. Девочка крепко держала его за руку.

Откуда было знать оперуполномоченному, что цветущий вид девочки — симптом начинающегося болезненного ожирения, следствие тяжелой алиментарной дистрофии, и только некомпетентностью местного фельдшера можно было объяснить то, что девочка еще не в больнице. Она с кроткой улыбкой взирала на оперуполномоченного, но он и подумать не мог, что ее счастливая улыбка — следствие удачной кражи: полчаса назад удалось стащить на кухне окровавленный кусок лосятины, который она спрятала в своем тайнике.

— Вот друг без дружки никуда, — сказал заведующий. — Как ехали вместе из Ленинграда, так и теперь ни на шаг. Поверите ли: вот он, Вася, сегодня дежурил по детдому, так и она в школу не пошла... Кира, — обратился он к девочке, — с тобой товарищ хочет побеседовать. Он из милиции.

Девочка вздрогнула. Улыбка сбежала с ее лица. Она крепче стиснула руку мальчугана, так что пальцы ее побелели, а он поморщился, и начала медленно отступать к двери, таща за собой друга. Собко, ничего не понимая, привстал с табурета.

— Нет! — закричала вдруг девочка. — Нет! Не хочу! Нет!..

— Кира, успокойся, что ты... — сказал заведующий. — Кира...

— Нет, Вася! Не хочу! Нет!..

— Кира, ради бога... — Заведующий разволновался, отчего изуродованная рука его начала сильно подергиваться. — Кира...

Девочка захлебывалась в крике. Мальчуган, злобно взглянув на Собко, распахнул дверь и вывел девочку в коридор, откуда еще слышалось всхлипывание. Собко почувствовал, что дыбом встают волосы.

Заведующий нервно, рассыпая табак, пытался свернуть нсвую сигарку.

— Дети травмированные, — сказал он. — Психика на пределе. Стараемся не волновать... — По лицу заведующего струился пот. — А тут еще эти письма, сигналы... Вы ведь не первый тут... и подозреваю, что не последний. И каждый раз подобная встряска...

Откуда было знать оперуполномоченному, что в декабре 1941 года за хищение мяса в Ленинграде расстреляли некоего Николая Ивановича, с дочерью которого — хилой болезненной девочкой — дружила десятилетняя тогда Кира Александрова. С тех пор слова «мясо» и «милиция» слились для нее со страшным словом «расстрел». Мясо лежало у нее в тайнике. А милиция — Собко — сидела в кабинете заведующего. Конечно, расстрела девочка не боялась, но это страшное воспоминание: обыск, вой женщины, мертвая подружка — она умерла потом от голода, — все это нахлынуло с такой силой, что мирный перестук ходиков на стене показался стуком блокадного метронома.

— Так, — с трудом произнес Собко. — А что она вообще за человек? Эта повариха.

— Да как вам сказать... Повар как повар. Замечаний по работе нет... если не считать сегодняшнего случая... Впрочем, говорят, что она дочь какого-то высланного кулака, но я слухам большого значения не придаю...

— Так вот оно что! — вскричал Собко, грохая кулаком по столу так, что несколько квитанций слетело на пол. — Ну, ничего! Я до нее доберусь! Узнаем, кому Советская власть не по нутру!..

Ярости его не было границ: оклеветать фронтовика, прорывавшего блокаду, брошенного и теперь на труднейший участок работы — блокадных сирот! Оставить такое без последствий было нельзя.

В ту же ночь, не слушая возражений и предложения остаться до утра, не щадя надорвавшейся на лесозаготовках клячи, Собко выехал обратно. Выехал, не проверив документов, не опросив ни детей, ни воспитательниц, одна из которых была уже беременна от заведующего и, подозревая в сожительстве с ним другую, из ревности рассказала потом на следствии все.

Это был для Собко жестокий урок. Орден, нашивка за ранение и медали заведующего были не поддельными: он заработал их собственной кровью, притом именно там, где говорил — в ленинградских болотах. С другой стороны, и повариха действительно была дочерью сосланного в тридцатые годы кулака. И, однако, все, что она сообщала в сво-

ем письме, оказалось правдой: заведующий пил, воровал продукты и был замечен в рукоприкладстве.

Детдом на Малой Кунде отнюдь не походил на современные школы-интернаты. Здесь собирались дети, чья жизнь с самого начала была покорежена, раздавлена, смята, чья психика длительное время надрывалась от нечеловеческих испытаний, чье тело едва оправилось от страшной голодной болезни, не только разрушительно действующей на организм, но убивающей в человеке ум и душу. Из-за малейшего повода возникал бунт. Беременную воспитательницу, сделавшую самое невинное замечание, ударили табуреткой по животу. Повариху, жалевшую их всей душой, едва не зарезали дежурные по кухне, когда она упрекнула их в курении. Нелегко и не каждый мог найти подход к этим детям. Не смог найти его и заведующий и, когда убедился в этом, запил. А потом последовало все остальное. Впрочем, и продукты он брал не для обогащения, а только на пьянку.

Следствие разобралось во всем. Заведующий понес заслуженное наказание и, выйдя на свободу, начал честную трудовую жизнь, заочно окончил институт и ничем себя больше не скомпрометировал. Честно и добросовестно трудился он и по сей день.

А вот с Собко никто никогда так и не спросил по-настоящему, во что обошлась его ошибка, когда он, поверив заведующему на слово, укатил восвояси, и, если бы не многоопытный, теперь уже давно покойный начальник милиции, решивший все же лично проверить сигнал, неизвестно, сколько б это еще продолжалось. Молодому оперуполномоченному начальник тогда сказал: «Так работать нельзя!»

Тот самый мальчуган, которого Собко встретил в коридоре, на следующий день, видимо, убедившись лишний раз, что проверяющие приезжают и уезжают, а заведующий остается, бежал из детдома, добрался до областного города, связался со шпаной и стал преступником. Прямой вины Собко в том не было. И никто никогда не спросил с него за это. Никто, кроме него самого.

Мальчугана звали Васька Лидер.

Потрепанный, с помятой левой дверцей «Запорожец» Собко с раннего утра стоял во дворе райотдела, неловко

приткнувшись у крыльца; сам же Собко сидел сейчас в кабинете начальника уголовного розыска и, сопя, тяжело вздыхая, просматривал оперативные материалы. Костик, пристроившись на углу стола, разбирал почту, принесенную полчаса назад секретаршей. Находившийся тут же Шабалин мрачно вышагивал от двери до окна и обратно, время от времени останавливаясь перед столом и заглядывая то в бумаги, которые изучал Собко, то в папку с почтой.

— Так, а это что? — нахмурился вдруг Костик, извлекая из папки телеграмму. — «Повторно прошу... проверить... наш запрос от... бежавшего со стройки народного хозяйства... условно освобожденного... Калабина Геннадия Александровича... до осуждения проживал... деревня Малая Кунда... Жена Елизавета Николаевна... бригаде гослова...» Это что, уже запрашивали? — спросил Костик. — Была телеграмма?

— А! — Шабалин взял телеграмму. — Была. Проверяли. Были в Малой Кунде, смотрели. Дом на замке. Жена работает у Лебедева, на Имятуе. Не появлялся. Лебедева предупредили. Появится — возьмем.

— На Малой Кунде давно были?

— Да с полмесяца, наверное. Как телеграмма пришла, сразу Комаров и поехал.

— И с тех пор нет?..

— А чего там делать? Я же говорю: дом на замке.

Костик покачал головой.

— Что ж я, засаду буду на условника устраивать?

— Засаду не засаду, — проговорил Костик, — а надо было туда еще наведаться. И не раз!..

— Николай Михайлович, — сказал Шабалин, — была бы возможность — наведались бы! Но ты же сам знаешь, что тут завертелось вокруг этих шкурок. Не до того!

Последовала неловкая пауза. Костик не знал, продолжать ли разговор при Собко. Шабалин, полагавший, что и ему есть что сказать Костику, тоже воздерживался в присутствии бывшего начальника ОУР. И тут Собко сам подал голос:

— Так работать нельзя!

Шабалин быстро обернулся к нему:

— Иван Лаврентьевич, мы, конечно, твои ученики, и большое тебе спасибо: но извини, у нас тут свои дела!

Собко побагровел, лысина налилась кровью, и, — не успел вмешаться Костик, — произнес:

— Ошибаешься, Саша. Глубоко ошибаешься. Тут твоих дел нет. Ты служишь не в частном детективном агентстве, а в советской милиции. И никаких дел, кроме государственных, народных, у тебя тут нет и быть не может.

— Демагогия! — бросил Шабалин. — При чем тут частное агентство? Я что же, для себя все это делаю? Доход какой-то имею?.. И вообще, должен вам сообщить, что на подобные дискуссии не силен. Насчет этого обратитесь к замполиту. Как раз по его части. А я рядовой практический работник. Оперативник. И считаю, что это немало!

— Мало, — возразил Собко. — Этого мало, Саша.

— Беспредметный разговор! — сказал Шабалин. — Так я пойду? — обратился он к Костику. — У меня еще встреча... ты знаешь.

— Погоди, — сказал Костик. — Коли уж зашел разговор... Но, впрочем, в дискуссии действительно вдаваться нет смысла, ты прав. Подойдем к делу практически. «Чисто практически», как говорит подполковник... Я знаю, что Чиладзе переводят на отдел. И знаю, что он будет добиваться твоего перевода. Но пока мы работаем вместе. В сложной обстановке. И надо сделать так, чтобы наши отношения не отразились на службе. Ты согласен, Александр Николаевич? Давай прямо. Раз и навсегда.

Шабалин помолчал, поджав губы.

— Нет, — ответил он, наконец. — Не согласен. Плевать я хотел на всякие отношения. Я никогда от службы не отлынивал. Ты хорошо знаешь. Но теперь... — Он шагнул ближе и опустил на стол кулак. — Теперь я из кожи вылезу, жилы порву, но найду эти проклятые шкурки! Ты меня понял?

Костик кивнул. Шабалин отступил от стола и спросил:

— Больше не нужен?

— Нет, — ответил Костик. — Комаров вернулся?

Шабалин отрицательно покачал головой.

— А Редозубов?

— Редозубов здесь.

— Пошли его ко мне.

Шабалин кивнул и вышел из кабинета.

— Отличный оперативник, — вздохнул Собко. — Талант.

Костик придвинул ближе телеграмму, оставленную Шабалиным на краю стола, прочел еще раз и сказал:

— Ну так что будем делать? С ней поговорим?

— Бесполезно, — хрипло сказал Собко. — Не скажет. Она на суде молчала, как в рот воды набрала. А тут...

Дверь приоткрылась:

— Разрешите?

— Входи-входи, — сказал Костик. — Вот взгляни, — указал он на телеграмму. — Надо будет завтра с утра съездить в Малую Кунду. До Новой Техники на лесовозе подскочишь, а там пешком недалеко... Конечно, его может и не быть, даже, скорее всего, и не будет, но поговоришь с людьми в деревне... возможно, кто видел. И вообще — осмотришь. Понял?

— Да.

— Все, свободен. С утра на рапорт не приходи, а прямо туда.

— Ясно. — Редозубов направился к двери, и в это время Собко, продолжая прерванный разговор, сказал:

— А вот с этим парнем, Игорем, побеседовать не мешает.

Редозубов, взявшись за ручку двери, остановился.

— Он тоже не скажет, — возразил Костик. — Гордый парень.

— Вот и нужно как-то подойти к нему.

Редозубов обернулся.

— Что еще? — спросил Костик.

— Николай Михайлович, позвольте мне поговорить с Игорем! Я его знаю немного... Он техникой увлекается... Я с ним в книжном магазине познакомился... помог ему немного...

Костик посмотрел на Собко.

— А ну-ка присядь, — обратился тот к Редозубову. — Потолкуем.

3

Игоря он встретил у ворот школы как бы случайно, предварительно созвонившись с учительской и узнав, когда заканчиваются уроки в 10«А». Игорь вышел вместе с красивой одноклассницей в беличьей шубке, дочерью главного инженера леспромхоза. О чем они говорили, разобрать было трудно; впрочем, говорила больше девушка, Игорь же хмуро слушал.

— Ладно, я подумаю, — ответил он, наконец, когда они подошли совсем близко. Увидев Редозубова, одноклассница быстро ушла. Игорь какое-то время тупо смотрел под ноги, затем вздохнул и протянул руку:

— Привет.

— Здорово! — весело сказал Редозубов. — Ты чего такой мрачный? Пару что ли, схлопотал?

Игорь усмехнулся:

— Если бы...

— А я тебе клапана достал, — продолжал Редозубов. — Ты чего не звонил? Я уж в гараже договорился, сходим вместе, заточим...

— Да-да, спасибо... — пробормотал Игорь. — Ты... тебе в какую сторону?

— Да мне все равно, — сказал Редозубов. — Так болтаюсь... Могу даже проводить!

Они миновали кинотеатр, осажденный толпой ребятишек, рвавшихся на трехчасовой сеанс.

— Ну, так как же с клапанами?

— Ах, не до клапанов мне сейчас! — вырвалось у Игоря. — Извини, пожалуйста...

— А я знаю, до чего тебе, — сказал Редозубов. Игорь посмотрел на него и усмехнулся. — Я знаю, до чего тебе, — повторил Редозубов. Это был рискованный шаг, но ничего другого не оставалось. — На свидание не пришла.

Игорь вздрогнул.

— Ты... откуда знаешь?

— Неважно. Ну, так не пришла?

Игорь не ответил.

— Ладно. Можешь не отвечать.

— Ты... ты ее знаешь?..

Редозубов кивнул.

— Откуда?

Редозубов пожал плечами.

— Откуда ты ее знаешь?!

— Вот что, — сказал Редозубов. — Слушай меня внимательно. А потом я тебя послушаю, договорились? Ну так вот. У нее до тебя был один... парень...

Игорь остановился:

— Что?!

— Она на пять лет старше тебя. Что же тут особенного?

— Как что особенного?! — вскричал Игорь. — Да я ее люблю!..

Он осекся, но было поздно.

— Любишь? — жестко переспросил Редозубов. — Как свой мотоцикл, что ли?

— Ты... как ты смеешь?.. Я к тебе... как к другу, а ты...

— А как же тебя еще понимать? Это о машине можно

рассуждать: новая — лучше, подержанная — хуже. А она человек. У нее была до тебя своя жизнь, и если тебе это не нравится, так отойди в сторону... Впрочем, что я тебе объясняю. Ты еще ребенок... Вот опять вскинулся! А взрослый человек никогда на это не обидится. — Он помолчал и медленно пошел по тротуару. Игорь двинулся следом. — Ну так вот. У нее был парень. И парень этот попал в тюрьму. За кражу. А потом бежал. И мы его теперь ищем. Понял?

Игорь остолбенел.

— Так вот оно что... — прошептал он.

Редозубов помолчал.

— Вот что, Игорь. Ты пока не должен с ней встречаться. Дело серьезное, сам видишь. Говорю как друг. Ну, если хочешь, как работник милиции. Ты меня понял?

4

Начальника ЛОМ станции Верхне-Кундинская Валентина Ивановича Баскова разбудил телефонный звонок. Было около семи утра. Обычно он и сам вставал в это время, но со вчерашнего дня Басков был в отпуске, а на послезавтра были заказаны уже билеты до Рязани, где жили родители жены. То, что ему позвонили, объяснялось либо тем, что вызванный для дежурства с линейного поста станции Советская младший лейтенант Перязев не знал или забыл о том, что начальник ЛОМ в отпуске, либо тем, что случилось что-то чрезвычайное.

Осторожно, прикрыв плотнее дверь в комнату дочерей, Басков вышел в прихожую, куда еще вчера перенес аппараты, и, сняв трубку железнодорожного телефона, негромко сказал:

— Слушаю.

— Товарищ капитан! — тотчас раздался торопливый голос Перязева. — В райотделе побег из КПЗ. Бежали двое, один из них наш, Краснухин, по краже из ледника. Вилисов только что приехал дело по нему заканчивать, а он...

— Ориентировку по линии передали? — перебил Басков.

— Сейчас будем передавать, товарищ капитан. Из райотдела Шабалин подскочил, привез установочные данные. Но на сто тридцатый — они на него по времени успевали — я уже передал...

— Сто тридцатый кто сопровождает?

— Старшина Акобия. Он Краснухина знает в лицо.

— Хорошо, — сказал Басков. — Личному составу объявить тревогу. И пришлите за мной машину.

Он положил трубку и услышал, как хлопнула на кухне дверца холодильника. Басков заглянул на кухню:

— Ну, зачем ты? Я ненадолго.

— Иди одевайся, — ответила жена. — Позавтракать-то надо.

Когда он, быстро одевшись, глотал, почти не жуя, обжигаясь, яичницу, по замерзшим стеклам скользнули лучи автомобильных фар.

Светать еще не начинало, стояла яркая звездная ночь, громко скрипел под ногами снег, а из глушителя УАЗа шел густой белый дым — так всегда бывает в сильные морозы. Стылый туман серебрился под бледными уличными фонарями, и Басков невольно подумал о беглецах, пробирающихся сейчас, быть может, по скованному холодом лесу или жмущихся в нетопленной химарской избе, не решаясь развести огонь.

— Здравия желаю, товарищ капитан. — Водитель тронул машину. Даже здесь, в УАЗе, правда, крытом лишь брезентом, было довольно холодно, хотя у ног жужжала самодельная печка. — Понесло же их в такую морозину! — продолжал шофер, молодой узколицый сержант в полушубке и в теплой собачьей шапке. — Конечно, Краснухину не привыкать: три часа в леднике просидел в одном пиджачишке, помните, товарищ капитан?

Басков кивнул. Это дело — кражу из вагона-ледника — знало все отделение, поскольку почти всем составом ЛОМ они прочесывали тогда полосу отвода до самого Нюриня, подбирая ящики с конфетами, шоколадом, головки сыра, круги колбасы, сброшенные Краснухиным на ходу поезда. Тогда, осенью, Краснухину удалось бежать, задержали его полтора месяца назад, в Нефтеюганске, и вот он ушел из КПЗ. Девятнадцать лет, мальчишка, в сущности, — и вторая судимость; в первый раз освободили по амнистии.

Шофер сбросил скорость: обочь дороги пританцовывал в ботиночках заместитель по оперативной работе, впрочем, и единственный заместитель Баскова, исполняющий со вчерашнего дня его обязанности. Желтов был в бежевом пальто с ондатровым воротником и в ондатровой же шапке; даже уши не опустил — герой!..

— Привет! — бросил он, торопливо забираясь на заднее сиденье и протягивая ноги ближе к печке, хотя вряд ли

это могло его согреть: патрубки были направлены к ветровому стеклу. — Ты извини, Валентин Иванович, я Перязева забыл вчера предупредить, что ты в отпуске... Впрочем, может, вернешься?.. Ну и мороз!..

— А что ж, товарищ старший лейтенант, в ботиночках-то? — покачал головою сержант.

— А они у меня со смехом! — хохотнул Желтов, принимаясь ожесточенно растирать ладонями уши. — Да, везет Волохину как утопленнику! Меха! Пол-управления съехалось, а тут еще и побег! Хорош подарочек под Новый год!

— Ты с чего такой веселый-то? — поинтересовался Басков.

— А с чего мне плакать-то? Не у меня ж бежали, слава богу!

Басков промолчал.

— Вот именно, — поддержал Желтова шофер. — Мы ведь теперь даже за Краснухина не отвечаем, да, товарищ капитан? Ну, в смысле за побег?

Басков не ответил.

— Нет, конечно, — сказал Желтов. — Мы его в КПЗ сдали — и все. Наше дело маленькое. Райотдел отвечает целиком и полностью. Да, теперь Волохину строгач, как минимум, вырисовывается. Побега без строгача не бывает. Кому-нибудь да вмажут.

— А интересно получилось, — сказал шофер. — Вилисов сегодня приехал где-то в начале седьмого, на локомотиве. Зашел в дежурную часть и мне говорит: «Подбрось до райотдела, по Краснухину дело надо заканчивать, а то пешком по такому морозу...» Тоже вот, как вы, товарищ старший лейтенант, в ботиночках приехал... Ну, и только он это сказал, звонят из райотдела: побег! Краснухин бежал! Вилисов говорит: «Зря только тащился чуть свет! Нет бы им вчера бежать, так я бы сегодня дома сидел...» Ну, мы так и попадали со смеху!..

— Долго лежали? — спросил Басков.

— Как, товарищ капитан?

— Я спрашиваю, попадали, так долго лежали?

Шофер смутился:

— А, да нет... Это я так, товарищ капитан. В шутку...

— Вилисову что, — сказал Желтов. — Дело пока приостановит. Если долго будут бегать. А райотделу достанется на орехи... Да, Валентин Иванович, прокуратура по снегоочисту дело прекратила... Я ж говорил: малолетки. С чего Шабалин так и кипятился...

Басков не отозвался.

УАЗ свернул влево, к вокзалу, прошел метров двести вдоль полотна и остановился у подъезда небольшого двухэтажного здания из красного кирпича, какие встречаются, кажется, на всех станциях — чем-то нравится красный кирпич Министерству путей сообщения; здесь и помещалось линейное отделение милиции. В некоторых кабинетах горел уже свет. Ярко светились огромные окна железнодорожной столовой, стоявшей через дорогу.

С бетонки, из проходов между домами, спешили жившие неподалеку сотрудники ЛОМ. Отвечая на приветствия, Басков поднялся на второй этаж и заглянул в дежурную часть, следом вошел и Желтов. Стоявший у окна невысокий старший лейтенант хотел уже подать команду: «Товарищи офицеры!», но Басков остановил его жестом руки. Перязев, сидя за столом, передавал на линейные пункты и посты, а также группам сопровождения поездов приметы беглецов; впрочем, едва он произносил фамилию «Краснухин», на той стороне связи отвечали: «Знаем...» Краснухина на этой линии знали хорошо. Басков приказал старшему лейтенанту построить людей в коридоре, как только явятся все, кто должен явиться согласно схеме оповещения личного состава, но не позднее, чем через десять минут. Шабалин, как выяснилось, уже уехал. Зато Вилисов, следователь линейно-следственной группы ОТМ, был еще здесь.

— Вот... напрасно только приехал! — начал он, разводя руками и весело улыбаясь. — С таким трудом добирался...

— Мне об этом уже известно, — сухо сказал Басков. — О том, что вы напрасно сюда приехали. — Он повернулся и, в сопровождении Желтова, вышел из дежурной части.

Вилисов пожал плечами:

— Что-то ваш шеф сегодня не в духе. Не с той ноги встал, что ли?..

Никто не откликнулся.

— ...уши оттопыренные, на верхней губе шрам... да, шрам.. типа заячьей губы... — продолжал бубнить в трубку Перязев. — Других особых примет нет. Приметы второго бежавшего преступника Краснухина... Знаете?.. Ну все, примите меры...

— Вообще-то, конечно, понять его можно, — продолжал Вилисов. — Человек в отпуске, а Перязев его поднял ни свет ни заря.

Вновь никто не поддержал следователя.

Начальник ЛОМ, между тем, молча сидел на стуле,

Желтов расхаживал из угла в угол и курил. Ровно через десять минут в коридоре послышался топот, раздались команды, подаваемые невысоким старшим лейтенантом, и Желтов, погасив сигарету, спросил:

— Инструктаж сам проведешь?

Басков, не отвечая, встал и направился к двери. Желтов, взглянув по пути в зеркало, вышел следом. В длинном коридоре, освещенном яркими лампочками без плафонов, выстроились шестнадцать человек — в шинелях, пальто, полушубках, валенках и унтах; лишь самые отчаянные щеголи были в сапогах и ботинках. Старший лейтенант, доложив, что личный состав построен, встал на правый фланг. Басков негромко поздоровался. Строй звонко ответил на приветствие. Басков нахмурился. Конечно, перед ним стояла не похоронная команда перед тяжелой работой, а современные, в основном, молодые сотрудники милиции, большинство — послевоенных лет рождения, не знающие — почему фунт лиха, и винить их в этом не приходилось. Но все же Баскову хотелось видеть в них сейчас больше серьезности, сосредоточенности — хотя бы потому, что они явились сюда не для встречи Нового года, а по тревоге. Басков оглядел еще раз строй и начал:

— Товарищи, у наших коллег из райотдела случилась неприятность, крупная неприятность — чрезвычайное происшествие: побег из КПЗ. Это происшествие обострило и без того напряженную оперативную обстановку, характеризующуюся, в частности, тем, что до сих пор еще, несмотря на все прилагаемые усилия, не раскрыта кража мехов с пушной базы госпромхоза.

Басков говорил негромко, внятно и так медленно, что, несмотря на длинные фразы, речь его казалась построенной из коротких простых предложений.

Строй притих. То, о чем говорил начальник, и, главное, интонация, с которой он начал свою речь, отнюдь не походили на обычный инструктаж.

— Сложившаяся обстановка, — продолжал Басков, — не может оставить нас сторонними, безучастными наблюдателями происходящего. Конечно, основная нагрузка лежит на плечах наших товарищей из райотдела. Мы же, со своей стороны, обязаны помочь им всем, чем только сможем. Это наш долг, наша обязанность. Каждый из нас должен подойти к делу не формально, а так, словно он прямо и непосредственно отвечает за побег из КПЗ, прямо и непосредственно отвечает за раскрытие кражи мехов,

числящейся за райотделом... Между тем в последнее время среди части наших сотрудников, не исключая и офицерский состав, наметилась ничем не обоснованная тенденция противопоставлять себя, свою службу — службе работников райотдела. Появилось мнение, что мы — железнодорожная милиция — некая особая каста в системе органов внутренних дел, резко отличающаяся по своим положительным качествам от работников территориальных органов. У нас и дружба крепче, и сплоченность коллектива сильнее, и работа ответственней. Стали ходить анекдоты, что якобы мы с Волохиным спорим чуть ли не за сантиметры, на чьей территории произошло преступление и кто должен за него отвечать. Всем вам памятны излишне раздутые разговоры по поводу снегоочистителя. Те же самые разговоры велись и по поводу киоска «Союзпечати» на перроне, который по линии ОУР обслуживаем мы, а по линии БХСС — районный отдел. Все эти «мелочи», товарищи, могут завести и уже заводят далеко. Не так давно в дежурной части один наш заслуженный ветеран заявил, что не худо было бы, как раньше, и форму для транспортной милиции ввести особую, отличающуюся от формы сотрудников территориальных органов, чтобы, значит, каждый гражданин знал: вот идет не какой-нибудь милиционер, а особый, железнодорожный, у которого и работа ответственней, и дружба в коллективе крепче...

По строю прокатился короткий смешок. Стоявший в левом фланге пожилой старшина густо покраснел.

— Естественно, — продолжал Басков, — коли уж так рассуждают ветераны, что остается молодежи? Выслушав мнение ветерана, один наш молодой сотрудник, о котором я знаю только хорошее, комсомолец, тут же сообщил, что лично он «ни за какие коврижки», как он выразился, не пошел бы служить в территориальные органы...

В строю вновь возникло оживление.

Басков помолчал.

— А взять хотя сегодняшний случай. Перязев докладывает мне о побеге и буквально с первой фразы подчеркивает, что один из бежавших — наш, Краснухин, более того, одним из важнейших событий сегодняшнего дня дежурный считает то, что, видите ли, зря приехал следователь Вилисов. Я хочу еще раз напомнить: нам нечего делить с территориальными органами. Они, как говорят в таких случаях, наши товарищи по оружию, и теперь мы обязаны включиться в общую работу с полным сознанием того, что

это — наша работа. Я призываю вас сделать правильные выводы. Ну, и поскольку, — Басков улыбнулся, — вы тут много хвалились, покажите теперь на деле, как может работать транспортная милиция!.. А сейчас временно исполняющий обязанности начальника ЛОМ старший лейтенант Желтов проведет инструктаж.

Он сделал шаг назад, уступая свое место Желтову.

Довлетшин с видимым усилием, как тяжелую гирию, поднял трубку и назвал в микрофон свою фамилию.

— Отличились вы там с Супониным, нечего сказать! — тотчас раздался резкий, даже грубоватый голос начальника окружного УВД майора Картаева. — Я жду результат, а у вас там арестованные бегут из-под стражи! Что с мехами? — спросил он без всякого перехода, чем чрезвычайно удивил Довлетшина, полагавшего, что услышал лишь начало разноса по побегу.

— Обстоятельства, о которых вам докладывал вчера Супонин, подтверждаются. Ночью мы получили новые данные.

— Как его зовут?

— Лидер. Собко, во всяком случае, уверен, что это он...

— Собко! Собко! У вас как в хреновом детективе: весь отдел бьется, ничего не знает, а какой-то пенсионер...

— Тут особый случай, товарищ майор. Собко этого преступника знает с детства, на нюх теперь уже чует. Кроме того...

— Учтите, — перебил Картаев, — несмотря на побег, ни на минуту не прерывать работу по мехам. Это категорическое требование. Вам ясно?

— Да.

— Где Супонин?

— Допрашивает... в кабинете начальника розыска. Переключить вас на него?

— Не надо. Пусть позвонит во второй половине дня. Работайте.

Дождавшись гудков, Довлетшин тоже положил трубку и, вызвав инспектора ОУР лейтенанта Алибаева, спустился на первый этаж в дежурную часть.

В дежурной части еще можно было терпеть, хотя беспрестанно хлопала входная дверь и окошко в прозрачной стене из оргстекла было открыто; но в коридоре КПЗ, отделенном от дежурной части двумя дверями — обычной и решетчатой, стоял адский холод. Из щелей «кормушек»

шел пар от дыхания арестованных. Сержант, отпиривший и запиравший замки, потирал руки, пытаясь согреть их.

— Прошу, товарищ майор, — сказал Алибаев, невысокий темнолицый казах с красными от недосыпания глазами, как и у большинства сотрудников розыска в эти дни.

Он и Довлетшин в сопровождении помощника дежурного, грохавшего по бетонному полу тяжелыми яловыми сапогами, подошли к 9-й камере в конце коридора.

— Шас будут шмон наводить, — послышалось из соседней, 7-й. — Эй, начальник! Вы что, живьем нас тут заморозить хотите? Не по закону! Я буду прокурору писать!

Алибаев прислушался.

— Это кто там возмущается? — спросил он. — Вы, что ли, Боков?

— А хоть бы и я...

— Ну так вы претензии предъявляйте своему подельнику Бубенчикову. Это он с Краснухиным стену ломал.

— Бубенчиков теперь далеко...

Довлетшин обернулся к сержанту и приказал:

— Вызовите старшину. Пусть выдаст всем по второму одеялу... А то действительно... прохладно. — Затем указал на дверь 9-й камеры. — Открывайте.

Сержант лязгнул задвижкой и потянул на себя тяжелую дверь. В проем хлынул обжигающий морозный воздух. Довлетшин поежился и первым вошел в камеру. В левой торцовой стене, приблизительно в полуметре над нарами, зияло неровное узкое отверстие, в которое, казалось, могла бы пролезть разве что собака, но никак не человек. Но те двое все-таки пролезли. Пытался пролезть и третий, но неудачно — помешал живот.

— Кстати, у вас ведь собака была на охране КПЗ?

— Собака есть, — вздохнул сержант, Алибаев же лишь махнул рукой. — Эльза, немецкая овчарка. Да пожалели, товарищ майор, на улице оставлять в такой-то мороз. Люшков увел ее домой...

— Вот видите, товарищ майор, — показал Алибаев, — только узкая полоска с наружной стороны железом не заварена, на днях, как мороз спадет, собирались заварить. Мы там трубу водяного отопления ремонтировали, отодрали на время... — Он нагнулся и поднял с нар тяжелый крюк с резьбой, которым крепились к стене батареи. — Вот этим ковыряли... Это ж надо — раздеться почти догола, выбросить одежду, потом на морозе одеваться... Чистая пневмония...

— Кстати, сколько сейчас? — спросил Довлетшин.

— Да около сорока, наверное...

— В шесть утра было сорок четыре, товарищ майор, — доложил сержант. — Днем обещают тридцать семь — тридцать девять, а к ночи опять усилятся.

Довлетшин кивнул.

— Эту дыру, — сказал он, обращаясь к сержанту, — заткните пока чем-нибудь, матрацем, что ли... Что же улицу отапливать.

— Слушаюсь, товарищ майор.

— Да, — вздохнул Алибаев. — Недоработочка...

— Халатность, — мрачно возразил Довлетшин. — Побег — это всегда халатность.

5

Если чего не хватало в нынешней оперативной обстановке, так это действительно побега. Большой для себя неприятности капитан Волохин не ждал. Чрезвычайное происшествие — побег из камеры предварительного заключения, когда он происходит в сравнительно небольшом подразделении — РОВД, расположенном к тому же в таежном районе, на огромном расстоянии от других органов внутренних дел, — неизбежно в какой-то степени парализует работу отдела. А между тем семейные скандалисты продолжают скандалить, пьяницы — пить, а хулиганы — буяннить в общественных местах; никто из них не желает считаться с тем, что работникам милиции приходится и так несладко, и хотя бы на время прекратить свои противоправные действия.

Теперь, когда были блокированы дороги, выставлены засады, высланы поисковые группы, переданы ориентировки, — то есть проделана вся та работа, которую необходимо проделать почти автоматически, без долгих раздумий, по горячим следам, по заранее обусловленному на такой случай плану, — наступила короткая минута передышки — до первой проверки постов, первой информации, первой корректировки версий. В такую минуту хочется собраться с силами и мыслями, просто перевести дух. И именно в эту минуту послышался негромкий, даже, как показалось Волохину, вкрадчивый голос не приметного младшего лейтенанта — штабиста окружного управления:

— Владимир Афанасьевич, а что это за обозначение — НТ?

Все сидевшие в кабинете начальника РОВД — он сам, Супонин, Чиладзе и Проводников — посмотрели на младшего лейтенанта с недоумением: вопрос, казалось, был явно праздным. Однако штабист, нимало не смущаясь, всем своим видом давал понять, что ждет ответа. Волохин пожал плечами и нехотя ответил:

— Новая Техника. Это название мастерского участка.

— А-а, — понимающе протянул младший лейтенант. — Название мастерского участка... И что... там действительно работает новая техника?

— Да. Внедряется новая техника: валочно-пакетирующие машины, бесчokerные трелевочные тракторы и тому подобное... Это интересует вас в связи с побегом? — не удержался капитан. — Или с розыском мехов?

— А вот эти квадратики что обозначают? — невозмутимо продолжал младший лейтенант. — База лесорубов?

Волохин тяжело вздохнул и посмотрел на подполковника, как бы прося избавления от назойливого штабиста. Но Супонин не отрывал взгляда от карты.

— Нет, — вмешался Чиладзе. — Стан лесорубов на карте не обозначен, он постоянно перемещается. Это полузаброшенная деревня. Малая Кунда. В ней осталось пять-шесть семей, да и то старики. Остальные перебрались в наш и соседний поселки.

Младший лейтенант сунул дымящийся окурок в пепельницу, снял очки, протер носовым платком стекла и, прикурив новую сигарету, сказал между двумя затяжками:

— Эту деревню надо прикрыть.

— Нет необходимости! — резко возразил Волохин. — Деревня — тупик. Дальше дороги нет. А бежавшие — местные жители, они это знают и ни за что туда не пойдут. Кроме того, в кварталах заготовок у нас работает группа. Думаю, что этого достаточно.

— Вполне! — поддержал начальника Чиладзе. — Посылать людей лишь для очистки совести мы не можем. У нас и так их не хватает!

Ни Волохин, ни Чиладзе не стали бы разъяснять свою позицию младшему лейтенанту и уж тем более что-то доказывать. Но рядом был подполковник, а он пока и намеком не дал понять, что предложение младшего лейтенанта следует просто отбросить как несущественное, не заслуживающее даже обсуждения. Что же до неприметного штабиста, то он, снисходительно выслушав начальника РОВД и заместителя по оперативной работе, небрежно повторил:

— И все же эту деревню надо прикрыть.

— Вы что же, — сдержанно поинтересовался Волохин, — считаете, что знаете район лучше меня?

Младший лейтенант усмехнулся:

— А зачем мне знать лучше вас? Передо мной карта.

Волохин, громко отодвинув стул, встал из-за стола и зашагал по кабинету. Вот налицо бумажная душонка в ее худшем варианте! Перед ним карта! И ты хоть лоб разбей — доказывай ему что угодно — перед ним карта! Бумажка для него важнее человека! Без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек!.. Но почему молчит подполковник? Сколько можно терпеть выходки этого мелкого бюрократа-штабиста?..

— Я полагаю, — кивая в сторону штабиста, сказал Супонин, — что Леонид Петрович прав. Деревню надо прикрыть.

— Кем прикрыть, товарищ подполковник?! — со всей кавказской горячностью воскликнул Чиладзе. — У нас ни одного свободного человека! Остался я... да вот замполит!..

— Я готов, — неожиданно подал голос Проводников. К нему разом обернулись все, кто был в кабинете. Было совершенно ясно, что Чиладзе упомянул замполита вовсе не затем, чтобы тот выразил свою готовность ехать в Малую Кунду. — Раз надо, значит — надо.

— Что ж, — произнес Супонин. — Тем и неприятно подобное происшествие, что приходится штопать какие-то дырки. И порой, как ни обидно, выходит тришкин кафтан... — Он помолчал. — Чисто практически придется... снять еще одного человека с переезда.

Замполит встал.

— Кого забрать? — спросил он у Волохина, но тот и не взглянул в его сторону.

Чиладзе придвинул к себе схему расположения постов, посмотрел в нее и ответил:

— Возьми стажера.

Проводников кивнул и вышел.

С половины восьмого стажер уголовного розыска Редозубов и старший инспектор ОБХСС лейтенант Титов находились на железнодорожном переезде. Вначале их было четверо: кроме них еще инспектор ОУР Омельченко и уча-

стковый Федорец, но к десяти пришел УАЗ вневедомственной охраны и забрал обоих: видно, где-то требовались люди.

Мороз, по выражению Титова, «жал по-черному». Ноги стыли даже в унтах. Сам Титов был одет, впрочем, менее притязательно, но зато гораздо теплее, чем Редозубов, не в полушубке, едва достоящем до колен, а в огромном, доставшемся, быть может, от деда тулупе до пят, и не в унтах, а в серых самокатных пимах, подшитых кожей. В этом наряде он, как заправский сторож, расхаживал вдоль полотна, перебрасываясь вольными шутками с хохотушкой-дежурной, которая, в знак особого расположения к молодым людям, даже напоила их чаем в своей будке.

Метрах в пятидесяти от переезда с раннего утра тарактел желтый гусеничный трактор, выдергивая по одной какие-то ржавые трубы из-под снега; под баком, чтобы не стыл соляр, горел грязный факел. Редозубов переговорил с трактористом; тот прибыл на переезд за полчаса до появления работников милиции — ничего подозрительного не заметил.

— Да и не пойдут они здесь, — сказал Титов, с тоской поглядывая на будку дежурной. — Дураки они, что ли, в лес переться!

Редозубов добросовестно проверял каждую машину, для чего получил в дежурной части «палочку-выручалочку» — полосатый жезл ГАИ.

Хотя по этой дороге ходил в порт автобус, шли грузовики и другие транспортные средства, более всего через переезд двигалось лесовозных автомобилей. Что касается автобуса и других машин, шедших до порта, то их, помимо Редозубова и Титова, проверяли офицер и сержант воздушной милиции непосредственно на автостоянке у аэровокзала. Следовательно, они дублировали действия наряда РОВД. Лесовозы же, по мнению Редозубова, вообще можно было не проверять: перевозить в них пассажиров — даже работавших в лесу вздымщиков — категорически запрещалось. Стараясь не задерживать автопоезда, Редозубов вскакивал на подножку на ходу, когда машина пересекала полотно (здесь даже порожние лесовозы ползли на второй передаче), здоровался с водителем и, пожелав хорошего вожа, спрыгивал на укатанный снег. Кроме как в кабине, в лесовозном автомобиле спрятаться негде.

Как и следовало ожидать, посторонних никто не вывозил. 39-й и 41-й (гаражные номера) автомобили вывезли в

лес трех операторов челюстных погрузчиков — им выдавались особые пропуска-разрешения, и Редозубов всех троих знал в лицо, а в один из КраЗов, в 14-й, ни он, ни Титов не стали и заглядывать: его вел знаменитый на всю отрасль человек, кавалер ордена Ленина, и Редозубов просто кивнул ему, здороваясь, а Титов помахал солдатской трехпалой рукавицей.

— Стой тут вместо мебели! — сказал Титов. — Они там планчик разметили в кабинете, а ты тут замерзай на корню!

— Да, холодно, черт возьми! — пробормотал Редозубов.

Титов оживился и стал излагать свой собственный план поимки преступников, основной пункт которого сводился к тому, чтобы снять ненужный, по его мнению, пост с переезда. Далее он высказал предположение, что, не окажись тут, как на грех, управленцев, взявших на себя руководство розыском, Волохин, возможно, пришел бы к тому же выводу, что и он, Титов.

Мало-помалу настроение старшего инспектора, старшего товарища стало передаваться и стажеру. Стой, действительно, у всех на виду без всякого дела, заглядывай в кабины к своим прежним товарищам по работе, таким же шоферам, каким 'был не так давно сам. За то время, что ему придется, может быть, провести здесь, каждый из них сделает два-три рейса, привезет два, четыре, а то и все шесть возов, а он, Редозубов, водитель первого класса, будет торчать тут, как бельмо на глазу, уподобляясь тем мальчишкам-пятиклассникам, что с рассвета толклись на переезде.

Самое обидное заключалось в том, что занимались они в общем-то тем же, чем и Титов с Редозубовым: проверяли машины. В эти последние предновогодние дни из лесу везли елки. Мальчишки (впрочем, среди них были две девочки) — «зеленый патруль» школьного лесничества — строго следили за тем, чтобы вывозилось ровно столько елок, сколько указано в документах на порубку, выданных лесхозом. Как только грузовик приближался к переезду, его останавливали красным флажком, тотчас человек семь-восемь, как муравьи, карабкались в кузов, пересчитывали елки, лишние тут же сбрасывали за борт и сообщали водителю, куда, в какой срок и в каком размере следует уплатить штраф. Никакие уговоры и посулы (какой-то шофер обещал немедленно привезти три килограмма шоколадных конфет) не помогали. Вышел даже курьез: в одном из грузовиков рядом с водителем сидел представительный муж-

чина, оказавшийся отцом одного из мальчишек. Отец попробовал сыграть на родственных чувствах:

— Витька, да неужто ты родного отца оштрафуешь?

Карапуз ответил:

— Папа, я же тебя просил: не бери лишних! А теперь пеняй на себя! Не только штраф заплатишь, но еще и на производство сообщим! Я же здесь старший на переезде, как ты не поймешь!

Реакция отца была совершенно неожиданной.

— Видал? — гордо сказал он ухмыляющемуся при виде такой семейной сцены шоферу. — Вот какого сына воспитал! Для него долг, забота о народном достоянии — выше всего! Молодец, Витька, так действуй и впредь! Сколько там, говоришь, платить-то?..

Титов вздохнул.

— У них хоть результат есть, — указал на внушительную гору елок, сваленных под откос, — не зря мерзнут. А мы?..

К полудню старший инспектор окончательно скис, в проверке машин участия не принимал, целиком предоставив это Редозубову, и большую часть времени проводил в будке дежурной по переезду. По правде сказать, Редозубов вполне справлялся и сам.

Однако на дорогу Титов поглядывал и, когда со стороны поселка показался УАЗ вневедомственной охраны, выскочил на полотно.

— Смена! — сказал он Редозубову. — А может, и вообще снимут. Должны же, наконец, понять!..

Редозубов пожал плечами.

За рулем УАЗа сидел хмурый немногословный лейтенант — начальник ОВО Албогачиев, известный в райотделе под прозвищем Алябе. Однажды в дежурную часть зашла жена Албогачиева с полуторагодовалым сынишкой на руках; ее тут же обступили офицеры и попытались потолковать с малышом, оказавшимся не более разговорчивым, чем отец. Когда же один из офицеров попросил Албогачиева-младшего назвать хотя бы свою фамилию, тот коротко, но с достоинством ответил: «Алябе!»

Рядом с начальником отделения вневедомственной охраны сидел замполит. Титов вытянул из тулупа шею, заглядывая на заднее сиденье, но там никого не было.

— Ну как? — поинтересовался Проводников, приоткрыв дверцу.

— Несем службу, Валерий Романович! — ответил Титов.

— Останетесь пока один, — сообщил ему Проводников. Титов часто заморгал длинными заиндеветыми ресницами. — А вы — в машину! — обернулся замполит к Редозубову.

7

Так же, как и начальник райотдела, Проводников мало верил в необходимость блокировки полузаброшенной деревни на Малой Кунде. Однако, когда предложение дотошного младшего лейтенанта получило одобрение подполковника, а Чиладзе попытался возразить, замполит счел нужным вмешаться и объявить о своей готовности выехать. Он понимал, что подполковник в любом случае прикажет изыскать людей и направить в деревушку; собственно, вряд ли не понимал этого и Чиладзе, и возражал он, быть может, лишь для очистки совести, в чем обвинял как раз младшего лейтенанта. Но Проводников вмешался отнюдь не из желания сгладить острые углы в отношениях между руководством отдела и приехавшими из управления офицерами — замполит исходил из иных соображений.

В самом деле: отчего не предположить, что дотошный штабист, а вслед за ним и подполковник взглянули на все свежими глазами? Практика показала, что иногда именно такой взгляд и приводит к положительному результату. Конечно, бывает и наоборот, когда приезжий явно несет околесицу и, пользуясь полномочиями, активно претворяет ее в жизнь. Но в данном же конкретном деле замполит не находил объективных указаний к тому, чтобы игнорировать предложение младшего лейтенанта, как бы ни был последний лично несимпатичен Волохину или Чиладзе. Излишняя развязность, с которой вел себя штабист, не пришлась по душе и Проводникову, но нельзя было не признать, что штабист действовал не наобум лазаря, а обдуманно, и уж конечно без какой-либо корыстной цели — даже в отношении престижа. Нельзя было и не заметить, что Волохин и Чиладзе ничего существенного противопоставить предложению штабиста не могли, кроме разве что эмоций и уверенности в непогрешимости своих суждений, и это обстоятельство стало для замполита решающим.

УАЗ на хорошей скорости шел по лесовозной магистрали, забираясь все глубже в кварталы лесозаготовок. Роскошные, ухоженные боры, принадлежащие лесхозу,

порубки и подрост, левый поворот с подъемом на 14-м километре, оставленный кем-то на обочине воз хлыстов, — сам дух этой рабочей магистрали с намороженным ледовым покрытием (Редозубов начинал шоферскую работу в дорожно-строительном отряде на поливщике), с ревущими навстречу автопоездами — все волновало сейчас стажера уголовного розыска... Лесовозная магистраль! Ледянка! Тяжелая дрожащая баранка... Акселератор вжат до полика... Напряженный гул двигателя... Скорость... Зеленая улица в грузовом направлении... Рисковая мужская работа...

— Вас как, — спросил молчавший до сих пор Албогачев, — до самой деревни или...

— Нет. Выйдем на развилке. Там пешком недалеко.

Албогачев кивнул.

— Так мы что, — спросил, как бы очнувшись, Редозубов, — в Малую Кунду, товарищ капитан?

— Да.

— А я как раз должен был ехать туда сегодня утром. Костик сказал даже на оперативку утром не приходите... Да по тревоге ночью вызвали.

— А зачем должен был ехать?

— Условник бежал с «химии». Телеграмма пришла. Так вот он вроде бы оттуда, из этой деревни...

— Как фамилия? — спросил замполит.

— Кулигин... то ли Калугин... сейчас посмотрю... — Редозубов полез в карман за блокнотом.

— Может, Калабин?

— Да! Точно. Калабин Геннадий Александрович. Вы его знаете?

— Дело вел. Следователем еще был. А когда он бежал?

— Да уж с полмесяца... или больше... Это повторный запрос.

— И вы только теперь хватились?

— Не знаю... кажется, проверяли... Но теперь снова...

Проводников усмехнулся:

— Четко работаете, уголовный розыск. Беглец за вами не числится, так и трава не расти... Ладно, посмотрим...

УАЗ подходил к 27-му километру. Метрах в пятидесяти за километровым столбом вправо, к мастерскому участку, сворачивала однополосная ветка.

— Приехали, — сказал Албогачев и убрал ногу с акселератора. — Может, хоть до стана вас подкинуть?

— Нет, выйдем здесь, — ответил замполит. — Тормо-

зи. — УАЗ встал на развилке. Замполит попрощался с водителем, взял с заднего сиденья свой портфель и вышел из машины.

— Пока, — сказал Редозубов. Алябе хмуро кивнул.

УАЗ свободно развернулся на магистрали. Они проводили его взглядом и направились по колею в сторону Малой Кунды, шагая каждый по следу кразовского колеса.

8

Замполит считал себя в некотором роде крестным отцом Редозубова, причем «крестины» состоялись при весьма своеобразных обстоятельствах. Обычно Проводников первый беседовал с принимаемыми на службу и затем выходил со своими соображениями к начальнику. В тот раз он только что вернулся с проводимого областным УВД десятидневного семинара и был тут же вызван к Волохину по поводу, как оказалось, приема на службу молодого человека на должность инспектора ГАИ.

Помимо кандидата на эту должность, в кабинете начальника сидел старший госавтоинспектор Нуждин, полный, чрезвычайно добродушный с виду капитан, известный среди местных водителей своей строгостью и справедливостью.

— Ну что ж, Григорий Михайлович, — сказал Волохин, — я согласен. Давайте представим нового сотрудника комиссару и...

— Да тут и представлять нечего, — с улыбкой заметил Нуждин. — Все как на ладони. Редозубов Валерий Николаевич. Образование среднее специальное — автомобильный техникум, как раз то, что нам нужно. Водитель первого класса. Служил на границе. Сержант. Отличник погранвойск. Ныне — ударник коммунистического труда. Заместитель командира спецдружины ГАИ. Знаю его отлично. Скажу так: готовый автоинспектор, остается только присвоить звание, а к самостоятельной работе может приступить хоть завтра. Думаю, все ясно!..

Замполит бегло просмотрел стандартную характеристику, направление райкома комсомола и задал показавшийся ему самому формальным, но обычный в таких случаях вопрос:

— Скажите, а что вас побудило пойти на службу в милицию?

Нуждин шумно вздохнул и откровенно-снисходительно усмехнулся: вечно эти замполиты пытаются выяснить то, что всем остальным и так давно ясно... да ясно и самим замполитам. Ну, спросил — сейчас услышишь: «Желаю принять участие... понимаю важность... чувствую необходимость... сознаю ответственность...»

Ответ, однако, прозвучал иначе:

— Лично меня ничего не побудило.

Волохин вскинул брови.

Нуждин торопливо вмешался:

— Валерий Романович, ну что тут...

— Минуту, — остановил его Проводников. — А как же вы в таком случае?..

— Меня направил райком комсомола.

— Это я понял, — кивнул Проводников. — Но сами-то вы желаете служить?

— Нет.

— Валерий! — вновь вмешался Нуждин. — Ведь мы с тобой договорились!..

— О чем договорились, Григорий Михайлович? — невозмутимо осведомился кандидат. — Вы сказали, что в ГАИ нужен инспектор и я подхожу по всем статьям. А Спирин сказал, что есть постановление и я, как комсомолец, обязан его выполнять. Вот и все... А о моих побуждениях, кажется, речи не было.

— Вот теперь ясно, — сказал Проводников. — У вас вопросов не будет, Владимир Афанасьевич? — Начальник райотдела покачал головой. — Подождите в коридоре, — обратился замполит к кандидату. Тот встал и, четко повернувшись через левое плечо, вышел, аккуратно притворив за собой дверь. — Вот теперь все ясно, — повторил замполит.

— Да, романтикой и не пахнет, — сказал, посмеиваясь, Волохин.

— Да при чем тут романтика, Владимир Афанасьевич! — едва ли не вскричал Нуждин и, с похвальной для своей комплекции живостью вскочив со стула, принялся расхаживать по кабинету: — Мало мы видали у нас романтиков! Ихней романтики хватает на неделю, максимум — на год, а потом романтика уходит, а больше ничего не остается! А этот, — указал на дверь, — трудяга! Он и без романтики потянет за четверых. Да, правильно! — продолжал он с горячностью, останавливаясь напротив замполита. — Он идет к нам не оттого, что ему некуда де-

ваться! Такие люди везде на вес золота. Я его вот с таких пор, — показал он ладонью от пола, — знаю. С отцом его полвойны прошел. Что тот, что этот: честность, добросовестность, исполнительность, инициатива... Вот вы киваете, Валерий Романович, а сами небось думаете: «Городи, городи, старый хрыч, завелся с пол-оборота!» А для меня это не шуточки, товарищ замполит!

— Вы ошибаетесь, Григорий Михайлович, — сказал Проводников. — Я вас очень внимательно слушаю и вполне вам верю.

— Да, не шуточки, Валерий Романович... А вы знаете, с каким трудом мне удалось добиться, чтобы его отпустили из гаража? Там у них насчет него свои были планы. Никогда не хвалился, но на сей раз скажу: только благодаря моему авторитету, благодаря тому, что я для них сделал!.. Уж извините за нескромность, но я хочу, чтобы меня поняли... А Спиринов?.. Прямо скажу: давно у нас не было такого комсомольского секретаря. Вот сразу разобрался, что к чему. Да мы с ним вдвоем столько сил положили!.. А теперь вы, Валерий Романович, на основании одного поверхностного знакомства делаете далеко идущие выводы! Да и скажу по совести, уж не взыщите: все эти вопросы насчет побуждений я бы оставил корреспондентам. Им что-то писать надо, вот они и выдумывают! А нам работать надо. Нам всякие побудительные мотивы разбирать недосуг. У меня все, товарищ капитан, — доложил он Волохину и сел, тяжело отдуваясь.

— Спасибо, — сказал, посмеиваясь, Волохин. — Ваша точка зрения руководству отдела ясна. Как думаешь, коммиссар?

— Ясна, — подтвердил Проводников. — Действительно... парень, кажется, стоящий... Пограничник, отличник, ударник...

— Вот именно! — вставил Нуждин. — А то, что он ответил, так это ж понятно...

— А у нас, — продолжал Проводников, — некомплект в уголовном розыске... — Нуждин насторожился. — Коротче, я решительно предлагаю зачислить его на должность инспектора ОУР. А в ГАИ, Григорий Михайлович, — повернулся он к изумленному автоинспектору, — мы с вами вместе подыщем человека...

Первое время Нуждин не находил что сказать.

— Да это же... что же... Владимир Афанасьевич, я категорически возражаю! И странно... со стороны замполит-

та... не понимать важности службы ГАИ!.. Это же чистейший произвол! Владимир Афанасьевич, товарищ капитан, я вас прошу пресечь...

— Не знаю, не знаю... — посмеиваясь, отмахнулся Волохин. — Разбирайтесь сами с замполитом... И-и... хочешь дружеский совет, Григорий Михайлович? В другой раз, как человека найдешь, перед комиссаром так не расхваливай. А то у нас в розыске еще одного человека не хватает...

9

Лесовозная ветка, в отличие от магистрали, петляла, как река. Капитан и стажер в черных полушубках, в унтах, в заиндевевших шапках споро шагали по дороге, каждый по следу колеса. Теперь они были уже в пределах мастерского участка Нэв'я Техника.

Короткий дневной путь зимнего солнца подходил к концу. Смеркалось, хотя не было еще и трех часов. К стану лесосечной бригады они подошли в густых сумерках, и оранжевые домики-вагончики показались темными глухими коробками.

Чуть выше стана из бора пробивался свет фар работающих на валке машин. По волокам ползли огоньки трелевщиков. У короткого штабеля глухо урчал челюстной погрузчик, с хрустом укладывая хлысты между кониками автопоезда.

Передохнув, капитан и стажер двинулись дальше.

К деревне они подошли уже при звездах. В пяти-шести избах светились сквозь замерзшие стекла керосиновые лампы, не оживляя, а лишь подчеркивая безлюдность полузаброшенного селения. Лучшие дома давно вывезли в поселок, да и там уже большинство из них пришло в негодность, а здесь... Почерневшие, покосившиеся избенки, казавшиеся особенно жалкими под яркими звездами: рухнувшие без хозяйского глаза дворовые постройки; даже собак слышно не было — то ли прибрали от мороза последние жители, то ли не осталось уж в деревне и собачьей души.

Единственный, казавшийся довольно крепким с виду пятистенок стоял вторым с этого краю деревни; первый же оказался наглухо и, видимо, навсегда заколоченным.

— Кажется, этот, — сказал Проводников, указывая на пятистенок. — Изба Калабина...

Подошли ближе. Замполит достал из кармана фонарик и осветил заметенную снегом калитку, сугроб на крыльце и большой амбарный замок на дверях.

— А другого выхода тут нет? — поинтересовался Редозубов.

— Да нет вроде... сенки-то одни... Ну что ж, надо искать пристанище... — Проводников перехватил портфель в левую руку.

— Товарищ капитан, — не выдержав, спросил Редозубов, — а что у вас в портфеле?

— Не знаю, — сказал Проводников. — Не смотрел еще. Но вообще-то какая-то еда. Жена собирала.

— Так мы здесь...

— Не знаю, — пожал плечами Проводников. — Но вполне возможно, что Новый год встретим здесь... Ну что, туда постучимся? — Он указал на избенку со слабо мерцающим огоньком в окне, стоящую на той стороне улицы, нанскосок от калабинской. — Лучшего НП, по-моему, не придумаешь...

Редозубов согласился. Изба стояла близко к дороге, выдвинувшись из ряда остальных строений, так что улица просматривалась из конца в конец до самого спуска к омуту — узкому, пересыхающему летом рукаву Малой Кунды, из которого зимой брали воду.

Перед тем, как постучаться, замполит огляделся. Все было тихо. Странно и печально было созерцать почти мертвую, лишённую какого-либо движения деревенскую улицу, мерцающую кое-где керосиновыми лампами. Ни ребячьего гомона, в хорошее время, верно, раздававшегося с обледенелой омутовской кручи (теперь и поверить трудно, что здесь была семилетка); ни удалых кундинских парней, работающих ныне в лесосечных бригадах и на ЛДК и живущих в благоустроенных поселках; ни какой-либо предпраздничной суеты; ничего... Мертвой громадой среди других ушедших в сугробы строений высилась изба Калабина.

* * *

Вечер и ночь прошли длинно и, как и ожидал Проводников, безрезультатно. Хозяин избенки, в которую они постучались, больной и одинокий старик, оказался нелюбопытным и неразговорчивым, однако сообщил, что Генка

Калабин — с тех пор, как его посадили, — в деревне не появлялся, а жена его, Лизавета, о которой старик отозвался весьма неодобрительно, работает поварихой в бригаде гослова на Имятуе. Все это капитан и стажер знали и сами.

Что же касается их основной задачи — поиска бежавших из КПЗ, то тут не было ни малейшей зацепки. Из посторонних в деревне никого не было.

На прямой вопрос Редозубова, не появлялся ли кто сегодня, старик ответил, что днем, посветлу, обошел все жилые дома в поисках стекла для лампы — никого из посторонних не застал и ничего о них не слышал. Стекла, кстати, тоже не нашел — он указал на лампу, в головке которой чудом держался закопченный осколок.

Жилось старику трудно. Старший сын погиб в самом конце войны, а дочка вышла замуж и никаких вестей о себе не подавала — обычная, но страшная, если вдуматься, история; и сколько еще на земле таких стариков и старух... Когда же Проводников предложил уйти в дом для престарелых и обещал свое содействие, старик неожиданно взъярился и выкрикнул, что в этом доме он уже был и более туда не желает. После этого он окончательно замкнулся, влез на полати и затих, предоставив постояльцам устраиваться как знают.

Обсудив положение, капитан и стажер решили впопыхах по деревне не шарашиться и людей не пугать, а обойти остальные избы поутру под каким-либо благовидным предлогом. Однако спать решили по очереди и время от времени выходить во двор и прислушиваться.

Перекусив вареными яйцами и колбасой из запасов замполита и хватив ковш ледяной воды из ведра, стоявшего на табурете у двери, Редозубов устроился на широкой, покрытой дерюгой лавке и вскоре захрапел дуэтом со стариком. Проводников пообещал разбудить его в полночь. Сам же он, задув лампу, остался сидеть за колченогим столом.

Ночь была такая яркая, что затянутые льдом оконные стекла не только сами искрились, переливаясь, фантастическим морозным узором, но и отражались на противоположной, давно не беленной стене и частью — на углу русской печи. Проводников попытался отогреть пальцем хотя бы небольшой зрачок во льду, однако из этой затеи ничего не вышло: слишком толстым слоем навело узоры. Он зажал замерзший палец в кулак и вдруг подумал: «Как

же там Волохин?» Вспомнил укоризненный, даже неприязненный взгляд начальника райотдела, когда он, Проводников, вызвался поехать в деревню. Взгляд этот несомненно означал: «Хорошо устроился, Валерий Романович! Поднял тут шум со сменой начальника отделения, заварил кашу, а теперь в кусты? Расхлебывайте сами — я в засаде! Да, это легче всего...» Подумать так у Волохина было тем больше оснований, что он не верил в возможность появления беглецов на Малой Кунде, более того — Волохин, пожалуй, не сомневался, что и замполит в такую возможность не верит. Вникать же в сложные размышления Проводникова у Волохина не было ни времени, ни желания, да и вряд ли этого можно было в столь нервной обстановке от него требовать.

Так, к сожалению, выглядело дело в глазах Волохина, и доказать ему обратное сейчас не было возможности, а позже, когда все закончится, не будет необходимости. Какие бы аргументы ни приводил потом замполит, Волохин скажет: «Я же говорил, что в Малой Кунде делать нечего! И ты это прекрасно знал!»

Разумеется, в любом деле, особенно в таком сложном, как работа по побегу, всегда есть наиболее перспективные и — с другой стороны — наименее перспективные направления; в виду приходится иметь и те и другие. В том, что подполковник, приняв предложение штабиста, приказал, невзирая на возражения Волохина и Чиладзе, прикрыть деревню, ничего необычного не было. Мало ли и сам Волохин отдал приказаний, с которыми не были согласны подчиненные: ничего не поделаешь — единоначалие, дисциплина применительно к воинской! Необычным в глазах начальника РОВД должно было выглядеть другое: то, что замполит сам, по собственной инициативе, оказался на наименее перспективном направлении, как бы укрылся!

...Напряженно скрипнули скованные морозом венцы. Казалось, с каждым таким скрипом изба оседает все ниже. Взглянув на мирно посапывающего на лавке стажера, Проводников, стараясь не греметь табуреткой, выбрался из-за стола. Но дверь бесшумно отворить не удалось: она закрипела на все лады. Старик на полатах закрихтел и закашлялся. Замполит вышел на крыльцо.

Деревня спала. Звезды горели над ней все так же ярко; все так же безмолвно высилась меж сугробов калабинская изба.

Когда он вернулся, Редозубов уже сидел на лавке, потирая руки.

— Что же вы, товарищ капитан! — негромко выговорил он. — Сказали, что разбудите в двенадцать, а уже четвертый час!

— Ничего, хватит и вам... Ну, как там, спать можно?

— Как в лучших домах Парижа. Лавка что надо.

Проводникову спать не хотелось — так, по крайней мере, ему казалось, но, едва он прилег, вытянув ноги и положив под голову шапку, как все тотчас провалилось, поплыло, и он уснул...

10

— Товарищ капитан! Товарищ капитан! — тряс за плечо Редозубов. — Скорее! Там кто-то есть!..

— А? Что? — вскинулся замполит.

— Там кто-то есть!

— Где?

— В избе у Калабина!

Проводников вскочил, машинально глянул на часы — был уже восьмой час — и, нахлобучив шапку, накинув полушубок, вслед за стажером вылетел во двор. Небо начинало сереть, звезды тускнели перед рассветом, и Проводников наконец-то сообразил, что проспал почти четыре часа.

— Спичка, спичка в окне чиркнула! — проговорил на бегу Редозубов. — Вроде как закуривали! И потом будто огонек папиросы!..

Они пересекли дорогу и в недоумении остановились перед калиткой. Точно так же, как и вчера, она была до половины занесена снегом, на крыльце лежал нетронутый сугроб, а на дверях все так же висел покрытый изморозью амбарный замок.

— Что за чертовщина! — сказал Редозубов.

— Может, показалось?

— Да нет!

— Ну-ка, давай посмотрим, — сказал замполит. Забравшись по колено в сугроб, он перелез через калитку и дошел до угла дома. — Вот оно что!..

Редозубов бросился к капитану. Следы, ведущие от заколоченного крайнего дома, с дороги не просматривались. Высокий дощатый забор, стайка и сугробы надежно

скрывали их от глаз до самого леса, вплотную подступавшего к огороду.

Упирались же они в глухую стену сеней. Редозубов пошевелил доски — они, визжа на гвоздях, отошли, и открылся узкий лаз, впрочем, достаточный для того, чтобы мог пролезть человек.

— Осторожнее! — сказал Проводников, сунул руку в карман и достал фонарик. — Дай-ка я...

Но Редозубов уже влезал в щель между раздвинутыми досками. Капитан, включив фонарик, протиснулся следом. Они оказались в глухом чулане и даже с мощным лучом света не сразу обнаружили плотно подогнанную дверь. Редозубов, не рассчитав силы, с грохотом распахнул ее, — и тотчас откуда-то из глубины избы послышался душераздирающий вопль. Редозубов выскочил из чулана, рванул на себя обитую войлоком дверь, ведущую в избу, — леденящий крик разрывал уже, казалось, барабанные перепонки; подоспевший капитан торопливо обшарил лучом комнату.

В луче, как заяц в свете фар, метнулось страшное двуногое существо, — однако вопль сразу оборвался; существо забилось в угол между комодом и стеной, и теперь капитан и стажер смогли рассмотреть его.

Это был долговязый человек в ватнике, в ватных штанах и в валенках, без шапки, валявшейся посреди комнаты, коротко (должно быть, недавно наголо) остриженный; лицо его представляло собой сплошной черный кровоподтек, один глаз заплыл полностью, верхняя губа глубоко рассечена; изуродованный рот как бы застыл в немом крике; единственный глаз, которым он еще видел, в безумном ужасе сверкал под лучом, как у затравленного волка.

— Кто вы такой? — спросил замполит. — Кто вы такой? Ответьте. Я заместитель начальника милиции капитан Проводников.

Человек молчал еще несколько секунд, должно быть, с трудом соображая, что ему сообщили, и вдруг, оторвавшись от угла, бросился в ноги Проводникову, так что тот от неожиданности отпрянул.

— Товарищ старший лейтенант! Гражданин следователь! Валерий Романович! — вопил человек, пытаясь обнять ноги замполита. — Товарищ старший лейтенант! Гражданин следователь! Спасите! Помогите! Валерий Романович!..

Редозубов, ничего не понимая, с трудом оторвал его от капитана.

— Встаньте, — потребовал замполит. — Как ваша фамилия?

— Калабин я! Калабин! Генка Калабин! Неужто не узнаете, гражданин следователь?! Вы же дело мое вели! Двести шестая, третья! Калабин я! Калабин!..

* * *

В первые полчаса от Калабина трудно было добиться чего-либо вразумительного. Упорно называя замполита «старшим лейтенантом» и «следователем», Калабин то захлебываясь, принимался благодарить за избавление от какого-то «рыжего», то с пятого на десятое описывал свои скитания после побега с «химии», то, обращаясь к Редозубову «гражданин инспектор», заклинал его поймать некоего Молова, и нелегко было понять, что «рыжий» и Молов — одно и то же лицо; впрочем, Проводникову показалось, что эту фамилию он где-то уже слышал.

— Да знаете вы его, Валерий Романович, знаете! вспомните, гражданин следователь: он же свидетелем проходил по моему делу! Плюгавый такой — глянуть не на что!

И Проводников вспомнил. Это было обычное дело по хулиганству; по таким делам и обвиняемые-то почти не запоминаются, а уж свидетели и подавно. Но «рыжего» он вспомнил.

Молов был давний хахаль жены Калабина, из-за него-то последний и избил до бесчувствия Лизавету, до самого Молова, к счастью, добраться не успел, иначе отбывал бы сейчас наказание за убийство. «Рыжий» откровенно похвалялся на следствии, да и потом, в суде, что спал с Лизаветой; конвоиры рассказывали, что Калабин рванулся к нему из-за барьера, едва удержали; впрочем, сама Лизавета, довольно смазливая бабенка, это отрицала. Быть может, Калабин ей тогда и поверил — скорее, потому, что очень хотел поверить; однако, когда его уже расконвоировали и направили на стройку народного хозяйства, от «верного кореша» пришло письмо, в котором сообщалось, что «доступ к телу Лизаветы продолжается». Это было, по-видимому, последней каплей. Калабин бежал со стройки, намереваясь посчитаться как с хахалем, так и с женой.

Но до озера Имятуй, где поварила Лизавета, добраться не удалось; «рыжий» же как сквозь землю провалился. И вот, добравшись в отчаянии до своей избы, не зная, что делать дальше, Калабин попал в переделку, о которой не мог говорить без содрогания.

Откровенные наглость, цинизм, с которыми вел себя на следствии свидетель Молов, сознавая полную свою безнаказанность (моральное осуждение подобные люди воспринимают как пустой звук), не могли не запомниться следователю Проводникову; он и теперь, пожалуй, узнал бы этого омерзительного человечка — омерзительного, конечно, не внешностью, а своей душевной плюгавостью.

Впрочем, что он здесь делал, в калабинской избе? Ждал Лизавету?

Задать этот вопрос Калабину замполит не успел. Редозубов, внимание которого привлекло вдруг горбившееся на кровати ватное одеяло, осторожно приподнял его за угол и обмер: в тусклом утреннем свете, пробивавшемся сквозь замерзшие стекла, что-то блеснуло... Стажер рывком откинул одеяло — и, не в силах выдавить застрявшие в горле слова, повернулся к капитану. Проводников, бросив взгляд на кровать, вздрогнул.

Бунт (связка) серебристо-черных лисиц — должно быть, не менее десяти штук — как бы негодуя на неподобающие его благородию условия хранения, высвобожденно похрустывая мездрой, расправлял на глазах волнистый мех.

Некоторое время капитан и стажер, словно замороженные, разглядывали искрящееся мягкое серебро; затем замполит подскочил к кровати, схватил бунт в том месте, где шкурки были связаны прочным шпагатом через глазные отверстия, и, встряхнув, громко, со звоном в голосе, спросил:

— Откуда у вас эти шкурки?

Этот вопрос, заданный замполитом Калабину, прозвучал как выстрел. Еще ничего не было известно, еще Калабин не произнес ни единого слова по поводу находки стажера, но шкурки — вот они — настоящие, блестящие, остропахнувшие мездрой и псиной, березовыми опилками, скипидаром, бензином, благородно отливающие серебром, пусть немного, всего десять штук, аккуратно связанные

пеньковым шпагатом через глазные отверстия, с болтающейся биркой, указывающей количество, сорт, размер, дефект и цвет, — эти шкурки, малая часть похищенного, но огромная удача, позволяющая впервые задать такой конкретный вопрос, — были у них в руках.

Вопрос прозвучал как выстрел, ибо он завершал, по сути, важнейший этап работы, часто черной и неблагодарной, проделанной следователем прокуратуры Чистовой и Шабалиным, участковым инспектором Пицухой и прокурором, инспектором уголовного розыска Комаровым и Чиладзе, начальником отдела милицейских служб Довлешинным и Костиком, заместителем начальника линейного отделения Желтовым и Супониным, старшим инспектором информационно-аналитической группы Якименко и Волохиным и еще многими людьми, так или иначе принимавшими участие в розыске. Трудно сказать, сколько отдал бы каждый из них за то, чтобы иметь возможность задать этот простой вопрос: «Откуда у вас эти шкурки?»

Что касается Калабина, то для него этот вопрос никакого значения не имел, разве что помогал лишний раз уличить «рыжего», но даже и крупная кража (об истинных ее размерах Калабин не задумывался) казалась ему настолько ничтожным проступком Леньки Молова, по сравнению с виной перед ним, Калабиным, что он не сразу понял, почему «гражданин следователь», не выслушав и сотой доли жалоб на зверства «рыжего», уцепился за какие-то шкурки...

— Вы поглядите, товарищ старший лейтенант! — скулил Калабин, отмахиваясь от бунта лисиц, которым тряс перед ним Проводников. — Вы только гляньте, гражданин следователь, что они со мной...

Редозубов, не выдержав, схватил Калабина сзади за воротник и, притянув к себе, заорал в самое ухо:

— Да ты слышишь, о чем тебя спрашивают?! Откуда у тебя эти шкурки?!

— А! Шкурки? Да? Лисицы? Вот! — Вырвавшись из рук Редозубова, Калабин подскочил к печке и, распахнув железную дверцу, принялся выкидывать из топки бывшие когда-то, по-видимому, белыми, а теперь грязные, затасканные, в золе и саже, тряпки. — Вот... глядите... вот... — бормотал Калабин, раскладывая тряпки по полу. — Велели сжечь, как уйдут... сами боялись огонь разводить... вот... тут все написано...

Почти одновременно догадавшись, что это за тряп-

ки, капитан и стажер одновременно же грохнулись на колени рядом с Калабиным. На тряпках — больших кусках упаковочной ткани — можно было разобрать выведенные химическим карандашом слова и цифры: порядковый номер, станция назначения, наименование получателя — **ОМСКИЙ ПУШНО-МЕХОВОЙ ХОЛОДИЛЬНИК** — и его адрес, номер спецификации, станция отправления, наименование отправителя — ...ГОСПРОМХОЗ, вес брутто. Кое-где ткань была прошита шпагатом — частыми, ровными стежками — с болтающимися на концах пломбами. Это были мешки из-под мехов. В одном из них нашелся даже упаковочный лист с указанием даты упаковки, наименования вида сорта, дефекта, цвета, размера и количества шкур, фамилий упаковщика и сортировщика (их подписи).

Теперь сомнений никаких не было. Они стояли все трое на коленях перед расстеленными на полу остатками мешков, и Калабин, окончательно уверившись в том, что физическое уничтожение со стороны «рыжего» ему не грозит, начал, наконец, понимать, что же совершил Ленька Молов со своими корешами. Захлебываясь, Калабин сделал было попытку рассказать все как было, во всех подробностях, но замполит перебил:

— Где шкурки из этих мешков?

— Дак увезли! Я же говорю...

— Когда увезли?

— Сегодня ночью.

— Сегодня ночью?! — Проводников вскочил; вслед за ним вскочил и Редозубов. — Точнее! Во сколько?

— Не знаю... ночью! Темно было... время не знаю... да у меня и часов-то нету...

— Куда увезли?

— Не знаю... Краем уха слышал, что вроде как на газотрассу...

— На чем увезли?

— На санках, санки у меня были, воду возить с омота... Из этих мешков вытащили, чтоб неприметно, переложили... — торопливо рассказывал Калабин. — У меня из-под картошки мешки были... пять мешков... ну, в них шкурки затолкали...

Проводников, не дослушав, выскочил в сени; позабыв, ткнул в дверь, ведущую на крыльцо; лязгнула дужка амбарного замка.

— А, черт!.. — Замполит бросился в кладовку, раздвинул доски и, обдирая полушубок, выбрался во двор.

Было уже совсем темно. Примятая двумя парами вале-нок снежная дорожка вела к полуразвалившейся стайке метрах в тридцати от избы. Когда Проводников подбежал к стайке, неожиданно пахнувшей слежалым, смерзшимся навозом, хотя корову здесь не держали года три, он уви-дел, что следы, огибая осевший в сугроб угол, ведут даль-ше, через огород, в лес, вплотную примыкавший к пова-лившейся кое-где ограде из жердей. Но главное, замполит увидел то, о чем говорил Калабин: поверх глубоко уходив-ших в снег следов ног легко, почти не проваливаясь, лишь оставляя за собой две чуть вдавленные параллельные лен-ты, бежал след гладких — шириной в ладонь — полозьев. «Санки!» Когда Калабин там, в избе, произнес это слово, в воображении Проводникова встали, прежде всего, дюралевые, с пластмассовым кузовком, купленные в отделе иг-рушек санки, на которых он катал своего Сережку. Он еще мельком подумал тогда, каким образом на таких санках уместились пять мешков со шкурками; оказалось же, что речь шла едва ли не о нартах.

— Вот здесь... они стояли... санки... — задыхаясь, сооб-щил подбежавший сзади Калабин. — Они такие... под вид дровенок... три фляги умещалось... Сам делал, воду возить...

— Сколько их? — указывая на следы, спросил Провод-ников. — Двое? Трое?

— Двое... трое...

— Заладил, как попугай! — разозлился стоявший за спи-ной Калабина Редозубов. — Ты приди в себя! Тебя спра-шивают: двое их или трое?

— Я ж говорю: двое... трое... Верней, было двое, потом еще один пришел... я думал, Шабалин... милиция идет, а это он...

— Кто?

— Не знаю я его... Такой... пониже вас будет... В паль-то... воротник каракулевый, и шапка тоже... черный кара-куль... Он потом пришел...

— А уходили вместе? Все трое?

— Нет. Те двое сперва ушли, Молов и еще один, тоже его не знаю... разговаривает так сипло... А этот позже ушел, я не знаю, совсем недавно вроде... часа два, может...

— А шкурки? Поделили, что ли?

— Кажись, те двое все шкурки увезли... я не видел... Но этот вроде налегке ушел... Убить меня хотели! «Рыжий» особенно напирал, чтоб убить... А потом связку шкурок бросили... дескать, молчи!.. Они еще почему... вроде как по-

верили... Я им сказал, что из колонии убер, дескать, сам скрываюсь... Вернее, я убежал, конечно, только я с «химии». Из-за Лизаветы... Да кабы знать!..

Редозубов, осмотрев уходившие через огород следы, сказал:

— Здесь ушли двое, Валерий Романович. С санками. А третий, видимо, по дороге. По которой мы с вами пришли. Я думаю, надо идти за этими... — указал он перчатками на следы с санками. — У них шкурки...

— А я?! — вскричал вдруг Калабин. — Я-то как же, гражданин следователь?! Неужто опять один останусь?!

Проводников не ответил. Следы, уходившие к лесу, были такими четкими, свежими, понятными, что хотелось, позабыв обо всем, просто бежать по ним — бежать, пока они не приведут к тем двоим с санками...

— Вот что, — сказал замполит Калабину. — Идите-ка, достаньте связку и... все мешки... быстро!.. — Калабин, кивнув, с готовностью побежал, прихрамывая, к избе. — Да, надо идти за ними, — сказал Проводников. — По целику они далеко не уйдут...

Редозубов покачал головой:

— По целику они не пойдут, Валерий Романович. Они сейчас выберутся на ветку и там пойдут петлять до самой газотрассы. Тут ветка сразу за бором, — кивнул он в сторону леса.

— Да, пожалуй, верно... — согласился Проводников. — В общем, так. Времени у нас не то чтобы в обрез, а его просто нет. Сейчас берешь Калабина, шкурки, мешки, вот... — Он достал из кармана найденный в одном из мешков упаковочный лист и подал стажеру. — И срочно в поселок. Я думаю, лесовоз сумеешь остановить?

— А вы?

— А я пойду по следу.

— Один против двоих? А если они там соединились, даже наверняка! Нет, я с вами! А он, — Редозубов кивнул в сторону избы, — пусть добирается. Не сбежит, я думаю!..

— Его на лесовоз не возьмут. Просто не остановится. Ты же знаешь не хуже меня. Кроме того, он сейчас в таком состоянии, что ничего не сможет толком объяснить, если даже и доберется. И последнее: по следу мы их вряд ли догоним, они далеко. Нужно высылать группы к газотрассе и к Новой Технике — прочесывать оттуда. Если лесовоз будет с радиостанцией, попытайся связаться по дороге. Чем быстрее, тем лучше.

— Но как же вы один-то?.. — Редозубов понимал, что замполит рассуждает вполне логично, и он, на месте Проводникова, поступил бы точно так же, но не хотел мириться с тем, что замполит пойдет за преступниками, а он, инспектор уголовного розыска, хотя бы и стажер, поедет в поселок. — Товарищ капитан! Идти по следу разрешите мне! Я и квартал этот хорошо знаю! Я их перехвачу! А вы...

— Выполняйте приказ, — сказал Проводников, увидев, что Калабин выбирается уже из щели со скатанными в рулон мешками и бунтом шкурок. — И постарайтесь побыстрее обернуться, — нарочно употребил он это слово, будто сам собирался сидеть на месте, а стажеру поручал главное дело.

12

Прилетевший вечерним рейсом довольно молодой, подтянутый, рано облысевший майор — начальник отделения УУР областного управления Ветров, курировавший округ в целом и район в частности, не сообщил Волохину ничего утешительного.

Ветрова Волохин знал давно, вместе служили в Центральном РОВД областного города: Волохин — дежурным помощником начальника, а Ветров — заместителем по оперативной работе.

Ветров закончил факультет журналистики и недолго работал в газете; в органы же пришел после неудачного очерка о некоем «следователе угрозыска». Журналистам, в отличие от писателей, подобных ляпов не прощают; правда, в отношении Ветрова никаких санкций, кроме неприятного замечания на редакционной летучке, не последовало: он не простил себе сам. Теперь же, за давностью времени, трудно установить, какую конечную цель имел в виду журналист Ветров, меняя профессию: собирался ли «просто» изучить милицеейское дело, написать ли книгу очерков или повесть; достоверно известно лишь то, что за все десять лет службы в органах Ветров не опубликовал ни одной строчки, если не считать двух выступлений в стенной газете «На страже правопорядка». С другой стороны, за эти же десять лет, начав с рядового оперативника, Ветров дослужился до майора и до своей нынешней должности.

Осталось ли в нем что-либо репортерское, сказать трудно; во всяком случае, давно уже отошли в прошлое времена, когда ему напоминали: «Товарищ Ветров, что это у вас

заявления по всем столам раскиданы? Тут вам что — редакция?» или: «Нет, товарищ Ветров, на это убийство вы не поедете, занимайтесь угоном мотоцикла, тут вам не редакция — выбрать что нравится...» Конечно, и в редакции выбирать приходилось не часто, и за волокиту с письмами (по сути, порой теми же заявлениями, иногда и по форме мало чем отличающимися от заявлений в милицию) в газете по головке не гладили; но была и существенная разница. Если ошибку газетчика, как она ни досадна, можно все-таки исправить, то ошибка работника милиции может быть роковой, как у сапера. Если журналист, расследуя то или иное явление, воздействует на него все-таки опосредствованно, через печать, привлекая к нему внимание соответствующих органов, в том числе и органов внутренних дел, то работник милиции действует прямо, непосредственно вторгаясь в судьбы людей...

И все же что-то репортерское в нем оставалось. Курируя огромную зону — автономный округ в полмиллиона квадратных километров, Ветров не упускал возможности поработать по конкретному преступлению, выехать на место происшествия (хотя бы и по остывшим следам), а в просмотренных им розыскных делах или в делах административного надзора можно было встретить следующие пометки: «т. Комаров! В вашем формальном плане не хватает еще одного пункта: прочесать окрестности планеты Сатурн!» или: «т. Омельченко! Если вы и дальше будете так наблюдать за поднадзорным, то он в недалеком будущем обчистит вашу собственную квартиру, и правильно сделает!»

И в этот раз, едва сойдя с трапа и пожав Волохину руку, он начал в своей обычной манере:

— Полковник рвет и мечет! Говорит, что ты его обнадежил насчет мехов, доложил, что они у тебя почти в кармане. А у тебя арестованные разбегаются в разные стороны. Да еще под Новый год! От твоих районных будней всю область трясет!

Волохин пожал плечами. Будь на месте Ветрова другой, можно было бы ответить, что никого он, Волохин, не обнадеживал, и полковник этого сказать не мог; но, зная Ветрова, начальник РОВД понял, что тот балагурит не от хорошей жизни.

— Тут у вас погодка, — продолжал меж тем Ветров, под-

нимая воротник пальто, когда они шли от самолета к машине, — крепкая, как водка. Как сказал наш местный поэт.

Прямо с аэродрома, не заезжая в отдел, они объехали на УАЗе несколько постов, на минутку заскочили в ЛОМ, где, несмотря на поздний час, одиноко скучал в кабинете начальника Желтов. Буквально при них позвонили со скрещения — с линейного поста: задержанный по сигналу проводницы подозрительный гражданин оказался на поверку просто безбилетником. Личность установлена.

— Информации поступает много, — положив трубку, вздохнул Желтов, — да все не та, что нужна... Да и сомневаюсь я, чтобы они пошли на железную дорогу. Тут Краснухина все знают, он не рискнет...

Когда они добрались, наконец, до отдела, была уже половина третьего ночи.

Не пожелав идти ночевать ни в гостиницу, ни домой к Волохину, заявив, что на этих передвижениях он потеряет лишние полчаса для сна, то есть больше прогадает, чем выгадает, Ветров не без комфорта устроился в кабинете начальника РОВД на скрипучей «Ладоге» и проспал до половины восьмого...

13

Разбудили его пришедшие одновременно Супонин и Чилладзе. Спустившись в комнату отдыха дежурного наряда, майор побрился и умылся — сержант полил из ковша над тазом (лопнул от мороза водопровод), а когда вернулся в кабинет, там был уже и Волохин, принесший с собой несколько бутербродов и термос с какао.

— От жены выговор, — заметил он Ветрову, — что пренебрегаешь гостеприимством старых сослуживцев. Высказывает мнение, что зазнался.

— Ладно, — торопливо глотая бутерброды и обжигаясь какао, ответил тот, — перед твоей женой я отчитаюсь. Я даже перед своей готов отчитаться: уж не помню, когда Новый год дома встречал. А вот перед полковником как мы все отчитываться будем?..

— Да, — подтвердил Супонин, — что верно, то верно. Неприятность не только для округа, но и для области. Сегодня уже тридцать первое декабря. Побег и хищение в особо крупных размерах переходят на следующий год... У меня во Львове была однажды подобная обстановка в

райотделе. Одновременно побег и... правда, там было хищение по линии БХСС.

— И чем кончилось? — поинтересовался Ветров.

Супонин усмехнулся:

— Начальник КПЗ, лейтенант, мне тогда сказал: «Ну что ж, товарищ подполковник, звездочку мне задержали, но я утешаюсь, что получил такой же строгий выговор, как и вы...»

— О-о, здравствуйте, Леонид Петрович! — Ветров встал навстречу входившему без стука штабисту окружного управления с дымящейся сигаретой в зубах. — Ну что, начнем, товарищи? — обратился он к остальным, будто только и ждал появления младшего лейтенанта. — Где Довлетшин?

— Довлетшин и Костик будут через час, — сообщил Чиладзе. — Да, товарищи, сегодня ночью из бытовки шпалозавода похищены две ватные леспромхозовские куртки. А Бубенчиков и Краснухин одеты довольно легко. Возможно, что куртки — их рук дело...

— Да, это реально, — согласился Ветров. — Внесите эти данные в ориентировку, как предположительные. Но, я думаю, вопрос о побеге отложим до приезда Довлетшина?

Супонин кивнул:

— Давайте сразу с мехов, Владимир Афанасьевич.

Волохин отложил в сторону несколько листов и помолчал, собираясь с мыслями.

— С делом присутствующие знакомы, — несколько угрюмо начал он, взглянув на майора; тот кивнул, — с планом работы на сегодняшний день также все ознакомлены, мы передали его вчера вечером в оба управления, замечаний и уточнений пока нет. Я хотел бы обратить внимание лишь на следующее обстоятельство, касающееся версии с автомобилем.

Волохин придвинул к себе один из томов дела, но не раскрыл его, а, положив сверху ладонь, продолжал:

— Передвижная ремонтная мастерская на базе ГАЗ-66 — машина специальная, используется для ремонта лесозаготовительной техники и подвижного состава в полевых условиях. Нами установлены все случаи выезда дежурного автомобиля в ночь кражи мехов, причем характерно, что четверо водителей лесовозов, навстречу которым несомненно прошла мастерская, не могут этого вспомнить. Очевидно, ПРМ не является чем-то необычным на лесовозной дороге, воспринимается водителями как ее принадлежность, и по-

тому не запоминается, как, допустим, запомнилась бы «Волга» или другая машина, не характерная для этой магистрали. Кстати, в тот вечер главный инженер леспромхоза ездил на своих «Жигулях» па Новую Технику. Так вот эти «Жигули» назвали все шофера, которым автомобиль попался навстречу. Вместе с тем водитель Фаликов показал... — Волохин раскрыл дело, полистал, нашел нужную копию протокола (подлинник находился в прокуратуре, в следственном деле), — Фаликов показал, что мастерская встретилась ему на двадцать первом километре в половине второго ночи, где, судя по записям в журнале ремонтной службы и показаниям дежурных слесарей, мастерской в то время не было и быть не могло: она находилась на лесосеке сто четвертой бригады на ремонте челюстного погрузчика. Оператор погрузчика также допрошен, протокол в деле имеется. Таким образом, либо Фаликов добросовестно заблуждается, либо... ему встретилась резервная машина, а согласно нашей версии именно эта машина и была использована преступниками.

— Заблуждается... либо встретилась резервная машина... — повторил Ветров. — Какова вероятность второго варианта?

— Наибольшая, — ответил Волохин. — Фаликов пояснил, что буквально через несколько минут после встречи с ПРМ... — Волохин посмотрел в дело, — «...в двигателе появились стуки, сопровождающиеся падением давления масла, которые указывали на износ коренных и шатунных подшипников. Поэтому-то я, видимо, и запомнил, что несколько минут назад навстречу мне прошел ремонтный автомобиль...»

— Диагноз неисправности в гараже подтвердился? — спросил Ветров.

— Да.

— Кто проверял? Нуждин?

— Проверял Редозубов, — сказал Чиладзе. Ветров посмотрел на него. — Стажер уголовного розыска, — пояснил заместитель по оперативной работе. — Классный автомобильный специалист. До службы работал шофером, потом контрольным механиком... да вы его видели, Новомир Борисович, когда осенью были у нас, он только поступил тогда...

— Ах, да-да! — вспомнил Ветров. — Ну, как он?

— После Нового года отправим на курсы, — сказал Волохин.

— Так-так... значит, есть уверенность, что Фаликов действительно видел резервный автомобиль?

— Да, — подтвердил начальник РОВД. — Мало того. Между восемнадцатым и девятнадцатым километрами Фаликов оставил воз хлыстов — у него двухкомплектный поезд — и до гаража добирался с одним. Вот он показывает: «...с уменьшением нагрузки стуки в двигателе прекратились, и можно было ехать...» От этого воза мы и плясали, когда устанавливали место, где встретился резервный автомобиль. — Волохин захлопнул папку и закурил. Затем встал и подошел к карте района. — Вот здесь, — указал он пальцем, — Фаликов оставил воз.

Ветров тоже встал и подошел к карте.

— Тогда что же получается? — сказал он. — Меха находятся в площади лесоразработок? Вот в этом мешке?

— Да, — твердо ответил Волохин. — В этих пределах.

Ветров обернулся к подполковнику.

— Да, — сказал тот. — Владимир Афанасьевич изложил нашу общую точку зрения.

— Так-так... — пробормотал Ветров, разглядывая карту. — Собственно говоря, ничего не говоря, все это есть не что иное, как совершенно буквальное... Какова площадь именно... вот этого мешка? — Площадь, на которую он указывал, действительно напоминала очертаниями мешок.

— Общая площадь лесов более ста двадцати тысяч гектаров, — ответил Волохин, считая не на квадратные километры, а так, как принято считать в леспромхозах. — Однако нас интересует не вся площадь, а только эксплуатационная, куда мог добраться автомобиль ГАЗ-66. Это составит около сорока трех тысяч гектаров...

— Так-так.. — вновь пробормотал Ветров. — Пятачок... У тебя пятак, у меня пятак, сложим их в одну монету, купим общую конфету...

— Но и здесь, — продолжал начальник РОВД, — нас интересуют в первую очередь действующие лесосеки, верхние склады вахтовых летних заготовок, участки, где ведется подсочка... то есть площади, непосредственно примыкающие к зимним дорогам: к магистрали, веткам, усам. Сложность состоит в следующем. Эксплуатационная площадь не представляет собой мешка с выходом лишь в поселок. На северо-востоке она почти вплотную приближается к газотрассе, вдоль которой идет весьма оживленный грузовой зимник, а на западе граничит с площадью Нюриньского леспромхоза. Вот здесь, — указал он, — пересекаются даже магистрали.

Отработку, полагаю, необходимо начать одновременно с трех точек: от газотрассы, от пересечения магистралей и из поселка...

Ветров согласно кивал, по-прежнему вглядываясь в карту, но едва начальник РОВД произнес слово «отработка», насторожился. Собственно, теперь уже было совершенно ясно, к чему подводил Волохин. Между тем, начальник УУР предупредил строго-настрого: ни под каким видом не трогать и не рассчитывать на сотрудников смежных горрайорганов, у тех и самих под Новый год дел по горло: отчеты, последние усилия по нераскрытым преступлениям, последние подчистки... Этого не мог не понимать и Волохин, потому и не завел сразу по приезде Ветрова разговора о помощи. Не завел, быть может, еще и потому, что надеялся поймать за ночь беглецов: тогда бы помощи не потребовалось.

— Кто-нибудь работает сейчас в кварталах лесозаготовок? — спросил Ветров.

— Работают Довлетшин и Костик с двумя группами, — ответил Волохин. — Но, полагаю, этого явно недостаточно.

— Еще одна группа работает в Малой Кунде, — неожиданно подал голос младший лейтенант, до сих пор не проронивший ни слова и лишь заволакивающий по обыкновению кабинет табачным дымом. — Вот где квадратики на карте, Новомир Борисович...

Волохин резко обернулся к штабисту.

— Да что вы уцепились за эту Кунду! — не в силах сдержаться раздражения, пророкотал он густым басом. — Что вам дались эти «квадратики»? Никакой группы там нет! Там находятся замполит и стажер! И не работают, а сидят без дела! — Он повернулся опять к Ветрову и твердо закончил: — Для отработки площади нам нужны пятьдесят человек. Вопрос состоит в том, где их взять.

Ветров вздохнул, бросил последний взгляд на карту и, сев снова за стол, громко застучал костяшками пальцев по блестящей поверхности.

— Вот когда была возможность — сказал он, — полковник предлагал тебе помощь. Ты же, ничтоже сумняшеся, отказался. Конечно, мы и сами виноваты в некоторой степени. Надо было в демократию не играть и этих вопросов с тобой не обсуждать, а вмешаться без разговоров.

— Но вы же знаете, товарищ майор, — перешел на официальный тон начальник РОВД, — тогда была другая обстановка. Я бы и сейчас не просил помощи, отработал бы

площадь своими силами, но люди работают по побегу, нет ни одного свободного человека...

— Если бы не побег... — поддержал начальника Чиладзе.

— Если бы у бабушки кое-что было, — грубо прервал Ветров, — то она была бы дедушкой! Короче: что вы предлагаете? Реально!

— Просить полковника...

— Об этом не может быть и речи! — вновь прервал Ветров. — У нас не один ваш район! И даже не один округ! — повернулся он к подполковнику. — Нам отчитываться за всю область! Вы своим побегом и этой кражей и так потянули нас вниз!..

Наступило молчание. Волохин подошел к окну и, покопавшись, с трудом распахнул примерзшую форточку. Морозный воздух, выталкивая дым, хлынул в кабинет.

— Все это верно, — медленно произнес, наконец, Супонин, вышагивая из угла, где стоял сейф, к противоположной стене, на которой висела карта, и обратно. — Однако... ничего другого не остается. Теперь, когда мы убеждены в том, что меха находятся здесь, — задержавшись на секунду у карты, он обвел сложенными очками контур «мешка», — было бы недопустимым, на мой взгляд, сидеть и обсуждать вопрос, можно ли просить людей у полковника. Какими бы соображениями мы при этом ни прикрывались. В конечном итоге не столь уж и важно, раскрыта ли кража тридцать первого декабря или спустя несколько часов первого января...

— В конечном итоге, Юрий Эдуардович, — язвительно заметил Ветров, — все мы придем к коммунизму. Тогда мы все снимем погоны и, вместо того чтобы искать этих лисиц, будем их разводить. Но пока с нас спрашивают состояние преступности и процент раскрываемости за истекший год, и давайте отсюда будем и исходить! Извините, Юрий Эдуардович, но ваша позиция как заместителя начальника окружного управления мне непонятна!

Супонин вздохнул.

— Что ж, — сказал он, — постараюсь вам разъяснить. Я десять лет был начальником райотдела, знаю, какая штурмовщина предпринимается порой под Новый год, чтобы хоть на долю процента повысить раскрываемость, каюсь — и сам организовывал такую штурмовщину. Хоть и знаем, что перед смертью не надышишься, а все еще пытаемся надышаться. Хоть и знаем, что это не выход из по-

ложения, а все еще пытаемся выйти именно таким путем. Сейчас, быть может, не время и не место углубляться в эту проблему, но результат такого подхода к делу в нашей нынешней обстановке может завести нас слишком далеко! Прекратить работу по побегу мы не можем ни на минуту. Отложить отработку площади, будучи убежденными в том, что это необходимо, мы также не имеем права. Следовательно, мы обязаны изложить наше мнение руководству и просить разрешения взять необходимое количество людей из соседних органов. Я думаю, пошлем телефонограмму.

— Я под этой телефонограммой подписи не поставлю, — предупредил Ветров. — Более того, я сейчас же позвоню полковнику и изложу ему свое личное мнение.

— Что ж, — сказал Супонин, — подпишем я и Волохин.

— А если подпишешь ты, — повернулся Ветров к Волохину, — это может быть твоя последняя подпись в качестве начальника отдела.

Волохин тяжело вздохнул.

— Чисто практически дело обстоит так, — сказал Супонин. — Я ночью разговаривал с Картаевым, он дает десять человек... Еще десять... пятнадцать наскребем сами. В заездах и на постах придется оставить не более чем по два человека. Обстоятельства вынуждают.

— Можно привлечь надежных дружинников, — добавил Чиладзе.

— Нет, — возразил Супонин. — В такой мороз посылать в лес дружинников мы не можем. Да еще, быть может, против вооруженных преступников. Мы имеем право рисковать только нашими сотрудниками. Единственное... да, пожалуй... придется привлечь спецдружину ГАИ на машинах. Только в качестве водителей автотранспорта! Кроме того, понадобятся два автобуса. Прикажите Нуждину, пусть обеспечит, — обратился он к Волохину. — Итак, будем просить двадцать пять человек. Леонид Петрович, составьте текст телефонограммы.

Штабист сунул в пепельницу дымящийся окурок, раскрыл свой блокнот и спросил:

— На имя полковника?

— На имя генерала, — сказал вдруг Ветров. — И-и... поставьте и мою подпись.

Младший лейтенант невозмутимо кивнул и принялся строчить авторучкой.

В это время зазвонил внутренний телефон. Волохин рассеянно снял трубку:

— Слушаю... Что?.. — все так же рассеянно переспросил он. — Титов с переезда?.. Ну, и что он?.. Задержал обоих?.. Что?! Задержал обоих?! Бубенчикова и Краснухина?! Минуту! Не клади трубку! Машину отправил?.. Жди!.. — Он опустил трубку на стол и, будто все еще не веря, произнес: — Всё... Ну, Титов! Ну, молодец!.. Завтра же выговор сниму...

Ветров подошел к младшему лейтенанту, молча забрал у него блокнот, прочел последние слова: «...основании изложенного прошу вашего разрешения...», вырвал лист из блокнота, скомкал в кулак и с чувством сказал:

— Все же есть бог, черт поберит...

— Немедленно оповестить все посты и засады! — громко приказывал между тем в микрофон Волохин. — В Малую Кунду отправить машину за комиссаром!.. Что?.. Обоих, обоих забрать, и стажера!.. Засады снимаются, ты что, не понимаешь, что ли?.. От радости в зубу дыханье сперло? Радоваться нечему, работы еще невпроворот!

* * *

После того, как забрали Редозубова и Титов остался один, в особенности же после того, как вечером уехал и «зеленый патруль» школьного лесничества, старший инспектор нехотя проверил еще две-три машины, а затем окончательно обосновался в будке дежурной по переезду, где и распивал чай с черничным вареньем, размышляя о превратностях милицейской службы и рассказывая анекдоты из жизни алкоголиков с таким блеском, что дежурная хохотала, как сумасшедшая.

Свою прямую работу по линии БХСС Титов знал и исполнял неплохо, но в таких делах, как дежурство, патрулирование, рейд, воскресник, лейтенант любил потянуть волынку, пофилонить, а то и вообще уклониться под каким-либо предлогом. Неоднократно беседовали с ним и замполит, и начальник, и товарищи на комсомольских собраниях, и Титов заверял, что он понял, осознал, подобного с ним больше не повторится, он готов хоть сейчас взвалить на себя любую общественную работу, а в будущем отпатрулировать по улицам поселка не пятьдесят часов, как записано в обязательствах, а все сто. Самое удивительное заключалось в том, что ему каждый раз верили — через силу, но верили; не хотелось как-то не верить этому высо-

кому, статному, на редкость обаятельному парню с васильково-чистыми глазами, тем более, что начальник отделения БХСС капитан Ряжских стоял за него горой, хотя и сам беспощадно не раз отчитывал.

Редкое обаяние Титова не только помогало ему в борьбе с хищениями социалистической собственности (он обслуживал крупнейшие торговые организации района, в частности, богатые ОРСы лесорубов и газотранспортников, где работали, в основном, женщины), но и спасало его от многих бед; капитан Ряжских, однако, предупреждал, что ему просто везет до поры до времени.

Был, наверное, и элемент везения. Во всяком случае, никакое обаяние не спасло бы его от крупной неприятности, когда около часу ночи к поезду неожиданно подкатил УАЗ вневедомственной охраны, в котором, помимо хмурого, заспанного Албогачиева за рулем, сидели капитан Волохин и майор Ветров; но именно в этот момент, словно по наитию свыше, Титов вышел из будки и, едва Волохин приоткрыл дверцу, бодро доложил, что ни одна машина без проверки не прошла, ничего подозрительного пока не обнаружено. Говорил он так убедительно и с таким усердием стучал валенком о валенок, что Волохин не без сочувствия спросил, не холодно ли тут, на переезде, а Ветров даже посоветовал время от времени заходить в будку погреться, на что Титов ответил, что успеет отогреться, когда возьмут беглецов.

К трем часам ночи его сменили. Тот же Албогачиев привез старшего сержанта Слепухина, а Титова доставил в отдел, где он и расположился на раскладушке в комнате отдыха дежурного наряда и мгновенно уснул. В семь утра его разбудили и приказали вновь отправляться на переезд, а старшего сержанта Слепухина, не спавшего уже сутки, отпустить отдыхать до обеда. Титов, чертыхаясь, натянул свои самокатанные, подшитые кожей пимы, похлебал из кастрюли супа, принесенного из дому Юлей Георгиевной Филатовой, надел тулуп и, хватив напоследок кружку теплого чая, сообщил, что готов. Ему ответили, что раз готов, то пусть идет: машины ни одной свободной нет.

Пока он ловил попутную машину, пока добрался, наконец, до переезда и отпустил Слепухина, добросовестно вышагивающего взад-вперед вдоль полотна, — рассвело. Прежняя хохотушка-дежурная сменилась, теперь тут распорядилась толстая пожилая женщина, замотанная до глаз пуховой шалью. Титов представился и попросил раз-

решения воспользоваться ее резиденцией (будкой); дежурная, пожав плечами, ответила, что пусть сидит, места не просидит. Немного погодя явился полувзвод мальчишек из школьного лесничества; они потолкались на переезде минут сорок и ушли: елок больше никто не вез.

Титов, скучая, курил в будке, когда на улице послышалась чьи-то громкие голоса, вроде ругались. Титов, заинтересовавшись, вышел.

Дежурная, перекрыв шлагбаум со стороны леса, на чем свет стоит ругала водителя груженого лесовоза, указывая на потерянный кем-то хлыст, валявшийся на дороге метрах в пяти от железнодорожного полотна. Водитель доказывал, что хлыст потерял не он, и требовал, чтобы его пропустили; дежурная отвечала, что если и не он, то кто-нибудь из ихней же шоферской братии, и она, дежурная, не пропустит ни одного лесовоза, покамест не уберут это «бревно». Между тем, за лесовозом нетерпеливо сигнализировал портовый автобус, за ним чей-то «газик», а со стороны поселка подходили два порожних грузовика.

— Тихо! — вмешался Титов. Ругань смолкла. — А ну вылезай из машины! — потребовал инспектор от водителя лесовоза.

— А ты кто такой?.. — огрызнулся было тот, но, увидев в руке Титова красные корочки, торопливо спрыгнул с подножки.

— Так, — продолжал распорядиться Титов. — Ты тоже иди сюда! — поманил он подбегавшего узнать, в чем дело, шофера портового автобуса. — Эй, парни! — окликнул двух молодых людей в ватных леспромхозовских куртках, показавшихся из-за прицепа лесовоза и пытавшихся было улизнуть (Титов вовремя пресек их попытку). — Кого не люблю, так это лодырей и филонов! — заявил он громко. — А ну, берись дружно!.. — Титов ухватился за вершину хлыста; парни в леспромхозовских куртках и шофер автобуса взялись с комля, водитель лесовоза подхватил посередине, и впятером они легко оттащили хлыст с дороги, сбросив подальше за обочину. — Ну вот, — сказал Титов, отряхивая рукавицы, — больше базарили, чем... — Он осекся: один из парней, из тех, что пытались улизнуть, усмехаясь и глядя исподлобья на Титова, тер грязной варежкой побелевшую от мороза щеку. Это был не кто иной... как бежавший прошлой ночью из КПЗ арестованный Бубенчиков. Титов перевел взгляд на второго... Краснухин!..

— Ладно уж, — все так же усмехаясь, произнес Бубен-

чиков, — веди домой. Еще бы побегали, да некогда...

...Спустя три минуты Титов звонил из будки в дежурную часть:

— Федяев, ты?.. Скажи там Алябе, пусть подскочит на своей телеге к переезду. Обоих задержал... Что значит разыгрываю?! — взорвался он. — Это вы там играетесь, а я тут работаю! — Он бросил трубку и повернулся к сидевшим в углу беглецам. — Эх вы, кретины! Ну и кому вы хуже сделали?.. Три нос, остолоп, побелел же весь!..

14

Хотя Волохин приказал отправить машину за замполитом немедленно, в возникшей после сообщения Титова суматохе это приказание не то что забылось, но как бы отодвинулось на второй план. В первую очередь, разумеется, дежурный и еще трое сотрудников спешно выехали на автозаке к переезду. Пока, вернувшись оттуда с Титовым и беглецами, выясняли у последних обстоятельства побега; пока, вызвав неотложку, справлялись у врача, серьезны ли отморожения у Бубенчикова и опасно ли простужен Краснухин (оказалось, что тот и другой в полном здравии); пока, наконец, хлопали по плечу и расхваливали на все лады Титова, прошло два часа.

Беглецов тщательно обыскали, изъяли похищенные из бытовки шпалозавода куртки, а у Краснухина, кроме того, остро отточенный складной нож и связку самодельных поездных ключей (где он успел их раздобыть, следовательно, возбудившему дело по побегу, предстояло еще выяснить) и развели по камерам.

Между тем с постов и из засад начали прибывать сотрудники; из Таежного, Соснового и Коммунистического возвратились на «Жигулях» поисковые группы, извещенные по телефону, и тогда лишь дежурный вспомнил о том, что до сих пор не отправлена машина за замполитом и стажером. Разъяснив недоумевающим усталым и промерзшим «засадникам», «постовикам» и «поисковикам», что сдавать оружие никому не велено, всем, никуда не отлучаясь, ждать дальнейших указаний, начальством планируется что-то еще, — дежурный приказал своему помощнику разыскать Албогачиева.

Начальника отделения вневедомственной охраны, в последние двое суток спавшего урывками, помощник дежур-

ного нашел в учебном классе: лейтенант расположился на двух сдвинутых вместе столах и храпел так, что слышно было в коридоре; собственно, по этому храпу его и удалось обнаружить. К сообщению о поимке беглецов Албогачиев, еще окончательно не проснувшись, отнесся весьма равнодушно; на предложение немедленно выехать в Малую Кунду ответил односложно: «Ладно» — и, умывшись в дежурной части, вышел на крыльцо.

Мороз заметно спал — это обстоятельство Албогачиев (уроженец Грозного) отметил сразу; небо же помутнело — несомненно, к снегу, и лейтенант понял, что ехать нужно не мешкая: чего доброго, за Новой Техникой переметет до рогу.

На площадке перед райотделом стояло несколько «Жигулей», два «Москвича» и — что особенно необычно — два павловских автобуса-вездехода с высоко сидящими кузовами и приводом на обе оси; была здесь даже передвижная мастерская на базе ГАЗ-66 — видимо, резервная; впрочем, Албогачиеву это ни о чем не говорило, и раздумывать над тем, для чего собран здесь весь этот транспорт, лейтенант не стал, а подошел к своему УАЗу, сел в кабину рядом с водителем-сержантом, бросил взгляд на указатель уровня топлива и сказал:

— В Малую Кунду. — Затем, приказав разбудить себя на двадцать седьмом километре, где он оставил вчера капитана и стажера, привалился к дверце и затих.

Сержант осторожно перевел УАЗ через железнодорожный переезд и, наращивая скорость, погнал по лесовозной дороге. В это время пошел снег: мелкий, редкий, лишь немного уменьшающий видимость и, должно быть, колючий. УАЗ шел под семьдесят. Снег, хотя и сыпал все гуще, был все такой же сухой и мелкий и на сцепление колес с дорогой почти не влиял. Сержант впервые сбросил скорость лишь на одиннадцатом километре, когда впереди показался шедший навстречу груженный лесовоз. С груженным лесовозом расходиться на скорости в семьдесят километров опасно.

Шедший навстречу КраЗ-255Л ничем от своих собратьев не отличался, и сержант приглядывался к нему постольку, поскольку это был источник повышенной опасности, как всякий автомобиль. Обычная на магистрали тяжелая рабочая машина с мощным квадратным радиатором, с возвышающимся сзади возом свежеспиленных сосновых хлыстов, с тремя оранжевыми катафотами над кабиной... Осо-

бое внимание сержант обратил лишь на то, что в кабине, помимо шофера, сидел кто-то еще. Конечно, сегодня, 31 декабря, мог пораньше закончить работу оператор челюстного погрузчика с дальней лесосеки; мог оказаться в кабине и иной работник леспромхоза, которому выдано разрешение воспользоваться лесовозным транспортом и чья фамилия вписана в путевой лист; мог, в конце концов, оказаться и рабочий-вздымщик, сумевший уговорить шофера подбросить его до поселка.

До всего этого сержанту вневедомственной охраны дела не было, однако шофер лесовоза и пассажир повели себя до крайности странно: оба, едва не прилипнув лбами к ветровому стеклу, принялись разглядывать сержанта, и вдруг, когда машины уже поравнялись, раздался длинный, режущий ухо двутоновый звук воздушного сигнала. На современных лесовозах, помимо обычного, электрического сигнала, устанавливается еще один — повышенной громкости — пневматический. В принципе он ничем не отличается от автомобильных сигналов времен «Руссо-Балта» или АМО, но в действие приводится не от ручной груши, а от пневматической системы КраЗа, и когда в камеру врывается воздух под давлением в несколько атмосфер, раздается звук, способный разбудить мертвого (лейтенант Албогачиев, впрочем, не проснулся); этим сигналом и воспользовался водитель лесовоза.

Остановив УАЗ, сержант выскочил из кабины. Тяжелый, общей массой тонн в сорок автопоезд, мигая стоп-сигналом, продолжал еще двигаться, пожирая последние метры тормозного пути. Наконец, и он остановился; почти одновременно откинулись обе дверцы, и на дорогу спрыгнули шофер и пассажир — последний не совсем удачно: поскользнувшись, влетел в сугроб на обочине; водитель же очертя голову, размахивая в правой руке чем-то пушисто-серебристым, бежал к УАЗу — расстояние между автомобилями, сложившись из остановочных путей, было не менее ста двадцати метров.

Сержант кинулся было навстречу, но, сообразив, что случилось что-то важное, чего он сам разрешить не сумеет, вернулся к машине и, навалившись животом на сиденье, принялся изо всей силы трясти Албогачиева:

— Товарищ лейтенант, проснитесь! Товарищ лейтенант! Муса Иваныч, да проснитесь же, черт побери! Товарищ лейтенант!..

То, что с утра значительно потеплело, — было, пожалуй, не ниже тридцати, — Редозубов отметил лишь тогда, когда они подходили уже к Новой Технике. Выбравшись на открытое пространство, откуда хорошо просматривались стан и ближние волоки, стажер выругался от досады. На мастерский участок Редозубов возлагал большие надежды: помимо стоявших под погрузкой лесовозов, здесь могли оказаться и приданный бригаде автобус, и какой-нибудь доставивший запчасти грузовик, и даже чей-нибудь «газик». Однако сейчас не было ни одной машины, в том числе и лесовозной. Между тем участок продолжал работать: так же падали сосны под пилой невидимого отсюда агрегата, так же бесшумно ползли по волокам колесные трелевщики, стаскивая пачки хлыстов к челюстному погрузчику; несомненно, ходили сюда и лесовозы, но вот теперь не было ни одного!.. С горечью наблюдал стажер тяжелую суету рабочих машин — ими управляли люди, каждый из них с радостью согласился бы помочь, но был не в силах этого сделать. Выжидать здесь автомобиль смысла не было — он, быть может, не появился бы и через час, а до магистрали оставалось всего полтора километра. Редозубов прихватил поудобнее связку лисиц и, не оглядываясь больше, зашагал к магистрали. Сзади, прихрамывая, семенил «задержанный» Калабин, таща под мышкой свернутые в рулон мешки из-под шкурок.

До Новой Техники Калабин еще держался — трусил, почти не отставая, но теперь стал донимать стажера:

— Гражданин инспектор! Не могу больше! Сил нету! Падаю...

— Я вот тебе упаду! — обернувшись, рявкнул Редозубов. — С «химии» бежать силы были? Не отставать!

До магистрали оставалось буквально сотни две метров, когда со стороны 94-го квартала послышался рев груженого лесовоза. Шел явно двухкомплектный поезд, переключаясь с пятой передачи на четвертую и обратно; автомобили с одним возом на ровной дороге не переключались — мощности им хватало. То, что поезд был двухкомплектный, имело сейчас большое значение: на этих машинах установлены радиостанции, и можно попытаться хотя бы километров за десять связаться с диспетчерской. Радиостанции стояли и на некоторых одновозных поездах, но на такое везение Редозубов рассчитывать не мог.

Хотя было ясно, что перехватить машину он не успеет, Редозубов собрал все силы и побежал, сзади что-то кричал Калабин, но стажер даже не оглянулся; когда он, задыхаясь, выскочил на ледянку, машина была уже метрах в трехстах. Редозубов швырнул шкурки на обочину, сел рядом в сугроб и закурил. Дальше бежать было некуда, оставалось только ждать.

— Не угостите? — спросил, подойдя, Калабин. — Махоркой все пробавлялся, да и та кончилась...

Редозубов протянул пачку.

— Ты чего кричал-то?

Калабин положил на обочину рядом со шкурками упаковочные мешки — так осторожно, словно в них была завернута бутылка водки, и сказал:

— Боялся, что без меня уедете... Бросите...

— Тыфу! — сплюнул Редозубов. — Об чем голова болит у человека!.. Эх, опоздали...

Калабин вздохнул. На него было жалко и жутко смотреть. Ни одного живого места на лице, все сплошь в кровоподтеках, глаз заплыл, над другим рассечена бровь, губы кровоточат... При всем том в нем угадывался человек значительной силы, хотя и подорванной, быть может, алкоголем, но достаточной, наверное, для того, чтобы раскидать двух-трех обычных хулиганов, какими, судя по его описанию, выглядели те двое, за которыми ушел замполит. О третьем члене преступной группы Калабин почему-то почти не упоминал: то ли третий его не бил, то ли, будучи старшим, вообще оставался в тени.

— Как же они тебя так?..

— А что я мог сделать? Сами посудите...

— Тихо! — прервал Редозубов, прислушиваясь. Сомнений быть не могло: со стороны 94-го квартала вновь слышался рев автомобильного дизеля. — Хватай мешки! — командовал стажер, подбирая лисиц и выходя на середину ледянки. — Да вперед не лезь! Стой где стоишь!

Калабин неохотно, но послушно остался на обочине рядом с черным сажевым пятном на снегу от упаковочных мешков.

Редозубов чуть сместился (по ходу автомобиля) к правой полосе. «Палочки-выручалочки» — жезла ГАИ — у него не было, уповать на то, что водитель окажется знакомым, он слепо не мог, а машину следовало остановить во что бы то ни стало. Когда лесовоз, не сбавляя скорости, приблизился метров на сто — сто двадцать и шофер рывк-

нул для острастки пневматическим сигналом, рассчитывая, по-видимому, что непрошеные пассажиры уйдут с дороги, Редозубов медленно отвел руку в сторону и так же не спеша, повелительно, твердым жестом указал на обочину. Так останавливают машину люди, имеющие на то полное право.

Лесовоз, хотя и с одним возом, был с радиостанцией; во всяком случае, над кабиной покачивался стерженек антенны.

— Редозубов, ты?! — изумился водитель. — А я-то думаю, что такое? Ну замашки у тебя, должен я заметить! Чисто сам Нуждин!.. А это что еще за явление Христа народу? — продолжал изумляться водитель: в кабину влезал Калабин. — Господи, пресвятая богородица! Да кто ж тебя так разделал?.. Ну, брат..

— Рация работает? — прервал Редозубов, вскакивая на подножку.

Водитель, часто моргая короткими белесыми ресницами, уставился на связку лисиц.

— Работает... — ответил он, плавно, но энергично отпуская сцепление и переводя взгляд на дорогу; лесовоз, похрустывая мерзлыми хлыстами, тронулся с места. — А! Браконье... — начал было шофер, но тут же прикусил язык: Редозубов дал понять, что в комментариях не нуждается. — Да к тебе с кем связаться-то?

Редозубов, мало веря в успех, все же снял микрофон и щелкнул тумблером; радиостанция зашипела; стажер прижал кнопку вызова.

— Центральная! Центральная! Я восемьдесят третий! (Этот номер был на дверце кабины.) Я восемьдесят третий! Прием!..

Ответа не было.

— Бесполезняк! — сказал водитель. — Километров с пяти-шести, не больше. Вот первые у нас рации стояли, помнишь? Слышно было, как летчики в небе разговаривают. А эти так — чепуха. По инструкции должны брать на пятнадцать километров, а кинешься... Так только между собой в квартале перекликаемся, где погрузчик свободный, а с диспетчерской только на подходе... Да к тебе срочно?

— Срочно. Давай жми.

Лесовоз шел уже на пятой передаче, за сорок, но Редозубову казалось, что ползет, как черепаха. Впрочем, ничего другого придумать было нельзя. Связка шкурок лежала на коленях, волнистый мех вздрагивал, и казалось, от-

званивал, как старинное серебро, хотя звякала, конечно, двуручная пила на задней стенке кабины. Редозубов сел поудобнее, убрав из-под ног топор с широким отточенным лезвием и кирзовую полевую сумку — должно быть, с харчами; то и другое сунул между сиденьями.

— Слышь, товарищ... — наблюдая за манипуляциями стажера, особенно за перемещениями сумки, обратился Калабин к водителю. — У тебя, случайно, пожевать чего не найдется?

— Как не найдется! Вон бери в сумке... — указал водитель. Калабин осторожно взял сумку, положил на ее место упаковочные мешки и, расстегнув, достал половину буханки белого хлеба. — Бери, бери! — подбодрил водитель. — Там колбаса еще есть. Ты тоже, Валерий, давай не стесняйся...

Калабин, отломив горбушку, жадно запустил в нее зубы; плечи его вздрагивали — то ли от движения машины, то ли от голода, то ли от чего-то еще, и Редозубов вдруг вспомнил, с каким испугом встретил Калабин их появление в избе. Чего он испугался?

— Гена... — сказал Редозубов. Калабин торопливо проглотил кусок. — А чего ты так закричал, когда мы вошли?

— Думал, они вернулись...

— Но ведь они тебя развязали. Шкурки даже оставили. И сам говоришь: против тебя слабаки. Что ты, не смог бы отбиться, что ли?

— Как же... — вновь запуская зубы в горбушку, пробормотал с набитым ртом Калабин. — Отобьешься... когда у них... автомат...

— Что?.. — выдохнул Редозубов.

Водитель насторожился.

— М-м... м-м... — прожевал Калабин. — Я же говорю... автомат.

— Какой автомат?!

— Обыкновенный... м-м... м-м... с рожком... как его... Калашникова... Автомат!! Автомат у них!!! — заорал вдруг благим матом Калабин, осознав, наконец, что до сих пор не сообщил работникам милиции самого главного — того, что преступники вооружены автоматом, который он видел собственными глазами.

В армии Калабин не служил, был у матери единственным кормильцем, но на солдат, служивших в конвойных подразделениях насмотрелся. «При попытке побега конвой стреляет без предупреждения!» Хотя при Калабине

солдаты ни разу ни в кого не стреляли, тем не менее с автоматом были связаны не самые лучшие воспоминания; когда же он увидел это оружие в руках Леньки Молова... Калабин и теперь не мог подумать об этом без содрогания. Быть может, еще и потому, что человеку, пережившему подобное потрясение, всегда кажется, что об этом знают, не могут не знать все остальные, Калабин и не вспомнил об автомате.

— Автомат у них!!! — кричал он теперь не своим голосом. — Гражданин инспектор!..

— Сто-о-ой! — хрипло заорал Редозубов; водитель, не выключая сцепления, бросил ногу на тормозную педаль; стажеру же казалось, что автомобиль замедляется нестерпимо медленно, как раньше казалось, что он нестерпимо медленно разгоняется. — Тормози!..

— Да торможу, торможу, не видишь, что ли... — откликнулся водитель, прижимая и отпуская педаль и выключая передачу; не так-то просто остановить на ледяной магистрали груженный лесовоз. — Аж запаска тормозит... — пробормотал водитель.

Автомобиль, наконец, встал. Теперь стажер действовал четко, без суеты, но быстро.

— Путевку! — потребовал он, протягивая левую руку, а правой доставая из внутреннего кармана шариковую ручку. Водитель торопливо извлек из-за пазухи сложенный вчетверо лист, захватанный масляными пальцами. Редозубов развернул его, пристроил на коробке рации, вписал фамилию: «Калабин», ниже: «Следовать без остановки!», затем расписался: «Инспектор УР Редозубов». — Возьми! — возвратил путевку. — Не останавливаться ни под каким видом, кто бы ни приказывал, хоть сам директор! Понял? — Водитель кивнул. — Как только сможешь, постарайся связаться с диспетчерской. Передашь: двое преступников с мечами движутся от Малой Кунды в сторону газотрассы. Вооружены автоматом. Третий ушел в неизвестном направлении. Запомнил? — Водитель кивнул. — Не удастся связаться — остановись у порта. Позвонишь оттуда прямо в дежурную часть — ноль-два. И последнее: если встретится машина милиции, остановишь. Только если машина милиции! С остальными времени не теряй. Все! Давай! Не подведи, Коля!

Редозубов открыл дверцу.

— Пошел! — крикнул он, спрыгивая на дорогу. — Жми на всю катушку!..

...Переключившись на четвертую, водитель вновь взглянул на дорогу в зеркало заднего вида: Редозубов бежал по ледянке в обратном направлении...

Стажер оказался прав: полоса соснового бора была шириной всего лишь метров в восемьсот, максимум — в километр, затем впереди посветлело, бор оборвался, будто обрезанный ножом, и следы — почти под прямым углом — уперлись в лесовозную ветку.

Проводников, тяжело дыша, с трудом вытаскивая из сугробов отсыревшие унты, выбрался на колею. Дорога тянулась вдоль стены бора; по другую сторону, насколько хватал глаз, простиралась белая пустошь с редкими островками чахлах сосенок и торчащими кое-где черными пнями в снежных шапках. Слева дорога врезывалась в нетронутый массив корабельных сосен, а справа заворачивала за мысок выступавших из бора деревьев.

Там, в бору, в глубоком снегу, откуда только что выбрался капитан, следы двух человек и санок просматривались более чем отчетливо; теперь же замполит поначалу растерялся. Видимо, так же растерялись здесь и те двое: едва различимые на колее следы двух пар валенок метнулись вправо, потом влево; однако Проводников вскоре разобрал, что ушли все-таки не вправо — к магистрали, а влево — по направлению к газотрассе.

Полозьев вообще видно не было, но на вздутии между канавами от колес ясно виднелся след волока — то ли кузова санок, то ли кончика хлыста, свешивающегося с прошедшего лесовоза... и капитан догадался: мешка!.. Очевидно, полозья полностью помещались в канаве от кразовского колеса, но сложенные в санках мешки задевали снег на горбатине.

Капитан отвернул унты, выбил мокрый снег и, стараясь дышать поровнее, зашагал по колее, в сторону газотрассы. Как далеко ушли те двое, он не знал, но, наверное, двигались они медленнее, — он все же шел по следу, налегке, не задерживаясь и никого не опасаясь, они же, потеряв много времени на то, чтобы проташить через заснеженный бор отнюдь не детские санки, и здесь, на ветке, шли с остановками и с оглядкой.

Капитан опешил, когда увидел, что следы резко свер-

нули с дороги в лес. Проваливаясь в снег едва ли не по пояс, Проводников выкарабкался к вековой сосне и, обогнув ее, остановился в недоумении. Следы оборвались. Он вернулся на колею и тут только понял: двое прятались за сосной от встречного лесовоза. Сколько драгоценных минут они провели здесь, ожидая, пока пройдет машина?.. На протяжении пяти или шести километров капитану попались еще три таких схорона, но больше всего времени двое потеряли, видимо, на разъезде, услышав за поворотом воздушный сигнал, подаваемый водителями для того, чтобы предупредить встречную машину: путь занят. В этом месте дорога раздваивалась, сливаясь вновь через сотню метров, с тем чтобы автопоезда могли разминуться. Здесь, прячась за соснами, двое с санками просидели, должно быть, не менее четверти часа, — капитан, специально не разыскивая, без труда обнаружил четыре окурка «Беломора».

Когда пошел снег, Проводников был километрах в двух от схорона на разъезде. Снег сыпал мелкий и колючий, вроде бы редкий, но через полчаса следы исчезли совершенно. Капитан не очень огорчился: однокольная ветка, зажатая в обеих сторон приспевающим сосняком, вела без выбора как тех двоих, так и его, а вздумай те с санками свернуть в лес, их следы не успеет замести так быстро, как на колее. Однако еще через километр Проводников остановился: здесь был перекресток. Ветки расходились под тупым углом — обе в направлении газотрассы, и какой путь избрали те двое, — оставалось лишь гадать. Замполит опустился на колени и, ползая по колее, попытался отыскать след; набирая в легкие побольше воздуха, пробовал выдуть свежий снег, — все было напрасно: снег, вздуваясь, залеплял только глаза.

Капитан бросился вправо и, пробежав метров двести, облегченно вздохнул: в припорошенной канаве, выбитой колесами КраЗов, отчетливо виднелись следы двух пар валенок и две чуть вдавленные параллельные ленты от гладких — шириной в ладонь — полозьев. Эти следы были проложены по только что выпавшему снегу... Наверное, и те двое долго сомневались на перекрестке.

Теперь они были от замполита максимум в сорока минутах хода. В сорока минутах — если бы, конечно, стояли на месте и ждали Проводникова. Но они шли, шли упорно, быть может, ощущая уже погоню.

— Ну хорошо, — сказала Чистова. — Что вы можете добавить?

Калабин шмыгнул носом, облизал спекшиеся, в ссадинах, губы:

— Не знаю. Вроде бы все, гражданка... гражданин следователь.

Столь представительно его еще не допрашивали. Молодая веснушчатая женщина — следователь прокуратуры — она, должно быть, еще училась, когда Калабин следовал уже по этапу в места не столь отдаленные; незнакомый пожилой подполковник — он и вел, в основном, допрос; бывший начальник уголовного розыска Иван Лаврентьевич Собко — Калабин знал, что тот почти уж год как на пенсии, — все эти люди интересовались в конечном счете одним и тем же: автоматом, мехами, теми тремя, что находились сейчас где-то в кварталах лесозаготовок, куда выехали оперативные машины. Личная одиссея Калабина сама по себе никого особо не волновала. Он было привстал со стула и закричал: «Да-да! Это мое, гражданин подполковник!», когда секретарша внесла довольно потрепанную папку — уголовное дело по обвинению Калабина в хулиганстве; оказалось, однако, что дело извлекли из архива райнарсуда лишь для того, чтобы узнать из протокола установочные данные Ленки Молова, допрошенного три года назад в качестве свидетеля.

Только что покинули кабинет прокурор — тоже молодой, Калабину незнакомый, и товаровед, опознавший шкурки, маркировку, мешки и свою собственную подпись на упаковочном листе.

Только что сержант унес автомат — Калабин подтвердил: да, именно такой был у «рыжего», автомат Калашникова, разве что не такой новый, как милицейский, а немного потертый...

— Вы сами видели, как наши сотрудники вошли в деревню? — спросил подполковник.

Калабин помотал головой:

— Нет, не видел... я еще связанный был, гражданин подполковник... Первым их «рыжий» увидел... Молов — в смысле... Я слышал, Молов сказал, что это просто к деду приехали насчет переселения... Но потом этот, который в пальто с каракулем... который позже пришел, он сказал, что надо уходить... Они еще не столько ваших испугались... потому

что не знали, что это ваши... Они подумали, что раз я бежал... то меня искать будут... и домой могут нагрянуть... Вообще-то они на другую ночь собирались уходить, в смысле — сегодня...

— Почему? — спросила Чистова.

Калабин пожал плечами:

— Сегодня же ночью никого в лесу не будет. Новый год... Ну, и еще спорили... «Рыжий» говорил, чтоб всем вместе держаться... а этот, который позже пришел, он сказал, чтобы они со шкурками уходили, а он потом... Он сказал, что со мной еще потолкует...

— О чем он с тобой толковал? — спросил из своего угла Собко.

— Ни об чем... Так... молчал сидел... Но я как-то сразу понял, что он меня... убивать не будет... Я потому и испугался, когда ваши вошли... думал, те вернулись... А этот посидел еще час, наверное... валенки старые забрал... но они теплые, подшитые хорошо... и ушел. Чемоданчик у него был с собой... такой — вроде балетки... Небольшой.

Подполковник остановился перед Калабиным и спросил:

— Чемоданчик он при вас не открывал?

— Нет. Не открывал, гражданин подполковник...

Чистова поправила челку и сказала:

— Ну хорошо. Попробуйте все же еще раз описать его внешность.

— Ну, я говорил... пальто... воротник каракуль... Шапка тоже — черный каракуль... Среднего роста, вот, может, вас чуток повыше, гражданин подполковник. Лицо такое... обыкновенное... вот только... тут над бровью... или на брови ли... шрам не шрам... а вроде как рубец... как бы углом... Так бы увидеть, дак я бы сказал без разговоров!..

Собко вздохнул и посмотрел на подполковника. Тот кивнул.

— Ну что ж, — сказал он, доставая из ящика стола пачку фотографий. — Посмотрите, нет ли его здесь... — Подполковник разложил снимки на столе и подозвал жестом Калабина. Тот с готовностью вскочил и подковылял к столу. — Смотрите внима...

— Вот он! Вот он, гражданин подполковник! — закричал Калабин, тыча пальцем в один из снимков. — Он это, век мне свободы не видать! Вон у него бровь вроде как углом! Шрам ли, как ли его, не знаю, как назвать... Он!..

— Спасибо, — сказал подполковник и снял трубку внутреннего телефона: — Уведите задержанного.

С фотографии размером 9 на 12 смотрел широкоплечий, аккуратно подстриженный мужчина в добротной кожаной куртке, из-под которой высывался воротник светлой рубашки. Левую бровь, как указал Калабин, пересекал короткий, хорошо заметный шрам; глаза, глядевшие чуть исподлобья, даже на этой плохой фотографии казались живыми и выразительными. На вид ему можно было дать сорок с небольшим, что соответствовало действительному году рождения. Любо́й человек, сидящий перед объективом милицейского аппарата, выглядит потом на снимке несколько неестественно, скованно; что касается опытных преступников, особо опасных рецидивистов, то они порой умышленно перед съемкой придают лицу неестественное, не свойственное ему выражение — провести по такой фотографии опознание чрезвычайно сложно. Калабин, однако, не задумывался ни секунды, и это подтверждало, что снимок, неважно исполненный технически, дает главное: характерный облик человека. Супонин, давая выход волнению, воскликнул:

— Хорошо еще, что не привлекли дружинников!

— Опасно, конечно, — сказала Чистова, — один против троих, но он, говорят, служил на границе...

— Хоть на трех границах, — хрипло сказал из угла Собко. — А с голыми руками против автомата...

— Как с голыми руками? — удивилась Чистова. — А пистолет?

Собко тяжело вздохнул.

Супонин, помолчав, ответил:

— Нет у него пистолета, Лариса Васильевна. Не положено. Стажер.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Вначале трудно было понять, что происходит по ту сторону волоков, где корабельная роща подымалась на невысокий, правильной округлости холм с пологими склонами. Мощные пучки света, перемещаясь по полуокружности, поочередно выхватывали из темноты узкие секторы медноствольного леса; в мертвых точках пучки на несколько секунд задерживались, а затем вновь начинали свое размеренное движение. С каждым таким ходом над рощей, словно прощальный взмах, показывалась верхушка сосны и, коротко скользнув по начинающему светлеть небу, исчезала.

Лесовозная ветка, раздвоившись, обтекала холм с обеих сторон; слева склон заканчивался слегка раскатанной площадкой, где у штабеля хлыстов неподвижно стоял челюстной погрузчик. Лидер опустил воротник пальто, поправил шарф, натянул поглубже шапку и, взяв с колеи чемоданчик, зашагал по дороге, намереваясь обогнуть холм справа.

У подножия холма он снова остановился, не в силах побороть любопытства. Пучки электрического света бледнели с каждой минутой; машина же, от которой они исходили, была теперь видна во всех подробностях. Раскрашенная, как божья коровка, в красный и желтый цвета, подрагивая на широко расставленных гусеницах, она без спешки, без суеты, но непрерывно и неуклонно, сосну за сосной укладывала корабельную рощу. Длинная стальная рука жестко захватывала ствол, раздавался короткий визг невидимой под кожухом пилы, сжатое захватно-срезающим устройством дерево поднималось над землей, стрела, установленная вместе с кабиной на поворотной платформе, разворачивалась на 180 градусов, и сосна, хрустнув лапами, аккурратно ложилась на трелевочный волок.

Урча дизелем, машина медленно продвигалась по лесосеке, разрабатывая полосу шириной метров в пятнадцать. Ни вальщиков с ревущими бензопилами, ни выбивающихся из сил огребщиков снега, ни потных сучкорубов — никого! Уж Лидер-то знал, что это такое... Лишь один человек

сидел в застекленной, забранной в решетку кабине, и он-то и воротил здесь всю работу. Увязая валенками в снегу, Лидер подобрался к машине метров на тридцать. Теперь, когда совсем рассвело, можно было рассмотреть оператора. В кабине ловко орудовал рукоятками хлипкий с виду белобрысый пацан в легкой нейлоновой курточке и в красной спортивной шапочке с белым помпоном. Этот пацан и был лесной богатырь, аккуратно уложивший на волокы за каких-нибудь пять-шесть часов — половину рощи.

Что же получалось? Те самые хлысты, которые он, Лидер, валясь от усталости, добывал ради пайки хлеба, лишней плитки чаю, лишнего рубля к грошовой сумме на приобретение товаров в ларьке колонии, — эти хлысты какой-то хлипкий оголец играючи укладывал в трехкубовые пачки, посиживая за стеклом с решеткой, словно контролер на КПП.

Да ладно бы еще только это. Работать Лидер умел, две последние сидки в колониях неизменно назначался бригадиром, и план всегда перевыполнял. Работать иначе Лидер не мог: не из-за каких-либо высоких побуждений, а просто потому, что после пережитого в блокаде не имел права лишать себя дополнительного питания, а его давали бригаде высокопроизводительного труда и примерного поведения. Быть может, потому, что в колониях Лидер становился тише воды, ниже травы и вкалывал хоть и за страх, но получалось, что и за совесть, — начальники отрядов и не обращали на него особого внимания, и даже когда он перед одним из побегов поставил сокамерникам шалфея вволю — полторы плитки чаю на ведро кипятку, никого из администрации это не насторожило, хотя было известно, что подобный магарыч осужденные выставляют перед выходом на свободу.

В колониях еще можно было держаться, но в тюрьме, где осужденные — здоровые мужики — клеили коробочки для часов или вязали авоськи, то есть выполняли ту работу, которую смог достать начальник, а порой и вообще сидели сложа руки, — Лидер падал духом. На суде, в последнем слове, он всегда просил только одного: «Не давайте закрытого...» Возможности организовать в тюрьме производство крайне ограничены — осужденные могут работать только в тюремных мастерских; тюрьма — единственное место в нашей стране, где человеку не гарантируется право на труд — главное право человека, и осужденные переживают это тяжелее всего.

...Выбравшись на ветку, Лидер присел на чемоданчик, стащил валенки, вытряс оттуда снег и, перемотав портянки, направился в сторону магистрали...

2

«Ищу комиссара!» Эта фраза всплыла неожиданно. Во всяком случае, Редозубов услышал ее впервые в столь певинной обстановке, что представлялось даже странным, почему она всплыла сейчас. «Ищу комиссара!» Теперь, однако, фраза приобретала новое значение. Где-то в лесу шел по следу капитан Проводников, шел, не зная, что преступники вооружены автоматом Калашникова, который Редозубов мог разобрать и собрать с завязанными глазами, и уж кто-кто, а он-то знал, что это за оружие!

Отправив лесовоз, Редозубов вернулся к развилке, пробежал по ветке километра два и, уже в виду стана лесорубов на Новой Технике, свернул на лесосеку 109-й бригады — этим номером были маркированы две пачки хлыстов, оставленные в конце пасечных волоков. «Ищу комиссара!» Разумеется, выполнить это задание, данное самому себе, буквально он не мог: слишком далеко ушли и преступники, и замполит; единственное, что оставалось стажеру, — выйти преступникам наперерез, настичь их раньше Проводникова. Редозубов не сомневался, что те двое со шкурками будут выходить к газотрассе, придерживаясь лесовозной ветки: пробираться по заснеженной тайге с груженными санками непросто, а главное — бандиты плохо знают район заготовок. Иначе они вышли бы из Кунды не бором, а омутом, где есть тропка, выводящая прямо к ветке более коротким путем. Петляя по ветке, преступники неизбежно выйдут к газокompрессорной станции, и вот тут у Редозубова было огромное преимущество: двигаясь непосредственно по лесосекам, он выходил к станции гораздо раньше. «Ищу комиссара!»

...Добравшись до последнего волока 109-й бригады, Редозубов присел на комель свежеспиленной сосны и закурил.

3

Лидер вздрогнул: в ярко-оранжевом автомобильчике «Жигули» рядом с водителем сидел Костик!.. Сомнений быть не могло... Сзади сидели еще двое, незнакомые, но

ясно, что тоже сотрудники милиции либо дружинники.

Все четверо, включая Костика, были в штатском.

Судьба улыбнулась Лидеру и на этот раз. Рокот автомобильного дизеля он услышал до поворота и, не желая рисковать (хотя полагал, что идет только лесовоз), заблаговременно свернул с ветки, даже не наследив: в этом месте к ветке вплотную примыкала действующая лесосека. «Жигули» шли буквально в нескольких метрах за лесовозом; обогнать КраЗ они не могли, равно и КраЗ не мог уступить дороги — ветка была однополосной, и это спасло Лидера: если бы легковушка успела обойти лесовоз еще там, на магистрали, и сюда, на ветку, свернула бы первой, он заметил бы ее лишь тогда, когда убегать уже было бы бесполезно. Костик повязал бы его как куренка. В могучем рокоте лесовоза, оставлявшего за собой черную гарь из выхлопной трубы, «Жигули» двигались совершенно бесшумно. На фоне вековых сосен и лесосеки — свидетельства приложенных здесь многих тысяч лошадиных сил — бесшумное скольжение яркого, словно игрушечного, автомобильчика воспринималось как нечто нереальное... Но Костик!.. Тот самый старший лейтенант (впрочем, теперь, возможно, уже капитан), который задержал его, Лидера, три с лишним года назад на Безноскова, 49...

Обливаясь холодным потом, Лидер стоял у сосны, обхватив ствол и прижавшись щекой к холодной шершавой коре. Прошное, разбуженное опасным неприятным лесом, виделось в розовой — под цвет автомобильчика — дымке, но не идилической, а кровавой, и было оно не трехлетней, а более чем тридцатилетней давности.

* * *

Для одиннадцатилетнего мальчишки Васьки Хромова война началась 2 июля 1941 года, когда эшелон, битком набитый детворой и остановившийся на каком-то лесном разъезде под Ленинградом, бомбили «юнкерсы». Все, что было до этого: уход отца в народное ополчение, мобилизация матери на окопы, слухи, разговоры, всеобщая суэта огромного города, — все касалось его, как и других охтенских сорванцов, постольку-поскольку. Было даже нечто привлекательное в тревоге, которую испытывали взрослые: занятые целыми днями и ночами на производстве, военной подготовке, постах МПВО, они, когда удавалось свидеться с детьми, не шпыняли их за малейшую провинность, не

воспитывали и не поучали, а старались только сберечь. Нимало не беспокоясь, с презрением поглядывая на всклипывающих «маменькиных сынков», которых провожали родители, Васька с независимым видом устроился в эшелоне; старшую сестру эвакуировали еще раньше, в конце июня, с тех пор он никогда больше ее не видел. Мать не сумела вырваться с окопов даже на день — Ваську провожала старуха-соседка, и он едва не заорал на нее, когда она попыталась его перекрестить.

В вагоне плакали и болтали, бегали и дрались, старенькая седая учительница пыталась успокоить тех и других, а эшелон шел навстречу наступающим немецким войскам.

В этот самый первый период эвакуации никто не предполагал, что врагу удастся в короткий срок так близко подойти к Ленинграду и что большинству детей, не увезенных сразу в глубокий тыл и размещенных в пределах области по колхозам и узловым станциям, придется вернуться в город и пережить тяжелейшие месяцы блокады.

Когда налетели «юнкеры», Васька был занят дракой за место у окна с рослым, но неповоротливым шестиклассником Виталькой Кодоловым — борьба шла с переменным успехом. Зачем им понадобилось это место, ни тот, ни другой не знали, так как уже объявили, что через полчаса начнется выгрузка из вагонов; шестикласснику все же удалось оттеснить соперника, и в этот момент раздался чей-то ликующий возглас: «Самолеты!» Кричавший, видно, не сомневался, что самолеты наши, да и откуда здесь было взяться немецким?.. Шестиклассник и Васька прилипли носами к стеклу (места, оказывается, с лихвой хватило обоим), но увидеть ничего не смогли. В сотне метров от полосы отвода стоял высокий мачтовый лес; вдоль состава пробежали двое в железнодорожной форме, затем промчалась, гроыхая, полуторка, и тут только среди ребячьего гама Ваське удалось расслышать нарастающий гул авиационных моторов. Подумав, что самолеты видны, быть может, из противоположных окон вагона, Васька бросился в ту сторону, — и тогда-то и ухнула эта бомба.

С жутким железным лязгом тряхнуло вагон, зазвенели вынесенные взрывной волной стекла; запнувшись, Васька полетел на пол, ударившись лбом об угол лавки. Тогда-то он и рассек левую бровь, и шрам, оставшийся на всю жизнь, вошел потом во все ориентировки по розыску особо опасного рецидивиста Лидера.

Он не помнил, как удалось ему выбраться из вагона. По насыпи, истошно крича и обдирая в кровь колени и локти, скатывались обезумевшие ребятишки. Старенькая седая учительница стояла у тамбура, прижимая к себе девочек-двойняшек в одинаковых ситцевых сарафанах; этих двойняшек Васька буквально час назад довел до слез, обозвав дурами, — еще час назад они могли расстроиться по этому поводу!.. Вдоль вагона бежал какой-то карапуз, прикрывая голову серой матерчатой сумкой, из которой сыпались яблоки; малыш, должно быть, очень рассчитывал на эту сумку, потому что, упав, он не стал подниматься, а только прикрыл получше затылок и больше не шевелился. Никто и не подумал бежать к лесу, где было хоть какое-то спасение, — наверное, потому, что оттуда с душевраздирающим воем сирен, едва не задевая лапами шасси верхушки сосен, пикировали на эшелон бомбардировщики.

Но один человек, странно растопырив руки и спотыкаясь на каждом шагу, шел все-таки к лесу, не обращая внимания на самолеты и не оглядываясь на горящую станцию и разбитый эшелон. Что-то страшно знакомое было в его долговязой фигуре, и Васька бросился к нему, словно к убежищу. Это был шестиклассник, с которым он только что — за минуту до налета — дрался у окна, и, быть может, именно это последнее мирное воспоминание и заставило его искать помощи в прошедшем, будто оно действительно могло вернуться. Шестиклассник двигался, однако, не прямо к соснам, а забирал все больше вправо. Васька бросился к нему наперерез и, догнав, застыл от ужаса: вместо глаз у шестиклассника были две большие темные раны, кровь сгустками стекала по щекам и длинными тягучими комками падала с подбородка. Неуверенно ощупывая воздух окровавленными пальцами, ослепленный, контуженый шестиклассник шел прямо на Ваську, пятившегося все ближе к лесу.

Меж тем на станцию продолжали пикировать «юнкеры». Оставив шестиклассника, Васька достиг первых деревьев и упал на мох подле огромного ствола. Под непрекращающийся грохот бомб, под леденящий вой самолетных сирен, в зареве от пылающей станции металась у эшелона ребятишки; несколько взрослых пытались направить их к лесу, но безуспешно. А шестиклассник Виталька Кодолов шел уже почему-то обратно к разбитому составу. Он был теперь один посреди широкой безлесной полосы, и на него быстро, как по нитке, скользил с неба «мессершмитт».

Раздалась короткая очередь, вспоровшая дерн в трех метрах от ничего не соображавшего Витальки; еще один «мессер» прошелся над его головой, строча из пулемета, — шестиклассник остановился, а на него заходил уже третий самолет... Посланные для прикрытия «юнкерсов» истребители не находили себе занятия: наших самолетов не было, и brave парни из люфтваффе, покорители Европы, асы Геринга, чистопородные арийцы с нордическими характерами, решили поразвлечься: кто первым сумеет поразить одиночную цель — беззащитного слепого ребенка!.. Старенькая седая учительница, поняв, должно быть, в чем дело, бежала от состава к шестикласснику; следом, хватаясь за ее юбку, ни на шаг не отставая, бежали двойняшки в развевающихся сарафанах, и, когда они добрались все трое до Витальки, один из «мессеров» показал, на что он способен: длинная очередь швырнула наземь шестиклассника и двойняшек, а учительнице перебила обе ноги, но, упав, она подползла все же к Витальке и закрыла его, мертвого, своим телом...

4

«Ищу комиссара!» Это было в самый первый день, когда Редозубов в сопровождении капитана Нуждина вошел в кабинет начальника райотдела. Нуждин представил Волохину кандидата на должность инспектора ГАИ. Волохин поинтересовался немногим: образование, служба в армии, семейное положение, жилищные условия, а затем, щелкнув тумблером на панели внутреннего переговорного устройства, спросил:

— Проводников у вас? — Динамик ответил, что нет его. — Замполит у вас? — продолжал начальник райотдела, щелкая следующим тумблером. Вновь ответили отрицательно. Тогда Волохин принялся вызывать все кабинеты по порядку: — Ищу комиссара. («Только что вышел, товарищ капитан...») Ищу комиссара. («Не было, Владимир Афанасьевич...») Ищу комиссара. («Не заходил, товарищ капитан...») Ищу комиссара...

Редозубову на минуту вдруг показалось, что замполита не найдут и все закончится благополучно: его отпустят по добру-поздорову в гараж, где он и займется своим делом. Однако на шестом или седьмом тумблере динамик отозвался:

— Слушаю, Владимир Афанасьевич...

Редозубов упал духом, хотя было ясно и так, что если бы и не нашли сейчас замполита, это далеко не означало бы, что в милиции вообще служить не придется.

Перед тем, как прийти к начальнику РОВД, Редозубов побывал у первого секретаря райкома комсомола Спирина. Спирин был энергичный молодой человек, в недавнем прошлом — лесной инженер, и своими методами работы напоминал комсомольских секретарей времен гражданской войны, какими их изображают в книгах и кинофильмах: шумный, напористый, категоричный в суждениях и абсолютно убежденный в том, что мир стоял, стоит и будет стоять на энтузиазме. О том, что Редозубов направляется в милицию, Спирин сообщил как о деле давно решенном, предупредил, что речь идет о важнейшем комсомольском поручении, и в доказательство предъявил Постановление Бюро ЦК ВЛКСМ и Коллегии МВД СССР, в котором черным по белому было сказано: «Комитетам комсомола... направлять на работу в органы внутренних дел... лучших комсомольских активистов, членов оперативных комсомольских отрядов... юношей и девушек, положительно зарекомендовавших себя в работе, учебе и общественной жизни...» Зачитав это место, Спирин добавил:

— Вот видишь! И нечего тут разглагольствовать! Забирайте его, Григорий Михайлович, и дело с концом! — Говорил он так громко, словно они находились не в одной комнате, а в разных концах лесосеки.

«Ищу комиссара!» Почему эта фраза врезалась ему в память?..

* * *

...Пот заливал глаза и прохладными ручьями тек по спине. Редозубов пересек крайний волок и выбрался на ветку. Хотя, по его расчетам, он должен был выйти преступникам наперерез, Редозубов вначале не поверил своей удаче: на колее ясно просматривались следы тех двоих с санками и — поверху — шли следы унтов Проводникова. Снег не замел их потому, что с наветренной стороны дорогу надежно прикрывала стена леса.

Сначала Редозубов свернул на ветку и побежал по следам, не выпуская их из виду. Но, пробежав несколько десятков метров, остановился. Было ясно, что ни замполита,

ни тем более преступников по ветке он не догонит, и те двое успеют выйти на газотрассу и остановить (если не захватить!) попутную машину. Слепо идя по следам, Редозубов терял все свое преимущество, вытекавшее из знания заготовительных кварталов. Преступники и — вслед за ними — замполит двигались теперь по огромной восьмерке, соприкасавшейся в двух точках с газотрассой; Редозубов же имел возможность выйти на газотрассу кратчайшим путем, и было бы глупо не воспользоваться этой возможностью. Конечно, следы преступников имеют определенную магию воздействия — от них не хочется отрываться, но интересы дела требовали от Редозубова неординарного поступка: уйти от следов, каким бы надежным ни казалось преследование, и выбираться скорей на газотрассу. Он сошел с ветки и зашагал по колее трелевочного трактора в глубь лесосеки. «Ищу комиссара!..»

5

После того, как бесшумно, словно призрак, промелькнули «Жигули», в которых был Костик, Лидер еще какое-то время — быть может, с полчаса — стоял у сосны, обхватив ствол и чувствуя, что не в силах вновь выйти на дорогу. Двигаться по лесосеке тоже было небезопасно, но ничего другого не оставалось, и он пошел по крайнему волоку, придерживаясь стены бора. Через километр он наткнулся на узкую просеку, прорезавшую бор перпендикулярно волокам.

Лидер отпрянул инстинктивно, как волк от красных флажков: просека удивительно напоминала полосу конвойного оцепления — казалось, еще мгновение — и на тропе возникнет солдат с автоматом. Он заставил себя успокоиться, шагнуть вперед — и тут же упал в сугроб, ощущая, что встают дыбом волосы: с дальнего конца просеки приближались трое.

Лидер отполз за сосну и, не веря собственным глазам, осторожно выглянул из-за ствола. Трое приближались. Все они были в штатском. Конечно, это были не солдаты конвойных войск. Это была милиция.

Лидер понял, что все кончено. То, что милиция была с автоматом, говорило о многом и, прежде всего, о том, что Калабин уже у них в руках. Уйти нечего и пытаться: через

две минуты поисковая группа будет здесь, а следов шапкой не закроешь. И, конечно, этим молодым здоровым парням ничего не стоит догнать выбивающегося из сил Лидера.

Но судьба улыбнулась ему и на этот раз. Когда до того места, где лежал Лидер, тем троим оставалось каких-то метров пятьдесят, они остановились и, коротко посоветовавшись, неожиданно свернули с просеки вправо, куда, видно, уходила еще одна тропа.

Лидер утер рукавом лицо, взял из сугроба свой чемоданчик и, проваливаясь по колено в снег, двинулся по просеке в сторону магистрали. Теперь, когда тропу промяла милиция, можно было не опасаться, что по просеке пустят еще одну группу. Не так уж много народу в райотделе, чтобы заблокировать лес двойным кольцом.

Вряд ли было более трех часов пополудни, однако короткий зимний день подходил к концу. Смеркалось. Сыпал мелкий колючий снег. Тихо шумели, поскрипывая, сосны, как шумели они тогда, в июле 41-го под Ленинградом, когда одиннадцатилетний мальчуган Васька Хромов уходил все дальше от бомбежки и пулеметов, от того страшного места, где погибли ослепленный шестиклассник, старенькая седая учительница, сестры-двойняшки и еще много других людей. Но тогда он уходил от чужих — голубоглазых арийских скотов в «юнкерсах» и «мессершмиттах», а теперь, как ни крути, бежал от своих — милиционеров, чьи отцы, быть может, истекали кровью на Лужском оборонительном рубеже или охраняли в стуже и голоде Дорогу жизни, как Иван Лаврентьевич Собко.

Как же все получилось, Лидер?..

Тогда же впервые услышал он и фамилию (а скорее, кличку) — Лидер, ставшую впоследствии его собственной фамилией.

* * *

...Он не помнил, сколько бежал по тому сосняку-кисличнику, спотыкаясь о корни и коряги и обдирая руки еловым подростом. Остановился, когда неожиданно все стихло, лишь шумели над головой сосны. Голодный и смертельно уставший, Васька вышел на небольшую поляну, сплошь заросшую земляникой, опустился на колени и, ползая, принялся срывать со стебельками перезревшую ягоду и тол-

кать в рот. И в это время в противоположном конце поляны слышались голоса. Васька вскочил и наострил, как звереныш, уши, в которых отдавался еще вой сирен и грохот бомбежки.

Крепкое словцо, громко раздавшееся с той стороны поляны и прозвучавшее теперь нежнее материнской ласки, разрушило все сомнения.

— Дяденька! Дяденька-а-а! — завопил Васька, бросаясь через поляну в можжевельниковые кусты, за которыми слышались голоса. Он не чувствовал боли от колючек, впирающихся в лицо и руки; ему почудилось вдруг, что те двое железнодорожников, бежавшие перед самым налетом вдоль состава, теперь, после бомбежки, хватились Васьки Хромова (кто-то ведь должен был хватиться!) и кинулись искать.

— Дяденька-а! Я зде-е-есь!..

Продравшись сквозь колючие заросли, он оказался на другой поляне, среди которой стояли не двое, а человек семь или восемь взрослых. Никто из них, однако, не бросился навстречу Ваське, не издал радостного восклицания по поводу его появления. Более того, все эти люди как-то странно замолчали, взирая на Ваську без всякого удивления и даже без интереса. Чем дольше вглядывался он в этих людей, тем более странным казалось ему их поведение. Так, стояли они не беспорядочной группой, а полукругом, кроме одного, который сидел в центре на поваленной ветром сосне. Семеро, стоявшие полукругом, были одеты кто во что, но все как один стриженные под машинку; а тот, что сидел на поваленном дереве, в запыленной гимнастерке с отложным воротником, в грязных галифе и в фуражке... милиционер!.. У него же висела на ремне расстегнутая пустая кобура.

Как оказался он в лесу с группой арестованных, навсегда осталось загадкой: быть может, немецким снаряжением разрушило ДПЗ¹, или здание милиции, или автомобиль для перевозки заключенных; ясно было одно: ни себе, ни тем более Ваське милиционер ничем помочь не мог.

Некоторое время и те, что стояли полукругом, и милиционер молча разглядывали парнишку; наконец, один из стоявших, невысокого роста пожилой мужчина с глубоко запавшими глазами, спросил:

¹ ДПЗ — дом предварительного заключения (прежнее название КПЗ).

— Ты откуда взялся, голец?

Что-то недоброе слышалось в его голосе, и Васька, развернувшись, бросился в можжевельник. Далеко убежать не удалось: чьи-то жесткие руки схватили его в кустах. Преследователь, видно, укололся листьями; грубо ругаясь, он вытащил Ваську на поляну и швырнул к ногам сидевшего на сосне милиционера.

— Ребенка-то хоть не трогайте, — глухо попросил тот. — Станцию бомбили... оттуда, наверное...

— А тебя, мусор, не спрашивают, так не сплясывай! — брызжа слюной, взвизгнул тот, что ловил Ваську, самый молодой из всех. — С тобой, мент, еще отдельный разговор будет!.. Говори, откуда взялся, змееныш?! — кинулся он к Ваське. — Я-ть тебя!..

— Ша! — оборвал молодого тот, что начал допрашивать Ваську. — Краб дело балакает: баню бомбили. Ишь, голец сам не свой...

Васька, попавший из огня да в полымя, сжался от страха. Разговор этих — несомненно, русских — людей, называвших милиционера «мусором», «ментом» и «крабом», вокзал — «баней», а самого Ваську — «гольцом», был непонятен. Они говорили на жаргоне преступников — «блатной музыке», ныне давно уже, с ликвидацией профессиональной преступности, почти исчезнувшей; но в то время, в войну, «музыка» была еще в ходу, и милиционер хорошо ее понимал. Он с трудом (наверное, что-то случилось с ногой) встал с поваленной сосны и сказал:

— Вот что, граждане... арестованные...

Тот, что ловил Ваську, дико хихикнул.

— Вот что, — твердо повторил милиционер. — Убить вы меня, конечно, можете, наган мой у вас, но я вам одно скажу: Советская власть стояла и стоять будет, никакой Гитлер ей не помеха. Обещать, что ежели к нашим выйдем, то помилуют, не могу. Однако, ежели добровольно явитесь и я... жив буду... буду стоять за вас, так и знайте... Все ж таки немцы есть немцы, они фашисты, а мы, как-никак, русские...

— Да вы что, блатные! — завизжал тот, что ловил Ваську. — Мент звякало разнуздал, а мы хаваем! Немец куда войдет — первым делом лягавых бьет, блатных на волю выпускает! Покосать его! — брызжа слюной, ткнул он пальцем в милиционера. — К своим айда!..

— Это кто ж для тебя свои? — Того, кто задал этот вопрос, Васька как следует не рассмотрел. Запомнил какую-

то драную кепчонку, серый пиджачок, измазанные глиной сапоги и какое-то совершенно невыразительное лицо. Но он-то и был тем самым Лидером, чьей фамилией (или кличкой) Васька потом назвался в Ярославле.

— А-а, Лидер! — повернулся тот, что ловил Ваську, к задавшему вопрос. — Для меня-то ясно, кто свои! А для тебя своя — лягавка! Ты Серого накатил! Ты! Я давно знаю! Я тебя, Лидер, в нардоме еще раскусил. Из-за тебя Серого повязали!.. Ты!.. — Он осекся, с беспокойством оглядывая остальных; вдруг понял, что сказал лишнее, проговорился, и теперь оправдываться было поздно.

— А кто тебе сказал, что Серого повязали? — спокойно поинтересовался пожилой с запавшими глазами.

Тот, кто ловил Ваську, побледнел и метнулся к лесу, но на пути у него встали двое.

— Братцы! Не я! Верьте слову, не я! Лидер! Не я!.. — завопил тот, что ловил Ваську, увидав, что тот, кого он называл Лидером, достает из-за пазухи наган, видимо, отобранный у милиционера. — Лидер! Ли-и... — Грохнул выстрел.

Когда Васька открыл глаза, тот, кто ловил его в можжевельнике, лежал на траве, а тот, кого называли Лидером, прятал за пазуху наган.

Пожилой с запавшими глазами сказал:

— Туда и дорога.

Милиционер, казалось, не обративший на всю сцену никакого внимания, взглянул вверх, прислушался и устало произнес:

— Самолеты.

...То ли «хейнкелям» не удалось прорваться к Ленинграду и они решили сбросить бомбы где попало, то ли на лесных дорогах скопились невидимые отсюда наши войска, то ли вообще таков был замысел немецкого командования, но бомбы стали рваться в лесу. Васька вскочил и, никем теперь не удерживаемый, бросился в спасительный, как ему казалось, можжевельник, и это действительно его спасло. Бомба разорвалась в противоположном конце поляны, и когда Васька, спустя полчаса, обезумев от ужаса, выглянул из кустов, то увидел, что все семеро — и пожилой с запавшими глазами, и Лидер, и тот, кого убили из милицейского нагана, и сам милиционер, — все они лежали окровавленные, с развороченными внутренностями, с оторванными руками или ногами... все они были мертвы. За-

кричав не своим голосом, Васька кинулся прочь от страшного места.

...Глубокой ночью он вышел на грунтовую дорогу, по которой брела толпа беженцев. Вместе с ними Васька добрался до Ленинграда...

6

К тому времени, когда окончательно стемнело, Проводников был в получасе хорошего хода от тех двоих с санками: очевидно, он шел все же быстрее их, и если б не задерживался, разыскивая следы, то, возможно, сумел бы настичь преступников. Судя по следам, третий на соединение с теми двумя не выходил: наверное, двинул в сторону поселка, и капитан понял, что третий, скорее всего, главарь. Чтобы отколоться от группы в столь решающий момент, надо обладать большой властью.

Добрался ли Редозубов до поселка? Этот вопрос не давал покоя. Дело в том, что навстречу Проводникову не попалось до сих пор ни одной машины: если и в других кварталах работу прекратили так же рано, то вполне возможно, что стажер и «задержанный» Калабин топают сейчас пешком по магистрали, а это значит, до поселка они доберутся не раньше утра.

Усталость давала о себе знать все сильнее. Он понимал, что вряд ли выйдет на газотрассу раньше полуночи, догнать же тех двоих до газотрассы не успеет тем более. Конечно, и те двое вряд ли сядут на попутную машину в ту самую минуту, в которую выйдут на зимник: сейчас, под Новый год, до которого оставалось несколько часов, движение не особенно оживленное... Впрочем... кто знает?.. Быть может, на газотрассе их ждет автомобиль?.. Ведь однажды они уже воспользовались машиной... Куда ушел третий? Быть может, как раз за транспортом?..

Все так же сыпался мелкий колючий снег, правда, пореже, и видны были, хотя и тускло, редкие звезды. Большую Медведицу было видно очень хорошо, а впереди, над дорогой, зажатой с обеих сторон соснами, висела Венера... кажется, Венера... «Доберется ли Редозубов?»

Капитан не знал, что Редозубов находился теперь всего лишь в трех километрах от ветки, двигаясь параллельным курсом по лесосеке.

Лидеру казалось, что силы оставили его навсегда. Лес не кончался, дороги не было, холодные черные деревья слились в сплошную непроглядную тьму, каждый шаг давался с огромным трудом. Он опустил в сугроб, бросил чемоданчик и подумал: «А может, хватит?» Колени и голени были мокрыми от забившегося в валенки снега. В самом деле, зачем все это? Что видел он в жизни, чтобы так уж держаться за нее? Лишь последние идиоты могут думать, что преступная жизнь заключается в шикарных ресторанах, красивых ветреных женщинах и веселых отчаянных «делах», перемежающихся «отпусками» — отсидкой в тюрьмах и колониях.

У нас в стране никогда не было преступных империй, какие существуют ныне на Западе, но уголовный мир существовал когда-то и у нас. Мир со своими территориальными притязаниями: бертенами, кухерами, малинами, барахолками, со своими специалистами, маровихерами, домушниками, медвежатниками, громщиками, вздерщиками, блатырями; со своими орудиями труда: вертунами, волынками, фомками, уистити, гитарками; со своими женщинами: алюрами, хипесными кошками, гарандессами, бетами и бланкетами; со своим воровским «законом» и даже своим языком — блатной музыкой. Подобный мир существовал когда-то и у нас — Лидер застал лишь его осколки: в самом конце войны да несколько первых послевоенных лет. Наверное, можно было сбыть когда-то полторы сотни шкур рёк барыгам-перекупщикам — ныне это мероприятие с самого начала обречено на провал... Впрочем, о «законе» следует сказать особо. Конечно, тот, кто не знает преступников изнутри или не сталкивался с ними по роду своей службы, может думать, что у них развит дух товарищества и взаимовыручки. Между тем, закон у них один: любой ценой спасай свою шкуру, уж Лидер-то знал, что это такое. Не раз продавали его «свой в доску», чьи дела он брал на себя, с кем делил последнюю пайку и хлебал одну баланду. Нет, тюремная миска — далеко не солдатский котелок.

Воспоминание высветилось ярко, как луч... Последняя предвоенная зима... Любытино... Колхоз «Красный остров»... Дед запрягает каурого... «Сдержишь, Васька?» «Сдержу-у!» Рядом в кошеву садится мать в модном городском пальто, предметом зависти всех любытинских

женщины: надо же, Дунька Мазикова выскочила замуж за ленинградского кузнеца, дом — полная чаша, живет — словно королева... Жеребец берет с места в галоп... Мать смеется, но Ваське не до смеха... вожжи рвутся из рук... И тогда Васька — это он запомнил очень хорошо — подхлестывает вожжой и без того понесшего жеребца: для того, чтобы хоть в чем-то проявилось его управление конем... Кошева опрокидывается. Васька летит в сугроб... Мать успевает подхватить вожжи... Ваське не больно, и плачет он от обиды... Мать хохочет... веселая, красивая, счастливая...

Лидер понял, что замерзает. Память, как луч... луч-воспоминание... Небо вдруг озарилось, меж черных сосен мелькнули огоньки, и Лидер, наконец, сообразил, что свет ему не привиделся: он сидел в каких-нибудь тридцати метрах от магистрали. Попытался встать — ноги непослушно подкосились, словно от голодухи, но теперь уже Лидер знал, что на эти-то тридцать метров сил у него хватит...

Две машины прошли совершенно бесшумно. Хотя скрипел под валенками снег, трещали сучья, но шум лесовоза — рев двигателя и мерзлый хруст хлыстов — Лидер, конечно, расслышал бы... Значит, опять шли легковые машины. Легковые машины. В новогоднюю ночь. На лесовозной магистрали. Значит, опять милиция. Больше никому ездить в новогоднюю ночь по лесовозной магистрали.

К тому времени, когда он выбрался на снежный отвал у обочины, справа мелькнули в последний раз красные огоньки, и тут же, в той же стороне, явственно послышался рокот мощного мотора, затем вспыхнули фары, и Лидер догадался: на сей раз лесовоз. Автопоезд шел навстречу легковым машинам и, видно, гасил дальний свет при разъезде.

Лидер подхватил чемоданчик и вышел на магистраль. Другого выхода не было. Лидер знал, что лесовоз на магистрали не остановится, поэтому он просто повернулся спиной к фарам и пошел зигзагом по середине дороги, как пьяный; теперь тяжелый автопоезд не мог его объехать без риска сбить одним из коников прицепа.

Раздался длинный воздушный сигнал — водитель заметил Лидера. Еще через мгновение заметно на слух упали обороты двигателя — шофер, видно, понял, что пешеход с дороги не уйдет. Раздался еще один сигнал, затем визг тормозов — Лидер обернулся, яркий свет ударил в глаза, и тут же послышалась яростная брань водителя:

— Ты что, очумел, твою дивизию!.. У меня всего два колеса тормозят!.. Залил шары, так сиди на месте, а нечего по ледянке шарашиться.

Лидер подошел к левой дверце — правую, он знал, все равно открыть снаружи нельзя.

— Друг! — сказал он. — Помоги, друг! Понимаешь, надо!

Водитель на секунду онемел. Будучи совершенно уверен, что пешеход — подгулявший вздымщик, решивший прошвырнуться в поселок и добавить еще, шофер растерялся, услышав трезвый взволнованный голос. Что-то, может, действительно случилось у этого человека, вышедшего на ледянку, и водитель сказал:

— Да чего там... Садись...

Щелкнул замок правой дверцы. Лидер обежал машину перед радиатором, закинул в кабину свой чемоданчик, вскарабкался на высокую подножку... Водитель тронул машину. Это был ничем особо не примечательный, длинноволосый, как теперь многие, молодой человек в рабочем полушубке, в сдвинутой на затылок ондатровой шапке, но к шоферам у Лидера было особое отношение. Тот безвестный ленинградский шофер с черным от бессонницы лицом, с запекшимися губами, в промасленной телогрейке и в серых солдатских валенках, шофер, спасший жизнь полумертвому от голода и холода Ваське Хромову и еще, наверное, сотням таких же ребяташек и, быть может, погибший потом в обратном рейсе в осажденный город, — тот ладожский шофер навсегда оставил в душе Лидера чувство священного преклонения перед людьми этой профессии. Пусть и отдаленно не напоминал мощный КрАЗ побитую на торосах, окрашенную в белый цвет сорокасильную полуторку, пусть лесовозная ледянка не походила на ледовую ладожскую магистраль... что-то общее было в этих машинах и в этих водителях...

В предпоследнюю сидку в лесной колонии Лидер работал на погрузке хлыстов. Случайно услышав разговор двух осужденных, собиравшихся проткнуть баллоны на автомобиле, водитель которого — вольнонаемный — отказался привезти «подогрев» (водку), Лидер как бы ненароком отпустил трос лебедки и, когда пачка пошла вниз, заорал благим матом, пока не подбежал контролер. Баллоны были спасены, но те двое, видно, догадавшись, в чем дело, едва не устроили Лидеру темную — спасло его чудо: на другой день обоих по каким-то соображениям перевели в другую

колонню. Казалось бы: стоили эти проклятые баллоны собственной жизни или хотя бы ободранных в кровь ладоней?.. Но Лидер видел в Ваганове шофера с обмороженными руками — шофер заклеил на ледяном ладожском ветру пробитую пулей камеру.

Тогда, в Ваганове, зимой 42-го, Ваське Хромову крупно повезло: его и еще одну закутанную до глаз девчонку посадили в кабину. Из люка, сделанного напротив коллектора, в кабину нагнетался вентилятором теплый воздух, но главное — шофер отдал им остатки ржаной болтушки на донышке солдатского котелка. В кузове, на узлах и чемоданах, ехали еще пятеро — троих из них сняли в Кобоне мертвыми, заледеневшими на ветру.

Девчонку звали Кира Александрова — об этом спросил у нее шофер, пытавшийся занять их разговором, быть может, чтобы самому не уснуть за рулем. Ночь была относительно спокойной: полторка благополучно переправилась через трещину на 9-м километре, а затем, когда на полпути налетели бомбардировщики, их отогнали наши зенитчики. Девчонка сидела, вцепившись в Васькину руку, — наверное, в нем она видела последнего защитника: отец ее погиб в первые недели войны, мать умерла три дня назад на Финляндском вокзале, не дождавшись посадки в поезд, шедший к Ладоге.

— ...Нюрине-то?.. — прорвался вдруг голос водителя. — Эй, парень, да ты спишь, что ли?..

— А?.. Что?.. — вскинулся Лидер.

— В Нюрине-то у тебя, говорю, зазноба, что ль?

— В каком Нюрине?.. Почему в Нюрине?..

— Ну, в каком... в который едем.

— В Нюринь?

Водитель покосился на Лидера и сказал:

— Ну, а куда же еще-то?

Лидер понял: по той просеке, где встретились ему трое с автоматом, он вышел на магистраль соседнего леспромпхоза, и теперь машина везет его в Нюринь. «Что ж, в Нюринь так в Нюринь...»

— Да, — подтвердил он. — Можно сказать, зазноба.

Водитель пожал плечами. Пассажир вел себя странно. Навстречу шел порожний лесовоз — видно, решил сделать еще один ближний рейс перед Новым годом — с дальних делян операторов челюстных погрузчиков давно вывезли. На лесовозных магистралях существует железное правило: при разъезде груженный автопоезд идет на подфарниках с

включенной задней подсветкой багажника, а встречный порожняк или любой другой транспорт идет с полным светом. Делается это для того, чтобы встречный автомобиль мог хорошо видеть багажник: в случае, если багажник не в порядке (например, торчит хлыст), подается сигнал. Так поступили водители и теперь, и, когда яркий свет порожняка осветил кабину, пассажир вдруг быстро пригнулся, делая вид, что поправляет свой чемоданчик.

Между тем впереди показались огни Нюриня. Водитель щелкнул тумблером раации, и Лидер вздрогнул, когда она зашипела.

— Центральная, я двадцать третий, прием.

Динамик отозвался тотчас же — видно, машин в лесу оставалось все меньше.

— Двадцать третий, вас слышу, прием.

— Подхожу к переезду. Грузил Татаринцов, девяносто восьмая бригада. Как поняли? Прием.

— Татаринцов, девяносто восьмая... Минуточку... Двадцать третий, поезжайте на седьмую с разворотом...

Водитель перешел на третью передачу, затем на вторую: передние колеса въезжали уже на полотно. В тот же момент пассажир щелкнул замком дверцы и сказал:

— Спасибо, друг. — И в кабине его не стало.

8

После разговора с Редозубовым Игорь не находил себе места и, главное, не находил девушки. Может, ее тоже предупредили, чтобы она не вздумала встречаться с Игорем. Несколько раз он поджидал ее в тупиковом переулке у мастерской, пока, наконец, одна из женщин — тоже, видно, швея или закройщица — не спросила, кого ему нужно. Игорь сказал. Женщина сообщила, что девушка в отгуле и выйдет на работу лишь после Нового года, а ее адрес можно узнать в отделе кадров КБО или... в милиции.

— Впрочем, можете зайти к Липатию Львовичу, — добавила женщина, — он, кажется, знает...

Игорь позвонил в отдел кадров, но ему ответили, что подобных справок, да еще по телефону, кому попало не дают. Последние два варианта — милиция и Ветцель — разумеется, отпадали.

Из разговора с Редозубовым Игорь понял, что за всей этой историей кроется какая-то страшная тайна и что Редо-

зубов сказал ему далеко не все. Он решился и позвонил в дежурную часть, ему ответили, что Редозубова нет и пока не будет.

Весь день 31 декабря Игорь был в сильнейшем возбуждении. После уроков подошла Геля и спросила, придет ли он к ней встречать праздник. Игорь ответил, что придет.

Дома Игорь застал мать в крайней степени отчаяния: выяснилось, что ей «совершенно нечего» надеть в гости. Платье, которое она сшила к Новому году, оказалось «исключительно неудачным». В довершение всего позвонила вахтерша из молодежного общежития, которой Ольга Николаевна поручила разыскать Ветцеля, и сообщила, что Липатий Львович лежит у себя с ангиной. Мать окончательно расстроилась.

— Вот что, — сказала она, — ты к Геле идешь?.. Так вот занеси по пути Липатию Львовичу торт, тот большой, на холодильнике, понял?.. А мы с отцом из Таежного вернемся, его навестим. Ну, и вообще узнай, что ему нужно... лекарство или что...

Надев дубленку и нахлобучив шапку, Игорь прихватил с подзеркальника в прихожей ключи и выбежал на крыльцо. Затем, спохватившись, вернулся за тортом, а через пять минут уже выводил из теплого гаража «Волгу». Отец запретил брать машину строго-настрого, но теперь уже было все равно.

...Улица сверкала новогодними огнями. Дорогу переметала поземка. Посреди катка, залитого у третьей школы, переливались разноцветные лампочки в мороженой в лед огромной елки. Машин было мало, но Игорь вел осторожно — не хватало только, чтобы его остановила автоинспекция. (Игорь не знал, конечно, что и Нуждин, и Румянцев, и Лыцов, и почти вся спецдružина ГАИ на машинах находятся сейчас далеко в лесу, в кварталах заготовок.) Через несколько минут он подъехал к длинному двухэтажному общежитию. Общежитие гудело. Мощные колонки, выведенные кое-где через форточки на улицу, ревели на разные голоса. Игорь вбежал в подъезд.

Нарядная, довольно молодая вахтерша отбивалась от двух парней, пытавшихся во что бы то ни стало напоить ее шампанским.

— Да мальчишки, ну как вы не поймете! На работе я!.. Молодой человек, вы к кому? — обратилась она к Игорю. — Да отстаньте же вы, наконец!.. Вы к кому, я спрашиваю...

— Я... мне... к Липатию Львовичу...

Парни переглянулись

— К Липатию Львовичу! — вскричали они хором. — Мы тоже к Липатию Львовичу! Айда к Липатию Львовичу!..

9

Ветцель лежал с ангиной. Вообще-то пожилые люди редко болеют ангиной, да и протекает эта болезнь у них обычно стерто — Липатий Львович, во всяком случае, чувствовал себя вполне удовлетворительно; однако вызванный соседом, несмотря на протесты Ветцеля, врач прописал строгий постельный режим, полоскания и дал рецепт, с которым сбегал в аптеку все тот же сосед.

Липатий Львович занимал в молодежном общежитии две смежные комнаты, в которых размещалась его необычная библиотека. Не раз предлагали ему отдельную квартиру, но Ветцель всякий раз твердо отказывался. Здесь, в молодежном общежитии, у него было много друзей, и с ними он не чувствовал себя одиноким. Ему не только не мешал шумный быт молодых людей — в большинстве своем лесорубов, но, напротив, Липатий Львович был по-настоящему счастлив оттого, что эти люди могли петь и веселиться, могли развешивать на общественной кухне мокрые пеленки и не опасаться за будущее своих детей.

Едва ушел врач, к Ветцелю нагрянули гости. Это были молодожены, неделю назад получившие квартиру и пришедшие звать Липатия Львовича на новоселье, приурочив его к Новому году. Ветцель, ссылаясь на недомогание, отказался.

— А это что у вас за книжка, простите? — сказал он для того, чтобы перевести разговор, указывая на потрепанный переплет, торчавший из сумки жены.

— Эта?.. «Три мушкетера»... Давала почитать там у нас на работе, сегодня принесли... да так и таскаю с утра. Липатий Львович! Вы ведь книжки собираете! Так возьмите! Возьмите! Развлечетесь, по крайней мере...

Едва гости ушли, Липатий Львович раскрыл книгу. Давно уж он не читал ничего подобного, и ничего подобного не было в его библиотеке. Он вспомнил, что восхищался тремя мушкетерами и д'Артаньяном в то далекое счастливое время, когда младший брат Гриша ходил еще пешком под стол, старшие сестры заканчивали школу, а со своей

будущей женой Мирой он не был даже знаком... Никого из них нет в живых; а книжка... книжка вернулась к Ветцелю, как воспоминание о светлой юности... Липатий Львович с волнением приступил к чтению.

Более всего потрясла Липатия Львовича история миледи, а в сущности, никакой не «миледи», а бедной девушки-монахини, попавшей в руки таких же негодяев, как герцог Бекингэм, и ими же зверски умерщвленной. Вот что рассказывает о ней палач города Лилля: «Эта молодая женщина была когда-то столь же красивой молодой девушкой. Она была монахиней Тамплемарского монастыря бенедиктинок. Молодой священник, простосердечный и глубоко верующий, отправлял службы в церкви этого монастыря. Она задумала совратить его, и ей это удалось: она могла бы совратить и святого».

Но сколько же лет было девушке, когда она «совратила» «простосердечного» священника?.. Атос — граф де Ла Фер — женился на ней, когда ей было шестнадцать лет. Но это было много позже. Сколько же ей было в монастыре? Пятнадцать? Четырнадцать? И эта девочка «совратила» взрослого человека, окончившего какое-то церковное заведение и рукоположенного в сан священника?..

Далее. Атос рассказывает о ней: «Мой друг, владетель тех мест (граф де Ла Фер имеет в виду себя), мог бы легко соблазнить ее или взять силой — он был полным хозяином, да и кто стал бы вступаться за чужих, никому не известных людей! К несчастью, он был честный человек и женился на ней. Глупец, болван, осел!.. Однажды во время охоты... она упала с лошади и лишилась чувств. Граф бросился к ней на помощь, и так как платье стесняло ее, то он разрезал его кинжалом и нечаянно обнажил плечо. Угадайте, д'Артаньян, что было у нее на плече!.. Цветок лилии... Она была заклеямена!.. Ангел оказался демоном. Бедная девушка была воровкой. Граф был полновластным господином на своей земле и имел право казнить и миловать своих подданных. Он совершенно разорвал платье на графине, связал ей руки за спиной и повесил ее на дереве...»

Да, так поступил с шестнадцатилетней девушкой самый «благородный» из мушкетеров — граф де Ла Фер, а его «честность», по его же словам, заключалась в том, что он женился на ней, а не просто изнасиловал, как поступал обычно с девушками, за которых некому было вступить.

Автор между тем пишет: «Большим преступникам предназначен в жизни определенный путь, на котором они

преодолевают все препятствия и избавляются от всех опасностей вплоть до того часа, когда, по воле провидения, уставшего от их злодеяний, наступает конец их незаконному благополучию».

О ком же это? Кто этот «большой преступник»? Похотливый бездельник Бекингэм, которому нет дела до гибели тысяч людей? Кардинал Ришелье, обречший на голодную смерть 12000 жителей Ла-Рошели? Палач города Лилля, заклеивший бедную девушку из мести за своего брата — «простосердечного» священника, а затем и отрубивший ей голову по приговору четверых лоботрясов, втянувших ее в свои авантюры? Наконец, развратная королева Анна, чью сомнительную честь, убивая походя многих ни в чем не повинных людей, спасают «благородные» мушкетеры?..

Нет, «большой преступник», по мнению автора, — та самая девушка — «миледи», которую «честный» граф де Ла Фер привязал голую к дереву...

Липатий Львович не мог понять, как миллионы людей читают эту книгу и восхищаются ее героями, как сам он когда-то не видел того, что в ней написано. Нет, не так относились к униженным и оскорбленным женщинам писатели, чьи имена по праву украшают историю человечества. Не так относился Гюго к своей Фантине, Бальзак — к своей Эстер, Мопассан — к Пышке, Достоевский — к Сонечке Мармеладовой, Толстой — к Катюше Масловой...

* * *

В дверь постучались, а затем, не дожидаясь ответа, ворвались трое... Ветцель отложил книгу и встал. Двоих из ворвавшихся Липатий Львович, кажется, видел где-то прежде — во всяком случае, одинаковые драповые пальто на них были явно сшиты в его мастерской; что же до третьего, то его Ветцель знал очень хорошо — это был Игорь, сын известного водителя лесовоза и не менее известной в поселке модницы.

Двое в драповых пальто были заметно навеселе.

— Липатий Львович! — хором заревели они с порога. — С Новым годом, Липатий Львович!..

Ветцель всегда был рад гостям. Он засуетился, усаживая парней, и кинулся ставить электрический самовар.

— Молодые люди, будьте как дома!

И тут — теперь уже даже без стука — ввалилась еще од-

на компания: человек семь веселых, раскрасневшихся от мороза и смеха юношей и девушек. Ветцель бросился всех раздевать и усаживать, и Игорь, пользуясь суматохой, спросил:

— Липатий Львович, где живет Лида?.. Лида... вы знаете...

— Лидия Степановна? Улица Безноскова, дом сорок девять... А-а... вы знакомы?

— Спасибо, Липатий Львович. Вы... вы... я желаю вам прожить еще триста лет!..

— Стойте, куда же вы?..

10

Лидер покинул лесовоз очень расчетливо — на железнодорожном переезде поселка Нюринь — и, покамест КраЗ перетаскивал через полотно тяжелый воз, успел юркнуть в переулок, состоящий из длинных пристанционных зданий. У приземистого, похожего на барак строения Лидер остановился и, оглядевшись, вошел в подъезд; пробравшись ощупью в конец коридора, перехватил чемоданчик в левую руку и, достав зажигалку, высек пламя. Это была та самая, обшарпанная, утепленная кусками дерматина дверь. За три года ничего не изменилось. Лидер погасил зажигалку и постучался.

— Кто? — спросил из-за двери знакомый голос, перешедший в глухой затяжной кашель.

— Открывай, Якимыч, — сказал Лидер, — это я...

Щелкнула задвижка, дверь приоткрылась, и Лидер скользнул в полутемную комнатку, оклеенную все теми грязными, еще более потемневшими обоями. Все было то же самое: тот же потолок в темных разводах, та же узкая железная койка с ватным одеялом, тот же разохшийся стол с ящиками по бокам вместо табуретов. Было и новое: в углу на ящике стоял телевизор с экраном величиной в ладонь. То ли у него вообще не было звука, то ли вырубил хозяин, прислушиваясь к стуку в дверь, но певица безгласо разевала рот, как рыба на песке, и дергалась всем телом, как ветошная кошка.

Лидер бросился к столу, схватил буханку хлеба и, отломив горбушку, стал есть. Якимов, сильно постаревший, хотя был, пожалуй, ровесником Лидеру, волоча ногу, подошел к печке, взял с плиты кастрюлю и поставил на стол. Затем подковылял к телевизору, сунул руку за ящик и из-

влек початую бутылку водки. Лидер налил себе полстака-на, выпил и, закусив, сказал:

— Ну, здорово былиш¹,

— Здорово и ты, Лидер, — отозвался Якимов, закури-вая.

Лидер усмехнулся:

— Не ждал?

Якимов помолчал.

— Я что, — ответил, наконец. — Тут тебя и без меня ждали.

— Собко?

Якимов прокашлялся, затем ответил:

— Шабалин. Помнишь, здоровый такой бугай? Млад-шой тогда был, теперь лейтенант. Одно время начальником уголовки ставили, потом сняли. Щас Костик. Костика-то помнишь?

— Как не помнить... А Собко?

— Собко на пенсии.

— Что?..

— Год уж скоро.

— Вон что... — пробормотал Лидер. — Так это пацаны меня гоняют, как зайца... На пенсии... вон что...

Якимов сунул окурок за отворот валенка и сказал:

— Уходить тебе надо. — Он помолчал. — Все одно тебе пропадать. Не хочу, чтоб у меня.

Лидер вздрогнул.

— Ты... брось, Якимыч...

— Шкурки тебя потянут, — продолжал тот, — шкурки...

Лидер тяжело, исподлобья, посмотрел на Якимова.

Они помолчали.

— Уходи, Лидер, — жестко повторил Якимов. — Не хо-чу я.. Со шкурками тебе вышак корячится. Никого я на вышак не сдавал. И не хочу. Уходи.

— Не каркай!

— Да чего уж... — Якимов закурил новую папиросу и, словно про себя, скороговоркой произнес: — Железкой на-до вандать!

— Закрыта! — сказал Лидер.

Якимов, будто не слыша, продолжал:

— Позавчера два бруса шпановых дали винта из КПЗ. Сегодня утром повязали. Не иначе, послабление выйдет. Поездуха у моста стоп дает. Уходи, Лидер! — твердо по-вторил Якимов, давая понять, что и так сказал больше, чем

¹ Былиш — здесь в значении: старый друг, товарищ.

хотел. — Рабочий тамбур отпарись... — Он осекся. — То есть... конечно... если мальчики есть...

Лидер понял. Встав с ящика, он протянул руку и сказал:

— Дай!

Якимов побледнел, это было видно даже при тусклом свете пыльной лампочки.

— Дай! — повторил Лидер.

Якимов сглотнул слюну:

— Нету. Нету у меня, Лидер!

— Дуга!

— Верь слову: нету! Завязал...

— Не скись, Якимыч! Забыл, как вместе блок ломали под Воркутой? Как в Харпе припухали на одних нарах? Ну? Забыл? Чтоб у тебя, старого банщика, мальчиков не нашлось? Не ждал от тебя, Якимыч! От любого ждал, а от тебя... А-а, ладно... — Лидер подошел к койке, сел сверху на одеяло и засмеялся. — Лягу здесь, как падло. А ты жди. В эту хату тоже нагрянут... Жди...

Якимов, еще больше сгорбившись, взял у печки тяжелую кованую кочергу и пошел на Лидера. Тот встал с койки. Якимов отодвинул ее от стены, опустился на колени и, поддев кочергой половицу, сунул руку в проем. Вытащив небольшой сверток в грязной тряпице, убрал кочергу, уложил на место половицу, придвинул обратно койку. Затем с глубоким вздохом развязал зубами тряпицу. Звякнули на колечке блестящие никелированные поездные ключи — набор: трехгранка, секретка и отвертка. Якимов подбросил связку на ладони и, медленно протягивая Лидеру, словно отрывая что-то от сердца, сказал:

— Держи. Немецкие. У Баскова таких нету. Берег пуше глаза. Хоть и не работаю, а... Четыре шмонки выдержали...

Лидер сунул ключи в карман и сел снова на койку. Стащил валенки, затем щелкнул замком чемоданчика и достал хорошие меховые ботинки. Больше в чемоданчике ничего не было. Надевая ботинки, сказал:

— Угольник себе оставь, — кивнул на чемодан, — без блата добыл. И пимы закинь куда подальше. У одного сохашника разжился на Малой Кунде. Да и приметные. И наследил я ими порядочно... Да не мечи атанду: не было меня! Не было! И алес махен. — Он встал, натянул шапку. — Не поминай лихом, Якимыч. Должно, в последний раз свиделись. Живи, былиш!..

Когда закрылась за Лидером дверь, Якимов подковылял к столу, налил стакан водки и выпил. Потом, прокашлявшись, закурил и прислушался: на дворе завывал ветер. Значит, мороз был уже поменьше. А на маленьком — с ладонь — экране молча мотался с микрофоном эстрадный певец. Ветер завывал все сильнее.

11

Ветер завывал и переметал дорогу. Когда Игорь свернул на улицу Безноскова, ветер подул в лоб; поднятая с проезжей части поземка билась в стекло, как мошकारа. Улица Безноскова, самая старая, «деревенская» улица поселка, состояла из одних частных домов, и годы ее были сочтены: согласно генеральному плану застройки райцентра, здесь должны были встать квартал пятиэтажных домов и гостиница. На проезжей части появились легкие заносы, Игорь проходил их на скорости, но в одном месте все же забуксовал. Он сдал немного назад и вышел из машины. Номеров на избах видно не было, но на одном из венцов ближайшего строения что-то белело. Игорь подбежал к штакетнику и с трудом разобрал: 43. Следовательно, 49-й через два дома.

«Волга» стояла посреди дороги, но съехать на обочину, без риска застрять на всю ночь, было нельзя. Впрочем, машины здесь ходили редко.

Добежав до покосившегося забора 49-го дома, Игорь отворил державшуюся на одной петле калитку и вошел во двор. В соседнем дворе залаяла собака. Игорь вбежал на крыльцо и постучался. Ответа не было. Он постучался еще раз, затем отворил дощатую дверь и вошел в темные сени. Спичек, как назло, не было. Шаря впереди руками, он сделал еще шаг и, задев за что-то локтем, отшатнулся: раздался грохот какой-то посуды — тазика или ведра. Почти тут же приоткрылась дверь, ведущая в избу, и слабый голос спросил:

— Кто хоть ходит-то?

Игорь бросился на свет. Дверь раскрылась пошире, он вошел в низкую, жарко натопленную комнату и огляделся. В таких помещениях Игорю бывать не доводилось. Половину комнаты занимала чисто выбеленная русская печь с высокой лежанкой, занавешенной ситцевой шторой. У стены стоял ящик с деревянной решеткой, в котором шебур-

шились две курицы. Острый запах птичьего помета смешивался с известковым жаром, шедшим от печки. Слева, напротив ящика, стоял кухонный стол, застланный клетчатой клеенкой. На полу лежала домотканая дорожка, она вела от порога в смежную комнату.

Женщина, впустившая Игоря, была худая сторбленная старушка в серой пуховой шали на узких плечах.

— Здравствуйте, бабушка, — сказал Игорь. — Я бы... мне бы... Лиду!..

Старуха молча смотрела на Игоря серыми, словно выцветшими глазами, должно быть, пытаясь узнать пришельца, Игорю стало не по себе.

— Чтой-то не разберу, — сказала старуха. — Ить не Костик же ты?.. Нет. Тогда кто ж?..

Но Игорь уже не слышал ее: в проеме смежной комнаты стояла девушка. Она была все в том же глухом коричневом платье.

— Собирайся, — коротко приказал он. — Я за тобой.

— Ишь че, — пробормотала старуха. — Надолго ли?

Игорь не слышал ее.

— Знать бы, — продолжала старуха, — дак хоть бы хлебушка прикупили... Ты уж возьми, Лидуха, че осталось, хоть полбуханки, да печенюшки там, а я завтра передачку принесу... Завтре-то передачи примаете? — обратилась она к Игорю.

Девушка вздрогнула. На ее счастье, Игорь не разобрал, о чем бормотала старуха: он не слушал ее, да и был настолько далек от того, что она говорила, что все равно бы не понял. Старуха открыла рот, желая, видно, что-то добавить, но тут девушка закричала так, что вздрогнул Игорь:

— Да замолчи ты, бабка!

— Ишь че... — сказала старуха. — Я как лучше...

Девушка накинула пальто с каким-то хорьковым воротником, обула на босу ногу валенки, быстро повязала небольшой цветастый платок и посмотрела на Игоря. Он открыл дверь в сени и пропустил ее вперед.

— Куда же ты голая-то? — запричитала старуха. — Чулки бы хоть. Ишь че... Шабалин ли, как ли его... звать-то и забыла...

Девушка не знала, что Игорь на машине, однако ничуть не удивилась, когда он открыл дверцу и указал, чтоб она садилась. Подавленная свалившимся неожиданно счастьем, дрожа от страха (быть может, она чувствовала, что произойдет в эту новогоднюю ночь), девушка скользнула в ма-

шину. Игорь включил передачу и попробовал осторожно тронуть машину. «Волга» дернулась и заглохла. До Нового года оставалось полтора часа.

Лидеру везло почти неправдоподобно: на выходе из Нюриня он остановил бортовой «Урал», направлявшийся в райцентр. Водитель рассказал, что едет по распоряжению главного механика за председателем местного комитета, которому удалось раздобыть в Верхней Кунде два ящика шампанского и пять ящиков апельсинов: в Нюрине эти деликатесы давно раскупили. У Лидера шофер ни о чем не спрашивал, говорил только сам и искренне огорчился, когда пассажир попросил высадить его у мостовиков на 137-м километре.

Балки мостовиков — их было четыре — стояли в нескольких метрах от полотна; водитель тормознул как раз напротив, Лидер выпрыгнул из кабины, и здесь ему пришлось пережить несколько неприятных минут. Из ближнего к дороге балка вышли трое (Лидер едва успел упасть и вжаться в сугроб), и одни из них окликнул какого-то Федора. Затем все трое помолчали, прислушиваясь. Ответа, разумеется, не было. Тогда другой голос заметил, что, должно быть, первому показалось. Первый возразил, как же показалось, если они все трое слышали: тормозила машина, вон огоньки, она удаляется. Они вновь помолчали, прислушиваясь, и тут третий голос заявил, что если бы Федор приехал на машине, то, верно, уж не стал бы скрываться, а давно бы отозвался. Второй согласился со столь веским доводом, и, решив, что Федора следует ожидать с нюриньским поездом, трое вернулись в балок.

Лидер выбрался из сугроба и, отряхиваясь на ходу, отбежал по дороге назад метров на пятьдесят. Здесь у откоса стоял бульдозер. Это была находка. На белом снегу человека можно разглядеть даже в темноте, но у бульдозера Лидер был в безопасности. Насколько позволяла звездная ночь, просматривалась железнодорожная колея, виден был и небольшой каменный мост по ту сторону балков.

...Блеснули инеем рельсы, в ту же секунду послышался невнятный гул. Лидер резко обернулся: от Нюриня приближался поезд...

Состав подходил так медленно и так медленно тормозил, что Лидеру на мгновение стало страшно: казалось, локомотив не дотянет даже до балков и остановится у бульдозера; тогда все пропало... Однако повыскакивавшие на насыпь мостовики навстречу поезду не спешили, и поезд все двигался, дальше и дальше, локомотив прошел балки и был уже за мостом, наконец, грохнув в последний раз на стыках, состав замер.

Из вагона напротив балков выпрыгнул человек, его встретили восторженными криками: видно, это и был долгожданный Федор; не менее восторженно стали принимать подаваемые из тамбура мешки, коробки, свертки... Конца разгрузки Лидер ждать не стал: вряд ли поезд собирался стоять здесь более 1—2 минут. Вскарабкавшись по заснеженному откосу, Лидер подскочил к неосвещенному — нерабочему — тамбуру предпоследнего вагона (впрочем, и рабочие тамбуры двух соседних вагонов были закрыты наглухо); держась левой рукой за поручень, взобрался на нижнюю ступеньку подножки, отпер трехгранным ключом дверь и, толкнув ее от себя, из последних сил перевалился через чугунную решетку. На секретку дверь заперта не была, и это спасло Лидера: не пришлось тратить еще и на этот замок драгоценных секунд, в течение которых его могли заметить. В тот момент, когда проводница 9-го вагона, из которого выгружался мостовик, глянула вдоль состава, Лидер уже захлопывал за собой дверь изнутри.

Поезд тронулся. Тщательно отряхнув от снега пальто и ботинки, Лидер попытался открыть дверь, ведущую через сцепную площадку в соседний вагон. Она поддалась. Это было как нельзя кстати: его могли принять за пассажира, возвращающегося из вагона-ресторана; еще там, стоя у бульдозера, Лидер заметил, что в ресторане были люди. Он расстегнул пальто, сунул шапку под мышку и осторожно вошел в общий. В двух крайних купе народу вообще не было; из третьего же доносились смех, возгласы и звон посуды — какая-то компания отмечала Новый год. То один, то другой из компании выходили покурить. На Лидера никто не обращал внимания.

Поезд!.. Лидер никогда не воровал в поездах, однако с железной дорогой были связаны основные, поворотные пункты в его жизни. И та бомбежка под Ленинградом, где «мессершмитты» расстреляли ослепленного шестиклассника, и тот холодный состав от Финляндского вокзала к Ладоге, и тот длинный, растянувшийся почти на месяц путь

от восточного берега Шлиссельбургской губы до узловых станций в Западной Сибири, — все это были поезда.

В поезде Васька Хромов стал Лидером.

* * *

Случилось это весной 42-го, когда эшелон с эвакуированными через Ладогу ленинградцами остановили на небольшой станции Всполье под Ярославлем. По вагону пронесся слух, что вот-вот начнется выгрузка; иные же утверждали, что выгружать будут только мертвых и больных, а остальных повезут дальше. Под «больными» подразумевались те, кто уже не мог сам подняться. Но главное, как обещали сопровождающие, всем будет выдан настоящий мясной горячий суп. Час или полтора спустя, когда напряжение, связанное с такими большими надеждами, достигло предела, в вагоне появились люди в белых халатах: врач, три медсестры и пять или шесть носильщиков.

В вагоне, где ехали Кира и Васька, мертвых было двое: малявка-девчушка — никто не слышал за всю дорогу, чтобы она хоть раз запищала, и одна женщина, сухая и черная, как мумия, которую все звали «бабушкой», и лишь когда санитары выносили трупы (их положили на одни носилки), врач прочел эваколисток и нахмурился: женщине было 22 года, а девчушка была ее дочь.

Больных же из этого вагона сняли девять человек: их тоже клали по двое на носилки — валетом — и грузили в стоявший на перроне автобус. Ваське врезалось в память на всю жизнь: в проходе вагона — носилки; на них лежит исхудавший до костей мальчик, похожий на гнома; быть может, он уже знает, что умрет, и безразлично прислушивается к тому, как врач и сестры уговаривают лечь на эти же носилки Киру, а она вцепилась из последних силенок в Ваську и кричит, кричит, но крика не получается, и тогда она кусает в руку санитар-носильщика, пытающегося оторвать ее от Васьки.

— Это твой брат? — спрашивает усталый, с серым от бессонницы лицом пожилой врач, тщетно пытаюсь разыскать в списке еще одну такую фамилию — Александров. Васька молчит. — Это твой брат, девочка? Мальчик, как твоя фамилия? — обращается он к Ваське. — Эта девочка твоя сестра?

Васька молчит.

— Может, обоих тогда снимем? — предлагает санитар.

Врач кивает головой. Откуда знать санитару, взятому лишь вчера из штаба МПВО, что врачу дано строжайшее указание снимать только тех, кто уже не может сам двигаться, а остальных отправлять дальше.

Поэтому врач не настаивал на том, чтобы немедленно снять Киру с поезда, тем более, что девочка не хочет; да и кто знает, быть может, там, в Сибири, ей будет лучше. Но все же, скорее машинально, чем по необходимости, повторил:

— Это твоя сестренка, мальчик? Как твоя фамилия?

Ни у Киры, ни у Васьки не было эваколистков: их внесли в общий список; а поскольку еще до Ярославля из вагона выгрузили пятнадцать трупов, у которых нельзя было спросить фамилий, то никто и не знал теперь, кто умер, а кто остался в живых, тем более, что многие пяти-шестилетние дети их просто не помнили. Васька, конечно, помнил свою фамилию, но и теперь, тридцать с лишним лет спустя, не смог бы объяснить, что заставило его скрыть ее от врача, которому, в общем, было это безразлично. И добро бы еще он назвался фамилией Киры — Александров, это имело бы какой-то смысл, поскольку врач, по-видимому, хотел для очистки совести убедиться, что они брат и сестра, и пускай едут вместе. Васька сам не понимал, что заставило его назваться фамилией (или кличкой) человека, которого он не запомнил даже в лицо, но он сказал:

— Лидер!

— Лидер? — рассеянно переспросил врач и еще раз просмотрел список. — Тут даже и фамилии этой нет... Учет поставлен из рук вон... Впрочем, все равно... Сделайте девочке камфору... и глюкозу, если осталась... И пусть едет...

Покачиваясь от усталости, врач повернулся и двинулся дальше по вагону. Молоденькая, со слезами на глазах медсестра, разогрев в ладони ампулу с камфорой, набрала шприц и подошла к Кире. Кира безропотно разрешила сделать себе укол, но Васька вдруг почувствовал, что скамейка под ним мокрая... У Киры был голодный понос. Боясь, чтобы не заметила медсестра и не вызвала снова носильщиков, Васька обхватил девочку за плечики и прижал к себе, пока сестра, пряча шприц и смахивая с длинных ресниц слезы, не отошла.

А между тем во вновь составленном списке эвакуируемых, следующих в Сибирь, появилась новая фамилия: Лидер.

...Несколько лет спустя старший оперуполномоченный Собко послал в Ленинград требование. Ему ответили, что в картотеке Ленинградского уголовного розыска действительно числится преступник по кличке Лидер, 1918 года рождения, пропавший без вести при невыясненных обстоятельствах в июне-июле 1941 г. Разумеется, бывший детдомовец Васька не мог быть тем самым Лидером, да и тот Лидер не мог быть родственником Ваське: ведь Лидер — это только кличка.

* * *

...В вагоне было тепло, ноги постепенно оттаяли, и Лидер не заметил, как задремал под шум новогодней компании...

— Гражданин! А гражданин! — тряхнули его за плечо. Лидер вскинулся. Перед ним стояла проводница с веником в руке. — Гражданин, вы из какого вагона?

— Я?.. Я... из этого...

— Из моего? Где вы сели?

— Я?.. Я... в Нюрине...

— В Нюрине? В Нюрине ко мне никто не садился! Вы что-то путаете, гражданин!

Лидер попытался что-то еще сказать, но громкая хорошая песня, донесшаяся из третьего купе, заглушила все, даже перестук колес. Когда хор рявкнул: «...горбушку — и ту пополам!..», нервы проводницы не выдержали. Швырнув веник под лавку, на которой сидел Лидер, она исчезла. Лидер успел понять, что проводница метнулась не в сторону компании, а сюда, в нерабочий тамбур, то есть, возможно, в следующий вагон за бригадиром или... Куда она ушла?.. Зачем?.. За кем?..

Лидеру казалось, что после ухода проводницы прошло не более двух-трех минут. Что делать?.. Где сейчас поезд?.. За окном была беспросветная темень. Лидер схватил шапку и вскочил; в узком зеркале над лавкой мелькнуло его небритое черное лицо; в ту же секунду хлопнула, защелкиваясь, дверь; между тем со стороны нерабочего тамбура никто не появлялся, и Лидер понял: дверь запирают на ключ!.. Наконец мимо купе шмыгнула, словно мышь, проводница; Лидер бросился на выход, нащупывая в кармане ключи, — и носом к носу столкнулся с... милиционером. Это был молоденький младший сержант в шинели с па-

радными золотыми погонами, надетыми, должно быть, в честь Нового года. Поигрывая связкой поездных ключей, младший сержант с интересом смотрел на Лидера.

Младший сержант Бодрызов, тот самый, что опрометчиво блеснул перед Басковым «железнодорожным» патриотизмом, заявив, что «ни за какие коврижки» не пошел бы служить в территориальные органы, не очень огорчился тем обстоятельством, что новогоднюю ночь предстояло провести в дороге. Вернее, даже и не всю ночь. Маршрут был не до конца, до Оби, а только до скрещения — далее 282-й пассажирский должен был следовать в сопровождении начальника линейного поста станции Тургинской, а во-вторых, 293-й — встречный почтово-пассажирский, на котором сержант должен был возвратиться, — прибывал в Верхнюю Кунду в 23.45 — без четверти двенадцать — то есть практически к Новому году Бодрызов был бы уже, считай, дома.

В обычной обстановке сопровождающие отправлялись в путь без оружия; не собирался получать его и Бодрызов: беглецы пойманы еще утром на переезде, Желтов скомандовал отбой и ушел домой, и ничто, казалось, не предвещало новых осложнений. Однако после обеда, за час до прибытия 282-го, началось новое столпотворение. Вновь явился Желтов и приказал выдать всем оружие. Выяснилось, что получены новые данные: в пределах эксплуатационной площади Верхне-Кундинского леспромхоза находятся двое преступников с автоматом. По сравнению с этим сообщением побег двух щенков из КПЗ был просто легкой шалостью. Местонахождение еще одного преступника — члена этой же шайки — неизвестно; не исключена возможность, что последний попытается выбраться из района по железной дороге.

За двадцать минут до прибытия 282-го Бодрызов, взглянув из окна дежурной части, увидел, что к отделению подруливает желтый райотделовский «газик». Поигрывая поездными ключами, сержант повернулся к дежурному и, не скрывая иронии, произнес:

— Райотдел приехал! Будут са-а-ами поезд обрабатывать...

Старший лейтенант пожал плечами. Через полминуты в дежурную часть вбежал невысокий темнолицый казах — лейтенант из уголовного розыска РОВД по фамилии Али-

баев. Торопливо поздоровавшись, он извлек из-за пазухи пачку фотоснимков размером 9 на 12, отделил больше половины и, вручив дежурному, предложил раздать сопровождающим и — хотя бы по два — передать на линейные пункты и посты. Старший лейтенант кивнул и тут же, отсчитав четыре штуки Бодрызову, приказал:

— Одну себе, три отдашь в Турге...

— А где Желтов? — спросил инспектор из РОВД.

— У себя, — ответил дежурный, разглядывая снимок. С фотографии смотрел широкоплечий, аккуратно подстриженный мужчина в черной (или коричневой) кожаной куртке, из-под которой торчал воротник белой рубашки. На вид ему можно было дать сорок с небольшим. Левую бровь преступника пересекал короткий, хорошо различимый даже на этой неважной фотографии шрам. — Значит, Лидер... — сказал дежурный. — Побег из СИЗО. Редкий случай. В моей практике такая ориентировка впервые, чтобы из СИЗО... Значит, без оружия?..

— Собко считает, что нет: с оружием никогда не задерживался. Но мы с Шабалиным на эти вещи смотрим так: хрен его знает! Особо опасный рецидивист, в бегах и проходит по мехам. Ему терять почти что нечего. Поэтому соблюдать осторожность... — Алибаев то и дело поглядывал на большой хронометр, висевший на голой стене напротив стола дежурного. — Двести восемьдесят второй обрабатывать будете? — нетерпеливо спросил он наконец.

— Да вот, Бодрызов, — ответил дежурный. — И он же будет сопровождать...

— Ну так идем, что ли? — поторопил Алибаев. — Там двое наших ждут на перроне. Времени-то...

— Времени-то еще семь минут, — неторопливо заталкивая пистолет в кобуру, ответил Бодрызов. — Куда же спешить-то? Спешить нам абсолютно некуда... — Как всякий человек, связанный по службе или по работе с железной дорогой и ее не менее железным графиком, Бодрызов знал, что минута — значительный промежуток времени, а уж семь минут — вообще неопределенно долгий срок: кажется, и дела-то такого не сыщется, которого нельзя сделать за семь минут. Между тем Алибаев расхаживал в дежурной части, словно тигр в клетке. — Поспешнись, — настойчиво заметил сержант, застегивая кобуру, — людей насме... — Бодрызов осекся: в дверях стоял заместитель по оперативной работе, временно исполняющий обязанности начальника линейного отделения.

— Отправляйтесь, — сдержанно приказал Желтов. — И смотрите в оба.

...Райотделовский «газик» желтел возле деревянного здания вокзала. По перрону нетерпеливо расхаживали два офицера из РОВД. Алибаев указал офицерам на дальний конец перрона; те, кивнув, помчались туда, затем один из них вернулся, уточнил что-то у Алибаева и кинулся опять за товарищем...

«Вот и забегали, вот и забегали! — недовольно подумал Бодрызов. — А народ и думает: железнодорожная милиция икру мечет! По форме-то не различишь, верно старшина говорил... Нет чтобы прошлись с достоинством, как положено...»

Замысел Алибаева сержанту был ясен, как день: те двое начинают с головы поезда, а Бодрызов и Алибаев — с хвоста.

— Конец где будет? — торопливо спросил лейтенант. — Мы должны...

— Да вот он, хвост, вот где стоите! Не спешите вы — пять минут стоянка, за это время...

— Проверяем со всей тщательностью! — предупредил Алибаев, пропуская мимо ушей советы сержанта. — Все углы и закоулки! Чтобы исключить всякую возможность!..

«Нет, что ни говори, Басков, а между нами — большая разница, — подумал Бодрызов. — Конечно, и у них свои трудности, но все же... Вот те двое из РОВД. Казалось бы, чего проще: стоит знак **ОСТАНОВКА ЛОКОМОТИВА**, прикинь от него на машину, на почтовый вагон — и жди спокойно. Так нет: вот и забегали, вот и заглядывали... А народ и думает...»

...Хвостовой вагон остановился именно там, где указал сержант. Алибаев вскочил на подножку и, отстранив проводницу и выходящих пассажиров, ринулся через узлы и чемоданы внутрь вагона. Покамест он тщательно, но наверняка бестолково, по мнению сержанта, осматривал вагон, Бодрызов успел переговорить с проводницей, показать ей фотографию Лидера и даже поинтересоваться, не запил ли по новой муж. Бригада 282-го была из Серовского резерва, Бодрызов родился в этом городе, жил в нем до армии, работал слесарем в депо, в Серове жили и по сей день его родители — пенсионеры-железнодорожники, и сержант знал наперечет всех проводниц, многих еще с детства; с бригадиром же этого поезда он учился в одной школе и сидел за одной партой до восьмого класса, пока тот не по-

ступил в железнодорожный техникум. При такой биографии и таких связях неудивительно, что за год с небольшим Бодрызов стал одним из лучших милиционеров отделения. Неудивительно и то, что за действиями сотрудников райотдела на перроне и в поезде он следил с затаенной ревностью: ему казалось, что кто-то грубо вторгся в его владения.

...Стоит посмотреть, как движется по составу сотрудник транспортной милиции!.. Если Алибаев то и дело натыкался коленями на сиденья, дергал двери, пытаясь открыть их, не в ту сторону, придерживался за стенки, — то сержант Бодрызов был тут как рыба в воде. Как бы ни старались конструкторы создать максимальные удобства пассажирам, пространство вагона ограничено габаритами, установленными для подвижного состава железной дороги; но когда смотришь на идущего по вагону работника железнодорожной милиции, то кажется, что места здесь даже в избытке. Так движется в тесноте подводной лодки обученный матрос...

С двумя офицерами из РОВД, начинавшими осмотр с головы, Бодрызов и Алибаев встретились в четвертом вагоне.

Крашенная блондинка — проводница этого вагона — тараторила без умолку:

— Да, пожалуйста, смотрите, если не верите!.. Вот — и в шкафчик загляните!.. Убедились?.. Спасибо!.. Валера! — закричала она, увидав Бодрызова. — Смотри: я их говорю, у меня в служебном полукупе никого нет! А они говорят: откройте! Я им говорю: неужели вы мне не верите? А они говорят: откройте! Я говорю: пож-жалуйста! Но у меня там развешаны некоторые предметы женского туалета! Если вас интересует — пож-жалуйста!..

— Ладно-ладно, девушка, — вставил один из офицеров. — Вы должны понять: мы не из праздного любопытства...

— Я же говорю: пож-жалуйста!..

Бодрызов нахмурился: «Так мы чего доброго всех наших помощников лишимся...», но вслух сказал:

— Зоенька-ласточка, чай приду пить, заваривай покрепче!

— Ты сегодня с нами?

— Ну, а куда ж вы без меня, Зоенька-ласточка! А Люба где?

— А Любка — все в декрете! А Сашка Власов велел тебе передать, он теперь в Свердловский резерв переходит...

— Ну все, товарищи, можно сходить, — сказал Алибаев. — Спасибо, — повернулся он к Бодрызову. — Счастливого пути.

* * *

До скрещения не случилось никаких происшествий. В Турге сержант передал начальнику линпоста лейтенанту Шмакову три фотоснимка, поздравил его с наступающим Новым годом и пересел на встречный 293-й.

Народу в этом поезде было немного. Бодрызов перекусил в вагоне-ресторане и, вспомнив наказ тещи, купил в буфете десяток лимонов. Затем, оставив пакет с лимонами у проводницы седьмого вагона, прошел еще раз по составу. Сержанта несколько беспокоила шумная компания в одиннадцатом: четыре парня и две девушки. Буфетчица клялась и божилась, что не продала на вынос ни одной бутылки вина; между тем компания час от часу веселилась все разухабистее — видно, запас спиртного был с собой. В первый раз сержант просто «навел профилактику» — молча прошел мимо, и его заметили: компания притихла, а один из парней судорожно сунул бутылку под скамью. Следуя принципу «экономного вмешательства» (как правило, его оказывалось достаточно), Бодрызов полагал, что и на сей раз все обойдется; однако этого не произошло. Поэтому во второй раз сержант задержался и, поздравив с наступающим праздником, сказал, что вообще-то понимает и разделяет их чувства — провести Новый год в дороге не столь уж приятно, но существуют постановления и правила, запрещающие распивать спиртные напитки на транспорте, в том числе и в поездах. Парни, а пуще того — девушки заверили сержанта, что все будет, как они выразились, «о'кэй», и до Нюриня действительно вели себя прилично, но, когда 293-й, остановившись на минутку у мостовиков, подходил уже к Верхней Кунде, прибежала проводница и сообщила, что молодежь опять разгулялась не на шутку, дошло до того, что курить стали прямо в купе. Бодрызов захватил с собой лимоны, чтобы не возвращаться потом в седьмой, и направился вслед за проводницей. «Ничего не поделаешь, — подумал он, — придется высаживать в Кунде... Я предупреждал, пусть теперь пеняют на себя...»

— Да, и вот еще, — оборачиваясь на ходу, сказала проводница. — Мужчина какой-то сидит у меня в вагоне. Го-

ворит, что сел в Нюрине, а в Нюрине ко мне никто не сядил... Ты его тоже глянь...

— Глянем, — пообещал Бодрызлов. — Ну-ка, дай я вперед пройду.

Он открыл своим ключом дверь, но проводница все же шмыгнула первой; у туалета она на секунду задержалась, перекрыв его на трехгранку, — поезд подходил к станции (...а Лидер подумал, что перекрывают дверь в тамбур...); сержант мгновение размышлял, не перекрыть ли и вагон, но не стал: речь шла не о задержании преступников, а о разбирательстве с пьяной компанией. Это была первая ошибка Бодрызлова: перекрыть выход из вагона следовало в любом случае.

Проводница рванула опять вперед, сержант поспешил за ней и лицом к лицу столкнулся с невысоким широкоплечим мужчиной в черном пальто с каракулевым воротником и с каракулевой же шапкой в руках. Секунду они смотрели друг на друга. Сержант перехватил пакет с лимонами под мышку и подкинул на ладони связку ключей.

— Вот этот, — сказала, обернувшись, проводница, мужчина теперь находился между ней и сержантом. — Говорит, сел в Нюрине, а в Нюрине ко мне... — Сокрушительный звон стекла в купе, где гуляла компания, прервал объяснение проводницы. — Окно! Окно разбили, алкаши проклятые! — вскричала она, бросаясь на звон стекла.

Сержант, вежливо отстранив мужчину, бросился следом, но вдруг обмер: ш р а м!.. Левую бровь мужчины — Бодрызлов видел отчетливо еще секунду назад — пересекал короткий, хорошо заметный белый шрам!.. Сержант резко обернулся — пакет разорвался, и крупные калифорнийские лимоны покатались по проходу. Но Бодрызлова лимоны больше не интересовали: мужчина в каракулевой шапке уже захлопывал за собой дверь в тамбур. В третьем купе истошно кричала на притихшую компанию проводница, один из парней протягивал ей четвертную, умоляя «не поднимать шума», но сержант ничего уже не слышал.

...Не так-то просто уйти в поезде от сотрудника транспортной милиции; к тому же все наружные двери были перекрыты, Бодрызлов отлично это знал и не сомневался, что достанет беглеца уже в следующем вагоне. Сержант не учел одного: у преступника были поездные ключи, и он загодя подготовил себе путь к отступлению. Конечно, если бы Бодрызлов не сваял дурака и перекрыл выход из одиннадцатого — да еще и на секретку, Лидер был бы уже у

него в руках: пока он копался бы с двумя замками... Да хотя бы на один замок — на трехгранку!.. Ведь счет шел на доли секунды...

В тот момент, когда Бодрызов выскочил в тамбур, преступник, рванув на себя правую (по ходу поезда) дверь, прыгнул в темноту. Видно, он умел обращаться с поездными ключами... (Сержант не знал, что Лидер оставил дверь незапертой еще тогда, когда садился у мостовиков.)

— Сто-о-ой! — заорал сержант, хотя кричать, разумеется, было бесполезно. Поезд шел со скоростью 25—30 километров в час, не более. Высунувшись по пояс, Бодрызов лихорадочно огляделся: слева виднелись уже огни райцентра, а справа в искрящемся под яркими звездами и луной снежном клубке скатывался по откосу беглец...

Конечно, проще всего было рвануть стоп-кран, но... в Верхней Кунде уже сорок минут стоит товарняк с горячим для Оби, а быть может, подошел и состав с вагонами для Сосновского леспромхоза — тот и другой ждут, когда освободится перегон... здесь, в 293-м, едут ничего не подозревающие пассажиры... машинист переговаривается с линейным диспетчером... И вдруг... разрывается воздушная магистраль... падает в проходе ребенок... летит со столика бутылка с минеральной водой... люди вздрагивают... Экстренное торможение!.. И все это только оттого, что милиционер линейного отделения младший сержант Бодрызов не перекрыл одиннадцатого вагона и просмотрел преступника, когда тот был у него в руках!.. Просмотрел и не перекрыл, хотя еще двадцать минут назад разглядывал вместе с бригадиром снимок, а еще в обед посмеивался над нерасторопностью офицеров из РОВД!.. Эх, Бодрызов!..

Нет, рвануть стоп-кран он не мог. Оттолкнувшись от решетки, сержант прыгнул вперед по ходу поезда — прыгнул, как учили в школе при УВДТ¹ и как прыгал сотни раз еще мальчишкой, — ведь родился он под гудки маневровых паровозов и вырос под тяжкий гул стальной магистрали; но в тот миг, когда лицо залепил взвихренный снег, а сзади грохотал еще последний вагон, острая боль пронзила тело от лодыжки до плеча; сержант перевалился на левый бок, попробовал потянуться рукой к ступне — боль пронзила еще раз, и он понял, что сломал ногу...

Бодрызов глянул вслед поезду — тот подходил уже к станции. На входном светофоре горели зеленый и желтый

¹ УВДТ — управление внутренних дел на транспорте.

огни; ярко светились ксеноновые лампы на мачтах нижнего склада, и кажется, всеми огнями сверкал новогодний поселок, в котором ждали сержанта жена, а теща... лимоны...

А внизу, под насыпью, в десяти метрах от лежащего милиционера, тянулась к поселку автомобильная дорога, и по ней со стороны Нюрина спокойно приближался беглец. То ли он догадался, что с сержантом что-то случилось, то ли вообще не видел Бодрылова, но беглец вышагивал спокойно, размеренно и даже отряхивал на ходу пальто. Морщась от боли, Бодрылов достал из кобуры пистолет, передернул затвор и стал ждать. Щелчка затвора преступник, возможно, не слышал, но в том, что он заметил сержанта, сомнений не было; да и как не увидеть человека в темной одежде на заснеженном откосе... Вот он поравнялся с Бодрыловым и, поглядывая в его сторону, стал проходить мимо...

— Стой! — негромко скомандовал сержант. — Стрелять буду.

Беглец остановился.

— Стою, — сказал он хриплым голосом. — Стреляй.

— Стой, — повторил сержант. — Стреляю!

— Стреляй, — ответил и на этот раз преступник. — Стреляй, мент!

— Не двигайся, — предупредил сержант. — Иначе так и знай: застрелю!

Беглец вдруг захохотал. Жутким был его смех в десяти метрах от дула пистолета, в километре от сверкающего поселка.

— Что ж не стреляешь, мухомор? Маслят нету в машинке? Ну, так и не рыпайся.

— Стой, бандит! — закричал сержант. — Убью на месте!..

Лидер обернулся.

— Эх ты, лягаш! — сказал он презрительно. — Зря тебе пушкарь выдали. Ну, и лежи тут, как курва с котелком! Я пошел!

Сержант вскинул пистолет и выстрелил в воздух, но Лидер даже не оглянулся и не прибавил шагу. Бодрылов выстрелил еще дважды и опустил руку. Боль не прекращалась, приводя сержанта в ярость. На Лидера злости не было: особо опасный рецидивист, с него взятки гладки. Злился сержант на себя: милиционер линейного отделения не сумел прыгнуть с поезда!.. Что скажет Басков? Что

Желтов подумает? Как посмотрят товарищи по службе? Сержант железнодорожной милиции не смог спрыгнуть с поезда, движущегося со скоростью 25 километров в час!.. Да с него мальчишки сигают элементарно! Алибаев — и тот бы, наверное, не оплошал... Эх, Бодрызов!..

Проклятая нога! Но неужели ничего нельзя сделать? Бодрызов вспомнил, как однажды в армии старший лейтенант — командир роты — сломал руку на полосе препятствий. И не подумал уйти — довел занятия до конца; солдаты еще недоумевали: чего он такой бледный. Вот мужественный человек! А ты, Бодрызов?..

Лидер уходил по дороге в сторону поселка. Сержант, преодолевая боль, перевалился на живот и рванулся, загребая локтями, к автомобильной колее...

...Запахавшаяся проводница одиннадцатого вагона выкладывала на стол дежурного по линейному отделению крупные калифорнийские лимоны.

...А еще через несколько минут исполняющий обязанности начальника ЛОМ старший лейтенант Желтов, поторапливая водителя, мчался уже в УАЗе по автомобильной дороге в сторону Нюриня...

...А еще через двадцать минут Желтов вызвал по радиации дежурного и приказал:

— Позвони в РОВД. Скажи: Лидер в поселке...

14

«Волга» пробуксовала минут двадцать, прежде чем Игорю удалось вывести ее из снежного заноса на улице Безноскова. Все это время девушка молча наблюдала за ним: как ловко он орудовал рычагом, с какой изящной небрежностью крутил баранку, как вообще прекрасны были все его движения, его длинные тонкие пальцы на ободке рулевого колеса... И в машине было так тепло и уютно... и так хотелось плакать... Наконец, покрышки зацепились за утрамбованную колею, «Волга» рванулась...

Белая красавица-машина неслась по улицам поселка в бликах новогодних огней; в лучах фар искрилась поземка... Это мгновение девушка запомнила на всю жизнь; оно осталось с ней навсегда, и — что бы ни пришлось перенести ей до этого: дикие побои вечно пьяного отца, кошмарные оргии гулящей матери, первая рюмка водки, первая сигарета и первая судимость... — теперь-то она знала, что

даже мелькнувшее счастье стоит того, чтобы жить в этом мире... что есть, оказывается, люди, которые живут совсем по-другому... и что она... она... тоже могла бы так жить... если бы...

Сквозь слезы огни и снег, мутнея и расплываясь, виднелись словно бы со дна глубокого омута...

«Волга» въехала во двор двухэтажного дома. Игорь затормозил у крыльца, выскочил из машины и, забежав с правой стороны, открыл дверцу. Девушка вышла и безропотно вслед за Игорем поднялась на крыльцо. Отперев наружную дверь, Игорь ввел девушку в прихожую и сказал:

— Раздевайся. Вот шлепанцы.. А я пойду машину в гараж поставлю.

Девушка осталась одна. Сильная дрожь, настолько сильная, что не удалось расстегнуть пуговицы пальто, охватила ее всю, до кончиков ногтей... вот здесь, в этом месте, Игорь тогда схватил ее.. Наконец она сняла пальто, сбросила валенки и осторожно всунула босые ступни в остроносые шлепанцы. Неслышно ступая по ковровой дорожке, приблизилась к большому трюмо в простенке между двумя внутренними дверями.

Сердце ее сжалось, когда она увидела себя во весь рост в большом зеркале. Перед ней стояла стройная молодая женщина в облегающем коричневом платье с глухим воротником; но в нем она казалась себе голой. Женщина была в блестящих парчовых башмачках, а дешевенькие сережки со стекляшками сверкали, словно алмазы... Щелкнул дверной замок. Она резко обернулась.

Игорь, растерянно стаскивая с головы шапку, смотрел на девушку, будто видел ее впервые. Ему не верилось в этот миг, что это та самая девушка, которую он грубо схватил летом вот здесь, в прихожей, которую обнимал душным августовским вечером на берегу озера, которую целовал осенью в логу, стоя по щиколотки в холодной липкой грязи. И уж вовсе не верил в то, что она, эта девушка, бросилась ему на шею в тени штабеля хлыстов у 305-го крана и сказала: «Я люблю тебя!»

...Как же все получилось, Лидер?..

Не жаль было оставшегося на насыпи милиционера, видно, что-то себе повредившего при прыжке с поезда. На-

против, заботила другая мысль: подольше бы не нашли этого хлюпка-милиционера, не сумевшего даже выстрелить. Вначале Лидер не сомневался в том, что сержант будет стрелять — постарается ранить хотя бы в ногу, и в какой-то момент даже смирился. В самом деле: что толку тянуть? Из района не выбраться: перекрыты все дороги, блокирован даже лес. И Якимыч сказал верно: «Все одно тебе пропадать...» Лидер достал из кармана никелированные поездные ключи и зашвырнул подальше в сугроб, чтобы не отвечать потом, если придется, на лишние вопросы...

Лидер понимал, что проводница сразу по приходе поезда сообщит о случившемся в ЛОМ, а то и свяжется по рации с диспетчерской, не дожидаясь остановки, и уж Басков-то сообразит, в чем дело. Успеть бы добежать до поселка, пока не вышла навстречу машина.

Лидер успел. Свернув в первую окраинную улицу, оглянулся и увидел то, чего как раз опасался: от станции вдоль полотна при полных фарах неслась машина. Значит, милиция уже, считай, знает, что он, Лидер, в поселке. Теперь взять его — дело техники. Час туда, час сюда — роли не играет.

Фонарей на окраинной улице не было, но и глухоты или запустения отнюдь не ощущалось: весело перемигивались в окнах елочные гирлянды, мерцали экраны телевизоров, кое-где для интима сидели при свечах; отовсюду из приоткрытых форточек слышались музыка, крики, смех, песни, и никому не было дела до Лидера. С теми же, кому до него было дело, он сам не хотел увидиться.

...Как же все получилось, Лидер?..

Конечно, розовощекий сержант в новенькой форме с парадными золотыми погонами и отдаленно не напоминал того изможденного, черного от голода ленинградского милиционера в длинной кавалерийской шинели, висевшей на нем, как на вешалке, в надвинутой на глаза кубанке и в серых валенках; но что-то удивительно схожее случилось и тогда, в декабре 41-го, — правда, там, в промерзшем, продымленном пожарами осажденном городе все закончилось обычной трагедией: смертью.

* * *

Отец Васьки Хромова умер в конце ноября — отстоял полторы смены у кузнечного пресса, пришел домой, лег на кровать и умер. Из ополчения его вернули буквально через

неделю, как высококвалифицированного кузнеца, и мать вначале обрадовалась: по крайней мере, не убьют, и даже когда начался голод, не верила, что ее муж, Васькин отец — здоровый, чудовищной силы человек, который раскидал однажды у нее на глазах шестерых хулиганов, — может вот так взять и умереть оттого, что ему не хватило хлеба. Но он умер. Васька запомнил очень хорошо, что у матери нашлись даже на поминки миска квашеной капусты и бутылка водки — соседи съели и выпили в мгновение ока, и Васька потом долго вспоминал эту капусту и бутылку, которую можно было бы выменять на съестное.

А мать продержалась еще почти месяц — до того короткого декабрьского дня, когда в их старый дом на Конторской улице пришел незнакомый мужчина в белом армейском полушубке. Мужчина, видно, ошибся адресом: он выложил на стол две банки каких-то консервов, булку хлеба — не липкого блокадного хлеба, состоящего на три четверти из несъедобных примесей, а настоящую ржаную буханку, от одного запаха которой Васька едва не потерял сознания; еще какие-то промасленные свертки — быть может, с салом и маслом. Выложив все это, мужчина коротко сказал:

— Товар.

— Что?.. — едва слышно спросила мать.

— Товар, — повторил мужчина. — Побрякушки от Игнатича... Да поживее, мне некогда!..

В квартире было полутемно — стекла давно повыветало взрывами, и окна наглухо зафанерили: иначе, будь хоть немного посветлее, мужчина, наверное, догадался бы, что зашел не туда: достаточно было взглянуть на превратившуюся в скелет женщину и старичка-мальчонку, чтобы понять, что разговор о «побрякушках» (золотых изделиях) здесь более чем неуместен.

Однако, когда мать слабым голосом попыталась выяснить, о каком Игнатиче идет речь, мужчина, наконец, понял все. Грубо выругавшись, он принялся неспешно складывать продукты обратно в армейский вещевой мешок — да и куда было ему спешить? Кто мог помешать ему в этом доме: он шел сюда по трупам, оставленным у крыльца, на лестнице, у дверей квартир, а эти двое — женщина и мальчонка — станут такими же трупами не сегодня, так завтра.

Васька, словно крысенок, следил из угла, где стояла буржуйка, как исчезают в мешке банки и свертки (мужчина укладывал их обстоятельно, матерясь, что потерял вре-

мя), и, когда вот-вот должен был исчезнуть и хлеб, бросился к столу, схватил буханку и впился зубами в холодную горбушку. Мужчина брезгливо протянул руку, вырвал хлеб, а Ваську столь же брезгливо отшвырнул обратно в угол, причем сделал это без всякой ярости и даже без особой ругани: мало ли что взбредет в голову голодному сорванцу, а вот с Игнатъича, давшего ложный адрес, следует спросить по всей строгости. Уложив наконец и хлеб, мужчина аккуратно завязал тесемки, вскинул мешок на плечо и вышел, даже не притворив дверь.

Обезумев от запаха хлеба, от того, что горбушка уже была у него в зубах и он не смог откусить даже крохотного кусочка, Васька кинулся следом; на лестничной площадке он споктнулся «об тетю Зою» — она лежала здесь, завернутая в байковое одеяло, уже неделю, и Васька так и называл ее — «тетя Зоя», будто живую; улица ослепила его светом и снегом, но он разглядел, что мужчина в белом полушубке с вещмешком за спиной ушел недалеко — он и тут не спешил: размеренно и твердо шагал по тропке между сугробами, как давно уже не ходили качающиеся от голода ленинградцы.

Бежать за ним сил не было. Васька беспомощно, шурясь от слепающего снега, остановился — и вдруг увидел милиционера. Милиция редко появлялась на Охте; во всяком случае, Васька, кажется, не видел ни одного за всю блокаду, их и вообще мало, наверное, оставалось в городе; но сейчас, когда милиционер был особенно нужен, он вдруг появился.

— Дя... денька!.. Дя!.. — осекающимся голоском запищал Васька. — Вон тот!.. У него хлеб!.. Много хлеба!.. Мешок!.. Хлеб!..

Зимой 41-го в Ленинграде не требовалось долго разъяснять, что такое человек, идущий по городу с мешком хлеба. Конечно, он, возможно, получил какое-то задание и хлеб был у него по праву, но проверки такой человек требовал безусловно.

— Стой! — крикнул милиционер. Мужчина в армейском полушубке оглянулся и ускорил шаг, но не побежал. — Стой! — Милиционер неловко, с трудом извлек из кобуры пистолет — скрюченные холодом пальцы почти не слушались. — Сто-о-ой!.. — Милиционер дважды (Васька не видел: в человека или в воздух) выстрелил и бросился по тропинке, но неожиданно упал, будто подкошенный.

— Дяденька-а! — запищал Васька, пробираясь меж суг-

робами к милиционеру. — Дяденька... он в дом зашел... дяденька-а!..

Милиционер лежал лицом вниз, не двигаясь; рука с пистолетом утонула в сугробе. Васька взял его обеими руками за плечо и попытался повернуть хотя бы на бок, — и милиционер вдруг легко перевернулся на спину. Глаза его, глубоко утонувшие в глазных впадинах, остекленело тускнели, словно вода из глубокого колодца. Васька понял, что милиционер мертв.

А тот, в белом армейском полушубке, заскочив в какую-то подворотню, исчез навсегда.

...Как же все получилось, Лидер?..

16

Большая комната Игоря на втором этаже была залита светом: горели все три стосвечовые лампочки в хрустальной люстре, горел желтый торшер у журнального столика, горела настольная лампа с зеленым абажуром на двухтумбовом письменном столе. Игорю казалось, что при таком свете девушка будет чувствовать себя уютнее и непринужденнее. Сейчас он словно бы хотел доказать, что девушке нечего опасаться.

Свет нужен был и самому Игорю: он чувствовал, что в эти минуты здесь происходит нечто гораздо более важное, значительное, чем обычная встреча Нового года с девушкой, которая ему нравится.

Игорь мысленно усмехнулся, представив себе, как там, у Гели, танцуют в полутьме одноклассники, прижимая девчонок, а одна-две парочки, выскользнув в темноту соседней комнаты, задыхаясь от предоставленной на время свободы, целуются и шепчут друг другу разные слова... Какое детство!.. И подумать только, что и ему, Игорю, была уготована на сегодняшнюю ночь подобная судьба; уж Геля непременно потащила бы его в свою комнату под наивным предлогом показать новые марки, к которым Игорь был совершенно равнодушен, а десятиклассник из железнодорожной школы, наверняка приглашенный Гелиной подругой, пропел бы вслед что-нибудь особенно пошлое: «И чтоб никто не догада-а-ался-а!..»

Девушка робко сидела в кресле у журнального столика. Ей было страшно; яркий ослепляющий свет словно бы раздевал догола, но попросить, чтобы Игорь выключил

хотя бы торшер, было еще страшнее — что-то двусмысленное прозвучало бы в такой просьбе; тем более было страшно протянуть руку и выключить самой, она вообще боялась тут к чему-либо прикоснуться.

Игорь принес снизу бутылку шампанского, бокалы, коробку конфет и вазу с апельсинами; разместив все это на журнальном столике, придвинул второе кресло и сел напротив девушки.

— Ну вот, — сказал он. — Кажется, все... — Он взглянул на часы и воскликнул: — Вот здорово! Да ведь уже четверть первого!.. Мы уже пятнадцать минут в новом году живем и даже не замечаем! Вот это да!.. — Он, торопясь, сорвал проволочку и выхватил пробку. Пена хлынула в бокалы. — Знаешь, это нам подходит: счастливые не только часов, но и лет не наблюдают! — Он поставил бутылку рядом с собой на ковер. — Давай выпьем за... за... Я хочу... хочу сказать тебе... Я никогда этого не говорил... Вернее, говорил... говорил много раз... но это все неправда... Я сам не знаю, как это вышло... Я боялся сказать тебе... не потому, что боялся... а потому, что эти слова... мне казалось... потеряли свое значение... ведь я столько раз их говорил!.. Но однажды я все же сказал одному парню... он хороший такой парень... мы с ним мотоцикл переделывали... он служит... впрочем, это неважно... В общем, я сказал ему... что люблю тебя... да...

Ослепительно сверкала люстра, искрилось в хрустальных бокалах шампанское, удивительно красивый мальчик объяснялся в любви... Что-то необыкновенное было в этой ночи... и что-то должно было случиться... сверкала люстра... искрилось шампанское...

И вдруг все исчезло. Не просто помутнело от слез, а исчезло совсем. Не было ни этой роскошной комнаты, ни Игоря, ничего и никого, а была лишь сплошная непроницаемая темнота. Погас свет. Несколько долгих секунд они сидели, словно оцепенев. Они не знали, погас ли свет лишь в квартире или в доме, в квартале или в поселке, или вообще весь мир погрузился во мрак, — они и не думали об этом. Игорь встал с кресла — и в тот же миг горячие руки обвили его шею, упало что-то со столика, опрокинулась бутылка, и полилось на ковер шампанское, зашуршала одежда, и все, все, что было потом... и прежде... и много позже... все преломилось сквозь мрак этой ночи и того, что случилось в эту ночь...

Когда погас свет, Лидер был уже в тупиковом переулке на подходе к покосившемуся двухэтажному зданию, в котором размещалась пошивочная мастерская КБО.

С этим зданием, перевезенным сюда лет двадцать назад, из Малой Кунды, у Лидера было связано многое. В этом здании в войну был детдом для эвакуированных ленинградских сирот. Конечно, оно неузнаваемо изменилось с тех пор: его обшили крашеными плашками «елочкой», пристроили к нему лоджии, которые потом заколотили наглухо, расширили оконные проемы и вставили новые рамы.

Главным воспоминанием, связанным с этим домом, была, конечно, Кира Александрова, опухшая от голода, а потом болезненно цветущая девочка, которая все время хотела есть. Она выпрашивала корки у ребят, таскала с кухни картофельную шелуху, побиралась по деревне, и сердобольные старухи давали ей что могли, хотя заведующий строго-настрого предупредил жителей — Кира уже начала опасно полнеть.

Одного случая Лидер не мог забыть до конца жизни. Кира тогда сбежала с последнего урока, и заведующий отправил Ваську разыскать ее во что бы то ни стало, опасаясь, по-видимому, чтобы девочка опять не съела лишнего. Васька нашел ее на задворках одной избы: Кира извлекала из кучи мусора и смерзшихся помоев выброшенные недавно рыбы внутренности и толкала в рот... Увидев Ваську, она растерянно улыбнулась окровавленными, с налипшей чешуей губами, продолжая в то же время тянуть из кучи новую порцию раздавленных рыбьих кишков.

— Дура! Гадина! — вне себя закричал Васька. — Подохнуть хочешь? Вон, смотри, собаки этого не жрут, а ты?!

Подскочив, он вырвал у нее из рук кишки, которые она подносила уже ко рту, и больно ударил ладонью по щеке; она все так же растерянно улыбалась, а он бил и бил, пока она не закричала:

— Вася! Не бей меня, Васенька! Я больше не буду!.. — И тогда он схватил ее за плечи и заревел в голос, а она гладила его по щекам окровавленными руками и приговаривала: — Вася, ну не плачь, миленький, ну, я, честное пионерское, больше не буду есть кишков...

Кормили в детдоме, по военным временам, неплохо — для ленинградцев ничего не жалели, и, хотя ползли слухи, что заведующий потаскивает продукты — меняет их на са-

могон, на кормежке этого не ощущалось (да и много ли мог утащить на выпивку один человек?). К тому же помогали местные жители: кто приносил муки, кто сала, кто молока, а по утрам на крыльце обнаруживали иногда по целому мешку карасей или окуней — через Малую Кунду шли по ночам с озер обозы с рыбой.

Если про заведующего ходили слухи, то про Киру Васька знал точно: она ворует. Несколько раз он отбирал у нее то кусок мяса, то полбуханки хлеба, то две-три картофелины — не из моральных соображений, а потому, что пагубная страсть к еде могла убить Киру. Он, конечно, не выдавал ее, а просто отбирал продукты и подсовывал потихоньку на кухню или менял на табак; но однажды Кира все же попалась. Проходя как-то мимо кабинета заведующего, Васька услышал ее крик — кричала она так, будто ее резали. Васька ворвался в комнату и увидел, что заведующий левой рукой держит Киру за ухо, а в правой, постоянно согнутой в кисти, словно птичий коготь, у него небольшой полотняный мешочек, только что, должно быть, изъятый у Киры, которая продолжала вопить во весь голос. Васька бросился к заведующему и впился зубами в уродливую кисть... Звякнули медали на гимнастерке, мягко шлепнулся на пол мешочек, из которого посыпался на выскобленные дожелта доски сахарный песок, а в следующее мгновение Васька отлетел, как щенок, в угол...

Теперь, спустя много времени, Лидер не придавал большого значения этому эпизоду: Кира украла сахар, заведующий ее застукал, а Васька схватил его зубами за руку и соответственно отлетел в угол... а что еще должен был сделать заведующий? Выдать им по килограмму сахара?.. Позже Лидер узнал, что заведующего все же за что-то посадили, однако что касается того конкретного эпизода, то нельзя не признать, что заведующий не совершил ничего особенного: просто так получилось, и виноваты в случившемся были в первую очередь он, Васька, и, конечно, Кира.

Но с другой стороны, слишком был еще свеж тогда в памяти незнакомый человек в белом армейском полушубке, точно так же отшвырнувший Ваську в угол и ушедший безнаказанно: не смог его ни догнать, ни хотя бы пристрелить умерший на бегу от голода ленинградский милиционер. И когда на другой день после эпизода в кабинете заведующего, вернее, той же ночью, Васька сообщил Кире, что уходит из детдома, она горько заплакала, но поняла его, более того, открыла свой тайник на чердаке и отдала

в дорогу все, что имела: несколько сухих корок и кусок мерзлой лосятины. И лишь много позже Лидер оценил, что значило для нее — казалось, неизлечимо больной тогда патологическим влечением к еде — отдать последние припасы.

Но не только с Кирой было связано это здание... Собко! В этом доме они встретились впервые. Лидер не помнил подробностей, помнил только, что оперуполномоченный был молод, очень молод, хотя и прошел к тому времени тяжелейшую половину войны. И вот... Собко на пенсии!.. Был молодой человек — и вдруг на пенсии... Лидер вначале не мог понять, почему так угнетает его этот факт биографии работника уголовного розыска... И вдруг... это что же — прошла целая жизнь?.. Целая жизнь, Лидер?.. Как все получилось?.. Все казалось, что ничего не потеряно, время терпит, а оно, оказывается, терпело-терпело да и не вытерпело... Все думалось, что Собко, наконец, просчитается в чем-то... а он уже и просчитаться не может: он на пенсии...

И не только прошлое было связано с этим домом — было и настоящее: здесь у Лидера был тайник, тот самый тайник, который достался ему как бы от Киры, и теперь получалось, что с этим зданием — бывшим детдомом, а ныне пошивочной мастерской — связывалось и будущее.

...Когда погас свет, Лидеру оставалось пройти до мастерской КБО всего лишь два дома. Света не было повсюду, куда хватал глаз. Погасли светильники на Октябрьской, и только над западной частью поселка звездное небо было подсвечено и снизу — там горели холодным огнем мощные лампы на мачтах нижнего склада.

К последнему дому перед мастерской Лидер подошел осторожно и здесь, словно по наитию свыше, задержался — и не напрасно: по тупику скользнули лучи автомобильных фар. Лидер отскочил к углу дома и, прислонившись плечом к венцу, подождал. Вскоре послышалось фыркание двигателя, и через полминуты обыкновенный, с брезентовым верхом УАЗ притормозил у здания мастерской. Открылась правая дверца, кто-то вышел из машины и, промелькнув в лучах непогашенных фар — милиционер!.. — вбежал на крыльцо. Осветив фонариком дверь, окна, милиционер обошел здание вокруг и, вернувшись к машине, сказал кому-то, должно быть, водителю:

— Порядок.

Между тем со стороны Октябрьской послышался шум другого, более мощного автомобиля, затем в переулочек также скользнули лучи, и милиционер сказал:

— Пожарка...

Лидер понял: здание блокировано охранной сигнализацией; когда погас свет, она сработала, и теперь пожарные и вневедомственная охрана проверяют объекты. Удача не оставляла Лидера: подойди он сюда на десять минут раньше, пока был свет, он попался бы, как заяц в петлю.

Из кабины подъехавшей автоцистерны никто выходить не стал. Милиционер сообщил, что все в порядке, сел в УАЗ, и обе машины, развернувшись, покинули переулок.

Теперь нельзя было терять ни секунды. С минуты на минуту мог вспыхнуть свет — тогда опять возьмется сигнализация, но если и не будет тока, милиция вернется сюда не позже чем через полчаса-час: с прекращением работы электронных сторожей наряд вневедомственной охраны переходит на патрулирование. Лидер бросился к зданию; вскочив на перила крыльца, ухватился за козырек навеса, подтянулся и, уперев ботинок в угол наглухо заколоченной лоджии, влез вначале на козырек, а затем по скату крыши подобрался к слуховому окну. Открыть обычный висячий замок, запиравший створки окна, было делом минуты — лишь бы не врубился свет: чердакнаверняка тоже под сигнализацией. Лидер знал, что существуют системы, автоматически переключающиеся на автономное питание; но вряд ли эта мастерская была заблокирована столь сложным способом, если уж пушная база госпромхоза, где хранились тысячи шкурок, даже на период забоя оставалась без электронной охраны.

В кромешной тьме, задев коленом какой-то ящик, Лидер пробрался к теплой еще печной трубе, нашарил слева откос, поддерживающий стропила, и, запустив руку в углубление под основанием стойки, нащупал тяжелый сверток.

Короткое замыкание поразило одну из четырех линий высокого напряжения в 6300 вольт. Сработала токовая защита, одновременно вырубилась 17 трансформаторных подстанций и освобожденно взревели разгруженные в мгновение ока на полторы тысячи киловатт дизели поселковой электростанции. На пульте централизованной охраны раздался невообразимый трезвон, вспыхнули лампочки 32-х объектов — сработала обесточенная сигнализация. Погасли елочные гирлянды, погас новогодний «Голубой ого-

нек» на экранах телевизоров, погасли светильники на стальных опорах шести улиц. Во мрак погрузилась добрая треть поселка.

Дежурная щита не успевала отвечать на телефонные звонки: причина не установлена, ремонтная бригада на линии, ждите... Секретарь райкома и председатель райисполкома поднимали из-за праздничных столов ответственных лиц и требовали в кратчайший срок ликвидировать аварию: помимо всего прочего, замерли электродвигатели насосов и вспомогательного дутья девяти котельных, и налицо была опасность заморозить водяное отопление целых кварталов жилых домов, а также двух школ, трех детских садов и больницы. По особому распоряжению на линию вышли не только ремонтная бригада электростанции, но и монтеры ведомственных распределительных пунктов и трансформаторных подстанций.

... Когда погас свет, Шабалин остался без машины. УАЗ вневедомственной охраны вышел на патрулирование, эту машину уже нельзя было дергать ни на что другое. Весь прочий транспорт, который удалось достать в преддверии праздничной ночи, давно работал на дорогах эксплуатационной площади двух леспромхозов.

Между тем из линейного отделения милиции поступило сообщение, что один из разыскиваемых — предположительно, главарь преступной группы Лидер — находится в поселке, и машина нужна была позарез. Супонин приказал раздобыть ее где угодно. Шабалин передал его приказание двум офицерам, выделенным для работы в поселке: лейтенанту Титову и младшему лейтенанту Марченко — также инспектору ОБХСС, недавно поступившему на службу после окончания торгово-кооперативного техникума. Когда спустя несколько минут, после короткого совещания с Супониным, Шабалин вошел в кабинет отделения БХСС, Марченко, придерживая левой рукой телефонную книгу, бубнил в трубку:

— Здравствуйте, вас беспокоит младший лейтенант Марченко из милиции. В связи с оперативной обстановкой срочно требуется машина... Нет? Извините. — Набрал следующий номер: — С Новым годом, извините за беспокойство, младший лейтенант Марченко из РОВД. В связи с оперативной обстановкой срочно нужна машина... Нет? Извините. — Еще один номер: — Прошу прощения, здравствуйте, с Новым годом, вас беспокоит младший лейтенант Марченко...

Шабалин гневно взглянул на Титова, безмятежно восседающего за соседним столом и с улыбкой прислушивающегося к переговорам товарища.

— Эх... — вздохнул Титов, вставая и забирая трубку у Марченко. — Говорил хоть бы: инспектор БХСС, чтоб дрожали... На то и щука в озере, чтоб карась дрожал. А то — «младший лейтенант»... Напугал бабу большим инвентарем. Он сам подполковник запаса... Учишь вас, учишь... — Титов набрал номер. — Приветствую. Титов из БХСС... Да-да, я... Понимаю, что неурочный час, но служба... Я вот шел в обед мимо вашей конторы, у вас там шифер сложен под забором, прямо на улице. Подходит какой-то грузовик, грузит сотню листов и преспокойно уезжает... Ваш грузовик?.. Хорошо, а кто поручится, что и чужой подобным же образом?.. Так нам, знаете ли, не уберечь социалистическую собственность... Вот именно, к чему и веду: нужно убрать... После Нового года? А после Нового года может быть поздно. Знаете, что Козьма Прутков говорил? Рано встает петух, но злодей встает раньше... Хорошо, договорились: второго числа я лично проверю... Ну вот, собственно, и все, зачем я звонил... Желаю всего лучшего в Новом году...

Марченко широко открытыми глазами смотрел на Титова: а как же машина?.. О каком шифере может идти речь, когда... Но самым удивительным было то, что терпеливо, не перебивая, ждал Шабалин.

— Да-да, спасибо... — благодарил меж тем за ответные поздравления Титов. — Да, кстати! — как бы спохватился он перед тем, как положить трубку. — Чуть не забыл: машинка тут нужна для одного дела... Именно что сейчас... Да нет, часика на два от силы... Так... Так... Только автобус?.. — Он взглянул на Шабалина: тот кивнул. — Ну что ж, давайте автобус... Ну, отлично... До свидания. — Титов бросил трубку на рычаг и сказал: — Через десять минут будет здесь... А ты учишь, пока я живой! — обратился он к восхищенному Марченко.

...Хотя и не через десять минут, но через полчаса огромный, вишневого цвета трансгазовский «Икарус» стоял у крыльца райотдела. Шабалин, офицеры ОБХСС и Супонин вышли на крыльцо.

— Насчет засады на Безноскова... подумайте, — сказал подполковник. — Увидите по обстоятельствам. Собко считает, что бесполезно. Я тоже думаю, что он туда не пойдет. Но в любом случае — попытайтесь извлечь какую-то информацию. Связь держите постоянно.

Шабалин кивнул и повернулся к Титову и Марченко:
— Ну что, братцы-обэхээссники, поехали искать Лидера!

Двенадцатиметровый трансгазовский «Икарус» осторожно и неуверенно, словно неуклюжая электронная игрушка в искусственном лабиринте, двигался по улицам поселка, подавая надежду жителям обесточенных и как бы оглушенных тишиной домов: появление автобуса связывалось с деятельностью лиц, ответственных за ликвидацию аварии.

Титов и Марченко блаженствовали на мягких самолетных сиденьях, и Титов разглагольствовал о том, что с такими удобствами службу нести, конечно, можно, а вот попробовал бы Марченко или кто другой (очевидно, имелся в виду Шабалин) постоять на переезде. Младший лейтенант согласно кивал, восхищенно внимая старшему инспектору. Кто что ни говори, а именно Титов задержал Бубенчикова и Краснухина, именно Титов в новогоднюю ночь с такой легкостью раздобыл автобус, и только Титов мог запросто нарядиться в дедовский тулуп и подшитые валенки и вызвать этим такое восхищение у секретарши Али!.. Марченко про себя решил, что непременно заведет себе такой же тулуп и такие же валенки.

— Направо! — приказал Шабалин, стоявший рядом с водителем. Фары осветили группу людей на перекрестке. Вряд ли это были просто гуляющие. На улице Безноскова свет был, но на двух соседних дома стояли погруженными во тьму, и люди — видно, жители этих домов — обсуждали создавшееся положение и ждали помощи. — Пошел! Пошел! — поторопил Шабалин водителя.

Шофер с трудом вырулил на Безноскова. С разгону преодолевая легкие заносы на дороге, «Икарус» прошел мимо двух десятков частных домов.

Шабалин скомандовал:

— Стоп!.. Пошли! — обратился он к офицерам. — А ты поезжай вперед, развернись возле учхоза и подожди здесь. Понял?

— Понял, — ответил водитель.

Шабалин, не оглядываясь на следовавших за ним Титова и Марченко, с ходу отворил державшуюся на одной петле калитку и, пройдя двор, взошел на крыльцо. В соседнем дворе, гремя цепью, залаяла собака. Дощатая дверь

сеней была приоткрыта. Шабалин включил фонарик, осветил сени и, не стучась, рывком распахнул дверь, ведущую в избу. Шагнул через порог. Вошедший последним Марченко прикрыл за собой дверь.

В низкой, жарко натопленной передней комнате, половину которой занимала русская печь, никого не было. Тусклая лампочка едва освещала темные углы. У стены в ящике с деревянной решеткой трепыхнулись разбуженные незваными гостями две курицы. Жестом приказав Титову и Марченко оставаться на месте, Шабалин шагнул в проем, ведущий в смежную комнату, резко обернулся с порога и произнес:

— Так я и знал!

Марченко наклонился и поправил сбитый Шабалиным домотканый половичок. Шабалин устало опустил на табуретку и громко сказал:

— А ну, выходи, бабка, на свет божий, потолкуем!

Из смежной комнаты вышла худая сгорбленная старуха.

— Здравствуйте, — пробормотал Марченко. Титов тоже буркнул что-то себе под нос. — Вы, бабушка, садитесь вот сюда, — предложил младший лейтенант. — Нам с вами нужно пого...

— Где Лепесткова? — перебил Шабалин.

Старуха молча оглядела стоявших у порога Титова и Марченко серыми выцветшими глазами, потом повернулась к Шабалину:

— Эко, хватился. Да уж забрали...

— Что? — сказал Шабалин. — Как забрали? Кто?

— Ишь че — кто. Известно кто: милиция. Я ишо говорила: знать бы, дак хоть передачку загодя...

— Ты что мелешь? — все еще сдержанно произнес Шабалин. — Какая передачка? Какая милиция? Кто забрал?..

— Толкуй больной с подлекарем, — недовольно заметила старуха. — Говорю ему, милиция забрала. Шабалин ли, как ли его... приехал и забрал...

— Да я Шабалин, я! — рявкнул старший инспектор, вскакивая с табурета и стуча себя в грудь кулаком. — Слепла ты, что ли?! Я Шабалин!!

— Ишь че, — сказала старуха. — Страсти-то господни... И то верно: слепла... Дак тогда как? Пришел... сказал, мол, собирайся. Я, дескать, за тобой. И увел девку. Ишь че...

Некоторое время все молчали.

— Когда это было? — спросил Титов.

— Дак час ли, два ли...

— Сколько их было?

— Дак один. Сюды-то один заходил. Может, во дворе ишо стояли, дак я не видала. Ишь че.

— С виду-то он какой из себя, бабушка? — спросил Марченко. — Припомните: высокий, низкий? Во что одет?

— А лешак его знат... как вот ты же, однако. В шубе ли, в пальте ли...

Шабалин достал пачку «Беломора», закурил. «Слишком все умные! — подумал он про Супонина. — И опытные! — это относилось к Собко. — Давно надо было потрясти эту блатхату. И с Лепесточком поговорить. Никуда не делась бы: раскололась. А теперь — пожалуйста...»

— Слушай, бабка! — сказал Шабалин. — Скажи мне правду. Кто это был? Лидер?

Старуха замерла.

— Ну? Скажи, бабка! Не бери греха на душу! Чем дольше будет бегать, тем ему же хуже! Слышишь?

Старуха молчала.

— Кто это был? Лидер?

Старуха покачала головой.

— Эх, бабка! Одной ногой уж в гробу, а все туда же! Кто это был? Васька?

Старуха пожевала сухими губами.

— Нет, — ответила она, наконец. — Уж Ваську-то бы я признала. Хоть и слепая, а признала...

Шабалин долго, с минуту, разглядывал старуху, затем сказал:

— Молчишь, значит. Бандита спасаешь. Ну, ладно. Смотри, бабка. Доиграешься. Он был. Я знаю. Ну, ничего.

Шабалин, отстранив Титова, вышел на крыльцо. Офицеры последовали за ним.

«Икарус», уже развернувшись, стоял напротив избы.

— А знаете, Александр Николаевич, — быстро заговорил Марченко. — У меня такое впечатление, что она сказала правду. Вообще... я давно уже наблюдаю... психологический феномен... Старые люди, как дети... лгать не умеют... сразу у них видно... Я даже...

— Свои наблюдения оставь при себе! — оборвал Шабалин. — Вот что. Давайте-ка оба метнитесь по улице. Ты в эту сторону, а ты в ту. По избам. Может, кто что видел. Не спят же они сейчас. Новый год... Ну, а где спят — там не надо. Давайте, вперед. Я посмотрю здесь...

...К тому времени, когда вернулись Титов и Марченко,

Шабалин обошел избу вокруг, заглянул в сарай, на заснеженный огород. Следов нигде не было.

Марченко доложил, что заходил в пять изб — никто ничего не видел. Титов же вернулся не один, а с каким-то полупьяным мужичком в новом полушубке и в заячьей шапке. Мужичок вежливо поздоровался.

— Ну? — сказал Шабалин. — Это что за деятель?

— Машину видел, — сообщил Титов. — Сюда подходила.

— Какую машину?

— «Волгу», — сказал мужичок, — ГАЗ-24. Вон там останавливалась... Выхать долго не могла, буксовала... Она, видимо...

— Когда это было? — перебил Шабалин.

— Да часа два уж, наверное... Мы как раз с братаном второй пузырь раздавили... Ну, буксовала-буксовала... Братан говорит, айда поможем, свой же брат шофер пропадает... Вышли, глядим, а она уж выбралась сама... Как раз напротив моей резиденции...

— Ты где живешь-то? — спросил Шабалин.

— Да вон в сорок третьем, через два дома...

— Та-ак... часа два, говоришь... ГАЗ-24... номера не запомнил?

— Да где! Мы же только вышли... На цвет белая!..

— Может, брат номер запомнил?

— Да где!.. Мы ж близко-то не подходили!

— Ну-ка сходи, приведи брата, я с ним потолкую.

— Дак его уж не привести, — сказал мужичок, — принести разве что... Дак опять понта-то с его... — Мужичок щелкнул себя по шее. Шабалин взглянул на Титова. Тот кивнул. — Дак ниче нового он вам не скажет... Только, говорю, выбежали, братан ишо ладом на ногах-то стоял...

— Ну, ладно, — перебил Шабалин. — Можешь быть свободен. Спасибо.

Дожидаясь, пока отойдет мужичок, офицеры помолчали.

— Туфта! — сказал Шабалин. — Это не Лидер. Туфта!

— Лидер не Лидер, — возразил Титов, — а проверить не мешает.

Шабалин поджал губы. Потом, подумав, сказал:

— Вот что, братцы-обэхээсники, останетесь здесь. И глядите в оба! — строго добавил он, обращаясь к Титову. — Этот парень из СИЗО ушел, как бы и у вас меж пальцев не проскочил...

— Саша, ну ты же меня знаешь, — обиделся Титов. — У меня мышья...

Шабалин внимательно посмотрел на него.

— Знаю, — сказал он. — Потому и говорю. — Титов промолчал. — Если вернется Лепесткова, — продолжал Шабалин, — задержать и немедленно в отдел. Один! А второй остается здесь. Ясно?

— Да чего уж, — сказал Титов. — Будет сделано, товарищ Верховный Главнокомандующий!..

20

...Они лежали в крошечной тьме, прижавшись друг к другу и потеряв всякое представление о времени. Когда погас свет? Десять минут назад? Час? Два?.. Они лежали, прижавшись, и не могли поверить, что между ними было уже все, что может быть между мужчиной и женщиной, и только вяжущая, волнуемая боль в губах напоминала о том, что все это было, было наяву, с ними — с ним и с ней — было только что, здесь, с ними...

Обрыв на линии высокого напряжения — элементарная авария — казалось, соединил их навсегда, но вдруг внизу, в прихожей, как бы возвращая к действительности, раздался телефонный звонок.

Девушка вздрогнула и испуганно спросила:

— Что это?..

— Ничего... телефон...

Он звонил, как обычно, с равномерными паузами, казавшимися вечностью каждая, и всякий раз девушка вздрагивала и задавала вопрос:

— Кто это?

— Не знаю.

Звонок.

— Уже рассвет?

— Не знаю... нет!..

Звонок.

— Ты пойдешь?..

— Нет... Зачем?..

Звонок.

— Но кто же это?

— Не знаю...

Дрожь охватывала ее все сильнее, девушка пыталась унять ее, крепче прижимаясь к Игорю, но к тому времени, когда умолк наконец звонок, девушку уже трясло.

— Что с тобой?

— Ничего. Который час?

— Не знаю. Зажечь свечу?

Она вскрикнула:

— Нет! Не надо!

— Да что с тобой?

— Мне надо одеться.

— Зачем?

Она вдруг грубо сказала:

— Не до обеда же здесь лежать!

Они помолчали.

— Скоро, наверное, уже утро, — сказала девушка.

— Не может быть... я сейчас посмотрю...

Она стиснула его шею:

— Нет!

Они лежали, задыхаясь; наконец, она с трудом разжала руки и сказала:

— Отвернись. Я оденусь.

— Да ведь ничего не видно!

— Отвернись! — сказала она с отчаянием. — Я тебя очень прошу!

— Хорошо. Я отвернусь... вот... отвернулся... да ведь и так ничего не видно!..

— Нет! Не поворачивайся!

— Но...

— Не двигайся!

— Хорошо. Только ты... не уйдешь... совсем... ладно?

— Ладно. Только ты не смотри. — Девушка помолчала. — Игорь... а где у нас... все?..

— Там... где кресло...

— Где кресло?

— Да... кажется...

Он почувствовал, что девушка встала с тахты. Шурхнула какая-то одежда... И в это время случилось то, чего он никак не ожидал, а она боялась больше смерти: вспыхнул свет. Вспыхнули одновременно три стосвечовые лампы в люстре с хрустальными подвесками, зажегся желтый торшер, и загорелась настольная лампа.

Игорь лежал, отвернувшись к стене, с открытыми глазами — свет ослепил его; взметнулся, как пламя, яркий орнамент ковра, но, наверное, все обошлось бы, как обходилось до этого в крошечной тьме. Игорь ни за что не повернулся бы — просто подождал бы, пока она оденется, если бы... если бы не раздался ее громкий леденящий

воплъ... Наверное, можно было бы так вскрикнуть лишь в том случае, когда бы она увидела, что в комнате присутствует кто-то третий. На этот крик Игорь не мог не обернуться, и то, что он увидел, заставило его содрогнуться.

Девушка стояла у кресла, не успев еще ничего найти из одежды, разбросанной по всей комнате; спина ее, плечи, бедра были покрыты густой синей татуировкой — какое-то адское переплетение кошмарных фигур, рисунков и надписей, выколотых на теле, которое он только что обнимал, ласкал и целовал. Игорь закрыл глаза, похолодел и перестал дышать.

— Насчет засады решили правильно, — сказал Супонин. — Раньше, раньше нужно было!..

— Вот именно, — подтвердил Шабалин. — Напрасно вы к Собко прислушались, Юрий Эдуардович. Его время прошло. Теперь другое... А я говорил: эту блатхату нужно взять на заметку.

— Да, вы оказались правы, но... я все же не убежден, что там был Лидер.

Шабалин пожал плечами.

— А «Волгу» придется поискать, — сказал подполковник. — Чья машина, кто, к кому, зачем приезжал...

— Я думаю, «Волга» тут ни при чем, — сказал Шабалин. — Просто кто-то катался. Ну, и застрял.

— Возможно, — согласился подполковник. — Но возможно, и получим что-нибудь... — Он прошел из угла в угол, отмахиваясь от дыма. В дежурной части, кроме него и Шабалина, находились: оперативный дежурный, его помощник-сержант, следователь Андреев из опергруппы, одновременно состоящий при Супонине «офицером для поручений», водитель «Икаруса», — и все, за исключением подполковника, нещадно смолили папиросами и сигаретами, прогоняя сон.

— Чисто практически сделаем так, — продолжал Супонин. — Вы, Александр Николаевич, возвращайтесь на Безноскова, возьмите Титова и еще раз обойдите близлежащие дома. Конечно, ночь... но ночь новогодняя, так что ничего страшного... Возможно, «Волга» все же к кому-то приезжала. А мы пока посмотрим машины по картотеке. Сколько «Волг» в поселке? — обратился он к присутствующим. — ГАЗ-24. Примерно.

— Да сколько... — неуверенно ответил дежурный. — За последнее время много появилось... Трудно сказать...

— Десятка три будет, — подсказал сержант.

— Побольше, — возразил водитель «Икаруса».

— Не будем гадать, — сказал Супонин. — Где у вас картотека транспортных средств?

— Да картотека-то в ГАИ... — ответил дежурный. — Да их-то никого нету, гаишников. Все в лесу...

— Но сами-то мы можем посмотреть?

— Нет. В кабинет попадем, а картотека опечатана. Ключи у Нуждина только да у Румянцева...

— Это плохо, — сказал подполковник. — Но у кого же «Волги» в поселке? Неужели так трудно установить? Это же не «Жигули» и не «Москвичи»...

— Ну, у кого «Волги»... — вновь подал голос водитель «Икаруса». — У двоих монтажников, я знаю, из ПММК-5 есть, потом у этого... у грузчика... у мастера погрузки одного с нижнего склада, потом...

— У директора леспромхоза, — добавил следователь.

— У директора нету, — возразил водитель «Икаруса». — УАЗ у него служебный... Да, у шоферов леспромхозовских больше всех «Волг»... У одного вертолетчика вроде есть... Потом у техника из порта, правда, у технаря зеленая... А вам же белая нужна?..

Следователь вздохнул:

— Это только по одному нашему поселку. А у нас их девять леспромхозовских да два газовиков... у-у... И везде дороги... Машина вполне могла прийти откуда-нибудь... А утром могут угон заявить, Юрий Эдуардович...

Супонин кивнул:

— Да, это очень важно... Такая информация нас не устраивает. Чисто практически придется... взломать картотеку. Грех перед Нуждиным беру на себя... А вы поезжайте, Александр Николаевич.

Шабалин и водитель «Икаруса» направились к двери, и в это время раздался звонок, — длинный, без пауз. Шабалин задержался — звонили с пульта централизованной охраны.

— Огнев слушает, — сказал в трубку дежурный. — Так... Мастерская?.. Это старый КБО, что ли?.. Ну-ну, в тупике... Ясно. Задержали?.. Понятно... Понятно... Опергруппа выезжает, вызывайте хозорган. — Дежурный опустил трубку на стол. — Проникновение в пошивочную мастерскую КБО, — доложил он Супонину. — Преступник

задержан нарядом вневедомственной охраны... Товарищ подполковник, может, Шабалин подбросит нас на место происшествия на «Икарусе»?

— Да, конечно. Поезжайте.

Через полминуты в дежурной части остались только подполковник и сержант-помощник; прочие — старший лейтенант Огнев, следователь Андреев и Шабалин — покачивались уже в самолетных креслах «Икаруса», выворачивавшего на проезжую часть Советской улицы...

* * *

Когда дали ток, из 32-х объектов, сработавших при аварии, на пульт взялись 27. Это обстоятельство не вызвало переполоха в отделении вневедомственной охраны: 5 невзятых объектов — обычная цифра в подобной ситуации, а причин — в особенности технических — могло быть много. Так, в двух магазинах и в складе железнодорожного ОРСа сигнализация не взялась из-за перепада напряжений, в книготорге — потек растаявший лед со стекол, замкнув емкостную вклейку. Наряд ОВО, устранив в первую очередь неполадки в сигнализации на этих объектах, направился к стоявшей в тупиковом переулке пошивочной мастерской КБО, предполагая, что и там случилось нечто подобное.

Однако еще на подходе, едва лучи фар скользнули по старому, обшитому плашками зданию с заколоченными лоджиями, старший наряда — старший сержант Глотов — понял, что дело обстоит гораздо серьезнее, чем в предыдущих случаях, и крикнул:

— Мишка, гони! Проникновение!..

По инструкции наряд вневедомственной охраны должен обеспечить скрытый подъезд к сработавшему объекту, но здесь не было возможности, да и все равно преступник, если он находился еще у здания, уже видел машину.

Старший сержант первым выскочил из машины и остолбенел: из разбитого вдребезги окна на улицу, в сугроб, летели какие-то тряпки, платья, юбки, иные еще с белой наметкой, некоторые вместе с плечиками; а за окном, в свете фар, металась фигура — преступник... но было что-то идиотское в том, что он, видя явно машину, не только не побежал, но и продолжал выбрасывать на улицу похищенное. Соответственно нелепой была и реакция сержан-

та — никакими уставами и инструкциями, во всяком случае, она не предусматривалась.

— Ты что делаешь? — заорал он, бросаясь к окну. — А ну, прекрати сейчас же!!

Милицонер-водитель обежал здание вокруг, высматривая сообщников; но с той стороны все было тихо; вернувшись к фасаду, он увидел, что преступник — с помощью старшего сержанта — выбирается из проема окна.

Это была женщина, вернее, совсем еще молоденькая девица в пальто с каким-то хорьковым воротником, в легком платочке и в валенках, но в капроне или вообще без чулок: когда она спрыгнула с подоконника, мелькнули белые коленки.

— Брякни на пульт! — приказал старший сержант.

Старший сержант между тем обратился к девушке:

— Ты кто такая?

Она не ответила.

— Там еще кто-нибудь есть? — продолжал допрос Глотов. — Или одна.. сотворила?

Она не ответила.

— Ты почему молчишь-то?

Запикала радиостанция.

— Я четырнадцатый, слушаю, — отозвался водитель. — Ясно... Кто сдавал?.. Так, Ветцель, второе молодежное леспромхоза, — повторил он. — Ясно, до связи...

— Фьюить!.. — присвистнул старший сержант. — Мишка-а! Гляди-ка! — Глотов осветил слуховое окно. Оно было как положено — на замке, но на скате заснеженной крыши ясно виднелись следы. — Ты, что ли, лазала? — обратился сержант к девушке.

Она не ответила.

— Ну, молчуныя, — покачал головой сержант. — Что там на пульте? — обратился он к водителю.

— Сейчас опергруппа подскочит, поеду за хозорганом.

— А вон едут, — сказал сержант.

В переулочек сворачивал тяжелый автобус.

Девушка стояла на снегу, посреди раскиданных вокруг юбок и платьев, и старший сержант Глотов, глядя на нее, не мог понять, почему она все же не побежала при виде машины, не сделала даже попытки. Такого в практике сержанта еще не случалось. Он осветил ее еще раз с ног до головы, вернул луч к ногам и, задержав на голых коленках, неожиданно спросил:

— Не холодно?

— Не твое дело! — впервые услышал он ее голос.

Сержант пожал плечами и, шурясь от света фар, повернулся к тормозившему «Икарусу».

Первым из автобуса вышел следователь Андреев с черной папкой под мышкой, за ним дежурный Огнев и старший инспектор ОУР Шабалин. Последний, не веря своим глазам, шагнул к девушке:

— А! Вот так встреча! Вот уж не думал, не гадал!

— Да осторожней вы, ради бога! — предупредил кого-то следователь. — Ничего не трогайте и никуда не лезьте!

— А если там внутри еще преступники? — возразил Огнев.

— Никуда ваши преступники не денутся! За хозорганом уехали?

— Уехали, товарищ лейтенант, — доложил Глотов.

Шабалин продолжал:

— Ну что ж, давай потолкуем, Лепесточек. Где была ночью? Нет, уж тут придется говорить! Молчать больше нельзя! Тюрьмой дело пахнет, я тебя предупреждал!..

22

«Хозорган» в лице Липатия Львовича Ветцеля прибыл на машине ОВО через четверть часа.

— Господи... — пробормотал он, поправляя шарфик на горле. — Что случилось, Александр Николаевич?..

— Вот — смотри! — ответил Шабалин, пожимая Ветцелю руку и кивая на здание. — Смотри сам, Липатий Львович!

— Господи... — пробормотал Ветцель, оглядывая в свете фар автомобилей — «Икаруса» и УАЗа — разор мастерской: разбитые стекла, раскиданные юбки и платья. — Вот ведь казус-то...

— Ну, открывай, — поторопил Ветцеля Шабалин, указывая на замки наружной двери. — Смотрите со следователем... чего в этом супе не хватает...

...Когда Ветцель, следователь и приглашенные из соседнего дома понятые спустя полчаса вышли обратно, Шабалин спросил:

— Ну что?

— Все снято с одной вертушки, — ответил следователь, показывая на раскиданную одежду. — Остальное как будто на месте. Но инвентаризацию все равно придется проводить...

— Но как же все это случилось?.. — пробормотал Ветцель.

— Случилось обыкновенно! — сказал Шабалин. — Подкинул тебе Костик подарочек на старости лет — вот и случилось!.. Огнев! — крикнул он, обернувшись к «Икарису». — Давай ее сюда!

Приоткрытая дверь «Икаруса» распахнулась, и вышел вначале старший лейтенант Огнев, а за ним... Ветцель обомлел:

— Лидия Степановна?!

— Она, она! — подтвердил Шабалин. — Не сомневайся! Подойди ближе, Лепесток, тут все свои, не стесняйся! Еще ближе! Вот так!

— Лидия Степановна?! — вскричал Ветцель. — Не может быть! Тут был кто-то другой!..

— Так о чем и разговор! — подхватил Шабалин. — Кто был тут еще? — обратился он к девушке. — Кого ты прикрывала? От машины даже не побежала! Вот — скажи старику! Он тебе как отец родной, носился с тобой как с писаной торбой! А ты бандита покрываешь! Кто лазал по чердаку? Ну? Говори!

— Да я, я! Я все сделала! Чего вам еще нужно? Я!

Следователь покачал головой:

— Нет. По крыше лазали не вы. Вы в валенках, а там следы ботинок...

— Вот видите! — обрадованно вмешался Ветцель. — Лидия Степановна тут ни при чем! Я же говорил: этот казус не имеет к ней ни малейшего отношения...

Шабалин шагнул к девушке и, наклонившись, произнес:

— По крыше лазал Лидер.

Она отшатнулась.

— Где он? — спросил Шабалин.

— Не знаю!

— А где ты была ночью? Пока сюда не забралась? Ну?

Она не ответила.

— Простите, Александр Николаевич! — снова вмешался Ветцель. Шабалин с готовностью повернулся к нему. — Тут какое-то сплошное недоразумение! Потому что вечером ее искал Игорь Николаевич, я дал ему адрес Лидии Степановны, и он...

И тут девушку словно прорвало:

— Да замолчи ты, старик! — закричала она на весь пе-

реулок. — Заткнись, старый хрыч! Никто тебя не спрашивает! Чтоб ты подавился своим языком!..

— Что?.. — сказал Шабалин. — Какой Игорь Николаевич?.. — И тут его осенило: — Черт! Да как же я.. Так вот откуда «Волга»!

Наступило молчание. Фары обеих машин продолжали освещать покосившееся здание мастерской, разбитое окно, разбросанную одежду, людей в милицейской форме и в штатском.

Липатий Львович, обращаясь то к одному, то к другому, начал:

— Я полагаю, что инцидент исчерпан... казус устранен... все на месте... И-и... мы с Лидией Степановной можем идти... У меня там как раз молодежь... гуляют... песни поют... Магнитофон принесли... из девятой комнаты... Хороший магнитофон... и такие, знаете, песни все современные... бит-буги... или как... Я, конечно, не понимаю, но молодым людям нравятся... А стекла мы вставим, у меня есть знакомый... замечательный стекольщик... золотые руки, он мне зеркала вставлял... знаете, пришли не по размеру... бывает... так он сделал... Так что пойдете, Лидия Степановна... Да и холодно... Какая новогодняя ночь холодная, не правда ли?.. Да пойдете, Лидия Степановна... Мы ведь можем идти, не так ли? — обратился он к сержанту вневедомственной охраны. — Правда же? — спросил Ветцель у старшего лейтенанта Огнева. — Сами посудите, — вернулся к следователю, — ведь все цело... А изделия... с ними ничего не случилось... мы их отгладим... Значит, нам можно идти?

Однако и сержант, и старший лейтенант, и следователь молчали, и Ветцель понял, что означает их молчание.

— Александр Николаевич, да скажите хоть вы!..

Но Шабалин уже садился в «Икарус», никого с собой не пригласив...

— Разворачивайся! — приказал он водителю. — Живо!

Игорь сидел на краешке тахты, надев брюки и рубашку, босой, растрепанный и словно оцепеневший. Он ни о чем не думал сейчас: ни о том, что здесь произошло, ни о том, что нужно хотя бы немного прибрать постель, унести на кухню посуду, выбросить разлитую бутылку из-под

шампанского; вот-вот могли вернуться родители. Ему было все равно, настолько все равно, что он даже не пошевелился, когда внизу хлопнула наружная дверь и кто-то вошел. Вряд ли это были уже родители — рановато, да и шуму было бы побольше; не думал и о том, кто мог войти в квартиру без ключа; впрочем, возможно, девушка, когда уходила, неплотно притворила дверь — и замок не защелкнулся.

Между тем шаги слышались уже на лестнице, ведущей на второй этаж. Дверь в комнату приоткрылась. Игорь поднял глаза: на пороге стояла Геля.

Она была в своей беличьей шубке, которую, видимо, и не застегивала, а так и бежала по улице нараспашку, и теперь из-под нее виднелось ярко-малиновое платье, сшитое, наверное, к новогоднему вечеру; в хантыйских кисах из белого камуса, надетых на капрон; белый пуховый платок сбился с высокой прически и лежал на воротнике. Геля тяжело дышала. Игорь отвернулся.

Геля обвела взглядом комнату: разобранная постель со смятыми простынями, журнальный столик с коробкой конфет, апельсинами и двумя бокалами, в которых было что-то налито — по-видимому, выдохшееся шампанское, бутылка из-под которого валялась на ковре. Но главное, на чем задержался ее взгляд, — были стоявшие посреди комнаты парчовые шлепанцы сестры Игоря; они-то уж не оставляли никакого сомнения: здесь была женщина!.. Геле казалось, что она задыхается... Она понимала, что нужно уйти, повернуться и уйти, ничего не говорить, а просто уйти, но не было сил — ни оставаться, ни уходить...

На крыльце вдруг затопали тяжелые шаги, вновь хлопнула наружная дверь, и раздался голос десятиклассника из железнодорожной школы:

— Эй, Ромео и Джульетта! Кончай любовь — предки едут!..

«Негодяй!» — подумала Геля, но не про Игоря, а про десятиклассника из железнодорожной школы, который весь вечер и всю ночь не спускал с нее глаз, несмотря на то, что пришел с Гелиной подругой, и вот все-таки выследил. Однако к предупреждению следовало отнестись серьезно. Геля бросилась к окну и осторожно отвела плотную штору.

На освещенной площадке у крыльца стоял новенький УАЗ-469 — недавний подарок министра бригадире лесосечной бригады. Из УАЗа с шумом и хохотом выгружались Ольга Николаевна и отец Игоря. Десятиклассник уже здо-

ровался за руку с приоткрывшим дверцу автомобиля Пановым, затем обнялся с отцом Игоря и поцеловал в щеку Ольгу Николаевну... Вдруг все четверо перестали смеяться: к дому подруливал огромный трансгазовский «Икарус». Автобус притормозил рядом с УАЗом, и из него выпрыгнул высокий мужчина в полушубке. Подойдя к четверым, он, должно быть, что-то сказал, потому что все четверо посмотрели в сторону восьмисекционного кирпичного гаража. Потом тот, что приехал на «Икарусе», и отец Игоря прошли по направлению к гаражу... Вернувшись от гаража, мужчина в полушубке обратился, по-видимому, к десятикласснику из железнодорожной школы, и тот вдруг поднял голову и указал прямо на Гелю. Она отпрянула от окна. «Негодяй!» В отчаянии взглянула на Игоря, но тот все так же сидел на краешке тахты, словно оцепенев.

Внизу слышались громкие голоса; должно быть, все, кто был на площадке у крыльца, вошли в прихожую.

— Да говорю же я: не знаю! — громко заявлял десятиклассник. — Я только что сам-то подошел, вот раньше вас буквально на минуту! Постучаться не успел, смотрю: вы едете! Дома, наверное, где ему еще быть!..

— Позвольте, что все-таки происходит? — спросила мать Игоря. — Вы откуда вообще-то, товарищ, я не поняла?..

— Лейтенант Шабалин из уголовного розыска, — был ответ. — Мне необходимо поговорить с вашим сыном.

— Но нам-то вы можете сказать, в чем дело? Мы ведь как-никак его родители!..

Внизу помолчали.

— Хорошо. Скажу. Не хотелось бы, конечно, при посторонних...

— Здесь посторонних нет! — возразила Ольга Николаевна. — И потом наш сын не может сделать ничего такого, чего нельзя бы сказать при посторонних. Если он взял без спросу машину, мы накажем его... заплатим штраф в ГАИ... я всегда плачу аккуратно, если нарушаю... товарищ Румянцев может вам подтвердить... Но я не вижу причин, чтобы вот так — среди ночи... Он что?! — вскричала она вдруг. — Наехал на кого-нибудь?! Господи, Игорь, сыночек! Игорь!..

— Нет, — ответил тот же ровный голос. — Ни на кого он не наехал. Но ваш сын связался с женщиной... воровкой. Она только что совершила кражу и задержана на месте преступления. А перед этим ваш сыночек ездил с ней куда-то на «Волге». Скажу больше: не исключено, что ва-

ша машина использовалась сегодня ночью особо опасным рецидивистом, который бежал из тюрьмы и которого мы усиленно разыскиваем. Вопросов больше нет?

Этот чудовищный взрыв уголовной информации потряс всех. На некоторое время внизу воцарилось напряженное молчание.

— Господи, — пробормотала, наконец, Ольга Николаевна, — женщина... воровка... кража... рецидивист... тюрьма... и-и... и-и... Игорь?! Боже мой! — вскричала она. — Какая чушь! Что вы городите?! Он собирался вечером к Геле, к однокласснице!.. Игорь, сыночек, Игорь!.. — Ольга Николаевна бежала уже вверх по лестнице.

Геля стояла у окна, бледная, как полотно. Еще секунда — и Ольга Николаевна ворвется в комнату... Игорь вскочил с тахты и ринулся к двери; выбежав из комнаты, захлопнул за собой дверь и прижался к ней спиной, босой, растрепанный, в рубашке, застегнутой на одну пуговицу... Мать была уже на верхней ступеньке, а за ней, выстроившись на лестнице, словно на эскалаторе, стояли: отец, Шабалин, Панов и — ниже всех — десятиклассник из железнодорожной школы.

— Игорь! — кричала мать. — Игорь, сыночек, скажи, где ты был сегодня ночью? Ты ведь был у Гели, да? Позвони Геле, пусть она подтвердит! Господи, да что же это!..

Игорь молчал.

— Куда ты ездил на «Волге»? — спросил отец. — Говори правду.

Шабалин обошел Ольгу Николаевну, поднялся на площадку, приблизился к Игорю и, чуть наклонившись, спросил:

— А кто у тебя в комнате?

Игорь вжался в дверь:

— Ни-ко-го.

— Нет, кто-то есть, — возразил Шабалин. — Дай-ка я взгляну... Ну-ну, не упрямясь... — Он посмотрел на Ольгу Николаевну.

— Игорь! — вскричала она. — Что это значит?!

Подошел отец, решительно отодвинул Игоря от двери, взялся было за ручку, но, подумав, отступил и, обращаясь к Шабалину, произнес:

— Прошу.

Шабалин распахнул дверь, шагнул в проем и застыл на пороге. Следом ринулась Ольга Николаевна, но тоже замерла, словно окаменела. Остолбенел отец. Протиснувшийся-

ся последним десятиклассник растерянно заморгал ресницами. Игорь, почуяв неладное, бросился, расталкивая всех, в комнату и не поверил своим глазам.

Ничего не изменилось в комнате. Так же лежали на тахте смятые простыни, стояли бокалы на журнальном столике, валялась на ковре бутылка из-под шампанского, так же ослепительно освещала остатки новогодней ночи люстра с хрустальными подвесками... но Геля... Геля-Ангелина... Беличья шубка небрежно лежала в кресле, кисы стояли под письменным столом, между тумбами, а Геля... Геля-Ангелина... в ярко-малиновом платье.. с расстегнутой до талии молнией на спине... белоснежная комбинация... кружева... в парчовых шлепанцах... даже их успела надеть... с растрепанными волосами... пять часов в парикмахерской... с пучком шпилек, сжатых побелевшими губами... с мужской расческой в правой руке... она стояла перед небольшим зеркалом, пристроенным кое-как на книжном стеллаже...

...Однако даже и не этой бутафории подивился больше всего десятиклассник из железнодорожной школы; он-то хорошо знал, что Геля вошла сюда за пять минут до приезда родителей Игоря, — подивился больше тому, с каким неподдельным испугом смотрела Геля, обернувшись через плечо, на ворвавшегося лейтенанта из уголовного розыска и на всех остальных, появившихся перед нею. И когда позже внизу Шабалин спросил у него: «Но куда же он ездил на «Волге»? Ты-то должен знать!» — десятиклассник ответил:

— Да ну покатались просто! Гелька сказала: поехали — ну и поехали... У них же видите какая любовь? Тристан и Изольда!

— Ты тоже ездил?

— Ну и я поехал, а чего ж...

— На Безноскова были?

— На Безноскова-то?.. — Десятиклассник задумался. — Да кто его знает, вроде все переулки объехали, черт бы их побрал! Не поселок, а лабиринт!

— Нигде не застревали?

— В каком смысле?

— Я имею в виду: нигде не буксовали в снегу?

— Буксовать-то?.. — Десятиклассник вновь задумался. — Да как не буксовать! Не Москва, сами знаете... на трелевщике только и ездить!

...Вскоре «Икарус» тормозил уже на Безноскова у дома

49... Титов, заметив автобус, выбежал на дорогу. Шабалин приоткрыл дверцу. Титов вскинул рукавицу к ушанке:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий...

— Забери Марченко и поехали! — перебил Шабалин. — Да поживее!

— Марченко! — крикнул Титов. — К ноге!.. Титов такой, Титов сякой... — пробормотал он, забираясь в теплый салон. — А чуть что — Титов на выход! Титов вперед!..

В автобус заскочил Марченко. Водитель тронул машину.

— Куда хоть едем-то? — зевая, спросил Титов.

— На кудыкину гору... Должен же где-то быть этот Лидер!

— Еще бы, — сказал Титов. — Беспременно должен где-то обретаться...

24

Отогревая за пазухой холодный тяжелый сверток, добытый из тайника, Лидер шел по жилому микрорайону, принадлежащему передвижной механизированной колонне. Узкие длинные домики-балки — вагончики с полукруглыми кровлями — вид снаружи имели невзрачный, но внутри были сделаны со всеми удобствами, сдавались рабочим и инженерно-техническим работникам ПМК полностью меблированными — даже с холодильниками и телевизорами, и как временное жилье — да еще с чисто символической оплатой — не имели себе равных; по распоряжению поссовета жили здесь и работники непромышленной сферы: учителя и врачи — одинокие и малосемейные.

Спать никто еще не ложился. Лидер шел мимо мерцавших в окнах елочных гирлянд и телеэкранов; через открытые форточки доносились смех, музыка и вопли певцов. Ярко светилось и окно последнего в этом ряду вагончика, занавешенное капроновой тканью. Лидер, волнуясь и прижимая к груди сверток, подобрался ближе и заглянул внутрь.

В комнате были три женщины. Две из них стояли одетые у порога, очевидно, прощаясь, а третья, та, что стояла спиной к окну, вдруг резко обернулась — глаза их встретились, и хотя Лидер знал, что увидеть его нельзя, невольно присел. Наконец хлопнула дверь. Лидер отошел к углу и, выглянув из-за него, увидел, что обе женщины удаля-

ются по дороге между рядами домиков. Выждав минуту-полторы и не заботясь более о том, что скрипит под ботинками снег, Лидер вышел из-за угла, приблизился к двери и потянул на себя ручку. Дверь не поддавалась. Лидер коротко стукнул в филенку. За дверью послышались шаркающие шаги, затем щелкнул запор, и яркая, не защищенная абажуром лампочка на мгновение осветила Лидера. Женщина вскрикнула и отшатнулась: открывая, она, видно, полагала, что вернулись, забыв что-нибудь, подруги. Лидер заскочил внутрь и захлопнул за собой дверь. Он был теперь в тесной прихожей, оклеенной светлыми обоями. Слева висели на вешалке пальто и шапка из рыжей лисички. Дверь направо вела, по-видимому, в кухню, а прямо — в комнату. И на пороге этой комнаты стояла, закрыв рот рукой, полная, постаревшая не по годам женщина в вязаном платье-костюме, с гладкой прической рано поседевших волос, с темными кругами под глазами.

Лидер стащил с головы шапку и сказал:
— Здравствуй, Кира.

25

— Прямо! — сказал следователь.

Они миновали дежурную часть, спустились в коридор КПЗ и остановились у следственной камеры. Сержант — помощник дежурного — распахнул окованную железом дверь. Девушка вошла первой, за нею следователь, сев за стол, лейтенант предложил:

— Садитесь. — Потом обратился к сержанту: — Юлию Георгиевну вызвали?

— Да, уже здесь.

— Позовите. И двух понятых. Женщин.

— Одну-то найду, — ответил сержант. — Фельдшерицу из вытрезвителя. А вторую-то.. мелкую хулиганку взять, товарищ лейтенант?

Следователь подумал.

— Давайте, — сказал он, закладывая копировальную бумагу между бланками протокола. Вообще-то административно арестованных не рекомендовалось использовать в качестве понятых, но где сейчас, среди ночи, взять других?

Девушка сидела на табурете, поджав ноги в валенках и тщетно пытаясь натянуть полы пальто на голые колени. Продолжалась новогодняя ночь — в следственной камере,

где были только стол, стул и табуретка, с маленьким, похожим на амбразуру окошком, забранным толстой решеткой.

Вошли начальник паспортного стола капитан Филатова — моложавая женщина в зеленом платье с глубоким декольте, и понятые: фельдшерница из вытрезвителя в хрустящем белом халате и какая-то неопрятная, неделю, наверное, не умывавшаяся баба, арестованная на 15 суток за мелкое хулиганство.

Девушка сказала:

— Дай закурить, лейтенант.

Следователь отложил ручку, достал из бокового кармана пачку «Беломора» и, встряхнув, протянул девушке; затем щелкнул зажигалкой. Девушка жадно затянулась. Фельдшерница — стройная молодая женщина — презрительно поморщилась. Следователь снова взял ручку и, взглянув на часы, занес в протокол время задержания: 4 часа 47 минут нового года. Потом обратился к девушке:

— Я задерживаю вас в порядке статьи сто двадцать второй УПК республики по подозрению в покушении на кражу государственного имущества. Основания и мотивы задержания вам понятны?

— Да.

Следователь записал установочные данные: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, место жительства, место работы и должность... Она отвечала четко и быстро, продолжая курить. Дойдя до графы протокола «Задержанный одет», следователь, поглядывая на девушку, словно художник на натурщицу, записал: «Пальто бордового цвета с меховым воротником черно-бурой окраски, подпушь светлая; платье коричневое; валенки черные...» Затем, недоуменно уставившись на голые колени девушки, неуверенно спросил:

— Чулки?..

— Чулок нет, — ответила она.

— Капрон?.. — переспросил лейтенант, с трудом веря в то, что в такой мороз можно быть вообще без чулок.

— Чулок нет, — повторила она и швырнула окурок на бетонный пол. — Слепой, что ли? Так подойди пощупай.

Стройная фельдшерница в изящных югославских сапожках возмущенно фыркнула. Следователь строго посмотрел на фельдшерницу и продолжал, обращаясь к девушке:

— Деньги, ценности, колющие или режущие предметы — пожалуйста, сюда, — опустил ладонь на край стола.

— Не имею.

— Сережки, — подсказал лейтенант.

Девушка отстегнула левую серьгу, швырнула на бланк протокола. Лейтенант, не подав вида, отложил ее в сторону. Застежка правой серьги не поддавалась.

— А, черт!..

— Давайте помогу, — предложила капитан Филатова. Повозившись, Юлия Георгиевна вынула из мочки и другую серьгу. Тускло блеснули дешевенькие стекляшки.

Лейтенант встал из-за стола.

— Проведите обыск, — сказал он Филатовой и вышел из камеры.

Он выкурил папиросу, мягко ступая в унтах по коридору спящего КПЗ. Пролом в девятой камере уже заделали, и в коридоре было тепло. Через некоторое время дверь следственной приоткрылась, и хулиганка сказала:

— Входите, гражданин начальник.

Девушка, одернув платье, надевала пальто. Фельдшерница, все еще бледная от ужаса, смотрела на нее, как на чумную. Работая в медицинском вытрезвителе, она насмотрелась на татуировки, но то, что она увидела на теле девушки, видимо, не поддавалось воображению.

Лейтенант взглянул на Филатову. Та указала на стол:

— Двухкопеечная монета в кармане пальто.

Следователь кивнул, сел за стол, вписал в соответствующую графу, что при личном обыске обнаружено и изъято «денег 2 коп. и серьги белого металла с бесцветными камнями, похожими на стекла»; разъяснил задержанной, что деньги и ценности будут возвращены ей при освобождении; затем спросил:

— Замечания от понятых?

— Не-е-ету, — расплылась в улыбке «указница»-хулиганка.

— Нет, — испуганно пробормотала фельдшерница.

Понятые расписались.

— Вы тоже, — обратился к задержанной лейтенант. Девушка подошла к столу и тоже расписалась. — О вашем задержании прокурор будет уведомлен в течение двадцати четырех часов, — сказал следователь. — В течение следующих сорока восьми часов он решит вопрос о вашем аресте либо освобождении. Понятно?

— Да.

Следователь встал и, обращаясь к понятым, произнес:

— Спасибо.

Фельдшерница и хулиганка вышли из камеры — первая все еще в испуге, вторая — с явным сожалением, что все уже кончилось.

— Спасибо, Юлня Георгиевна.

Филатова кивнула и тоже вышла.

Редозубов еще не знал о том, что полтора десятка легковых автомобилей, два автобуса-вездехода и даже та самая резервная машина — передвижная мастерская на базе ГАЗ-66, — уже растеклись от магистрали по веткам лесовозных дорог, как воздух по бронхиальному дереву; что лесосеки прочесываются поисковыми группами; что давно блокирован или — точнее — патрулируется зимник, идущий вдоль ниток газотрассы. Редозубов, конечно, надеялся, что водитель лесовоза выполнил указание в точности: достаточно оперативно доставил в отдел шкурки, мешки и Калабина и передал на словах все, что должен был передать. Более того: Редозубов знал, что тем двоим с мехами деться некуда, все равно их возьмут, пусть бы даже они и успели сесть на попутную машину. Но автомат, грозное боевое оружие, которое они, судя по рассказу Калабина, не преминут применить против кого бы то ни было, — не давал покоя, и более всего следовало опасаться за капитана Проводникова. «Ищу комиссара!»

Замполит вооружен, но ведь он и не подозревает, что те двое вооружены автоматом, и будет брать их без всякой предосторожности — может, и пистолета не вынет: тут не Чикаго и не Токио, у нас в стране преступники запросто с автоматами не бродят, это исключительный, почти неправдоподобный случай.

И хотя у самого Редозубова оружия не было вообще, он полагал, что его шансы произвести удачное задержание предпочтительнее, — ведь он знал, как ему думалось, все.

Небо впереди посветлело, свет пробивался даже сквозь полог леса. Не будь у Редозубова часов, можно было подумать, что рассветает. Но до рассвета было еще далеко. Редозубов приближался к газокompрессорной станции. Эти последние триста-четырееста метров, которые пришлось преодолевать по колено, а где и поглубже, по заснеженному лесу, дались особенно трудно. Редозубов был в пути с утра — целый день и почти ночь, без еды, почти без отдыха, утоляя на ходу жажду снегом, притом двигаясь не по

укатанной дороге, как те двое и за ними капитан, а где придется: по припорошенным лесовозным устам, по брошенным и действующим лесосекам, по бугристым тракторным волокам, а то и просто по целику.

Но теперь все было позади. Он был уже почти у станции, слышал тяжкий утробный гул тысячесильных турбин, поддерживающих давление в нитках газопровода, и был уверен в том, что и тех двоих, а тем более капитана, он обогнал. Последние метры до зимника, последний рывок навстречу бьющим в глаза прожекторам — и он у цели. Теперь все. Теперь он, Редозубов, хозяин положения на этой дороге, пусть выходит против него хоть банда с автоматами — дело их кончено.

Компрессорная станция — поразительное зрелище даже днем, а ночью три сверкающих белоалюминиевым сплавом цеха напоминают, наверное, даже и не современные космические сооружения, а грядущий день цивилизации. Блестящие, покрытые шумопоглощающими гофрированными листами корпуса переливаются в лучах прожекторов и осветительных установок, и небо над ними окрашивается в предрассветные тона, а гул, идущий изнутри, от турбин, кажется тектоническим гулом Земли. Редозубов стоял в полукилометре от станции, среди широкого, хорошо укатанного тяжелыми машинами зимника. Влево дорога уходила к поселку газотранспортников, а вправо тянулась ровно, как стрела, вдоль ниток газотрассы к следующей станции, а там и еще дальше — к месторождению, к Северному полярному кругу. Здесь, где стоял Редозубов, было светло, как днем, компрессорная станция заливала светом весь квадрат вырубленной тайги, и вдоль газотрассы, насколько хватал глаз, висели на столбах фонари, освещая прямую — шириной метров в шестьдесят — просеку и автомобильную дорогу на ней.

Редозубов пришел сюда первым. Он и не подумал бежать просить помощи на станции — не мог подвергать риску других людей; впрочем, и не успел подумать об этом: со стороны леса на зимник выбрался человек; он огляделся, но то ли ослепили его корпуса станции, то ли он принял Редозубова за работника станции, поджидающего попутку до поселка, — во всяком случае, Редозубов, если и был замечен, то подозрения не вызвал.

И тут же на зимник вылез из лесу другой, таща за со-

бой по снегу большую, хорошо скользящую поклажу... санки!.. Санки с мешками!.. И у него же, второго, болтался на груди предмет, который издали, не зная обстоятельств, и можно было бы, наверное, принять за что-либо иное, но Редозубов понял сразу: автомат...

Когда те двое с санками подошли к газотрассе, Проводников уже настигал их. Вначале он разглядел две темные фигуры и поклажу в санках на небольшой поляне в виду станции, куда достигал свет прожекторов. Он видел также, как выбрался на дорогу сперва один, налегке, осмотрелся и, не обнаружив, должно быть, ничего подозрительного, подал знак второму, и тот вытащил на дорогу санки.

Капитан не сомневался, что сумеет задержать обоих, однако нужно было сделать это, по возможности, без шума и уж, конечно, без стрельбы; между тем, если он выйдет на дорогу по той же тропе, двое сразу сообразят, что он шел сзади по следу, и тогда неизбежны окрики, погоня, стрельба, то есть то, чего милиция старается обычно не допускать. Необходимо обеспечить хотя бы не вызывающий подозрения подход. Капитан свернул направо и двинул наискосок, рассчитывая выбраться на просеку в сотне метров от тех двоих.

Он рассчитал все точно: выбравшись на освещенную просеку, Проводников оказался метрах в ста двадцати от двоих с санками; они шли в его сторону, таща за собой поклажу, но вдруг остановились, лишь теперь, должно быть, разглядев замполита. Капитан, как ни в чем не бывало, медленно направился им навстречу — и едва не выругался от досады: со стороны компрессорной станции приближался еще кто-то — по всей вероятности, рабочий-газовик линейной бригады... надо ж было выползти в такой момент!..

А двое с санками явно начали нервничать: они находились теперь между Проводниковым и тем человеком, что шел от станции... Капитан решил, что ему померещилось: незнакомец, которого он принял за рабочего линейной бригады, удивительно — и ростом, и силуэтом, и походкой — напоминал... Редозубова. Но Редозубова здесь быть не могло... это замполит знал точно... И если бы даже стажер и успел обернуться, то почему он здесь один? Не может быть... Проводников прибавил шагу — ему показа-

лось, что один из тех двоих с санками снял с шеи... ружье не ружье... обрез не обрез... и в этот миг поверх утробного рокота турбин раздался — теперь уже без всякого сомнения — голос Редозубова:

— Капитан, назад! У них автомат!!

28

Сомнения не было: это кричал Редозубов. Не было сомнения и в том, что один из тех двоих с санками действительно снял с шеи автомат. Проводников, рванув полу полушубка, так что отлетела пуговица, выхватил пистолет и, передернув затвор, дважды выстрелил вверх. Он уже не думал о том, как, каким образом оказался здесь Редозубов, который был отправлен с Калабиным и шкурками в поселок, — да и не было сейчас и доли секунды на эти размышления; замполит видел только, что безоружный стажер уголовного розыска, выбрасывая вперед ноги в тяжелых унтах, стремительно приближается к тем двоим — прямо на дуло автомата. Оба — Проводников и Редозубов — вкладывая в бросок последние силы, бежали к тем двоим, словно дети при игре в стукалочку, и замполит не понимал, почему те двое не поворачивают дула в его сторону: ведь видят же они, что тот, от станции, бежит без оружия, и отбиваться нужно в первую очередь от того, кто с оружием. Но те двое будто застыли: один — направив автомат на Редозубова, а второй — глядя на приближающегося, стреляющего вверх Проводникова. Стрелять по преступникам замполит не мог: они были на одной линии с Редозубовым.

— Ложись! — закричал Проводников, но стажер словно не слышал.

Этот стремительный, безрассудный, бесхитростный, нарушающий все инструкции по задержанию вооруженных преступников, лобовой, без применения какой-либо тактической гибкости бросок с двух сторон на пустынном, ярко освещенном зимнике, идущем вдоль ниток газотрассы, в виду сверкающих корпусов компрессорной станции, под утробный рокот тысячесильных турбин, длился секунды. Замполиту казалось, что еще одно нажатие на курок — и бессильно клацнет отлетевший затвор: он не помнил, сколько уже израсходовал патронов, — и, ожидая с мгновения на мгновение автоматной очереди, похолодел... Замполиту ос-

тавалось до них полтора десятка шагов, когда Редозубов прыгнул на того, кто был с автоматом; они покатались по дороге, а когда подбежал Проводников, стажер был уже на ногах, держа в одной руке автомат... И лишь теперь замполит услышал, как гулко стучит, вырываясь из груди, сердце.

Они стояли, тяжело дыша, — трое: Редозубов, Проводников и один из преступников, а тот, у которого стажер забрал автомат, соскальзывая валенками по раскатанной колее, пытался встать на ноги. А у обочины на санках — уменьшенной копии обычных дровен — лежали мешки: один, два, три, четыре... пять мешков лежало на искусно сделанных дровенках — обыкновенные мешки из-под муки, в которых Калабин держал картошку... и как-то трудно было поверить, что это все...

Замполит перевел взгляд на Редозубова, и тут стажер, нахмурившись, словно заподозрив что-то, поднес автомат ближе к глазам, затем ухватил левой рукой за шейку приклада, взялся за магазин правой и, прижав большим пальцем защелку, отделил рожок. Магазин был пуст. Редозубов опустил переводчик, отвел рукоятку затворной рамы и осмотрел патронник — тоже пуст. Стажер, заинтересовавшись окончательно, отделил крышку ствольной коробки, извлек возвратный механизм, затем раму с затвором — и вдруг воскликнул:

— Да он учебный!

Один из преступников пробормотал что-то сиплым голосом.

— Небось в ДОСААФе где стибрили? — спросил Редозубов у поднявшегося с колен «рыжего». — А?..

«Рыжий» отвел глаза.

— В институте, — ответил он, — на кафедре. В Тагиле еще. Так взяли, побаловаться...

— Побаловались, — сказал замполит.

— Ага, — сказал «рыжий».

Редозубов несколькими быстрыми движениями собрал автомат, затем воткнул его дулом вниз в придорожный сугроб, сел рядом, зацепил ладонью снега, лизнул пересохшим языком и вдруг, запрокинув голову, захохотал. Сверкали, уходя в небо, корпуса компрессорной станции, гудела земля, ничего не подозревающие люди — рабочие, мастера и сменные инженеры КС — продолжали подавать газ на Урал и к центру России, никто из них не слышал в гуле турбин даже пистолетных выстрелов, а здесь, на пус-

тынном зимнике, в новогоднюю ночь, сидя в сугробе, хохотал, запрокинув голову, стажер отделения уголовного розыска, не аттестованный еще сотрудник РОВД Валерий Редозубов...

К четырем часам нового года веселье начало постепенно стихать. В молодежных общежитиях еще пели и танцевали; гости — частью расходились по домам, частью вместе с хозяевами вышли погулять по улицам и к елке на катке у средней школы; те же, кто встречал Новый год в тесном семейном кругу, еще досматривали эстрадную телепрограмму с участием зарубежных артистов.

Дома у районного прокурора в этот час были: его помощник с женой, два школьных товарища — один инструктор райкома партии, другой — инженер объединенной дирекции строящихся предприятий, также с женами, и совсем еще молодой человек в очках — замредактора районной газеты с девушкой, тоже сотрудницей редакции. Гости были, как говорится, не с улицы, а приглашены заранее, жена прокурора подготовилась — напекла, нажарила и наварила; но обычного веселья не сложилось. Прокурор весь вечер прислушивался к телефону, а несколько раз звонил сам — в милицию, где в одном из кабинетов с вечера находилась старший следователь прокуратуры Лариса Васильевна Чистова. Прокурор старался казаться веселым, спел даже со всеми «На позицию девушка провожала бойца» и станцевал танго с женой инженера, бесспорно, самой красивой женщиной из присутствовавших; но все отлично видели, что прокурор не в своей тарелке и то и дело бросает взгляд на телефонный аппарат. По всему было видно, что главное желание, которое обуревает прокурора, — это бросить все и ехать в милицию, а то и еще дальше, в лес, где происходило в эту ночь нечто важное. Никто ни о чем не спрашивал — в общих чертах знали все, а подробности прокурор, если б хотел, сообщил бы сам, а коли не хочет, то нечего и спрашивать: у прокуратуры есть дела, в которые не посвящают и близких людей.

Между тем никто не расходился: помощник прокурора — потому, что знал все подробности; школьные товарищи прокурора — потому, что подробностей не знали; а замредактора и девушка из газеты — просто из профессионального любопытства.

И когда раздался, наконец, долгожданный звонок — строгий, требующий к себе, как показалось всем, кто сидел здесь, за праздничным столом, немедленного внимания, — гости невольно прислушались, а инструктор райкома партии вскочил и убавил громкость телевизора до нуля, продолжал лишь нудно гудеть трансформатор; снимая трубку, прокурор сделал знак, и инструктор вообще выдернул вилку из штепселя.

— Слушаю, — произнес прокурор в полнейшей тишине. — Да, я... — добавил он несколько растерянно. — Вас также с Новым годом, Антонина Григорьевна... — Сидевшие за столом едва ли не перестали дышать: звонила «хозяйка» — председатель райисполкома, и, конечно, не для того, чтобы поздравить прокурора с Новым годом. — Простите, не понял, Антонина Григорьевна... То есть милиция необоснованно задержала человека?.. Так... Ясно... А от кого исходит информация?.. Ветцель?.. Да, конечно, знаю... Когда он вам сообщил? Только что?.. Понятно... Женщина... Фамилию он сказал? Одну минуту, Антонина Григорьевна, я сейчас запишу...

Не успел он произнести последние слова, как перед ним лежал уже раскрытый блокнот замредактора, извлеченный последним из внутреннего кармана с высоким профессиональным мастерством, а девушка — сотрудница редакции — уже протягивала шариковую ручку со снятым колпачком.

— Слушаю, Антонина Григорьевна... Так... Так... Записал... Ясно... Понятно... Да, конечно, я сейчас же разберусь... До свидания, Антонина Григорьевна...

Он прижал на секунду рычажок и тут же набрал номер:

— Скажите-ка мне... — Он заглянул в блокнот. — Кого вы задержали по краже из мастерской?.. Так... Кто задерживал?.. Андреев? Где он?.. А вы были на месте происшествия, товарищ Огнев?.. Так, ясно... Значит, проникновение все-таки было... Так... Ясно... Не побежала от машины?.. Чем объясняет?.. Ничем... А вы чем объясняете?.. Хорошо, я сейчас приеду и разберусь на месте... А лес?.. Все то же?.. Хорошо, все у меня.

Прокурор положил трубку и посмотрел на своего помощника.

— Вообще-то с Андреевым таких вещей не бывало, — сказал тот. — Сколько его знаю: ни одного нарушения законности. Следовательно грамотный и добросовестный...

Замредактора закурил.

— Но сейчас все-таки необоснованно задержал? — спросил он. — Коли уж сама «хозяйка» вмешалась...

— Да нет, — сказал прокурор. — Видимо, все-таки обоснованно. Я вырву у вас этот листок?.. — спросил он. Замредактора кивнул. — По-видимому, обоснованно. Эта женщина забралась в пошивочную мастерскую... разбила стекло... Успела выбросить на улицу несколько вещей... Задержана на месте преступления нарядом вневедомственной охраны... Тут что-то другое...

— А Ветцель? — спросила девушка из газеты.

— Ветцель?.. Я не думаю, чтобы он сознательно вводил в заблуждение... Просто, наверное, сам добросовестно, как мы говорим, заблуждается.

— Но вы все-таки идете?

Прокурор пожал плечами.

— Ну, а как же? Поступило сообщение — нужно его проверить... У нас бывает — все сходится, улики налицо, преступник сознался, а на поверку — ничего. Кроме того, есть несколько невыясненных нюансов... — Он вышел в прихожую, где помощник прокурора надевал уже пальто. — А вы сидите, друзья, отдыхайте, Новый год все-таки. Миша, ты включи телевизор...

Ни инструктор и никто другой, однако, телевизора включать не стали.

— Господи, — сказала жена инженера, очаровательная шатенка в длинном вечернем платье с глубоким вырезом на спине. — В наше-то время — воровать?.. Ну, я понимаю, голод, холод, работы нет, еще что-нибудь... а теперь-то?.. В чем дело?.. Работы сколько угодно, везде требуются, прекрасная жизнь — и воруют!.. А причина, я думаю, одна: законы слишком мягкие!.. Преступниками, конечно, не рождаются, я не ломброзианка, но законы мягкие!.. Уж больно мы с ними тютюшкаемся!.. Я не знаю, я бы им такое наказание придумала... такое наказание, чтобы они...

— А зачем вам придумывать? — сказал, появляясь на пороге гостиной, прокурор; он был уже одет и натягивал перчатки. — Все уже давно придумано: испанский сапог, дыба, костер, четвертование, колесование, гильотина, электрический стул... Выбирайте, что вам больше нравится... Ну, всего хорошего, товарищи, мы пошли...

Когда наружная дверь за прокурором и его помощни-

ком закрылась, жена инженера, растерянно улыбаясь, проговорила, обращаясь к жене прокурора:

— Какой-то ваш муж сегодня... очень серьезный... Я совсем не то имела в виду...

30

— Ешь, Вася, ешь! — приговаривала она, все подкладывая ему в тарелку то картошку, то мясо, придвигая банку с консервированными огурцами, какие-то салаты, маринады. — Ради бога, ешь!

— Нет, все, — сказал Лидер, косясь на окно, задернутое лишь прозрачным синтетическим тюлем. — Алес махен... А помнишь, ты мне сухари свои отдала, когда я из детдома уходил?

— Что?.. Сухари?.. Какие сухари?.. Нет, не помню. Ничего я не помню, Васенька... ни как ехали... ничего. Да и вспоминать не хочется.

— А я помню, — сказал Лидер.

— Ты мужчина, — сказала она. — Сильный человек.

Лидер промолчал.

— Кира... а ты была в Ленинграде... ну... после того?..

Она поежилась, затем встала, взяла шаль со спинки стула, закутала плечи и, наконец, ответила:

— Была. В прошлом году. Первый раз... после того. Все как-то не могла поехать... боялась... А в прошлом году поехала.

Лидер осторожно спросил:

— Ну и как он?..

— Хороший. Как до войны. Даже лучше, наверное... не знаю... Я ведь там несколько часов всего пробыла. Я пешком пошла от вокзала... и дом сразу нашла... мы на 2-й Красногвардейской жили... Он разрушен был, но теперь восстановили. И там еще сквер был напротив... И деревья такие большие... А тогда были маленькие... Я зашла... по лестнице поднялась... уже звонить хотела... та же самая тринадцатая квартира... наша. А потом подумала: что я скажу, когда войду? Вдруг подумают, что с целью какой-то, квартиру хочу отсудить... И вообще. И не стала звонить. Прибежала обратно на вокзал и через час уехала. — Она прикрыла глаза уголком шали.

— А я, — сказал Лидер, — совсем не был. Так ни разу и не добрался.

Она вытерла слезы и сказала:

— Да что же ты? Съешь еще что-нибудь. Ой, хлеба-то нет, а я сижу... — Она, торопясь, вышла из комнаты и принесла половину буханки хлеба, нарезала и сложила в хлебницу. — Ешь, Васенька.

Лидер усмехнулся:

— Сколько хлеба!.. Глаза бы ели, да рот не берет. Вот, знаешь, когда по сто двадцать пять грамм давали... Да и потом, когда уже прибавили... Накрошишь его в тарелку, кипятком зальешь и хлебаешь... И вот я тогда думал: неужели время такое будет, что я полную тарелку хлеба накрошу и буду есть... И вот интересно: не думал, чтобы там белый хлеб или булку... хотелось просто черного, обыкновенного черного хлеба, хотя бы и того, блокадного, с чем там его мешали...

— Вася! — сказала она вдруг. — Как ты живешь, Вася?

Лидер оглядел комнату: диван-кровать, платяной шкаф, полка с книжками, коврик на стене, трюмо, школьные тетрадки на тумбочке... потом ответил:

— Я-то? Да нормально, Кирка. Все нормально.

Она покачала головой:

— Вася!

— Что? — равнодушно произнес Лидер. — Что, Кира?

— Вася, а ты... — Неожиданный звонок телефона, стоявшего на столике трюмо, прервал ее. — Господи, кто это среди ночи? Ошиблись, наверное... — Она сняла трубку. — Да... Что?.. Да, это я. Да... Что?.. Как вы сказали?.. Лидер?..

Лидер вскочил со стула.

— Что?.. — продолжала она в трубку. — Простите, а кто это спрашивает?.. Как?.. Собко?..

В следующее мгновение Лидер подскочил к ней и вырвал трубку.

Еще мгновение он лихорадочно соображал: что сделать — бросить на рычаг или... или вообще оборвать к чертовой матери шнур телефона... но неожиданно для себя поднес трубку к уху и услышал прерывистое дыхание. На том конце связи, несомненно, был Собко.

— Ну... здорово, Лаврентьич, — сказал Лидер.

Трубка усиленно засопела.

— Здорово, говорю, Лаврентьич, — повторил Лидер. — Не узнал, что ли?

Трубка засопела еще сильнее и ответила:

— Здорово, Хромов.

Лидер вздрогнул.

— Здорово, Хромов, — повторил, тяжело сопя, Собко.

Лидер стоял у столика трюмо, едва удерживая в трясущейся руке телефонную трубку, а из зеркала смотрел на него невысокий коренастый человек с заросшим двухдневной щетиной, обветренным лицом, с глубоко ввалившимися глазами, и точно так же у того, зеркального человека тряслась в руке телефонная трубка.

— Ты чего? — сказал Лидер. — Ты чего такое говоришь-то, Лаврентьич? Это я, Лидер! Ты чего?!

— Хватит бегать, Хромов, — продолжал Собко. — Хватит испытывать судьбу. Перекраивать пора. Слышишь? Перекраивать...

— Поздно, Лаврентьич, — сказал Лидер. — Поздно... Да чего тебе надо-то, а?! — закричал он. — Тебе какая печаль? Ты ж на пенсии, старый хрыч! Ну, и лежи себе на печке!..

Собко помолчал, сопя все громче.

— Полежишь тут с вами, — сказал он. — На том свете разве что. Ну да ладно. Не обо мне речь. Слушай внимательно, что я тебе скажу. Слушаешь? Ну так вот...

Но Лидер, все еще продолжая держать трубку возле уха, уже ничего не слышал: в зеркале, за спиной двойника, тоже еще держащего трубку, стоял другой человек — высокий, плотный, широкоплечий, с гладко выбритым лицом и легкой усмешкой на губах. Лидер выпустил трубку и сунул руку за пазуху.

— Не дури, Лидер, — спокойно произнес Шабалин. — Перышко оставь в покое.

Лидер бросил взгляд на окно.

— Не надо, — предупредил Шабалин. — Там люди.

Лидер выхватил руку из-за пазухи и резко обернулся, отпрыгнув одновременно в угол: теперь те, кто был за окном, достать его не могли. Стоявшая в углу тумбочка опрокинулась, веером рассыпались тетрадки. Женщина вскрикнула: в руке Лидера был не нож, а тяжелый автоматический пистолет.

— Ах, вот ты что, — сказал Шабалин. — И тут Собко просчитался: говорил, что ничего у тебя нет... Ну так брось, — продолжал он ровным голосом. — Крови на тебе нет. Брось, Лидер.

— Не подходи! — крикнул Лидер. — Не подходи, продырявлю!

Шабалин усмехнулся.

— Попробуй, — сказал он и шагнул от двери.

Лидер вскинул пистолет.

...Про этот тяжелый автоматический пистолет — 9-миллиметровый Борхардт-Люгер (парабеллум), изготовленный в 1935 году на Берлинском заводе оружия и боеприпасов, не знал никто: ни один оперуполномоченный, инспектор или следователь, ведший дела Лидера, ни один блатной — пусть и был он свой в доску, ни те двое, ушедшие с мехами на газотрассу, ни одна душа. Не знал о парабеллуме и Собко. Лидер никогда не брал его на «дело», никому не показывал и никому о нем не говорил. Многие годы перепрятывал из тайника в тайник. Между тем пистолет был у Лидера давно — с 1944 года; собственно, именно с этого пистолета и началась воровская эпопея Васьки Лидера.

Случилось это на переполненном вокзале крупного железнодорожного узла, куда он добрался после побега из детдома. Разный люд собрался на сибирском перекрестке: солдаты и офицеры с маршевых эшелонов, шедших на Запад — на фронт; калеки, инвалиды, выздоравливающие и отпускники, едущие домой — на Восток или ждущие okazji на Север, куда в то время никакой дороги, кроме гужевой, не было; эвакуированные, возвращающиеся в отбитые у немцев области. Налегке — с вещмешками или небольшими чемоданами, и с многочисленной поклажей — сундуками, корзинами, узлами, свертками, перинами и подушками в тюках, поверх которых восседали плачущие или молчаливые, привыкшие уже ко всему ребятишки. А мимо грохотали литерные с боевой техникой и горючим, боеприпасами и свежим пополнением; в танковом тупике стоял рев моторов, и в ту сторону никого не пускали — тупик был оцеплен солдатами.

Васька потолкался на перроне, на привокзальной площади, где бойкие бабы в борчатках продавали по бешеным ценам рыбные пироги и мороженую клюкву; у Васьки денег не было; бабы охотно брали вещи, но у Васьки и на обмен ничего не было, и он, начиная уже подмерзать в своей детдомовской телогреечке, вернулся в зал ожидания.

Перешагивая через спавших на полу вповалку людей, прошел в сторону закрытых касс, у которых дежурили хмурые, загорающие здесь уже по многу суток пассажиры, и, дойдя до крайней, ближней к кассам деревянной скамьи, обмер: на ней сидел мужчина в белом армейском полушубке и доставал из вещевого мешка продукты: буханку

ржаного хлеба, банку мясных консервов, какие-то еще промасленные свертки...

Конечно, это был не тот самый человек, что приходил к ним на Конторскую улицу, но весь его вид: белый полушубок, вещевой мешок, из которого он так же не спеша доставал такие же продукты, а главное — его сытое лицо, — все напоминало Ваське страшный декабрьский день 41-го в Ленинграде. Но, быть может, главным воспоминанием был собственный Васькин желудок. Сухари из объедков, которыми снабдила его Кира, давно кончились, и теперь он с ненавистью, ощущая сосущую боль под ложечкой, смотрел на смачно жующего человека.

Неизвестно, чем бы все закончилось: быть может, мужчина и обратил бы внимание на разглядывавшего его мальчугана и — что вовсе не исключено — предложил бы поесть; но в это время открыли одну из касс, толпа загудела, и из нее вырвался крик: «Семеныч, литер давай!» Мужчина в белом армейском полушубке вскочил и, на ходу вытаскивая из-за пазухи какие-то бумажки, ринулся в толпу. В то же мгновение Васька схватил вещевой мешок и бросился к дверям. Мужчина, передав проездные документы товарищу, вернулся к скамье и, обнаружив пропажу, кинулся за воров, но было поздно: Васька успел проскочить в дверь, которую тут же заклинила толпа с улицы, прослышавшая, что открыли кассу. Мужчину в белом полушубке отшвырнули обратно в зал, никто не слушал, о чем он кричал, а Васька бежал уже по привокзальной площади...

В вещевом мешке оказались: две большие банки американских консервов с лошадьёю на этикетке; полотняный мешочек с сахаром; обернутый бумагой кусок сала; две пачки махорки; коробка папирос «Казбек»; две пары белья; немецкая опасная бритва «Золинген»; флакон тройного одеколона. И на самом дне, обернутый вафельным полотенцем, лежал парабеллум с двумя запасными обоймами.

Кто знает: быть может, мужчина, опасаясь ответственности за пистолет, вовсе не обращался в милицию, а может, и обращался, да милиция не нашла вора, — но именно с этой удачной кражи все началось. Возьми его милиция на этой первой краже — быть может, все повернулось бы по-другому — пусть даже и дали бы срок¹, а то и вовсе вернули бы только в детдом, где к тому времени сменился за-

¹ УК того времени предусматривал уголовную ответственность для лиц, достигших 12-летнего возраста.

ведущий; но преступление, совершенное безнаказанно, да еще «из чувства справедливости», сделало свое дело.

Вскоре Васька столкнулся с местной шпаной, принявшей его в свою шайку, а еще через какое-то время получил на всю катушку за групповую кражу.

— ...Не подходи!.. — вновь закричал Лидер, когда Шабалин шагнул в его сторону. Но Шабалин не остановился. Не сделав и попытки достать оружие, он неумолимо, без тени страха на лице надвигался на Лидера. Лидер вытянул руку с пистолетом — палец дрогнул на спусковом крючке, выбрав свободный ход...

— Вася! — крикнула женщина.

— Прости, Кирка, — сказал Лидер. — Не хотел тут... — И, развернув пистолет, упер ствол в переносицу. В тот момент, когда Шабалин изготавился к прыжку, Лидер спустил курок.

...Штурмовавший Ленинград генерал-фельдмаршал фон Лееб; сменивший его на посту командующего группой армий «Север» и пытавшийся уморить голодом осажденный город генерал-полковник Кюхлер — впоследствии также фельдмаршал; асы Геринга, ослепившие и убившие шести-классника и разгромившие эшелоны с детьми; гитлеровские артиллеристы, методично обстреливавшие 9-й километр военно-автомобильной дороги через Ладогу... — все они крупно просчитались в отношении ленинградского мальчишки Васьки Хромова. Но теперь и они — и те, что живы, и те, что догнивают в гробах, и те, что продолжают сейчас их дело, — могут быть совершенно удовлетворены: пуля из надежного фашистского «парабеллума», не давшего осечки спустя сорок лет после изготовления, за тысячи километров от Ленинграда, в далеком сибирском поселке лесорубов и газотранспортников, настигла-таки Ваську Хромова — особо опасного рецидивиста Лидера...

...Вбежавшие на выстрел Титов и Марченко замерли в дверях. Из раскачивающейся еще на коротком шнуре между ножками трюмо телефонной трубки явственно слышался в мертвой тишине голос Собко:

— Васька! Лидер! Ты меня слышишь? Васька! Ты почему молчишь? Лидер!..

31

— Ну, что будем делать, тезка? — спросил Проводников. Они стояли на пустынной, ярко освещенной дороге, в

виду рокочущей станции, на том же месте, где задержали двоих со шкурками. Возможно, их уже видели из окна проходной, но что такого? Стоит четверка людей с какой-то поклажей в санках — скорее всего, рыбаки с подледного лова, ждут попутного транспорта до поселка — фанатики, конечно: в Новый-то год, но что ж, бывает: охота пуще неволи...

— Да что, — ответил Редозубов. — Двинем на станцию, товарищ капитан? Вон у них грузовик у проходной. Попросим на время...

— Давай, — согласился замполит. — Беритесь за постромки, — приказал он «рыжему» и его напарнику. Двое подошли к санкам и взялись за веревку. — Вперед!

— Погодите, — сказал Редозубов. — Железяку-то эту... — Он достал из сугроба автомат и сунул между мешками в санки. — Ну, теперь поехали...

— Стоп! — сказал на сей раз Проводников. — Машина!

Все четверо замерли и уставились на огоньки, приближающиеся со стороны поселка газотранспортников.

— Еще одна, — заметил, оглянувшись, Редозубов.

Действительно: и с севера, со стороны месторождения, также шел автомобиль.

Еще минута — и та машина, что шла от поселка, въехала в зону света КС. Теперь Редозубов мог определить наверняка: фургон-вездеход ГАЗ-66, но еще через несколько секунд стало окончательно ясно: со стороны поселка приближалась та самая передвижная мастерская — та самая резервная машина ремонтной службы с возвышающимся над кабиной выступом фургона... уж Редозубов-то, не раз сидевший за ее рулем, отличил бы ее от тысячи однотипных машин!..

Увидели эту машину и двое с санками и застыли с выражением едва ли не мистического ужаса на лицах... А со стороны месторождения шла еще одна машина, и оттуда же еще одна...

Фургон ГАЗ-66 затормозил в десяти метрах, и из кабины выпрыгнул один, а из боковой двери кузова-мастерской выпрыгивали и тоже бежали к санкам... двое... трое... четверо... Тот, что первым выпрыгнул из кабины, был начальник отделения УУР областного управления майор Ветров.

Из поселка Ветров выехал на автобусе-вездеходе с радиостанцией, но в лесу, когда автобус все-таки застрял, пересел, не желая терять времени, на ГАЗ-66, у которого проходимость выше.

Теперь он вновь перенес свой штаб в вызволенный автобус и колдовал у радики, пытаясь вызвать дежурную часть райотдела.

В этом же автобусе ехали теперь и двое задержанных, каждый рядом с офицером, и смолели одну за другой папиросы — кажется, даже с каким-то облегчением, что все, наконец, кончилось. Главный начальник, безуспешно пока пытающийся связаться с «Минском», распорядился не давать наручников.

Шкурки вместе с санками лежали в проходе.

И в этом же автобусе, на четвертом слева сиденье ехали Проводников и Редозубов: замполит у окна, глядя на дорогу, а стажер — тоже покуривая, попросив папиросу у милиционера, сидевшего сзади с автоматом — разумеется, не с учебным, а с боевым, заряженным боевыми патронами. Вступить в схватку этому милиционеру, к счастью, не довелось.

— «Минск-2», «Минск-2», — продолжал вызывать Ветров. — Я четвертый, я четвертый, прием!

Ветров собирался уже отложить микрофон, но тут отозвался, наконец, долгожданный голос старшего лейтенанта Огнева:

— Четвертый, вас слышу, я «Минск-2», прием!

— «Минск-2», я четвертый! — закричал Ветров. — Запишите текст телефонограммы для УВД! Текст телефонограммы! Как поняли? Прием!

— Вас понял! Четвертый, я «Минск-2», вас понял! Диктуйте текст, прием! — Голос сменился, и Ветров понял, что говорит уже с Супониным.

— «Минск-2», я четвертый, записывайте текст! Диктую: начальнику... УВД... облисполкома... генерал-майору... Диктую: кража мехов с пушной базы... госпромхоза, совершенная в ночь на... декабря 197... раскрыта! Раскрыта! Как поняли? Прием!

— Четвертый, вас понял: генералу... раскрыта! Прием!

— «Минск-2», я четвертый, диктую дальше: обнаружено и изъято... — Ветров оглянулся на мешки, лежавшие в проходе между сиденьями, подмигнул Редозубову и продол-

жал: — Обнаружено и изъято более ста пятидесяти... один, пять, ноль... шкурок серебристо-черных лисиц... По делу задержаны... и привлекаются... Молов Леонид Максимович... — Ветров опустил микрофон и спросил, обращаясь ко второму: — Фамилия! Быстро! — Тот торопливо сжал в кулаке окурок и дрогнул челюстью. — Да говори любую! — весело сказал Ветров. — Какая в голову взбретет! Нам сейчас перед начальством отчитаться, а там будем уточнять!..

Редозубов засмеялся, затем, глядя перед собой, сказал: — Валерий Романович!

Замполит сидел тихо, будто прислушивался.

— Валерий Романович, — повторил стажер. — А ведь не я тогда «Телефункен» нашел. Шабалин...

Замполит на это ничего не ответил. Редозубов повернулся к нему и увидел, что капитан, привалившись шапкой к стеклу, мирно и сладко спит...

ЭПИЛОГ

1

«Дорогие Юлия Георгиевна и Иван Лаврентьевич, я не знаю, как выразить Вам благодарность за то, что Вы разыскали моего брата Хромова Василия, с которым мы расстались при эвакуации из Ленинграда и с тех пор больше не виделись. После войны я пыталась его найти много раз, и милиция искала, и по радио, но ничего не выходило, и вот теперь, благодаря Вам, я смогу его увидеть. Мне особенно еще дорога Ваша забота, потому что из нашей семьи у нас никого больше не осталось. И подумать только, вот мы живем теперь счастливо после войны, и сколько лет прошло, и сколько в нас осталось еще горя. Мы с мужем недавно получили новую двухкомнатную квартиру, и Вася сможет первое время прожить у нас, пока устроится на работу и ему выделят жилье. Только Вы не написали, какая у Васи специальность, а то бы муж уже сейчас начал подыскивать ему работу. Мы с мужем работаем на Уралмаше, тут нужно много разных специальностей, и всегда все требуются, и я думаю, что это не проблема. Я прошу Вас сообщить Васе наш адрес, и пусть он напишет сразу же или приедет, если ему дадут отпуск, а нет, тогда я возьму за свой счет и приеду сама. Передайте, пожалуйста, Васе мою записку, которую я вкладываю в это письмо. Мне так хочется поскорее его увидеть. Еще раз сердечное Вам спасибо, дорогие Юлия Георгиевна и Иван Лаврентьевич...»

2

Весна наступила ранняя, и, хотя продолжали еще без ограничений работать намороженные ледяные магистрали, все же дыхание ее ощущалось все явственней. Дорожно-строительный отряд, предчувствуя осложнения, ускоренными темпами завозил на ветки опил, чтобы на лишнюю неделю оттянуть их разрушение. Март — ударный месяц для экипажей лесовозных автомобилей.

Весна наступила ранняя, и во дворе гаража оттаивали уже оброненные или просто выброшенные зимой мелкие детали, болты и гайки, а в полдень посреди двора образовывалась большая лужа, в которой можно было мыть сапоги.

В последние дни марта в гараже было столпотворение: готовили машины к техосмотру. Техосмотр следовало провести без потерь, в кратчайший срок и с наибольшим коэффициентом готовности — ждали еще лесовозные дороги: движение по ним продлится до мая. Поэтому, когда в воротах гаража появился стройный офицер милиции в хорошо подогнанной, сидевшей на нем как влитая, шинели, никто из водителей, возившихся у своих машин, не обратил на него особого внимания. Глянули: не Нуждин, не Румянцев и не Лыцов — инспекторов ГАИ водители знали хорошо — и ладно: мало ли зачем может зайти в гараж младший лейтенант милиции.

И вдруг один из шоферов, всмотревшись, закричал с подножки КраЗа:

— Братцы! Так ведь это ж Редозубов!..

И уже бежали со всех сторон, бросив дела, водители и слесаря, от машин и из открытых боксов, напрямик, через лужу, с ключами и проводами в руках, кто-то торопливо отключал сварочный аппарат или селеновый выпрямитель, а кто-то уже стоял рядом с младшим лейтенантом и, не решаясь хлопнуть мазутной ладонью по новенькому погоню, толкал локтем в бок, кто-то протягивал пачку «Беломора»... Редозубов бросил курить на курсах, но нельзя было не взять из этой помятой, захватанной мазутными пальцами пачки; он закурил, закашлялся и, улыбаясь, спросил:

— Ну, как вы тут, ребята?..

Владимир Петрович
Двоеглазов

ИЩУ КОМИССАРА
Роман

Редактор Е. Маркова
Художник О. Криворотько
Художественный редактор А. Дианов
Технический редактор В. Тушева
Корректор В. Дробышева

ИБ № 4303

Сдано в набор 17.10.86. Подписано к печати 25.02.87. А07546.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура литер. Печать высокая. Бумага
тип. № 2 кн.-журн. Усл. печ. л. 15,93. Усл. краск.-отт. 16,38.
Уч.-изд. л. 17,11. Тираж 50 000 экз. Заказ 101. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза
писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Типография № 2 Росглаволиграфпрома, 152901, г. Андропов,
ул. Чкалова, 8.

Двоеглазов В. П.

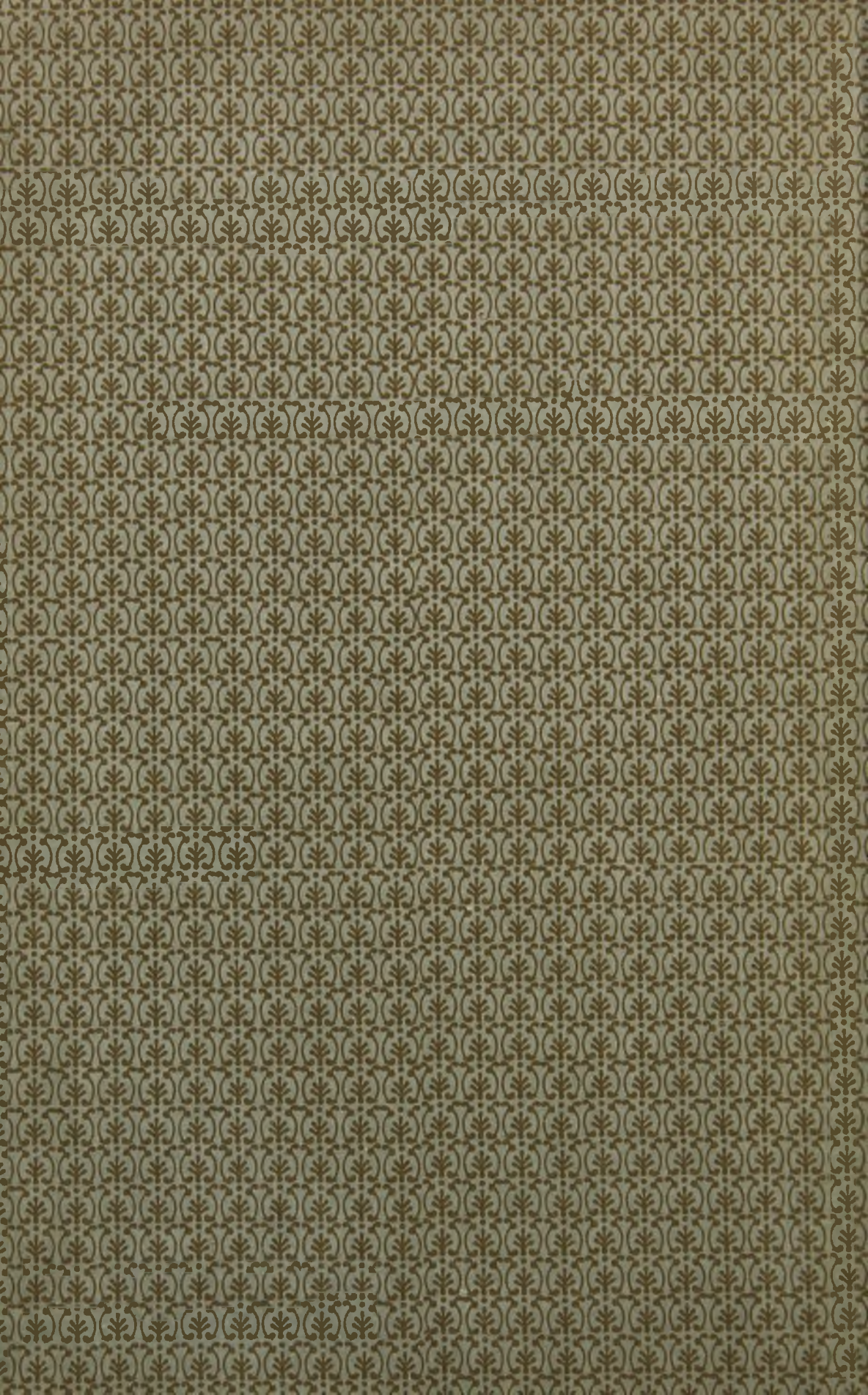
Д24 Ищу комиссара: Роман. — М.: Современник, 1987.—
301 с. — (Новинки «Современника»).

Действие романа сибирского писателя Владимира Двоеглазова относится к середине семидесятых годов и происходит в небольшом сибирском городке. Сотрудники райотдела милиции расследуют дело о краже пушнины. На передний план писатель выдвигает психологическую драму, судьбу человека.

Автора волнуют вопросы этики, права, соблюдения законности.

Д $\frac{4702010200-049}{M106(03)-87}$ 42-87

ББК84Р7
Р2

74852004
Окружная библиотека

549